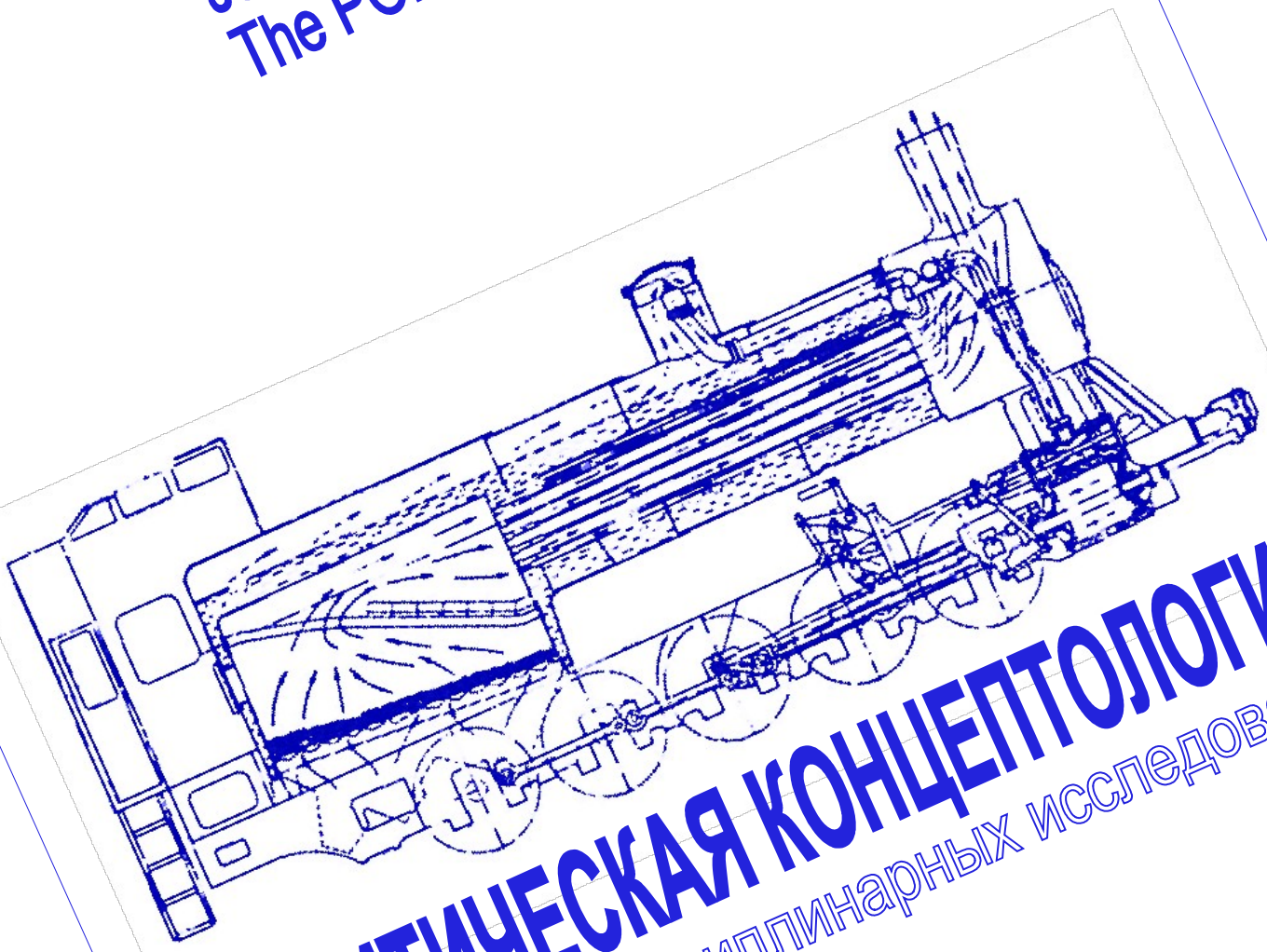
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2012 г. № 2



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2012. № 2

(апрель-июнь)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Распад империй и проблема колониализма (статья вторая)..... 6

ЯЗЫКИ СВОБОДЫ И РОКОВАЯ ЧЕПУХА

От редакции..... 48

Межуев В.М.
Философия и «публичное пространство»..... 51

Кара-Мурза А.А.
Как философские идеи превращаются в репрессивные идеологии?
(российский контекст)..... 62

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

Макаренко В.П.
Проблема когнитивного сопротивления..... 79

Дзюба И.М.
«Кавказ» Тараса Шевченко на фоне непреходящего прошлого. К 150-летию
написания поэмы «Кавказ»..... 89

Ткаченко В.Н.
О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности: взгляд с
Украины..... 160

НАВСТРЕЧУ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПЕТРОВА

Огурцов А.П.
Эквифинальность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа..... 181

Куликов Д.К.
Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа
и её методологическая оценка в работах М.К. Петрова..... 189

Неретина С.В.
Были ли контрреволюционеры революционерами?..... 200

Порус В.Н.
Точка невозврата или «учебник-терминал»?..... 209

Олейник А.Н.
Право на когнитивное сопротивление и его реализация..... 212

Лугвин С.Б.
Переосмысление «решённых вопросов»..... 218

Научно-техническая контрреволюция: стенограмма обсуждения..... 222

КАФЕДРА

Кравцов Н.А.
Конфуцианская концепция взаимодействия искусства и государственной власти..... 247

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Попов В.Ю.
Хроника научной жизни Центра политической концептологии..... 257

Наши авторы..... 261
Summaries and keywords..... 262
Contents..... 265
К сведению авторов..... 267

Слово редактора

РАСПАД ИМПЕРИЙ И ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛИЗМА (статья вторая)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Автор на примере российско-чеченского конфликта эксплицирует механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй на постсоветском пространстве. Во второй статье анализируется эвристический потенциал концепции колонизации французского историка Марка Ферро. По мнению автора, теория и история колониализма нуждается в пересмотре с учётом нового эмпирического и концептуального материала.*

Ключевые слова: *колониализм, империя, российско-чеченский конфликт, права человека, национальное самоопределение.*

Десять лет назад я опубликовал статью о концепции колонизации, разработанной французским историком Марком Ферро[1]. Но его книга на эту тему до сих пор не переведена на русский язык. Для суждения о продуктивности его концепции вначале сжато повторю содержание статьи.

М. Ферро констатирует ситуацию: на колониальную эпоху до недавнего времени смотрели сквозь розовые очки распространенного стереотипа: из-за преследований в родной стране колонисты вынуждены были бежать за тридевять земель; на новой земле они соблюдали христианские заповеди – в поте лица ели хлеб свой, плодились, размножались, защищались от аборигенов; страдали, и потому заслуженно пользуются славой «пионеров-первооткрывателей».

Однако после второй мировой войны началась антиколониальная эпоха – «время нечистой совести». Теперь под флагом антиколониализма выступают как «левые», так и «правые». Под «суд истории» поставлены итоги французской, английской, голландской, американской, русско-советской эксплуатации колониальных стран и народов. На деле такая оценка выражает крайнее высокомерие. Европа оставила за собой последнюю привилегию – бескомпромиссной оценки собственных преступлений.

В целях полемики с этой привилегией надо предоставить слово представителям бывших колониальных стран. Они не забыли преступлений колонизаторов, но тепло вспоминают белых врачей, отцов-миссионеров и учителей, деятельность которых была элементом колонизации. Поэтому борьба за независимость не тождественна «деколонизации». Традицион-

[1] См.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. – 2002. – № 8-9.

ная история колонизации воплощает точку зрения метрополии и в этом смысле есть продолжение метрополии. Написанные колонистами истории – это истории народов-колонизаторов, а не истории ограбленных стран. М. Ферро предлагает другой подход к исследованию.

Принципы анализа

Этот подход базируется на анализе исторического прошлого метрополий и колоний, поскольку оно влияет на отношения колонизаторов и колонизированных. Европейская историография длительное время полагала, что у колонизированных народов не было истории, а их прошлое «затеряно во мраке». Данный предрассудок постепенно исчезает по мере изучения «непроницаемых столетий» истории, непонятной колонизаторам. Сходство оккупированных народов не определяется тем, что все они находились на доколониальной стадии развития. Одна колонизация отличается от другой. Реакции народов на колонизацию различны и зависят от их истории и идентичности.

Однако не только история создает образ прошлого, в котором колониализм рассматривается с европейской точки зрения. Европейцы на протяжении пятисот лет воплощали колониализм и тем самым способствовали современной унификации мира. Другие регионы мира тоже участвовали в процессе, в результате которого планета приняла нынешний вид[2]. Но французский историк не пытается составить перечень всех экспансий и колонизаций и на этой основе квалифицировать европейскую колонизацию как частный случай. Его интересует сравнение европейской и других колонизаций. Принцип учета мировых параметров феномена колонизации определяется отрицательным отношением М. Ферро к европоцентричному образу мировой истории.

В этом контексте колонизация переплетена с империализмом – формой господства, которое воплощалось в существовании империй, но не всегда было связано с колонизацией. С одной стороны, колонизированные народы в XVI-XX вв. (Индия, Ангола, Антильские острова) приобретали опыт преемственности подчинения, а не разрыва с прошлым, хотя в период империализма (с конца XIX в.) подчинение воплощалось в новой форме. С другой стороны, некоторые историко-географические целостности не были колониями в строгом смысле слова (Османская империя до 1914 г., Иран, государства Средней и Южной Америки, Российская империя и Советский Союз). Но и они понимали свою историю как историю борьбы с империалистическими державами.

Следующий принцип анализа – разрыв с традицией, согласно которой после колонизации всегда и везде начиналась борьба народов за независимость. Эти процессы нередко развивались параллельно (в Бенине, Бирме, Вьетнаме и т.д.). Конечно, язык колонизаторов заслонял образ мира побежденных. Но отсюда не следует, что в период колонизации последние отвергали идею господства над собственной историей. М. Ферро предлагает отказаться от термина «деколонизация» – пережитка европоцентризма.

Последний принцип – освобождение истории колонизации из гетто традиции. Например, в трудах по истории Франции никогда не говорится о колонизации собственной страны. Является ли этот факт переоценкой, сознательным пренебрежением или табу? Если речь идет о колонизации Европы, «эффект бумеранга» (прежде всего в экономической сфере) де-

[2] Древние греки и римляне были колонизаторами задолго до европейцев; арабы и турки захватили бассейн Средиземного моря, часть черной Африки и западной Азии, включая Индию; Индия в начале нашей эры колонизировала Цейлон, часть Индокитайского полуострова и Сундайские острова; китайцы в XV в. исследовали восточное побережье Африки и колонизировали Тибет; японцы колонизировали остров Езо задолго до прихода русских на Сахалин, а французов – в Канаду.

тально изучен в отношении Севильи, Бордо, Бристоля, Нантье и т. д. Но являются ли колониальные отношения совершенно специфическими или же их можно сравнивать с другими отношениями? История Российской империи позволяет поставить производный вопрос: каково различие колониальной и национальной проблем и не является ли его критерием особый статус оккупированных наций и исключение национальных элит из центральной власти? Не менее важен вопрос: относились ли политические режимы Европы к своему народу как колонизированному? Конечно, с течением времени расизм маскируется, но порождает множество ситуаций, сходных с нацизмом. М. Ферро приводит характерные примеры такого сходства[3].

Указанные принципы определяют подход М. Ферро к проблеме колонизации. Колониальные захваты, разделы и соперничество рассматриваются со времени их появления – с XII в. до нынешнего спора о Курилах между Россией и Японией. В этом же временном промежутке анализируются положение и сопротивление угнетенных народов, черная и белая легенды колонизации, политические движения колонистов, процесс формирования новых государств и т. д. Автор отвергает традицию, согласно которой вначале изучаются великие открытия, затем колониальная экспансия до XIX в., империализм и, наконец, «деколонизация». Предлагаемая структура позволяет учитывать сложность феномена колонизации, включая характер (природу), историческое появление и ментальность наций, которые формируются до настоящего времени. Сравнение видов коллективной памяти недостаточно для описания проблем истории и последствий колонизации. Однако в памяти сохраняются исходные данные - мир представлений есть в той же мере история, как и сама история. Поэтому даже ложная память есть элемент и фактор истории одновременно. По этой причине процессы колонизации нуждаются в сравнительном подходе – описании реальных ситуаций и проблем в ущерб строгому соблюдению концептуальных принципов.

Концептуальная структура и главные проблемы

М. Ферро определяет колонизацию как захват, заселение и обработку колонистами чужой земли. Согласно такому определению, колонизация начинается в Древней Греции и Риме и потому можно говорить об афинском и римском империализме. Но смысл данного термина менялся. Западная историческая традиция связывает начало колониализма с эпохой великих географических открытий[4]. Однако история России позволяет усомниться в таком

[3] В Национальной Фильмотеке Англии хранится кинолента периода британского господства в Индии, просмотре которой вызывает обескураживающую аналогию. Демонстрируются военные парады, колониальные шлемы, дисциплина, рационально и эстетически организованное пространство, в фокусе которого находится король Георг V, а вокруг – публика за кордоном полиции. Это предвосхищает гитлеровские церемонии двадцать лет спустя и далеко не случайно: «Христианская буржуазия Европы не может простить Гитлеру не столько преступлений против человечества и унижения человека как такового, сколько преступлений против белого человека. Действительно, Гитлер применил в Европе колониальные методы, которые раньше широко использовались в отношении арабов, индийских кули и африканских негров». Ferro M. Historia kolonizacji. – Warszawa: Bellona, 1998. – Ss. 9-10. Не менее скандальную аналогию реализовал губернатор Западной Австралии в 1993 г. Он предложил провести референдум относительно решения Верховного Суда вернуть аборигенам земли, ограбленные на протяжении последнего столетия. Англиканский архиепископ сказал по этому поводу: «Правительство штата применяет методы нацистов». Апелляция к «демократической» воле – в отличие от призыва к бесстрастному, но справедливому закону – есть разновидность тоталитарной практики и острая проблема нашего времени.

[4] Например, в 1991 г. издана «История колониальной Франции». В этой книге начало колонизации связывается с открытием в XV в. Канарских островов, которые Жан де Бетанкур получил в лен от короля Кастилии Генриха IV. Затем осуществлены путешествия с исследовательскими целями и открыта Америка. В середине XVI в. захвачены залив Рио де Жанейро и побережье Флориды. При Генрихе IV Франция заинтересовалась Ка-

подходе. В.О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Колонизация – основной фактор нашей истории. Ее развитие объясняет рост и изменения государства и общества со времени Киевской Руси». Новгород и Суздаль в XII в. снаряжали экспедиции на Урал. Так были подчинены мордва и другие народности. Нападение татар прервало колонизацию, но она возобновилась после битвы на Куликовом поле. Россия начала колониальные захваты в буквальном смысле слова уже в начале XI в., когда Новгород посылал своих людей до Печоры. Эта территория называлась Заволжьем, изобиловала дичью и рыбой и платила дань пушниной. Колонисты селились в Матигорах и Ухто-Острове по указанию посадников – городских чиновников Великого Новгорода.

До XII в. экспансия шла без особых конфликтов. Ситуация изменилась, едва Суздальско-Ростовское княжество отделилось от Киева. Оно перерезало торговый путь Новгорода с колониями, принудило их отделиться от Новгорода (1169 г.) и подчиниться Суздалю. Одновременно Суздальско-Ростовское княжество напало на булгар (которые жили на территории современной Перми и воевали с аборигенами-уграми) и захватило территорию мордвы. Первичная колонизация была прервана нападением татар, которые захватили Нижний Новгород (основан в 1221 г. на исконных землях мордвы) и дошли до Северной Двины. Только расположенный западнее Новгород противостоял татарам (1232 г.).

Пример Древней Руси свидетельствует о реальных различиях и подобиях (с учетом трудностей колонизации) между ранней территориальной экспансией России в направлении Урала и Сибири и последующими захватами татарских и турецких территорий. Если в России территориальная экспансия и колонизация *совпадают*, то на Западе эти процессы тщательно разделяют. При этом морское пространство считается главным критерием отличия территориальной экспансии от колонизации. М. Ферро предлагает отвергнуть этот критерий, а изучать проблему различия территориальной экспансии и колонизации.

История Испании и Португалии показывает, что морское пространство не является главным критерием различия между территориальной экспансией и колонизацией. В этих странах Америка определяется как захваченная и колонизированная территория, которая не отличается от первичного захвата и колонизации территорий вне Гренады (горы Риф, атлантическое побережье, португальские Альгарве, Танжер и Мазаган). После этого наступил период арабского ига. После освобождения от арабов король Себастиан вторично захватил указанные территории, но проиграл «битву трех королей» при Альказарквивире (1578 г.).

Итак, нет существенных различий между территориальной экспансией и колонизацией России, Испании и Португалии, хотя первая страна считается сухопутной, а вторая и третья – морскими цивилизациями. Россия продолжила экспансию в Заволжье после освобождения от татаро-монгол. Испания и Португалия после освобождения от арабского ига поступили аналогично – продолжили прежнюю экспансию. Следовательно, надо исходить из взаимосвязи территориальной экспансии и колонизации.

Отсюда вытекает, что начало колонизации не совпадает с эпохой великих заморских открытий и поиском пути в Индию. Конечно, открытия изменили феномен и природу колонизации, но территориальная экспансия древнее колонизации. А необходимость последующего обхода и окружения Османской империи европейскими державами не изменила феномен колониальной экспансии. На этой посылке базируется арабская историография, которая считает крестовые походы началом европейской экспансии и первым проявлением империа-

---

надой. Аналогичный подход применяется к Португалии, Испании и Англии. Историография связывает территориальную экспансию данных стран с открытием земель в Вест-Индии и основанием факторий на путях Африки, Индии и Азии. Затем понятия колониста и колонизации исчезают из исторического словаря на целых 12 столетий. В период от Древнего Рима до XУ в. исключением были только колонии и фактории Венеции и Генуи на дальних берегах Средиземного и Черного моря.

лизма. Западная историография рассматривает крестовые походы как стремление отбить Священную Землю у мусульман, захвативших христианские территории. В любом случае европейская колонизации началась на рубежах христианского мира.

М. Ферро показывает, что уже в VII в. ислам объединил большую часть средиземноморского мира, раздробленного со времен раздела Римской империи и нападения варваров. Византия на востоке и королевство Каролингов на Западе стали центрами христианского сопротивления исламу. Знаменосцы ислама не придавали никакого значения варварским королевствам Запада (например, битва при Пуатье 732 г. не упоминается в арабских хрониках, а появляется в историографии значительно позже). Византия стала действительным барьером на пути нового объединения средиземноморского мира. Мусульмане считали Византию анахроничным государством, поскольку в ней господствовала устаревшая религия христианства. Крах арабской империи начался в следующем столетии вследствие теологических и династических внутренних конфликтов между шиитами и суннитами, распада экономического пространства и невозможности контролировать громадное пространство от Индии до Гибралтара.

Итак, освобождение христианства началось с окраин. На западе первой освободилась Астурия, на востоке Багратиды временно освободили Армению и Грузию. Следует ли считать эти события «освобождением» или «деколонизацией»? Согласно христианской традиции, затем началась эпоха крестовых походов «за восстановление Гроба Господня». Арабский хронист Ибн Аль-Азир так описывает первый крестовый поход: «Первое нападение государства франков на исламские земли произошло в 478 г. (1086 г. христианской эры), когда был взят Толедо. Затем они напали на Сицилию, Африку, а в 490 г. на Сирию»[5]. Показательно, что и в XIX-XX в. мусульмане рассматривают создание новых государств на Ближнем Востоке под эгидой европейских государств как предвестие будущих «нападений». В европейской историографии последним крестовым походом считается поход Людовика Святого в Тунис в 1270 г. Спустя три столетия под эгидой Папы и короля Испании Филиппа II христиане разгромили исламский флот в битве при Лепанто (1571 г.). Исламские историки называют это событие «тринадцатым крестовым походом».

Но в трехсотлетнем промежутке между этими датами арабов сменили турки, разгромившие бывшую арабскую империю. Арабо-мусульманская историография до настоящего времени скрывает войну единоверцев. В результате гробовщиками былой славы арабов оказываются не турки, а Запад, возобновивший наступление в эпоху империализма.

Фактически после разгрома арабов турки-османы заняли их место и начали новый джихад, который привел к падению Византии – Восточной Римской империи (1453 г.). Затем турки пошли на Вену – столицу Габсбургской империи. Мусульманская Османская империя в эпоху Сулеймана находилась в расцвете сил. Филипп II в битве при Лепанто затормозил вторичную экспансию ислама. Была ли она «территориальным захватом» или «колонизацией»?

Для ответа на вопрос М. Ферро описывает четыре направления колонизации. Христиане пошли в контратаку на ислам сразу несколькими путями и совершенно неожиданно. Для торговли с Индией и Китаем (открытыми Марко Поло), требовалось найти новые пути обхода и окружения Османской империи. Поэтому путешествие Васко да Гама обладает религиозным смыслом. После обхода Африки с юга и прибытия в Калькутту он сказал, что «приехал искать христиан и пряности». Вслед за португальцами турки рассматривали торговлю (связанную с открытиями) как форму священной войны, утверждая: «Прокопаем канал в

[5] Цит по: Ferro M. Op. cit., s. 13.

Суэце и проложим путь в Индию и Китай для того, чтобы изгнать оттуда грязных гяуров и привезти ценные товары».

Итак, контекст обоюдной священной войны между христианством и исламом – действительное начало эпохи открытий и колонизации. Ф. Бродель показал, что после 1580 г. торгово-политическая деятельность переместилась из Средиземного моря в Атлантику. Но наследство былых конфликтов и войн не исчезло из памяти людей, сохранивших связь с прошлым при открытии других миров. «В мире ислама память о прежнем величии хорошо сохранилась, поскольку ислам давно использует арабский язык как общий и господствующий язык, гарантирующий вездесущность Корана. Память и знание христианских гяуров разделены почти на двадцать пять языков»[6]. В исламе религия и язык взаимосвязаны и определяют образ мысли и суждения о «чужих», который транслируется через столетия и сохраняется до настоящего времени. Этот сплав определял отношение мусульман к английским колонизаторам в Индии, французским – в Черной Африке, российским – на Кавказе. Например, христиане вторично появились в Александрии в 1798 г., а в Алжире в 1830 г. Примерно в то же время Россия приступила к колонизации мусульманского Кавказа. Но для мусульман христиане по-прежнему оставались презренными гяурами. Они занимались мирным трудом – селились на новом месте и обрабатывали землю, руководили местным населением и колонизировали территории. Но одновременно наносили мусульманам кровную обиду, которая может быть смыта только кровью.

«В «Военных и любовных песнях мусульман» повествуется: «Мы унижали царей, которые были сильнее нас. // Она падали на колени перед нашими шашками и пиками, // А их женщины становились нашими коврами. // Копыта наших коней потрясли гору Еманах, // Мы ставили шатры в Вотулу и Дамаске, // Изгнав оттуда всех врагов, как вонючих шакалов. // Я помню все, что было вчера, и знаю, что будет завтра». Такие чувства предсказывают жестокость будущих событий», – констатирует Ферро [7].

Второй путь – открытие обоих Америк – тоже связан с окружением мусульман и священной войной. На первый взгляд, записки Х. Колумба свидетельствуют, что в первом путешествии он занимался только поиском золота. Но Колумб рассчитывал не только на обогащение себя и команды, а хотел также обогатить заказчиков – монархов Испании, чтобы «они поняли ценность всего дела». Колумб стремился к богатств ради славы первооткрывателя. Но его страсть к деньгам объясняется религиозным мотивом распространения христианства. Возврат Иерусалима христианам – одна из целей Колумба, вдохновленного идеей крестового похода.

Та же идея освящала третий путь в Индию через внутреннюю Африку, в наличии которого сомневались. Этот путь предполагал заключение перемирия с Эфиопией для атаки с тыла на империю Мауриев. Королева Елена стремилась разорвать «цепь ислама», контролировавшего выходы Испании к Красному морю и Индийскому океану. Политическая тревога королевы переплелась с религиозными стремлениями коптского митрополита, который хотел сблизиться с Римом, но зависел от арабов. Было принято решение о посольстве Матфея, митрополита Эфиопского, который должен был добраться до Лиссабона из Эфиопии через Индию. Там он повстречался с Альбукирком, который этот проект поддержал, но усомнился в возможности постоянных сношений индийского негуса с португальским королем. Описание тайного путешествия Матфея свидетельствует о страхе коптского иерарха перед всепроникающей агентурой арабов[8]. Под видом купца Матфей прошел через разные страны, коро-

[6] Цит по: Ferro M. Op. cit., s. 16.

[7] Ibid., s. 17.

[8] «Королева Елена дала Матфею и его товарищу Иакову рекомендательные письма к губернатору приморской провинции, в которых предлагала оказать им полное (но тайное) содействие в выдаче их за купцов, кото-

левства и государства заклятых врагов Лузитании. Эта маска позволила ему уцелеть, добраться до Португалии и выполнить задачи ловкого посла. Никаких других способов реализации этой задачи в то время не существовало.

Четвертый путь возник на севере в начале XV в. Прежде русские сопровождали (в качестве проводников и охраны) монгольские караваны в Пекин, открывая богатства Китая и Индии на обратном пути через Самарканд. Информация о них достигла Твери, из которой Афанасий Никитин совершил в 1466 г. первое путешествие в Индию. На этом пути Астрахань, Бухара, Хива были перевалочной базой товаров Китая и Индии и товаров России и стран Балтии. Зотов спустя некоторое время писал московскому князю, что указанные «…города для нас крайне выгодны, поскольку в них сосредоточены богатства Индии и Китая». Этот путь вначале не имел ничего общего с крестовыми походами. Затем положение вещей изменилось. В эпоху империализма русские цари колонизировали Дальний Восток во имя православия.

Религиозный энтузиазм, страсть приключений, жадность и стремление обогатиться, реванш завоевателей – таковы предпосылки великих открытий и колонизации. Они обусловили великие события XV-XVI вв. и повлияли на сознательное и бессознательное поведение индивидов. Однако более существенные предпосылки предрешили действия одних и бездействие других индивидов. В частности, социальной причиной колонизации был упадок европейских землевладельцев-феодалов.

Конфликты XIV-XV вв. (Столетняя война) изменили направление великих торговых путей. Вместо сухопутной дороги из Фландрии в Италию купцы начали пользоваться морским путем из Генуи через Барселону и Лиссабон в Брюгге, Антверпен и Амстердам. Это изменило стратегический пункт торговли и обогатило порты Атлантического побережья (прежде всего Лиссабон, «нация» которой поселилась в Брюгге в XIV в.). В Лиссабоне происходила встреча купцов северных стран и Италии (преимущественно генуэзцев). Они хотели торговать с Востоком, но не располагали средствами организации «большого бизнеса». К тому же торговля с Востоком означала риск попасть в венецианскую тюрьму или в турецкий плен.

Главные капиталы находились на Иберийском полуострове. Северный путь на Восток проходил через леса и использовался мало. Южные контакты с миром ислама были оживленными, несмотря на войны. Навигация до Марокко большого труда не представляла. Кастилия и Португалия набирали силу тогда, когда Франция, Бургундия и Священная Римская империя постоянно воевали между собой. Младшие сыновья португальского и кастильского дворянства занялись торговлей из-за отсутствия земли и стали купцами во избежание деклассирования.

Это явление сыграло важную роль, наряду с научно-техническими, экономическими и религиозными предпосылками. Польский историк М. Маковист поставил проблему параллелизма между португальской заморской колонизацией, французскими войнами в Италии и территориальной экспансией немцев, поляков и русских на север и восток. Все указанные явления вытекали из одной причины – потребности возрождения феодалов после упадка в предшествующих войнах. Связь феодалов с купечеством первоначально возникла в Испании и Португалии. В Голландии, Англии и Франции она формировалась по мере стабилизации политических институтов после революций. Следовательно, причина голландской, английской, французской экспансий отличается от португальской, испанской, германской, польской и русской колонизаций. При этом значительную роль сыграл демографический рост. При-

---

рые путешествуют в своих интересах. Некоторое время Матфей действовал свободно, никому не сообщая о своих намерениях, делах и предполагаемых путях. Он выдавал себя за торговца кожей, время от времени покупал индийские драгоценности и тайно переправлял их Елене». Ibid., s. 18.

рост населения Кастилии в XV-XVI вв. облегчил миграцию, подобно тому, как это имело место в Польше и России. Голландские победы над португальцами в XVII в. объясняются избытком населения в Голландии, которая мобилизовала своих граждан и часть немецкой популяции.

Колониальная экспансия и империализм: проблема подобия. Португальская монархия снаряжала заморские и кругосветные путешествия со времени Иоанна II. Они пришли в противоречие с политикой Реконкисты и крестовых походов, трагическим финалом которой стала битва при Альказарквивире и первое поражение Португалии. В фильме «Нет, или тщеславие королей» Мануэль де Оливейра показал связь между крахом португальских попыток объединить Иберийский полуостров и захватить Марокко – и размахом кругосветных плаваний и заморских путешествий, которые заняли место традиционных целей власти, продолжая дело евангелизации и территориальные захватов за океаном. Великие открытия позволили Португалии избежать войны с маврами. Второе поражение Португалия потерпела в битве при Лепанто, после чего Испания захватила Португалию в целях объединения Пиренейского полуострова.

Терапия *забытья* этих событий продолжалась несколько столетий и детально изучена: «Развитие торговли, евангелизация, колонизация и порабощение народов выполняли компенсаторную функцию. Этот процесс длился до тех пор, пока из исторического сознания Запада не исчезла память о войне с исламом как главной причине великих географических открытий. В XVIII в. только аббат Рейналь подчеркивал ее значение. Желание забытья стерло все следы»[9]. Однако конкретно-исторический анализ убеждает, что на первом плане колонизации находился Христос, а не золото.

Мотив забытья нетрудно обнаружить во Франции эпохи империализма. III Республика начала проводить имперскую политику для того, чтобы забыть поражение под Седаном, банкротство европейской политики II Империи, потерю Эльзаса и Лотарингии. Ж. Ферри – инициатор имперских захватов в Индокитае и Тунисе. Специфика этой политики хорошо отражена в дарственной надписи Гансе на рисунке, преподнесенном Ж. Ферри: «Я потерял двух детей, а мсье подарил мне двух слуг».

Аналогичное компенсаторное действие характерно и для истории Российской империи XIX в. Русские цари дважды терпели поражения в навязывании своей воли Европе. Для компенсации Россия навязала господство народам Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Первый этап экспансии начался после Крымской войны и завершился «покорением» Кавказа, Ташкента (1865 г.), Самарканда (1868 г.), Хивы и Коканда (1876 г.), областей при Амуре и Уссури. Вторым этапом было заключение союза с Австро-Венгерской империей (1897 г.), который завершил очередную фазу Балканского конфликта. Чтобы компенсировать замедление экспансии панславизма, царь сдвинул центр интересов России в сторону Дальнего Востока и Тихого океана. Россия не считала интервенцию в Китае и конфликт с Японией войнами, а рассматривала их как колониальные экспедиции.

Важное свойство империализма – волчий голод территорий, наиболее явным выражением которого был раздел Африки в 1885-1890 гг. между Францией, Германией, Англией, Португалией и Бельгией. Все они стремились закрепить за собой на карте как можно больший участок. Предполагалось, что таким образом предотвращаются происки соперников, которые всегда могут стать непосредственными врагами. Однако аналогичное поведение возникло задолго до империализма[10]. Иначе говоря, первая французская колония захвачена превентивно, наряду с реализацией других целей – открытие прохода на запад через Ти-

[9] Ibid., s. 20

[10] Например, после захвата Канады Самуэль де Чемплен писал в 1615 г. в рапорте королю: «Если мы не займем эту территорию, это сделают англичане или голландцы (то-есть, протестанты), которые займут Квебек».

хий океан к Японии, заселение и возделывание новой земли, обращение индейцев в христианство.

Превентивный захват «бесхозных территорий» в колониальную и империалистическую эпоху оправдывался и критиковался посредством аналогичных аргументов. Ж.Ж. Руссо осуждал фиктивное занятие территорий: «Чтобы обосновать право первообладателя, надо, чтобы он овладел ею не посредством пустой церемонии, а путем труда и культивирования»[11]. А Соединенные Штаты аннексировали Луизиану на том основании, что ее расположение в устье реки дает право на всю долину. Ж.К. Адамс выдвинул доктрину «непрерывного освоения»: захват побережья автоматически влечет за собой собственность на прилегающие территории – земли в глубине страны. Аналогичную тактику применяла Россия при захвате Кавказа. Эта доктрина закреплена в современном политическом словаре в термине «сфера влияния». Впервые эта формула появилась в британско-германском договоре 1885 г., с помощью которой легализовалось древнее право на «непрерывное освоение» и «прилегающую территорию».

Итак, смена направления, альтернативная политика и страсть к захватам – разные фазы экспансии. Эпоха открытий аналогична эпохе империализма на основании подобия этапов экспансии. В XIX в. открытия пионеров (типа Стэнли, Пржевальского, Тянь-Шаньского и др.) предшествовали захвату конкретных территорий правительствами отдельных стран. То же самое происходило в XV-XVII вв. Монархи поддерживали Колумба, Магеллана и других пионеров. Традиционная историография восхваляла свершения коронованных особ и не замечала предшествующих действий пионеров. Однако путешествия одиночек и территориальная экспансия государств тоже аналогичны. Те и другие были следствием воображения – визионерских проектов поиска восточного и западного пути в Индию. Они воплощали волю и энергию людей с помощью новых технических средств. Но суть данных проектов была одна – аккумулированный итог множества корыстных стремлений купцов и авантюристов (типа Фернао Гомеса, Евстафия де ла Фоссе и др.)[12]. Следовательно, двухэтапная экспансия XVI и XIX веков аналогичны.

Рынок или государство? Империализм воспроизвел установки эпохи великих колониальных захватов. Но после 1870 г. возникло общее убеждение в начале новой эры. М. Ферро анализует ее типичные свойства.

На протяжении предшествующих ста лет экспансия стала дискретной и заканчивалась успехом или поражением. Рост колоний европейских стран теперь зависел от удачного стечения обстоятельств и не был следствием политической воли. Прежние и новые колонии (Сибирь, Кавказ, Алжир, Австралия, Новая Каледония) заселялись бунтовщиками, уголовными и политическими преступниками. Это понизило их ценность в общественном мнении. То же самое относится к первым португальским колониям.

Изменение отношения к колониям произошло после обретения специфической идентичности недавно захваченных территорий. Например, французский военно-морской флот захватил Кохинхин для победы над Англией и обретения удобной базы в западной части Тихого Океана. Спустя некоторое время так же был взят Алжир. После «героических» боев с Абдель-Кадером французская армия начала идентифицироваться с Алжиром: «Едва часть ар-

[11] Руссо Ж.-Ж.

[12] Например, португальская корона поддержала проект Диего Као проникновения во внутреннюю Африку и ее обхода с юга только после того, как португальские матросы узнали (случайно попав в Бенин), что через эту страну можно пройти в полумифическое христианское царство царя Иоанна. У Колумба тоже были предшественники: Фернао Дульмо получил от короля привилегию на все земли, которые он откроет западнее Канарских и Азорских островов – распутья всех первооткрывателей и завоевателей. Но его попытка не увенчалась успехом.

мии «колонизируется», происходит милитаризация колониальной идеи среди части общественного мнения». Колониальные идеалы и миссионерское призвание переплелись уже в XVI-XVII вв., но в начале XIX в. носителем такого переплетения стала армия. Лишь после милитаризации колониальной идеи христианизация начала отождествляться с цивилизаторской миссией Европы, поскольку никакой другой цивилизации (кроме христианской) Европа не знала[13]. Цивилизация, колонизация, культуртрегерство и территориальная экспансия – главные движущие силы империализма: «В этом контексте колонизацию можно определить как орган полового размножения нации в мире»[14].

Существуют определения, согласно которым империализм есть «последний шанс величия» (Превост-Парадоль) и «творческая сила» (Леруа-Булье). Действительно, империализм начал систематически использовать идеологические источники в той мере, в которой они поддерживались материальными интересами, и в конечном счете привели к новому определению колониальной политики. Его сформулировал Ж. Ферри в период захвата Тонкина: «Колониальная политика – дочь промышленной политики. Экспорт есть основной фактор всеобщего благосостояния богатых стран. Если существует нечто вроде международного разделения труда по способностям индустриальных обществ, то Европа не должна продавать свою продукцию за границей. Однако все желают заниматься ткачеством, производством металла, дистилляцией спирта, выработкой сахара и экспортом этих товаров». По мере появления новых индустриальных стран (США, России, Германии) желание преобразовалось в «необходимость» и стало основанием заморской экспансии.

Новый аргумент «за империализм» Ферри дополнил двумя давно известными:

1. Гуманитарные соображения накладывают на «высшие расы» обязанности в отношении «низших рас», которые еще не стали на путь прогресса.

2. Стихийно-националистический аргумент звучал так: «Если Франция от этого устранится, а Испания или Германия займут наше место, то политика «сиденья на печи» приведет к стагнации и упадку страны. Излучать сияние и ничего не делать – значит отречься от власти».

Правда, Великобритания столкнулась с этими проблемами намного раньше Франции. Победа Англии в Семилетней войне – первый поворотный пункт на пути изменения колониальных отношений. До этого Британия была небольшой единообразной исконно английской протестантской торговой страной. Но в итоге мирных договоров 1763 г. она получила Квебек, Флориду, Тобаго (католические территории) и другие заморские территории. Так Британия стала владыкой громадной империи, крайне неоднородной с точки зрения ресурсов и религии. До этого расходы на внутренние дела были незначительны и не влияли на способ управления Англии. Территориальные приобретения повлекли за собой неожиданную статью расходов на содержание армии и военно-морских сил. Эти расходы противоречили принципам английских свобод, поскольку Англия стала господином враждебных народов. Поэтому Берк не зря беспокоился. И далеко не случаен тот факт, что Гиббон написал труд о падении Римской империи почти на следующий день после заключения Парижского трактата.

И все же главное поражение Англии определялось другой причиной. Независимость Америки расколола английскую нацию на два враждебных лагеря: одна часть англичан стала врагом другой части в Англии и Америке. Затем произошел раскол общественного мнения.

[13] «Например, епископ Мише, папский викарий Сайгона, осуждал бунтовщиков, которые надолго задержали обращение в христианскую веру. Алжирский епископ Лавижери объяснял свое назначение следующим образом: «Я прибыл сюда, чтобы внести вклад в великое дело христианской цивилизации, которая приведет к рождению новой Франции из тьмы и хаоса вечного варварства». Ibid., s. 23

[14] Ibid., s. 23

Возникла ситуация гражданской войны. Поэтому лояльность Шотландии компенсировала поражение Англии в войне с Северной Америкой. Пионеры-полководцы (Гастингс, Гордон и др.) были шотландцами и сыграли роль завоевателей, усмирителей и карателей на остальном пространстве Империи. Английские колонии стали Британской империей с помощью солдатни. Широко распространился имперский реваншистский патриотизм как реакция на либерализм прошлой эпохи. Индийский Акт (1784 г.), Канадский Акт (1791 г.), Акт союза с Ирландией (1800 г.) воплотили политику манипуляции и господства – еще одно типичное свойство империализма.

Следующее свойство одновременно противостоит и соответствует предыдущему. Речь идет о преобразования экономических отношений с остальным миром после потери Америки и превращения Англии в промышленно развитую страну. Теперь Англия нуждалась в рынках и сырье, а не в монополии внешней торговли (в соответствии с принципами меркантилизма, позволившего накопить громадные денежные запасы). Англии потребовалась другая Америка (ею стала Австралия), другая Индия (на эту роль предполагался Китай) и другая Африка (в отличие от Африки, экспортирующей рабов в Северную Америку). Не случайно спустя непродолжительное время (1797 г.) Великобритания направила в Пекин первое большое посольство во главе с Маккартвеем, создала Африканскую ассоциацию (которая предложила М. Парку исследовать Центральную Африку до истоков Нигера)[15], организовала Северо-Западную Кампанию на севере Канады и послала Д. Кука в Австралию. Взрыв имперской активности произошел после длительного периода военных конфликтов и предвосхитил возрождение прежней колонизации, которая теперь получила имя «империалистической». А по сути дела нужды индустриализации и рынка становились конкурентами власти, которая постепенно возвышалась над всеми остальными факторами.

Хотя стремление Англии владеть миром восходит в началу XIX в., М. Ферро считает его пользу крайне сомнительной. В 1919 г. И. Шумпетер подвел итог развития британского империализма в XIX столетии и показал, что империализм возникает тогда, когда государство проявляет силовую экспансию за пределы любых границ. В результате военная активность превращается в самоцель – становится средством достижения цели, которая содержится в самой военной активности (такое действие М. Вебер назвал «инструментальной рациональностью»). Для доказательства этого вывода Шумпетер приводил деятельность Дизраэли, который получил прозвище «певца и идола имперской экспансии» после речи 1872 г. До этого он говорил о «проклятых колониях, которые висят у нас на шее, подобно мельничному жернову». А теперь потребовал создать Британский Союз путем преобразования колоний в самостоятельные государства на правах частей империи. Вся эта махина затем создает таможенный союз как имперскую федерацию. Но неосвоенные земли принадлежат только англичанам, а центральная контора в Лондоне управляет их колонизацией.

Примечательно, что в речи Дизраэли термин «защита родины» впервые отождествлялся с защитой империи для обоснования фактической территориальной экспансии Англии. Имперский лозунг обнаружил эффективность, отвлекая внимание граждан от повседневных нужд. Консерваторы уже не могли удовлетворять эти нужды, поскольку не обладали политической программой. Популярность имперских лозунгов объясняется тем, что они удовлетворяли своекорыстие множества групп интересов. Например, защитный таможенный тариф был полезен для промышленников, которым угрожала демпинговая политика германских экспортеров. Эти лозунги были популярны даже среди бедняков, потакая их национальному самолюбию и гордости.

[15] «М. Парк разъяснял, что получит гонорар (15 шиллингов в день) только при условии открытия нового знания о географии Африки и новых источников богатства ради торгово-промышленных амбиций своих мандатариев». Ibid., s. 24.

Так возникла кардинальная дихотомия: в начале XIX в. английское общественное мнение отрицательно оценивало колониальную экспансию (отождествляя ее с работорговлей и поражением Англии в войне с Соединенными Штатами) и положительно – империализм (поскольку имперские лозунги льстили населению и защищали интересы Англии). Но теперь «защита родины» осуществлялась в войнах с «грабителями» и «бандитами» Индии и Южной Африки. Во время англо-бурской войны «все английские нищие осуждали взбунтовавшихся подданных». Таким же было общественное мнение Франции в начале XX в., когда «свиньи-марокканцы атаковали алжирских колонистов».

Аналогичная ситуация сложилась в России, на рубежах Кавказа и Средней Азии. В 1864 г. канцлер князь Горчаков следующим образом реагировал на аргументы англо-французских империалистов: «Положение России не отличается от положения всех цивилизованных государств, которые вынуждены вступать в контакт с кочевниками, не обладающими стабильной государственной организацией. Для предотвращения набегов и грабежа кочевников следует подчинить и строго контролировать. Однако за ними располагаются другие дикари, и потому нужно идти дальше. Именно так поступали Франция в Африке, Соединенные Штаты в Америке, Англия в Индии. Они идут вперед по необходимости и вследствие амбиций»[16].

Итак, колониальные державы «защищают родину» по рецепту Дизраэли.

История Великобритании показывает тождество имперской символики господства с материальными интересами. Например, в 1815-1863 гг. Ионические острова находились под протекторатом Британии, хотя в Лондоне это считалось пустым занятием по причине невозможности такой защиты. В том же ряду событий находится военная экспедиция М. Тетчер по защите Фолклендов. Одновременно потеря всей Индии, Караибов и Черной Африки (в 1947-1962 гг.) не обеспокоила Англию. Не менее абсурдная ситуация сложилась в России в последнее десятилетие. Абсолютное большинство населения равнодушно восприняло распад империи в 1990-1991 гг., но мобилизовалось для защиты Курильских островов и Чечни.

Поддержка военно-завоевательной экспансии – следующее свойство империализма. Этим занималась многотиражная пресса как продукт промышленного развития XIX в. В качестве примеров можно указать позиции газет «Daily Mail» в Великобритании, «Taglische Rundschau» в Германии, «Le Petit Parisien» и «Le Matin» во Франции, «Новое время» в России. Редакторы и сотрудники этих газет начали претендовать на роль имперских идеологов. Следовательно, империализм есть социальный феномен, скрыто осуществляющий некоторые действия (например, экспедиции Ж.Ферри в Индокитай). Экспансия прошлых столетий не была социальной в такой же степени.

Экономический интерес – основа и движущая сила империализма. Этот феномен описан в книгах Д. Гобсона «Исследование империализма» (1902 г.) и Р.Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910). Спустя некоторое время их идеи популяризировал Ленин популяризировал в брошюре «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.), которая переведена на немецкий и английский языки в 1920 г. Но есть существенное различие между взглядами Гобсона и Ленина. Первый трактовал империализм как «развитие высокоорганизованной промышленности и финансов в целях самосохранения и развития частных рынков путем нанесения вреда населению, но с использованием силы государства для перекачки и инвестирования в него собственного перепроизводства товаров и сверхприбылей». Гобсон считал империализм возвратом к меркантилизму, поскольку его движущей силой было накопление национального капитала для конкуренции с другими государствами. Ленин определял империализм как последнюю стадию развития капитализма и монополий в полемике с

[16] Ibid., s. 25

Каутским, который отрицал неизбежность войн между империалистическими странами на этой стадии. Ленин считал их неизбежными.

Главный тезис Ленина - множество форм империализма и определение его как следствия различных фаз исторического развития. Империализм возник до капитализма (Римская империя) и существовал в период его развития (Османская, Австро-Венгерская, Российская и другие империи). Национальные конфликты – элемент общей борьбы с империализмом. Поэтому борьба прибалтов с русскими и борьба ирландцев и индусов с англичанами аналогичны. Ленин считал, что первая мировая война ликвидировала различие колониальной экспансии и империализма.

Однако сохранялось другое важное различие – империализм на рубеже XIX-XX вв. переплелся с финансовым капиталом и потому отличался от колониальной экспансии прошлых эпох. Колонизация и экспансия не исчерпывают империализм, хотя по-прежнему существуют. Суть дела в том, что в XIX – начале XX вв. империализм посредством финансового капитала начал проникать в независимые страны – Китайскую, Османскую и Российскую империи. Колонизация приобретала разные формы в разные исторические эпохи, которые взаимно отличались и переплетались. Исток и движущая сила экспансии – господство над другими народами, независимо от провозглашаемых лозунгов.

Империализм стал религиозным во времена священных войн между исламом и христианством и религиозным вдвойне в XVI-XVII вв., когда католики и протестанты стремились обеспечить экспансию своей веры. Политический расчет в виде reason d'etat (государственного разума, преобразованного в современное понятие «государственных интересов»)[17] связан со всеми видами крестовых походов. Франц-Иосиф I первым продемонстрировал независимость от религии, подписав капитуляцию с турками для победы над Карлом V. А в Тридцатилетней войне кардинал Ришелье заключил союз с протестантской Швецией против Священной Римской империи.

Экономический интерес существовал задолго до имперской эпохи и открыто проявился в «Актах навигации» (1651 г.), в которых заморская экспансия признавалась монополией всей английской нации, а не только купечества. Данные «Акты» – главный исток империализма, поскольку он впервые выступал от имени всей нации, бытие которой было воплощено в национальном государстве. Боден и Кольбер – первые теоретики и практики меркантилизма. Задолго до империализма меркантилизм связал европейские государства с захватом заморских территорий для обеспечения монополии обмена и максимума доходов в золоте и серебре. Меркантилисты полностью запретили производство в колониях (вплоть до гвоздей). Тем самым они стимулировали восстания колонистов в Соединенных Штатах и испанской Америке, положивших конец колониальной зависимости от Англии и Испании. Меркантилизм приводил колонизированные народы к полному краху, но он сохранялся и развивался в период промышленной революции с помощью государственного насилия. Наиболее яркий пример – реформы Петра I в России. М. Ферро считает, что именно так надо понимать ленинское определение империализма как высшей стадии капитализма.

Британская колонизация соединила разные факторы и обеспечила успех социальной группы землевладельцев. Эта группа связала доходы от земли и шахт с финансово-торговой деятельностью и стала претендовать на мировое господство. Однако промышленный и банковский капиталы длительное время кардинально различались между собой. Промышленность развивалась «сбоку-припеку» и вопреки государству до кризиса 1929 г. Только после этого имперский выбор стал глобальной Realpolitik. Крупные финансисты – инициаторы имперской политики. Например, в 1882 г. они впервые снарядили и послали в Египет воен-

[17] См. об этом подробнее: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. – 2001. – № 3.

ную экспедицию не для аннексии территории и завоевания рынка сбыта, а для «острастки» руководителей Египта за отказ от уплаты долга. Это создало прецедент. В соответствии с интересами Сита вспыхнула война в Южной Африке. Англичане выступили против буров, поскольку те хотели помочь немцам освоить запасы золота во времена, когда золотой стандарт обеспечивал преимущество фунта стерлингов на мировом рынке.

Сравнение следствий. Кардинальное различие следствий колониальной экспансии XVI-XVIII вв. и империализма состоит в следующем: промышленная революция создала такие средства деятельности, которые полностью преобразовали отношения метрополий с колониями. Первая разновидность колониальной экспансии аналогична прежним колонизациям (римской, арабской, турецкой и русской), поскольку экономические и военно-технические различия между колонизаторами и колонизованными оставались незначительными. Различие уровней жизни в Европе и ее колониях в начале эпохи империализма равнялось 1,5:1. Положение колоний резко ухудшилось в итоге промышленной революции. Различие уровней жизни возросло от 1,9:1 (1860 г.) до 3,4 (1914 г.) и 5,2 (1950 г.) и по-прежнему растет после завершения колониальной эпохи.

Рост различий – следствие структурных изменений под влиянием колонизации и соотношения сил. До XVIII в. потребление «колониальных товаров» составляло всего 2-10% общего потребления Европы. Вне испанской Америки первая колонизация не затронула социальные структуры колоний, поскольку ее основания еще не сложились. Англия в Индии продавала свои товары аборигенам, арабам и португальцам. Преимущество последних выразилось в торговле современным оружием. Вторая колонизация базировалась на экономическом империализме и привела к глубоким структурным изменениям колониальных обществ. Главные из них – деиндустриализация колоний и специализация сельского хозяйства на выращивании непищевых технических растений.

Показательный пример первого изменения – производство тканей в Индии. В XVII в. хлопковая ткань составляла 60-70% индийского экспорта. После индустриализации Англии появились машины, производительность которых в 350 раз превышала производительность индусского рабочего. Англия начала продавать свои ткани в Индии – и легкая промышленность Индии рухнула на протяжении менее ста лет. Деиндустриализация затронула большинство колоний, способствуя крайней специализации промышленности и воплощая изменения, которые империализм навязал древним и новым колониям.

Черная Африка – яркий пример другого изменения. Колонизация обусловила противоречие натурального хозяйства (традиционного базиса африканских обществ) и рыночной экономики. Например, колониальная администрация навязала племени агни (Берег Слоновой Кости) производство какао. Племя начало сопротивляться – каждую ночь под саженцы какаовых деревьев лили кипяток. Лишь спустя длительное время аборигены убедились, что продажа какао дает деньги, которые можно расходовать на другие цели. Европейцы считали это племя ленивым и неспособным к труду. На деле у агни существовала сложная система этикета, которая запрещала (особенно высшим классам) работать публично, но не мешала проявлять скрытую активность. А колонизаторы трактовали неспособность к прогрессу как форму культурного сопротивления[18].

[18] Например, обмен быками обладал особым смыслом в племенах *масикоро*, *бара* и *фуланов* (Мадагаскар). Крупный рогатый скот воплощал социальные ценности и престиж владельцев, а не элемент денежного хозяйства. Продажа быков свидетельствовала о полном крахе семьи. Племя *бете* исключало приданое из денежного хозяйства. По этой же причине производство хлопка не прижилось в племенах *фуланов* и *бамбара*, зато было усвоено племенами *миниянка* и *сенуфо*. Первые уже были историческими нациями, структуры которых уничтожила цивилизация. Вторые еще не осознали свою идентичность и потому были готовы изменить образ жизни. Племя *сенуфо* выращивало земляные клубни на взгорьях с помощью мотыги, а затем перешло к обработке низин с применением плуга, запряженного волами. Экономия рабочей силы была очевидной. Но в низинах росли

В любом случае в колониальных обществах технические заимствования у Запада были и остаются предметом конфликта между прогрессом и традицией.

Между колонизацией и неоколониализмом. На основании проведенного анализа М. Ферро считает, что колонизация вместе с последствиями сводится к следующим типам, которые сохранились после деколонизации и существуют в настоящее время.

1. Экспансионистская колонизация древнего типа на стадии развития капитализма свободного рынка. Захват Кавказа Россией и Алжира Францией – последние примеры этого типа.

2. Колонизация нового типа связана с промышленной революцией и финансовым капиталом. Она характеризует большинство территориальных захватов Франции (Марокко), Великобритании и Германии в Восточной и Южной Африке, России в Средней Азии и т.д. после 1871 г., если даже их основанием служили другие причины.

3. Империализм без колонизации. В Османской империи этот тип был промежуточным (об этом свидетельствует пример Египта в 1881 г.), а в чистой форме (без колонистов) применялся в Латинской Америке. Например, Сити правило в Аргентине и Перу, прежде чем уступить их США. Этот империализм без флага устоял в борьбе колоний за независимость во второй половине XX в. и существует в настоящее время.

Итак, следует исходить из *взаимопереплетения* форм империализма, колонизации и деколонизации - обретении независимости и освобождении колониальных народов. Большинство колониальных стран обрело независимость в 1965-1985 гг. Колонизация в узком смысле слова завершилась поражением Франции во Вьетнаме и Алжире, Англии и Голландии в Индии и Индонезии, но страны Запада по-прежнему доминируют в разных регионах мира. Этот феномен называется неоколониализмом – империализмом без колонистов.

Однако такой империализм существовал задолго до потери Европой своих заморских владений. США первыми начали создавать колонии без флагов в Латинской Америке, при необходимости посылая туда военно-морские силы (в 1915 г. на Гаити). Политика США в западном полушарии аналогична коньюнктурной политике Франции в Африке после 1965 г. В итоге вся деколонизация свелась к замене верховной власти при неизменности сложившихся экономических и социальных связей. Они усилили прежнюю зависимость в иной форме для обоюдного своекорыстия метрополии и новой местной «буржуазии». Деколонизация увеличила миграцию населения и еще более укрепила прежние отношения. Теперь французские фирмы хозяйничают в Алжире, а алжирские рабочие-иммигранты едут во Францию. Аналогичные миграции сложились между Англией, Караибами и Индией, Германией и Турцией и т.д. Та же ситуация складывается в современном СНГ и России.

В 1960-е гг. началась унификация мировой экономики. Она настолько связала национальные экономики, что сегодня большинство бывших колоний находятся в еще большей зависимости и нищете, чем при колонизаторах. Одновременно прежние метрополии «поумнели», открыв для себя истину: либеральные догмы, на которые они ранее опирались для обоснования своего господства, теперь обратились против них и удовлетворяют своекорыстие новых финансово-промышленных акул (Япония) и прежних колоний (Тайвань, Сингапур, Корея). Но колонизация не сводится к следствиям экономического и технического господства. Эффект бумеранга воплощается в новых формах: рост роли нефти в мировой экономике; рост расизма на основе межцивилизационных контактов.

Цивилизация и расизм. «Я верю в белую расу», – говорил в 1895 г. Д.Х. Чемберлен, исполняя имперский гимн во славу английской нации, которая превзошла в успехах французских, испанских и прочих конкурентов. Англичане несли мастерство и науку

мелкие клубни. Поэтому потребление упало и от плуга отказались

«подчиненным» нациям. «Бремя белого человека» – это мировая цивилизация, направление которой определяют англичане. Такое убеждение и задача детерминируют отношение к другим нациям как представителям низшей культуры. Англичане – «авангард» белой расы – должны воспитывать и формировать эти нации, одновременно соблюдая дистанцию по отношению к ним. Французы тоже считали аборигенов «несмышленными детьми» и ставили их ниже себя. Но республиканские убеждения французов предполагали публичное провозглашение совсем иных взглядов, не имеющих ничего общего с реальными действиями.

Однако главный пункт *тождества* англичан, французов, русских и других колонизаторов – чувство принадлежности к Европе. Это чувство лежит в основании предрассудка: только в Европе есть наука и техника, усвоение которых позволит цивилизоваться подчиненным нациям. Западная историография и право кодифицировали понятие цивилизации, включая связь с христианством. Г. Уайтон, Л. Оппенгейм и де Мальтер (американец, англичанин и русский) определяли «основы права», подписывая фактически неравные договоры с Китаем, Сиамом, Абиссинией и Османской империей.

Итак, понятие и система ценностей цивилизации выполняют строго определенную экономическую и политическую функцию. США, Англия и Россия не только устанавливали законы и права, образующие понятие цивилизации и гарантирующие преимущество европейцев. Защита таких законов и прав приобретала моральное оправдание и стала принципом социально-политического бытия завоевателей. Все, кто был неспособен адаптироваться к данным законам и правам, превращались в «преступников» и подвергались наказанию. А по сути дела имперский лозунг «защиты родины» пронизал сферу права, морали и цивилизации.

Например, англичане назвали «преступными племенами» целые социальные группы в Индии. Это оправдывало интервенцию для последующей замены традиционных обычаев и обычного права колониальным законодательством. В число «бандитов» попадали мужчины и женщины, которые ни в малейшей мере не нарушали норм своих социальных групп. Уголовные законодательства 1871 г. и 1911 г. – поворотный пункт процесса, который привел к уголовному наказанию сати (самоубийства вдов), элиминации тугов и других «бандитов с большой дороги». Этот термин смешал касту с племенем и поставил вне закона целые группы (куравары определялись как «наследственные воры»). Не составляет труда увидеть расизм в таком методе репрессии.

В XIX в. многие увлеклись идеями Дарвина. Маркс рассматривал борьбу классов как человеческую версию дарвиновской борьбы видов. Колонизации – это третий столп сциентистского предрассудка: доброта белого человека состоит в воспитании и образовании низших видов, если только они люди. Но к людям относились далеко не все аборигены. Например, бушмены (аборигены Австралии) не удостоились такого звания и подлежали полному уничтожению.

Сила имперских убеждений определяется союзом глашатаев разума и прогресса (верующих в историческую необходимость и логику социального развития) с людьми, которые поставили инстинкт на первое место, а действие считали главным мотивом жизни. Первое течение разработано Оксфордским неоидеализмом: вселенная понималась как организм, который приводится в движение человеческой моральной силой и волей. Поэтому Британская империя считалась высшим этапом развития общества. Главный пропагандист таких взглядов С. Уилкинсон писал: «Империя должна занимать в сердцах подданных главное место, которое не сводится к убеждениям: сила выше права (таково кредо деспотизма) или право выше силы (распространенная ошибка юристов). Это место определяется убеждением: вселенная есть проявление разумного порядка, неотъемлемого от порядка человеческой мыс-

ли». Эта идея повлияла на Милнера, Тойнби и Хайдане в Англии, последователей Ранке в Германии и историков «государственной школы» в России.

Английские историки считали Британскую империю квинтэссенцией всей предшествующей истории и развивали модель исторического развития, одновременно тождественную и противоположную марксизму. Марксисты полагали рабство, феодализм и капитализм стадиями, предшествующими социализму. Английские идеологи империи (Д. Кромб и Д. Сили) выделяли другие этапы исторического развития: город-государство, феодальное государство, классовое государство, национальное демократическое государство. Тем самым британское государство становилось итогом всей предшествующей истории, в котором реализованы идеалы свободы и толерантности эпохи Реформации.

С таким ходом мысли переплетена концепция человека как успешно действующего творческого индивида. Речь идет о философии жизни В. Дильтея, О. Шпенглера и М. Шелера. Все они – империалисты, поскольку вслед за Ницше проповедовали социальный дарвинизм, направленный против других народов Европы. Вокруг этого направления мысли сгруппировался ряд ученых, социологов и евгеников, которые развивали идеи Гобине, воспевали сверхчеловека будущего (Гиддинг) и соединили английский неоидеализм с немецким биологизмом. Связующим звеном стал англичанин Х.С. Чемберлен, принявший германское подданство.

Указанные схемы мысли существуют до сегодняшнего дня. М. Ферро полагает, что данная связь идей фиксирует *тождество* британского империализма и германского расизма. В период империализма британские завоеватели-колонизаторы способствовали тому, что территориальная экспансия превратилась в главную цель политики. По мере ее воплощения в жизнь завоеванные и колонизированные народы потеряли все права, которые стали привилегией оккупантов. Затем угнетение «чужих» (территорий за пределами метрополии) преобразовалось в тиранию «своих» (населения метрополии). Берк предвидел такое преобразование, образцом которого стала Ирландия. Британская империя – это современный эквивалент Римской империи, поскольку поведение англичанина в доминионах не отличалась от поведения в метрополии. Там и здесь англичанин был гражданином, господином и властителем, процветая за счет уничтожения обычаев и институтов завоеванных народов.

Французская империя на словах подчеркивала отличие от Британской империи, утверждая всеобщее равенство прав. Но эта идея вызвала противодействие колонистов и других групп интересов (независимо от названия территории департаментом, протекторатом или колонией). И потому французские колонисты не занимались пустяками типа обоснования собственного превосходства над аборигенами.

Дихотомия империализма и нации впервые проявилась тогда, когда главной проблемой политической жизни метрополии стали колонии, а не жизнь населения метрополии. Колонизация решала внутренние проблемы (нищеты, борьбы классов, перенаселения), претендуя на соответствие общим интересам населения метрополии и приоритет над целями всех партий. В колониях администратор и колонист ощущал себя прежде всего французом, англичанином и русским, а не сторонником «левых» или «правых». Определяющий признак колонистов – раса (а не социальная деятельность и функция), выделявшая элиту и оправдывающая угнетение.

М. Ферро подчеркивает: расовые идеи возникли до колонизации и империализма, но не пользовались популярностью. Империализм распространил и воплотил их в жизнь. Они широко применялись и в Европе. Только здесь расистская идеология создала особый тоталитаризм, оправдывающий власть расово чистой «элиты» над другими европейцами.

Промежуточная констатация

Таковы основы концепции французского историка. Он применяет к оценке реального исторического процесса колонизации всех регионов мира следующие постулаты.

Борьба за независимость не тождественна «деколонизации». Реакции народов на колонизацию различны и зависят от их истории и идентичности. Учет мировых параметров феномена колонизации позволяет избежать европоцентричного образа мировой истории. Колонизация переплетена с империализмом – формой господства, которое воплощалось в существовании империй. Колонизация и борьба народов за независимость нередко развивались параллельно. Концепт «деколонизация» – пережиток европоцентризма. Необходимо освободить историю колонизации из гетто традиции.

Концептуальная структура и главные проблемы теории колониализма являются результатом применения указанных постулатов при анализе мировой истории. Итоги анализа можно свести к ряду положений, из которых для развития темы важны следующие пункты.

Морское пространство не является главным критерием отличия территориальной экспансии от колонизации. Следует исходить из взаимосвязи территориальной экспансии и колонизации. Контекст обоюдной священной войны между христианством и исламом - действительное начало эпохи открытий и колонизации. Португальская заморская колонизация, французскими войнами в Италии, территориальной экспансией немцев, поляков и русских на север и восток – параллельные процессы.

Существует подобие между колониальной экспансией и империализмом. Развитие торговли, евангелизация, колонизация и порабощение народов выполняли компенсаторную функцию. Этот процесс длился до тех пор, пока из исторического сознания Запада не исчезла память о войне с исламом как главной причине великих географических открытий.

Смена направления, альтернативная политика и страсть к захватам – разные фазы экспансии. Эпоха открытий аналогична эпохе империализма на основании подобия этапов экспансии. Изменение отношения к колониям произошло после обретения специфической идентичности недавно захваченных территорий. Такая идентичность возникает после отождествления армии с завоеванной территорией. Едва часть армии колонизируется, происходит милитаризация колониальной идеи среди части общественного мнения. Колониальные идеалы и религиозное миссионерство переплелись уже в XVI-XVII вв. В начале XIX в. носителем такого переплетения стала армия. После милитаризации колониальной идеи христианизация начала отождествляться с цивилизаторской миссией Европы. Цивилизация, колонизация, культуртрегерство и территориальная экспансия – главные движущие силы империализма. В этом контексте колонизация была органом размножения наций.

Таким образом, множество свойств империализма ведут к тому, что понятие и система ценностей цивилизации выполняют определенные экономические, политические и идеологические функции. Сила имперских убеждений определяется союзом глашатаев разума и прогресса, которые веруют в историческую необходимость и логику социального развития, с людьми, которые ставят на первое место инстинкт, а действие считают главным мотивом жизни. Одним из показательных примеров является история русской колонизации.

Эталон наднациональной логики

М. Ферро описывает прежде всего специфику русской колонизации до 1917 г. После разгрома «школы Покровского» советская историография отрицала сходство западной и русской колонизации. На деле Новгород и Суздаль в XII в. колонизировали Прикамье для промысла пушнины, действуя совместно с угро-финской мордвой. Сегодня численность мордвы

равна численности эстонцев. Но эстонцы живут компактно и обладают государством. Мордва рассеяна среди нерусских групп бывшей империи (только 25% мордвы проживает в автономной республике вокруг Саранска). М. Ферро считает этот факт показательным примером полной ассимиляции мордвы в рамках русской колонизации и описывает ее другие свойства.

Увеличение массы налогоплательщиков – исходный мотив русской колонизации. Монгольское иго прервало колонизацию. После распада Золотой Орды она обновилась. Падение Казани сокрушило татарское государство. Русские начали расширять экспансию по обе стороны Урала. Экспансия на север по Каме продолжила сложившуюся тенденцию. Восточная сторона Урала называлась «Сибирью» и занимала территорию более миллиона квадратных километров. Но по мере экспансии на восток термин Сибирь *расширился* до Тихого океана. Таков архетип московской топонимической агрессии.

После 1558 г. вектор экспансии определялся инициативой братьев Строгановых. Они получили привилегию на эти края от Ивана Грозного и стали их суверенами, обязываясь защищать территорию от Ногайской и прочих орд. Вначале Строгановы основали и заселили колонистами монастырь Писко на Каме. В 1647 г. в районе насчитывалось 2004 жителя, которые из свободных превратились в данников. Затем пошел в поход атаман Ермак с отрядом в 600 человек. Строганов снарядил его оружием и амуницией. Следуя вверх по реке Утке, Ермак занял Тюмень. В виду приближающегося казаков Ермака хан Кучум сказал: «Ударим по ним без всякого опасения, ибо эти варвары никакой опасности не представляют, а с нами боги». После этого аборигены пошли на битву как на праздник. Ермак приказал стрелять. Подобным образом были подчинены самоеды и остяки, которые платили дань пушниной. Судьба Ермака легла в основу исторической легенды героя-авантюриста, который подарил царю территорию в 6000000 квадратных километров.

Русский путь колонизации – это сокращенный эквивалент португальского пути к Мысу Доброй Надежды. Португальцы окружали османов с юга, русские окружали остатки монгольской империи с севера. Те и другие стремились достичь Дальнего Востока для обогащения. В 1465 г. португальцы пересекли Гвинейский залив. Одновременно русские купцы начали двигаться на восток. В 1466-1472 гг. Афанасий Никитин достиг Индии. Экспансия шла от реки к реке путем постройки крепостей, хотя поначалу цари сомневались в эффективности такого способа овладения территорией. Русские достигли Оби и Иртыша (1585 г.), Енисея (1628 г.), Амура и Колымы (1640 г.), Камчатки (1649 г.). Якутск построен в 1632 г. - раньше Монреаля.

Маньчжурия задержала русский Drang nach Osten подписанием Нерчинского трактата (1689 г.). Поглощение восточных территорий *предшествовало* экспансии России на юг и запад (Азов взят в 1701 г., Инфланты в 1710 г.). Этим объясняется крайне болезненное отношение России к пограничным конфликтам с Китаем и Японией, которые тоже занимались колонизацией.

В частности, японская экспансия и колонизация древнее их описания в западной историографии. Согласно европоцентристскому шаблону, появление европейцев (португальцев, испанцев, голландцев и англичан) в Японии знаменует новый этап освоения мира. В памяти Европы 1543 г. считается датой первых морских столкновений с японцами. В середине XVI в. Франц Ксавери начал христианизацию Японии, вследствие чего возникла проблема национальной идентичности страны. По этой причине Япония прервала все контакты с иностранцами на 300 лет. В середине XIX в. Запад опять вторгся в Японию, после чего она модернизировалась и наследовала Запад в такой степени, что сама превратилась в империалистическое государство.

М.Ферро считает: если устранить западничество из истории Японии, то первая японская колонизация параллельна стремлениям Запада и России в XVI в. колонизировать Дальний Восток. В это время Япония освободилась от китайского ига и начала создавать свою колониальную систему. Вначале она возникла на севере – уже в XIII в. сегун начал контакты с айнами островов Езо и Хоккайдо. Айны подчинялись своим племенным вождям, обладали самобытной культурой и эпосом. В XIV-XV вв. японцы северного Хондо расширили свою власть на стров Езо. А в 1604 г. самурайский клан Мацумаи получил право монопольной торговли на севере, включая контроль за проживающими там японскими купцами и аборигенами-айнами. Так айны попали в рабство – им запретили иметь рисовые поля и превратили в данников. Спустя непродолжительное время айны стали париями и бродягами. Самое крупное восстание 1669 г. против японцев закончилось поражением.

Одновременно на юге японцы захватили остров Рюкю и начали подчинять Корею. До XV в. Корея и Япония подчинялись Китаю. Первая процедура разрыва с Кореей состояла в том, что Япония при обращении к корейскому королю начала пользоваться японским (а не китайским) календарем. Во второй половине XVI в. Япония освободилась от вассальной зависимости от Китая, а в 1592 г. японцы послали первые войска на захват Кореи. В 1607 г. прием корейского посла был осуществлен по правилам признания ленной зависимости Кореи от Японии[19].

Португальцы создавали на Дальнем Востоке нечто вроде «торгового треугольника» Макао, Японии и Лиссабона для оживления товарообмена. Япония развивала политику контроля над базами (острова Рюкю) в единстве с территориальной экспансией Хоккайдо. Триста лет спустя японцы напомнили об этом всем заинтересованным странам.

Совместный надзор. Русско-английский контроль Кавказа и Средней Азии – следующий фактор русской колонизации. Главной колонией Англии была Индия, которую Англия контролировала до Гималаев. Россия двигалась на юг с северо-запада Гималаев. После Крымской войны движение стало опасным для англичан. Поэтому англичане и русские внимательно следили за обоюдной экспансией. Взаимное недоверие получило название «войны слона с китом» и длилось с 1829 по 1907 г. Войне предшествовали конфликты на Балтике и судьба английской Московской Кампании. Недоверие сохранилось и после подписания трактата (1907 г.) о разделе Персии на сферы влияния России и Англии. Русско-английские союзы против Германии 1914 г. и 1941 г. ничего не изменили в Иране и в Афганистане. Последствия взаимного недоверия проявились в 1950-1990 гг.

Жадность русских царей к захвату новых территорий была ненасытной. После занятия Сибири и Аляски царь в 1821 г. царь потребовал обеспечить русским кораблям монополию торговли и навигации на северо-востоке Тихого океана вплоть до 51 градуса северной широты, т.е. в Калифорнии. В ответ президент США принял «доктрину Монро» (1823 г.), согласно которой европейские державы не должны расширять сферы влияния на любую часть обоих Америк: «Наши континенты обрели автономию и независимость и желают ее поддерживать. Поэтому никто и никогда в будущем не должен рассматривать их как колонии любого европейского государства».

Зато Закавказье превратилось в колонию России. Чтобы страна не попала в руки мусульман-персов, грузинский царь отрекся от трона в пользу русского царя. После победы над Персией генерал Паскевич навязал ей Туркманчайский мирный договор (1828 г.), согласно которому часть персидской Армении отходила к России. В войнах с Турцией Паскевич тоже победил. По Андрианопольскому миру (1829 г.) турецкая Армения присоединялась к царской империи. Западные державы упустили из виду, что эти изменения (после потери Греции

[19] См.: Ferro M. Op.cit., s. 60-61.

и Египта Османской империей) нарушили равновесие на Ближнем Востоке. По сообщениям французского консула в Трапезунде, царь умножал происки для сокрытия захватнических планов. Например, в Андрианопольском трактате Абхазия не упоминалась, хотя Россия «проглатывала» ее на протяжении восьми предшествующих лет и фактически это сделала по мере захвата Восточного Кавказа. Лишь после 1830 г. Россия столкнулась с сопротивлением Шамиля, длившемся до 1859 г.

М. Ферро исходит из того, что Кавказская война России и Алжирская война Франции *идентичны*. Такое сравнение высказано публицистом газеты «Le National» (1844 г.), географом Воейковым (1914 г.) и историком Хаммером (1991 г.). Подобие вытекает из факта: агрессоры наступали на горы с равнин, не обладая строгим планом захвата территории. Десмишель в Алжире и фон Клюгенау на Кавказе вели переговоры от имени монархов. Парадоксальность ситуации состояла в том, что при заключении договора с противником России и Франции доставались равнины. Тем самым договоры *укрепляли положение противника,* несмотря на поддержку Россией и Францией соперников Шамиля и Абдель-Кадера в борьбе за власть.

В любом случае овладение территорией влекло за собой множество жертв – при отсутствии определенности в их необходимости. Иначе говоря, русская и французская дипломатия укрепляла силу противника на Кавказе и в Алжире перед разрывом «достойного мира». Победа России и Франции стоила большой крови. После нее возникла русская легенда о «славном Шамиле», по аналогии с французской легендой о «смелом Абдель-Кадере». Так центры империй *возвышали* собственных противников.

Европейские либералы считали, что слава Шамиля оказала электризующее влияние на жителей Кавказа и одновременно предостерегала Запад перед русскими захватами. Главные европейские державы должны вмешаться в Кавказскую войну и не позволить деспотическому государству развивать свою энергию с целью уничтожить свободу на Кавказе: «Санкт-Петербург опасается, как бы либерализм не овладел черкесским вопросом подобно греческому вопросу»[20]. М. Ферро напоминает: парижские и лондонские либералы осуждали царя-самодержца, одновременно оккупируя Алжир и Белуджистан. Во время Крымской войны Париж и Лондон делали ставку на Шамиля. Но Франция и Англия не имели элементарных сведений о территории Северного Кавказа. Поэтому оставался неясным вопрос: как соединиться с черкесами для совместного удара по русским войскам? Мнимым «знатоком территории» выступала Турция в надежде на повторный захват Северного Кавказа и Абхазии, которые совсем недавно находились под ее протекторатом.

Так Кавказ впервые вышел на арену международной политики. В 1830 г. английский дипломат Д. Уркарт анонимно опубликовал брошюру на английском и французском языках «Англия, Франция, Россия и Турция», которая выдержала три издания в Англии. В этом труде Уркарт описал экспансию России в сторону Черного моря и предупреждал общественное мнение Европы: после захвата проливов Россия будет контролировать все Средиземное море, из-за чего возникнет проблема свободы мореплавания; западным державам надо объединиться для поддержки восстания на Кавказе; Грузия тоже ждет сигнала сбросить московское иго; сотни тысяч храбрых и вооруженных жителей Кавказа находятся в мнимой зависимости от Москвы и готовы атаковать русских.

Но либеральная фразеология не отменяет факта: Крымская война завершилась следствиями, противоположными намерениям ее инициаторов. Она сама была следствием обоюдного недоверия, включая стремление России разрушить Османскую империю во имя православия и освобождения славянских народов. Англия и Франция этого не желали. Поэтому

[20] Ibid., s. 103.

они плюнули на христианскую солидарность, защиту «прав наций» и стали на сторону мусульман не столько для защиты Турции, сколько в видах ее раздела между собой (по аналогии с дележом Польши между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией). Западные державы победили, сдержали русскую экспансию, одновременно ослабив положение Турции на Балканах, хотя начинали войну в целях усиления Турции. В этом смысле они сыграли на руку России.

Однако Британия и Россия остались непримиримыми врагами в Средней Азии и на границах Индии. Здесь экспансия была обоюдной, а конфликт – неизбежным. М. Ферро анализирует цели российской экспансии в Средней Азии. Согласно марксистской традиции, первая фаза империализма (1865-1885 гг.) была военно-феодальной, а затем возросла роль экономики. Однако влияние экономики на первой фазе экспансии было незначительно именно потому, что сама фаза была следствием стремления царя создать выгодные условия русской торговле в Средней Азии. Но частный капитал не поддержал эту политическую акцию.

Например, договоры с Кокандом, Бухарой и Хивой подписаны в 1868-1873 гг., а производство хлопка (непищевого растения) началось только в 1890 г. Финансовые интересы России при захвате Средней Азии не играли никакой роли, поскольку царь не исключал, что указанные государства попадут под влияние Турции. Значит, России захватила эти территории *превентивно*. Главная причина русской аннексии Средней Азии – желание держать иностранцев на дистанции, одновременно поддерживая *изоляцию* среднеазиатских государств. Русские министры Гирс и Черняев сразу поняли экономическую бесполезность оккупации Средней Азии.

Стремление *держать на дистанции* – главный мотив противодействия России (до 1910 г.) английскому проекту строительства железной дороги в Персии, соединения ее с Кавказом и договор Скотта-Муравьева (1899 г.), на основе которого Англия пообещала России отказаться от строительства железной дороги и противодействовать любому проекту строительства рокадных дорог вдоль российско-китайской границы.

Россия пыталась внедриться в экономику буферных государств – Персии и Маньчжурии. Но русская торговля не могла конкурировать с английской и японской из-за отсталости российского бизнеса. И все же российские товары продвигались в Османскую империю (Анатолия, Курдистан), Синьцзян, Персию (куда получила доступ и Германия) и Афганистан. В этих районах российская торговля до 1914 г. увеличилась в три раза, достигнув 38% импорта в Кабул; Англия занимала 62% в торговле Афганистана. Именно здесь вспыхнул англо-российский конфликт.

В 1872-1873 гг. царь подтвердил, что Афганистан находится вне сферы влияния России. В ответ англичане предприняли поход из Индии, заняли Белуджистан и пытались контролировать режим в Кабуле, чтобы тоже держать русских на дистанции. В итоге британская миссия была вырезана (1879 г.). Но экспедиция лорда Робертса опять взяла Кабул. В ответ Россия захватила Мерв, Пяндж и перевал Зульфикар – прямой путь в Афганистан. Возник кризис. Англичане снарядили эскадру во Владивосток. В 1885 г. заключен договор, по которому Пяндж остался под контролем России, а перевал Зульфикар отошел к Афганистану. Затем конвенция в Симле «прирезала» Афганистану узкую полосу территории для предотвращения общей границы между Россией и Индией. Сто лет спустя «афганский палец рукавицы» стал ядром конфликта между Таджикистаном, Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном. Таковы плоды дипломатической деятельности.

Перед смертью Александр III завещал Николаю II: «Постоянно думать, но никогда не говорить об Индии». Царь предвидел, что Германия (она лишь начинала экспансию на Ближний Восток) извлечет пользу из англо-русского конфликта. Цель английской восточной политики - держать русских на дистанции от теплых морей и не допускать к Персидскому зали-

ву. В 1892 г. лорд Керзон выпустил книгу о Персии, в которой доказывал, что Англия и Персия рискуют оказаться в ситуации Бухары и Хивы. Царь эксплуатировал северную Персию и одновременно она была пронизана русским революционным движением. В этом смысле цели русского царя и русских революционеров *совпали*. Англия хотела обладать равноценной сферой влияния на юге Персии. При заключении договора об Антанте в 1904 г. Франция посредничала при согласовании интересов «кита и слона». Согласно трактату 1907 г. Персия была разделена на российскую и английскую сферы влияния. Такое положение сохранялось намного дольше времени действия трактата. Исторические обстоятельства после 1907 г. многократно менялись. Несмотря на это, англичане и русские оккупировали Персию в 1942 г. и побратались на этом первообразе «линии Одер-Нейсе». Это свидетельствует о сходстве английского и российского империализма.

Итак, трактат 1907 г. завершил ситуацию взаимной агрессии, проявлением которой был англо-японский договор 1902 г. Этот акт развязал руки Японии. Она начала проводить наступательную политику в Китае и Маньчжурии. Эта политика привела к русско-японской войне 1904-1905 гг., которая породила *имперское наследство* – следующее свойство колонизации. М. Ферро иллюстрирует специфику такого наследства на примере Курильских островов.

Конфликт по поводу Курил – последний эпизод русско-японского соперничества в XX в. Его истоки уходят в XIX в., когда японские и русские рыбаки Хоккайдо и Камчатки затеяли спор об островах, которые по-русски называются Курилами, а по-японски – Тысячей островов. На деле острова открыты голландцами в 1643 г., а спорная проблема впервые решена в 1855 г. договором в Шимода: большой остров Сахалин был объявлен собственностью обеих стран; на Курилах граница России и Японии проходила между островами Уруп и Эторофу, т.е. вблизи с Хоккайдо – японской колонией. Конфликт порожден проблемой определения: являются ли острова Хабомаи и Шикотан (вблизи Езо-Хоккайдо) частью японской колонии или относятся к Южным Курилам? Виновником проблемы является Япония, которая бюрократически присоединила острова к Курилам. Спор урегулирован петербургским трактатом (1875 г.): Россия отказалась от Курил взамен за весь Сахалин. После войны 1904-1905 гг. Япония захватила южную часть Сахалина, одновременно удерживая все Курилы. В 1945 г. СССР занял Курилы, что было подтверждено договором в Сан-Франциско (1951 г.). В итоге острова Хабомаи и Шикотан стали советскими, поскольку согласно японской дефиниции «группа Курил» включала все острова между Езо-Хоккайдо и Камчаткой[21].

Современная Россия в споре о Курилах опирается на победу СССР – несуществующего государства, и на декреты японской бюрократии прошлого столетия в целях сохранения за собой всех островов до Хоккайдо. Япония желает возврата к Петербургскому трактату, отказываясь от права на Сахалин. Наиболее разумной остается старая линия раздела, определенная в Шимода. Однако разум никогда не руководил народами и государствами, отмечает Ферро. Имперская дипломатия была и остается продуктом войн, аннексий и колонизации.

Присоединение и завоевание наций. Для описания специфики русско-советской аннексии М. Ферро применяет сравнительный подход. Политика Португалии и Франции была направлена на ассимиляцию и интеграцию колонизированных наций. Британия создавала «государство благоденствия» на основе либеральной трактовки «общего блага». Отделение Соединенных Штатов показало бесплодность такой политики. Россия до 1917 г. при решении проблемы аннексии руководствовалась *наднациональной логикой*. Первый и главный признак Российской империи – отсутствие этнических оснований многонационального госу-

[21] См.: ibid., s. 117. Из российских публикаций на эту тему укажем только одну работу: Латышев И. Япония, японцы и японоведы. Москва: Алгоритм. – 2001. Хотя она получила скандальную известность, но дает неплохое представление о том, что ни Япония, ни Россия не рассматривают проблему Курил в контексте совместного отказа от колониально-имперского наследства. См.: с. 744-823.

дарства, в котором разные нации подчинялись одному монарху (Российская империя). Поэтому Россия всегда репрессировала тех, кто выступал против царя во имя национальной идеи.

Такая политика породила постоянные внутренние потрясения и войны. Исходная проблема русских царей – поглощение татар на фоне постоянной угрозы со стороны Польши и Швеции. Поглощение включало два этапа:

- аннексия Поволжья в XVI-XVIII вв. (район проживания татар, башкир и черемисов) и ее завершение после разгрома восстания Емельяна Пугачева;

- присоединение Крыма (1783 г.) породило проблему, которая не решена до настоящего времени.

В обоих случаях аннексия осуществлялась по шаблону *невыполнения обещаний*. Правда, опыт поглощения казанских татар принудил Екатерину II больше пообещать крымским татарам. Реальным исполнителем обещания оказался Сталин, выселивших татар за пределы Крыма.

По отношению к колонизированным христианским нациям Россия вела себя иначе. Наднациональная логика включает следующие этапы:

- оккупация христианских государств – Грузии, Армении, Польши, стран Балтии и т.д.;

- проведение политики разрыва с прошлым, цель которой сводилась к русификации;

- переоценка прежней национальной политики в соответствии с советскими стандартами после 1917 г.

Распад Золотой Орды завершился появлением ряда татарских (тюрко-монгольских) ханств. «Казань – сухая ветвь – отпала от засохшего дерева Золотой Орды, и принесла горький плод – второе государство под властью другого князя Орды». Казанское ханство непосредственно угрожало Московскому государству. На землях Казанского ханства проживали турецкие татары, чуваши, башкиры, угро-финские племена черемисов (марийцев), мордвы и вотяков. Москва некоторое время платила дань Казани и другим наследникам Золотой Орды, хотя русские историки XIX в. отрицали этот факт.

Иван III первым понял пользу «великой замятни» – конфликтов между наследниками Чингис-Хана. Татарские царевичи нередко уходили в Москву и одновременно поддерживались частью казанской олигархии. Эта ситуация стала основанием первой попытки Москвы (1468 г.) овладеть инициативой. Казанский хан заключил союз с Москвой против крымских татар – другой ветви Золотой Орды. В ответ крымский хан начал претендовать на Казанский престол. Москва начала искать более сговорчивых союзников, роль которых сыграли черемисы, а пользу извлекла Москва. Поход на Казань имел своей целью окончательный разгром «безбожных сарацинов, которые хорошо знали свою страну» (как писал князь Курбский) и призвали Литву ударить на Москву с тыла. Но Иван IV победил. Падение Казани облегчило положение народов, вынужденных подчиняться власти татар.

«И все же Pax Rossica не состоялась», – пишет Ферро. Восстания татар, черемисов, чувашей, мордвы, башкир продолжались более 200 лет – до восстания Е. Пугачева (1772-1775). Русские казнили всю знать казанских татар, остальных принудили платить земельный налог и выполнять другие повинности. В 1767 г. казанские татары представили Законодательной Комиссии Екатерины II «Жалобную книгу», в которой описали собственную двухсотлетнюю службу Москве и выразили согласие с русским правлением: «Мы служили Самодержавному Императору Петру Великому, благословенной и доброй памяти любимому деду Вашего Императорского Величества, и принимали участие во многих войнах и битвах – в 1614 г. против беглого монаха изменника Гришки, в 1612 г. против татарских бунтовщиков из казанской провинции, в 1639 г. защищали Самару от калмыков из Астрахани, в 1654 г. защищали Смоленск от поляков, а затем участвовали в подавлении башкирского бунта». В 1660 г. число

иноплеменников на службе русского царя составляло около 2000 человек, а 50 лет спустя оно было в 20 раз больше[22].

Но бесконечные экспроприации и битвы за независимость лишили собственности и истребили прежнюю татарскую элиту и правящий класс. Земля и другие трофеи достались царю, православному духовенству и татарским боярам, состоявшим на московской службе. Большинство колонистов были военными. После военной колонизации пришли духовные колонизаторы. В любом случае захваченная территория охранялась законом. Уложение царя Алексея (1649 г.) запрещало русским боярам, дворянству и представителям всех сословий покупать, обменивать, принимать в заклад и арендовать земли татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и башкир. Все перечисленные не имели права покупать земли русских колонистов. Это способствовало тому, что *небольшое число захватчиков-колонистов установило асимметричное равновесие,* суть которого – стабилизация собственности на землю.

Затем была проведена жестокая христианизация чувашей, черемисов и мордвы. Татары сопротивлялись, требовали разрешить строительство мечетей и выдачу паспортов для посещения Мекки. Но православная церковь использовала против татар давно известные на Западе процедуры:

- изъятие детей;
- принудительное крещение взамен военной повинности;
- «магометанские школы» под надзором православного духовенства.

В XIX в. сохранение ислама стало важнее татарского патриотизма. По переписи 1897 г. в России проживало 2,3 млн. казанских татар. Они противодействовали политике русификации, но постепенно дифференцировались: владели третью промышленных предприятий Казанской губернии; контролировали торговлю со Средней Азией; образовали первое мусульманское государство с сильным и образованным средним классом. Казанские татары были лидерами национальных движений в Российской империи. Первое мусульманское феминистское движение тоже возникло в Казани до 1917 г.

Колонизация башкир проходила иначе. Башкиры оставались разобщенным полукочевым обществом, которому нетрудно было навязать русское право и заставить платить дань. Русские колонисты освободили башкирскую аристократию от дани и предоставили ей статус тарханов. Для обработки земли башкиры нанимали беглых чувашей, вотяков и татар. До середины XVII в. число русских колонистов было незначительно. Но они были оседлыми, вследствие чего начался конфликт с кочевниками-башкирами. Конфликт стал постоянным после договора 1728 г., закрепившего права и обязанности государства, башкирских племен и русских колонистов. Первые признаки национального сознания появились в 1754 г. и выразились в первом национально-мусульманском движении. Его вождем стал Абдулла Мигсалдин – татарин, который хотел с божьей помощью прогнать русских и призывал единоверцев: «Не сотрудничайте с русскими грязными свиньями, проливайте их кровь, разоряйте их жилища и превратите их в рабов». В ответ последовали такие репрессии, что многие башкиры добровольно ушли в рабство к киргизам из опасения перед геноцидом. Но уцелевшие активно участвовали в восстании Пугачева. В конце 1774 г. Н. Панин докладывал Екатерине II: «Бунтовщики и башкиры заново подчинены скипетру Вашего Императорского Величества».

Так отпала первая ветвь Золотой Орды. Вторая начала чахнуть после присоединения Крыма к России. Теперь проблема переплелась с международными конфликтами и вышла за рамки российско-татарского конфликта. Крымские татары были вассалами Османской империи. Но затем заключили союз с персами и начали освободительную войну с турками. Чтобы достичь театра военных действий (район Дагестана), они двинулись через степи Приазовья.

[22] Ibid., s. 166.

Азов в то время уже принадлежал России. Это дало повод России вмешаться в региональный турецко-татарский конфликт и аннексировать Крым. В это же время греки и армяне вынуждены были бежать от преследований турок и селиться вокруг Азовского моря.

Аннексия Крыма подвигла императрицу на манифест: «Мы обещаем жителям Крыма от нашего имени и наших наследников удержать их равные права с нашими наследственными подданными, сохранить и защищать их личности, имущество, святыни, веру их предков, которая останется нерушимой. Обещаем также, что каждое состояние получит права и привилегии, какими пользуются соответствующие состояния в России. Взамен за мир, какой мы им приносим, мы требуем и ожидаем, что они были столь же лояльны, как наши подданные, и настолько же преданные, чтобы тоже заслужить императорскую ласку»[23].

В дополнение к манифесту «Северная Семирамида» направила декрет князю Потемкину (генеральному губернатору Новороссии) и потребовала собирать налоги (таможенный, соляной и т.д.) таким образом, чтобы «они не превратились в тягость для населения. Поступления от налогов должны направляться на обслуживание мечетей, школ и приютских домов. Надо воздвигнуть памятник в честь присоединения Крыма и татарских земель к Российской империи. Наконец, ни один из наших новых подданных не должен нести военную службу против своей воли и желания».

Аннексия Кавказских «провинций» (особенно Грузии) послужила причиной дискуссии о статусе новых территорий. Она проходила в 1820 г. вокруг вопроса: являются ли данные территории колониями? «Эти приобретения можно назвать нашими колониями с полным основанием, поскольку они дают нам колониальные товары. Мы называем их колониями, поскольку правительство не включает данные территории в систему государства, не делает из них части России и не русифицирует их население. Правительство желает сохранить их как азиатскую, но хорошо управляемую провинцию». Итак, Александр I считал колонией то, что во Франции называлось протекторатом. Земли в центре России (татарские и другие) уже стали частью государства, а их жители на практике убеждались, как русские цари выполняют обещания.

Та же судьба постигла новые территории – Грузию, Финляндию и Польшу, захваченные в эпоху революций и Наполеоновских войн.

Манифест о присоединении Грузии (1801 г.) напоминал обстоятельства, заставившие грузинского царя Георгия принять опеку России, которая согласились присоединить Грузию «навеки». Грузия сохранила контроль над своей территорией, а население получило тот же статус, который существовал в России. Манифест об аннексии Финляндии (до 1809 г. принадлежавшей Швеции) провозглашал сохранение прав, обычаев и религии края и гарантировал свободы и права сословий. Отсюда вытекало признание царя в «добровольной присяге Финляндии на верность России». Царь-самодержец России признавал: финским царем он является в результате выборов.

В 1815 г. после Венского Конгресса Александр I получил главную часть территории Польши и проявил либерализм, придав Польше статус государства. Правда, оно не имело права проводить независимую зарубежную политику, зато пользовалось благами конституции: свободой печати (ст. 16), сохранения оригинальных мундиров польского войска и остальных признаков польской нации (ст. 156), включая ордена Белого Орла, Святого Станислава и т.д. (с. 160). Поляки первыми ощутили блага действительного конституционного строя, которых были лишены русские. Александр I высказал пожелание, чтобы польская конституция послужила примером для остальных русских подданных. Однако либеральные веяния конституции 1815 г. и призыва к польскому сейму 1818 г. просуществовали всего

[23] Все цитаты из официальных документов и других источников М. Ферро приводит по английским изданиям работ Г. Вернадского.

несколько лет. Конституция легитимизировала восстания декабристов и польские восстания XIX в.

Политика повторных захватов

М. Ферро показывает, что главная цель национальной политики советской власти сводилась к *повторному захвату* Украины, Грузии и Армении, получивших независимость в период гражданской войны. Аннексия осуществлялась в три этапа:

- военная оккупация;
- навязывание оккупированной территории союза с Россией;
- ликвидация дипломатии и вооруженных сил бывших независимых территорий.

На Украине, в Грузии и Армении этот процесс завершился при Ленине (1923-1924 гг.). Другие нации прошли тот же путь при Сталине, который ликвидировал структуры, противодействующие унификации СССР (исламский социализм Султан-Галиева, еврейский Поалей-Сион и пр.).

Большевики в 1918 г. не представляли, что освободившиеся в результате революции нации возродятся в виде самостоятельных государств и будут насильственно объединены в одну страну. Ленинская критика «великорусского шовинизма» направлялась не по адресу. Вдохновители и исполнители этой политики были авторитарно-централистскими неоякобинцами, а не великороссами. Только в Грузии советская интервенция наступила после ухода германских войск и эта страна была вынуждена подписать союзный договор с Россией. По отношению к остальным территориям неоякобинцы применяли следующие методы:

- ограничение права на самоопределение наций рабочим классом (Финляндия, Украина) или партией рабочего класса (Бухара);
- стимулирование национализма (для создания Беларуси за счет Польши и балканизации Туркестана);
- вторичный захват территории под предлогом «предотвращения иностранной интервенции» (со стороны Турции, Японии и т.п.).

По отношению к повторно захваченным территориям политика советской власти сводилась к следующим действиям:

1. Дерусификация организаций, определяющих статус нерусских территорий (Комитет по делам Кавказа, Мусульманский Комитет, Комитет издательства «Жизнь национальностей» и пр.). Вначале Наркомнац состоял из нерусских, хотя трудно было найти большевиков – представителей всех наций Российской империи.

2. Борьба с царской русификацией путем возрождения национальных культур. Такая политика способствовала возрождению (Армения) и появлению национальных культур (некоторые народы Кавказа), устраняя явные и тайные фрустрации: «Советская власть может считаться эталоном стимулирования и использования в собственных интересах культур нацменьшинств (например, калмыков). Однако впоследствии эта политика возродила прежнюю вражду народов Туркестана – узбеков, казахов, таджиков и т.д.»[24].

Так возникла *дихотомия* между марксистской концепцией социального развития (воплощенной в советизации) и ленинско-сталинской этнической политикой (ее последствия проявились полвека спустя и существуют до сих пор):

1. Образование национальных и государственных единиц по принципу куклы-матрешки (федеративные республики, автономные республики, автономные округа, автономные области, края) позволило создать нерусскую интеллигенцию и доверить ей местные квазигосу-

[24] Ibid., s. 170.

дарственные функции. Со временем эти функции умножались и расширялись. Последствия проявились в период перестройки. Бакинская милиция целиком состояла из азербайджан, враждебно настроенных к армянам. Ереванская милиция была армянской и т.д. *Практический национализм в СССР возникал прежде всего внутри репрессивных органов и в армии.*

2. Постоянный рост числа нерусских кадров в федеральной конституционной системе общесоюзного уровня. Об этом свидетельствуют функции Сталина, Микояна, Хрущева, Шеварнадзе, Алиева и т.д. Этот процесс шел медленно, но неотвратимо. Зато на вершине партаппарата с середины 1920-х гг. формировалась противоположная тенденция – рост числа русских (особенно в ЦК КПСС).

Контраст указанных тенденций позволяет зафиксировать *предпосылки распада* СССР в 1989-1991 гг. К этому времени во главе страны находились славяне, а в руководстве республик Кавказа и Средней Азии русских не было. Речь идет о следующих феноменах:

1. Статус двойной национальности (федеральной и национальной) для большинства нерусских служил политическим авансом, но одновременно дискриминировал граждан, национальность которых не имела территориального статуса (прежде всего евреев). Свобода выбора национальности каждым советским гражданином оставалась фикцией. Если человек хотел оставаться евреем, он вынужден был согласиться с дискриминацией. Если еврей хотел быть обычным советским человеком (русским или татарином), выбор национальности наталкивался на расистскую реакцию функционеров коренной нации (особенно на Украине и в России). Для выхода из положения в Восточной Сибири была образована Еврейская автономная республика, затем преобразованная в автономную область (1934 г.). Но накануне распада СССР там проживало менее 10000 евреев.

2. Правовая советизация русских и не-русских унифицировала правовое положение и политическую культуру всех наций. Одновременно было проявлено насилие в отношении казачества в гражданской войне и народов, которые сотрудничали с немцами во второй мировой войне (крымские татары, чеченцы, ингуши, приволжские немцы и т.д.). Поскольку вершина союзной иерархии постоянно русифицировалась, послевоенная советизация преобразовалась в русификацию (особенно на Украине, в Прибалтике и Молдавии). Рост числа общесоюзных законов тоже был аспектом русификации, поскольку унификация правового статуса подрывала специфику национальной идентичности. Сопротивление русификации выразилось в следующих явлениях: незначительном числе смешанных браков в мусульманских республиках; отказе населения прибалтийских республик говорить по-русски; на Украине и в Грузии оно воплотилось в культурных, политических и религиозных формах.

3. Наконец, русское национальное сознание начало реагировать на колонизацию важных социальных сфер (СМИ, наука, культура, торговля) определенными нациями (евреями, грузинами, армянами). Пробуждение русского национального сознания кардинально отличалось от сопротивления других наций и в 1980-е гг. приобрело форму скрытой оппозиции советской власти.

Положение в СССР накануне распада сопоставимо с ситуацией в Алжире в 1950-е гг. В *отличие* от Алжира в СССР республики приобрели фактическую самостоятельность, а *подобие* состоит в том, что в Алжире аборигены считали себя мусульманами, арабами и алжирцами по отношению к французам. В Средней Азии аборигены тоже ощущали себя мусульманами, турками, персами, узбеками и таджиками, причем, таджики считали себя центром всего персидского народа. В этом смысле Таджикистан – единственный советский пример экспансии посредством колонизации.

Колонизованная нация как средство экспансии. В СССР не проводилось различие между аннексией и колонизацией территорий. На Западе аннексия определяется как завоевание

(оккупация) народов и позволяет установить различие между российско-советской аннексией балтийских стран и колонизацией Кавказа и Средней Азии. В западном смысле слова приобретения России на Кавказе и в Средней Азии являются колониями. Статус советских республик определялся разными критериями, которые бесконечно уточнялись официальными идеологами производно от коньюнктуры. В отношении несоветских соседей Москва применяла модель, цель которой сводилась к подготовке их присоединения к СССР. Это открывало дорогу безграничной экспансии. Бытие компартий закрепило практику *социальной* (а не политической) *аннексии*. Подчиненные партии находились вне империи как средства советской экспансии.

Этот процесс наиболее ярко проявился в Таджикистане. А его начало обусловлено независимостью Финляндии в соответствии с правом самоопределения наций. Сталин считал, что это «право применено вопреки нашей воле, поскольку оно дано социалистическим правительством не народу, а буржуазии» (декабрь 1917 г.). Поэтому Москва сразу признала финское большевистское правительство в Тампере. Но в Финляндии большевики потерпели поражение. Поэтому они сдвинули право самоопределения наций на рабочий класс и применили такую тактику на Украине: Москва признала Харьковское, а не Киевское правительство (избранное Киевским советом). Однако опыт Финляндии и Украины показал сопротивление национального рабочего класса экспансии Москвы. Поэтому второй сдвиг права самоопределения наций имел место в Бухаре, когда «партия рабочего класса» была признана правомочной инстанцией.

Не менее широко применялся другой метод – создание национальных приграничных движений для давления на соседнюю страну с целью повторного захвата части ее территории. Эта практика применялась в Карелии для присоединения к СССР ее финской части, а также в Белоруссии, в которой существовало движение автономистов, но социалисты его не признавали до 1917 г. После 1920 г. Сталин подстрекал белорусских большевиков претендовать на часть Литвы и Польши. Оба метода применялись в советской и иранской части Азербайджана и Таджикистане и иллюстрируют бесконечный горизонт советского экспансионистского мышления.

Территория таджиков примерно соответствует древней Согдиане – цивилизации, давшей миру Авиценну и Фирдоуси. Но она всегда была яблоком раздора персоязычной Бухары и туркоязычного Коканда, населенного узбеками. Для выхода из положения в советском Узбекистане была образована Таджикская автономная область. Этот акт возродил национальную идентичность таджиков, в которой большую роль сыграли школьные учителя. Затем таджики поставили вопрос о «топорном делении» прежнего российского Туркестана, поскольку центры таджикской цивилизации (Бухара и Самарканд) находились в Узбекистане. У таджиков не было городов и они заново доказывали свою идентичность путем перевода таджикского языка на латинский алфавит: «Так латинизация вписалась в план национального самоутверждения»[25]. Сталин поддержал это движение для ослабления узбеков, мотивируя поддержку крайней бедностью таджиков.

Создание Таджикской автономной республики (1925 г.) открывало широкие горизонты. Она была образована из восточной части прежнего Бухарского эмирата, а четыре года спустя преобразована в полноправную советскую республику. Этот акт осуществлен после полного разгрома басмачей и «предания забвению» авантюры Энвер-Паши, штаб которого находился в Душанбе. Так ответила Москва на падение собственного союзника – афганского короля Амануллы. Для придания большего веса Таджикистану, Москва прирезала ему крышу Памира – восточную часть Горного Бадахшана, хотя этот район населен киргизами и должен был

[25] Ibid., s. 173.

войти в состав Киргизии. Но создание Таджикистана направлялось на укрепление его персидской идентичности для противовеса республикам с турецкой идентичностью.

Советская концепция истории таджиков превратила их в центр персидской цивилизации. Историк и первый секретарь Компартии Таджикистана Б. Гафуров утверждал, что «Спитамен был таджиком и 23 столетия тому назад прогнал Александра Македонского из нашего края. Кроме того, таджики первыми начали сопротивляться нашествию монголов. Таджикистан – родина великого поэта Фирдоуси – помог персам возродить самобытную культуру, которая подавлялась реакционным режимом Тегерана». Персидский революционер А.Лахути превратился в «народного поэта Таджикистана» и пророчествовал, что Иран вскоре станет «незапятнаным и свободным подобно советской земле». «Пятно» означало нефтяную концессию Англо-Иранской Кампании.

Таджикистан стал плацдармом возрождения Персии и военной базой восстановления российского влияния в Афганистане. Последний поворот этой истории имел место в 1979 г. Идея возврата Афганистана в зону советского влияния сохранилась потому, что Афганистан участвовал в гражданской войне в России в качестве военной базы и места дислокации басмачей. «Советская энциклопедия» писала, что таджики, узбеки и туркмены – главные нации Афганистана, но в СССР каждая из них является советским народом и имеет свое государство. Число таджиков в Афганистане оценивалось в 2-3 миллиона (24% в провинции Герат, 48% в провинции Кабул и т.д.). Советские «спецы по этнической истории» напоминали, что в ХУШ в. афганские племена Ахмад Хана захватили южную часть Бухарского ханства и таджикский регион Балх, что привело к распаду данного многонационального государства: «Исторические реминисценции обосновывали повторный захват части Афганистана и предотвращали любое вмешательство Кабула в дела прежнего Туркестана»[26].

При создании Таджикской автономной республики Сталин направил приветствие ее руководству: «Слава Таджикистану – новой республике трудящихся масс у ворот Индустана… Пусть она служит образцом и примером народам Востока». После установления независимости Индии (1947 г.) этот рецепт потерял смысл. Но не помешал лауреату Сталинской премии 1948 г. Мирзо Турсун-Заде призвать индусов присоединиться к Таджикистану, столица которого Душанбе-Сталинабад за 20 лет выросла от 5000 до 82000 жителей.

И все же возвышенные проекты советской экспансии в сторону Ирана, Афганистана и Индии столкнулись с реальным положением и ментальностью таджиков. Местное руководство не имело никакого понятия о стратегических целях великого вождя, а руководствовалось простыми и общедоступными целями – изгнать русских и создать «великий Таджикистан» за счет соседей-узбеков. В 1930-е гг. этого добиться не удалось. В 1990-е гг. эта цель начала воплощаться в жизнь.

Коминтерн и колонизированные народы. II Интернационал осуждал колониализм в целях замены его социализмом. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» (1914 г.) одним из первых подчеркнул «прогрессивную» роль национальных требований: колониальная политика улучшала материальное положение рабочих и тем самым тормозила социальную революцию в Европе. Поэтому национальная борьба с империализмом есть элемент пролетарской борьбы. Конечно, позиция Ленина радикальнее позиции вождей II Интернационала, но и он не считал национальные требования колонизированных наций *самоцелью*.

Кардинальное отличие будущего колонизированных наций от перспективы пролетарской революции фиксирует показательный пример. В разгар первой мировой войны (1916 г.) швейцарец Е. Приват созвал в Лозанне конференцию угнетенных наций Австро-Венгрии. На

[26] Ibid., s. 174.

нее неожиданно прибыли представители угнетенных наций России, египтяне, армяне, жители Туниса и т. д. В Швейцарии в то время находилось большинство российских социалистов (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов), но никто из них не пришел на конференцию (за исключением финна Куусинена). Лидеры всех социалистических партий России не придали значения конференции угнетенных наций: «Только французский журналист и националистический историк Ж. Бенвиль заметил, что национальный и колониальный вопросы - две стороны одной медали, и рекомендовал правительству Франции не поддерживать национальный вопрос в Австро-Венгрии, поскольку это чревато последствиями для французских колоний»[27].

В 1917 г. нации Российской империи восприняли падение царизма и Временного правительства как шанс освобождения. Попутно они убедились, что Ленин провозглашал право самоопределения наций только для ускорения краха прежнего режима. Сразу после революции – во имя революционной солидарности - Москва сочла, что реализация данного права ослабит лагерь мировой революции, перспективы которой обсуждались на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. Несмотря на победы Красной Армии, будущее мировой революции оставалось неопределенным. В этих условиях индус Рой сформулировал тезисы:

- судьба европейской революции целиком зависит от революции на Востоке;
- революция на Востоке совершенно противоположна националистическим движениям, которые находятся в руках контрреволюционной буржуазии (особенно в Индии).

Ленин не согласился с тезисами индусского коммуниста. Интерес Ленина как Председателя Совнаркома состоял в поиске союзников, способных ударить в тыл враждебных государств. Поэтому Ленин сделал ставку на буржуазную партию Индийский национальный конгресс за счет «незрелой» компартии Индии.

М. Ферро считает, что дискуссия русского и индусского революционера содержит зародыш *конфликта* имперских интересов СССР со стремлениями революционеров колониальных и полуколониальных стран. Обострение конфликта произошло на съезде трудящихся Востока в Баку (июль 1920 г.), поскольку колониальный вопрос был центральным пунктом обсуждения. Влияние данного съезда на страны Азии значительно больше влияния конгресса Коминтерна. Трудящийся Восток представляли мусульмане Средней Азии (из 1891 делегата было 235 турок, 192 перса, 8 китайцев, 8 курдов, 3 араба, остальные – из нерусских частей РСФСР). Они с одобрением встретили декларации К. Радека и Г. Зиновьева: «Вы издавна привыкли преодолевать пустыни на пути к священным местам. Сегодня вы преодолели пустыни, горы и реки ради встречи и обсуждения способа освобождения от цепей и объединения в братский союз для жизни в свободе, равенстве и братстве». Съезд отвечал на эти слова обнаженными шашками, револьверами и криками «Джихад!», «Да здравствует возрождение Востока!» (эта картина запечатлена кинокамерой).

Едва прошло возбуждение, мусульмане предъявили претензии к Москве: «Мы были вынуждены выносить презрение прежних правящих классов по отношению к массе аборигенов. Однако коммунисты сохранили ментальность господ и по-прежнему считают мусульман своими подданными». Истину и вред такого положения подтвердил личный представитель Ленина Г. Сафаров: «В Туркестане диктатура пролетариата приобрела типично колониальный характер». Большевики на съезде блокировались с меньшевиками и эсерами и осудили требование аборигенов Кавказа не вступать в социалистические партии. III Конгресс Мусульманских коммунистических организаций Туркестана потребовал преобразовать Туркестанскую организацию РКП в Турецкую компартию. На съезде было сказано также, что классовая солидарность не имеет смысла в колониях. Мусульмане считали национальные ре-

[27] Ferro M. Op. cit., s. 264.

волюции единственной гарантией освобождения Востока, а проблему руководства движением (буржуазия или национальная компартия) полагали второстепенной. На деле такие революции были единственным средством обретения национальной идентичности.

Конфликт развивался до 1923 г., когда *национальный уклон* был осужден Лениным, Сталиным и Зиновьевым, а его лидер Султан-Галиев (татарский коммунист и бывший заместитель Сталина в Наркомнаце) – исключен из партии. Султан-Галиев отмечал принципиальное различие западного и восточного пролетариата и отсутствие у них стремления к объединению. Его главный тезис звучал так: мусульманские народы – это пролетарские нации и потому мусульманское национальное движение имеет характер социалистической революции. Из этого тезиса вытекал ряд следствий: понятие «пролетарской нации» фиксировало пропасть между Западом и Востоком; западный пролетариат есть один из социальных классов, а нации Востока полностью пролетарские; замена буржуазии пролетариатом не изменит отношения западного пролетариата к угнетенным странам Востока, поскольку западный рабочий класс унаследовал национальные стереотипы западной буржуазии; поэтому надо заменить диктатуру западных метрополий диктатурой пролетарских наций над метрополиями; для этого надо создать коммунистический интернационал колонизированных стран, независимый от Коминтерна; первый этап на этом пути – создание Турана – большого национального турецкого государства. Все эти утверждения совершенно противоречили теории марксизма и практике советского социализма.

Иначе говоря, Султан-Галиев связал ислам с коммунизмом и создал теорию исламского коммунизма путем дополнения коммунизма элементами восточной культуры. М.И. Калинин на IV съезде Коминтерна (1923 г.) утверждал совершенно противоположное: «Советская политика должна быть направлена на внедрение в народы киргизских степей, узбеков и туркменов идеалов ленинградского рабочего».

«Султан-Галиевщина» ликвидирована насильственными методами. После «нормализации» положения в Туркестане Коминтерн продолжил политику использования национальных движений в своих интересах. Типичный пример – торговый договор Лондона и Москвы (1921 г.), согласно которому Москва обязывалась прекратить антианглийскую пропаганду в Азии. Советский европоцентризм насаждался с типично русским невежеством и грубостью. Российские коммунисты определяли характер национальных движений и решали, какие из них достойны поддержки. Это возмутило представителей Малайи, Вьетнама и Индии на III и IV Конгрессах Коминтерна. Коммунистические лидеры стран Востока считали национальную революцию лишь этапом на пути пролетарской революции. Коминтерн не видел никаких других перспектив на Востоке, кроме национальных революций. Тем самым вожди Коминтерна подчеркивали (не говоря вслух): социальная революция может произойти только на Западе; СССР имеет право определять, какой народ может и должен совершить революцию.

Эта политика была применена в Китае, вследствие чего Коминтерн поддержал Чан Кайши и сыграл главную роль в поражении китайской революции 1928 г. С учетом отношения Сталина к мусульманским коммунистам не исключена однозначно отрицательная оценка роли СССР и Коминтерна в борьбе колонизированных наций с империализмом. Но такая оценка не учитывает, что Коминтерн мог сыграть роль «горючего материала» националистических движений колониальных стран. Султан-Галиев, М. Рой и Тен Малака (малайский коммунист) сомневались, что СССР желает действительного освобождения колоний. Но в 1935 г. Коминтерн заменил лозунг классовой борьбы лозунгом Народного фронта, т. е. национальной борьбы. После этого Хо Шимин и филиппинские коммунисты присоединились к Коминтерну и совместно с демократическими государствами начали борьбу с японским фашизмом и его союзниками. Характерно, что в 1935 г. М. Торез тоже провозгла-

сил лозунг поддержки алжирского народа и начал контакты с алжирскими национал-реформаторскими «буржуями», которые в период классовой борьбы считались контрреволюционными. Торез подчеркивал необходимость союза алжирской и французской наций для борьбы с итальянским и германским фашизмом.

Однако позиции и главные тезисы националистических движений не изменились. На некоторое время они «ушли в подполье», хотя были известными малайским, индусским и китайским коммунистам. В 1960-е гг. Бумедьен и Каддафи возродили идею «пролетарских наций», не ссылаясь на предшественника. Но теперь к ним принадлежат арабы, а не татары и турки (как считал Султан-Галиев). Концепция татарского коммуниста функционирует в настоящее время и потому обладает значительным историческим и политическим потенциалом. После установления независимости Ливии, Алжира и Ирана в этих странах *воплощена идея замены диктатуры западных наций диктатурой наций третьего мира.*

Восточная политика Коминтерна ограничивалась народами турецкого и мусульманского происхождения, персами, индусами, вьетнамцами, малайцами, индонезийцами и китайцами. До второй мировой войны эта политика почти не затрагивала арабов. Только в Сирии и Ливане существовали более-менее организованные компартии. Черная Африка тоже выпала из поля действий Коминтерна (за исключением ЮАР, в которой была компартия). Контакты других африканских стран с Москвой ограничились учебой нескольких негров в Университете трудящихся Востока.

Распад или воспроизводство империи?

На основе общей концепции колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и Советского Союза французский историк ставит проблему *воспроизводства колониализма* в современной России и других странах СНГ. Он отмечает, что в СССР национальные движения не выходили за рамки сепаратизма (Прибалтика, Украина, Армения, Грузия). Но на закате советской империи идея национальной независимости казалась «голубой мечтой» (таким выражением пользовались прибалты при Горбачеве, когда началась либерализация советского государства). Поэтому на первых свободных выборах национальные движения выдвинули лозунг *союзного договора.* По существу это был лозунг деколонизации. До 1989 г. «реформаторы» (Народный фронт) конкурировали с «традиционалистами» (Интерфронт). Армянский лозунг «Карабах, Карабах!» возродил этнические и национальные стремления, которые казались подавленными и устаревшими.

После этого по Советскому Союзу прошла волна национализма. Горбачев попал в классическое положение государственного лидера, который ради сохранения единства уступает давлению смельчаков или наглецов. Горбачев – это Керенский и де Голль в одном лице: первый доверил руководство армией Корнилову, второй – Салану. В обоих случаях военные пытались осуществить государственный переворот. Горбачев тоже вводил в правительство «традиционалистов», чтобы держать их под контролем, а они устроили государственный переворот.

Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин заменил Президента СССР Президентом России, провозгласил суверенитет, а затем выход России из Союза и роспуск КПСС. Тем самым он предоставил свободу остальным республикам, которые поступили аналогичным образом. Союзные структуры превратились в пустую скорлупу, а пост Президента СССР – ненужным. Затем Россия призвала независимые республики заключить с нею союз. Хотя не все прислушались к призыву, возник Союз Независимых Государств без Грузии (она присоединилась к нему в 1993 г.) и прибалтийских республик. Внутри РФ эта тенденция при-

вела некоторые республики (татар, чеченцев и др.) к разрыву с Москвой. Итак, *центр стал инициатором центробежного движения*. Такого в истории еще не бывало.

СССР формально распался, но после 1993 г. возрождаются прежние связи. Поражение консервативного государственного переворота[28] не изменило положение СНГ и других государств бывшего СССР. Наоборот, после распада СССР и разложения КПСС (контролирующей госаппарат) *общие свойства превзошли прежнее единство*. Речь идет о следующих явлениях всех республик:

- дезорганизация экономики (даже в прибалтийских странах);
- сохранение политической элиты от 30 до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы);
- сохранение властных связей и отношений внутри и между республиками.

Новая ситуация была порождена этническими конфликтами в Молдавии, на Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии. Москва сочла их настолько опасными, что спешно занялась репатриацией Советской армии в Россию. До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе. Те же самые шаги предприняты на Курилах.

Некоторое время в России шла борьба за власть между Б. Ельциным и парламентом. Затем вспыхнули другие конфликты. Они выходят за рамки государств, возникших на территории бывшего СССР, частично укрепляют и разрушают тенденции национальной идентичности и зависят от ряда *парадоксальных предпосылок, порождающих непредвиденные следствия.* Чтобы лучше понять механизм воспроизводства колониализма в СНГ, М. Ферро анализирует отношение между периферией и центром и формулирует ряд принципиальных положений для анализа и оценки современного положения на территории бывшего СССР.

Первый тезис. Мусульманские республики обладали собственным аппаратом управления до провозглашения независимости. При Брежневе узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы – Азербайджаном и т. д. После армянских погромов Горбачев выразил удивление фактом невмешательства сил МВД и КГБ в этот процесс. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев ради защиты армян». Значит, силы безопасности Азербайджана были уже азербайджанскими, а не советскими. То же самое произошло в других республиках. Другой пример: в Казахстане возникли беспорядки после снятия с поста республиканского секретаря Д. Кунаева – противника перестройки. Первый секретарь ЦК КПСС не заметил, что противник был казахом, а сменивший его на посту человек – русским. Иначе говоря, советские республики становились все более самостоятельными.

Второй тезис. Независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму (поэтому их нельзя сравнивать с Тунисом и Марокко, которые в 1950-е гг. совместно с Парижем определяли этапы отделения от Франции). В Средней Азии возник феномен *превращенного сепаратизма:* руководители республик стремились захватить власть над центральными институтами СССР. Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. В конфликте Горбачев-Ельцин руководители республик поддерживали первого, а не второго. Один хотел сохранить Союз, другой начал процесс республиканского сепаратизма провозглашением суверенитета России. Это ликвидировало пользу, которую республики тянули из центра. Поэтому руководство республик стало на сторону заговорщиков.

Третий тезис. В России перестройка была воспринята как движение к свободе. Руководители мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отноше-

[28] «Термин путч совершенно не соответствует действительности, поскольку в число заговорщиков вошли главы гражданских, военных и репрессивных ведомств – руководители государственного аппарата как тела политического строя». Ibid., s. 349.

ний, которые еще более окрепли при Советской власти (местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.). В период «гласности» Москва приписала мафиозные интересы только узбекам, поскольку Узбекистан занимался производством мака (непищевого растения). Едва ислам потребовал строить мечети, это сочли святотатством. Между тем центральная власть давно открыто флиртовала с Русской Православной Церковью. Все требования мусульманских республик Москва считала «происками Тегерана». Следовательно, Москва сама *подтолкнула* возрождение всех видов религиозно-политического исламизма – от шиитского интегратизма в Таджикистане через различные суннитские толки до светского ислама в Азербайджане. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских республик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция (в Иране и других странах) предшествовала кризису и распаду СССР, что затормозило тягу советского ислама к указанным государствам.

Четвертый тезис. Среднеазиатские республики бывшего СССР являются *постколониальными*, поскольку провозглашению независимости предшествовал исход русских. При других обстоятельствах этот процесс был бы *удачной деколонизацией*. Однако некоторые республики задержали «своих» русских и призвали новых русских «сотрудников» - представителей силовых структур. Лишь в Казахстане складывается другое положение, поскольку численность русских и казахов примерно равны. Поэтому ответственность разделяется на всех уровнях и провоцирует постоянные этнические конфликты. В республиках с превращенным сепаратизмом (особенно на Кавказе) возрождаются прежние этнические конфликты (армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, осетин и ингушей и т.д.). Эти конфликты восходят к древним временам, предшествующим господству Российской империи в этом регионе. Здесь возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. *Современный Кавказ – образец доколониальной, а не постколониальной ситуации.* А Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах.

Пятый тезис. Положение в мусульманских и кавказских республиках обретают особый смысл на фоне аналогичных событий в Сибири. Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого требовали отделения от правительства России, а не от России, подчеркивая роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства:

1. На Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что свидетельствует о нарастании конфликта центральной власти с представительными институтами.

2. Национальные республики Сибири (Тува, Якутия-Соха и Бурятия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами». Эвенки требовали перехода от территориальной к национальной автономии в рамках России, а не Сибири.

Сравнение этих фактов со вторым тезисом показывает *принципиальное различие* национальной идентичности и этно-сепаратистских тенденций. Например, отделение от Москвы не было главным мотивом действия прибалтийских республик в начале перестройки. Затем сепаратизм стал преобладать в Прибалтике, Грузии, на Украине, в Армении. Но если христианские нации выступают за национальную идентичность, то в других районах эта тенденция выражена слабо. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает «самостийно» распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

Итак, главная проблема СНГ – отрицательное отношение к концентрации и централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики здесь нет. Таково *общее свойство* всех национальных движений в колониях. В СНГ возрождается старый антагонизм исполнительной и законодательной власти. В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в Советском Союзе – советы. Но эти органы так и не добились приоритета перед местной администрацией, независимо от высокой компетенции представителей (земство) и реальной репрезентативности (советы). Поэтому история СССР может рассматриваться как *аннексия* (поглощение) низших уровней власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями (посредством демократического централизма). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы – вернуть им права представительной власти. В 1993-1994 гг. Ельцин ликвидировал советы.

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: «верхи» и «низы» игнорируют разделение властей. Например, Ельцин назначал своих наместников в области и края, губернаторы которых тоже назначаются Москвой. Значит, в современной России нет реального местного самоуправления. Мэр Санкт-Петербурга А. Собчак (в русской терминологии – «демократ») не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных и необразованных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят из образованных и компетентных людей, но не имеют никаких законных прав и средств, кроме *противостояния* власти. Таким образом, представительные органы тоже руководствуются идеей единства законодательной, исполнительной и судебной власти и игнорируют разделение власти. А поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала *подвижным и постоянным элементом проблемы власти.* Таков *шестой тезис* Ферро.

В заключение он констатирует, что конфликт центральной и представительной власти на высшем уровне (сегодня это советы, завтра будет дума или аналогичный синклит) скрывает множество проблем воспроизводства колонизации (во всех ее разновидностях) в СНГ и России. Такое положение сохранится до тех пор, пока на места не будет передана реальная исполнительная власть. Однако местная власть наиболее сохранилась со времен перестройки и государственного переворота. Она является рассадником сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Руководители областных советов на 80% состоят из представителей бывшего партаппарата. После кровавой стычки Ельцина с парламентом (октябрь 1993) их элиминирование по-прежнему проблематично.

События в нынешней России развиваются специфически. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она стимулирует такую рефлексию об идентичности, которая преобразуется в национализм, направленный против центра. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применяет ту же тактику лавирования, которой пользовался его соперник и предшественник.

«Перечисленные тезисы показывают, – констатирует Ферро, – что проблема национальной идентичности (рождения наций) связана с этническими, языковыми и религиозными мотивами, а также с управленческими, политическими и идеологическими причинами. Последние могут, но не обязательно должны вступать в конфликт с перечисленными мотивами. В нынешней России стремление к самостоятельности вытекает из всех указанных посылок, независимо от этнического состава населения. Следовательно, нация – это одновременно постоянная и преходящая форма общества»[29].

[29] Ibid., s. 356.

Попутные замечания

Я не исчерпал всю проблематику анализа прошлых и современных форм колониализма, содержащуюся в труде французского коллеги. Выскажу несколько частных замечаний.

Известное определение «История России есть история страны, которая колонизируется» В.О. Ключевский заимствовал у С.М. Соловьева, у которого существовала система взглядов на колонизацию России, заимствованная у западно-европейских историков[30]. Эту теорию Соловьев считал своим нововведением в историографию России и не ссылался на первоисточники. Термин «колонизация» впервые употреблен Соловьевым в публичных лекциях 1851 г. Соловьев считал, что территориальный рост русского государства *предопределен* заселением огромных пространств путем колонизации. Восточно-славянское население выделяло из своих рядов поселенцев, проникающих все дальше вглубь Евразии. На северо-востоке проживали финно-угорские народности и колонизация была мирной, поскольку образы жизни пришельцев-земледельцев и аборигенов-звероловов дополняли друг друга. На юго-востоке колонисты вели непрерывную борьбу со степными кочевниками.

С.М. Соловьев рассматривал феномен русской колонизации в контексте мирового исторического процесса, подчеркивая родство германской и славянской колонизации и сравнивая расширение русского государства с процессом завоевания европейскими державами заморских колоний. Соловьев считал главным предметом исторических исследований развитие государства. Одновременно он отмежевывался от Н.К. Карамзина, который полагал территориальный рост России результатом непрерывных войн с соседями. Вместо теории завоевания Соловьев выдвинул теорию колонизации. При ее разработке он опирался на западно-европейские концепции, наполняя их материалом из русской истории.

Действительно, в Великобритании в 1840-е гг. возникло новое направление в политической экономии – теория колонизация. Она изучала экономические и социально-экономические проблемы колонизации и стремилась выработать рекомендации для английского правительства. Однако Соловьев при изложении русской истории упустил из виду проблемы, описанные в книге М. Ферро. Молодой Соловьев считал колонизацию позитивным явлением. Зрелый Соловьев придавал колонизации негативное влияние на русскую историю. Русская колонизация исчерпывала людские ресурсы, способствовала низкой плотности населения и постоянной миграции, препятствовала распространению частной собственности и применению наемного труда. В конечном счет русская колонизация усилила отставание России от Европы и укрепила самодовлеющие тенденции социального развития. В конце жизни Соловьев пришел к мысли, которая в 1920-е гг. стала евразийским шаблоном: «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или украйна со стороны Азии. Это украинское положение, разумеется, должно иметь решительное влияние на ее историю».

Требует уточнения также положение о господстве религиозных мотивов в борьбе между монголами, европейцами и мусульманами. Нередко эти мотивы объяснялись властными интересами мусульманских властителей. В частности, выдающийся германский исламовед А. Мюллер показал: многие мусульманские властители хотели сделать из своих крошечных государств нечто значительное и прибегали к помощи разных конфессий. Например, халиф Афдаль рассчитывал на крестоносцев, а халиф Насир (представители династии Аббасидов, 1180-1225 гг.) – на монголов: «Желая как-нибудь поживиться на счет богатого соседа, халиф убедил из корыстных видов монгола Чингисхана напасть на область шаха Хорезма, нисколько и не подозревая, подобно всякому жившему в западной Азии, подлинной силы этого

[30] См. об этом подробнее: Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 150-154.

страшного человека. Таким образом, признаваемый всеми за сберегателя веры, сам он накликал катастрофу, погубившую все исламские государства»[31]. Иначе говоря, монгольское иго над странами ислама было мотивировано внутренними мотивами властной конкуренции. Аналогичные мотивировки можно обнаружить и в истории Северо-Западной Руси, князья которой нередко призывали монголов в целях борьбы с православными соперниками.

Этот мотив можно обнаружить и в противоборстве Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра I до 1907 г., когда был заключен англо-российский договор. Отметим несколько моментов:

1. Использование науки для маскировки колониальных предприятий. Так, во время неудачной экспедиции по захвату Хивы в 1839 г. генерал Перовский хотел, «…чтобы англичане поглубже увязли в своей афганской авантюре и оказались не в состоянии протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве. Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься»[32].

2. Лозунг цивилизации связан с неопределенностью границ между государствами, и все европейские страны, включая Россию, были заинтересованы в неопределенности для маскировки захватов. Так, меморандум Горчакова составлялся просто для того, чтобы Россия могла выиграть время: «Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг… В действительности же тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте»[33].

3. Мнимый конфликт между дипломатией и военными в период колониальных завоеваний. Спустя некоторое время после меморандума Горчакова был издан труд полковника М.А. Терентьева «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии». Его взгляды были полной противоположностью Горчакову. «Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована»[34]. Позиция военных бала выражена генералом Скобелевым в связи с взятием крепости Геок-Тепе. Младенцев кололи штыками, рубили на куски, женщин перед смертью насиловали. В течение трех дней Скобелев позволял своим войскам, среди которых было много пьяных, насиловать, грабить и резать. В оправдание своих действий он впоследствии заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх»[35]. После аннексии Мерва русские ответили,

[31] Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: Астрель, 2004. – С. 899.

[32] Хопкирк П. Указ. соч., с. 256.

[33] Там же, с. 414.

[34] Там же, с. 429.

[35] Там же, с.476

что «…это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации»[36].

4. Россия из завоеванных ханств создавала Центрально-Азиатскую империю. А царь Александр II, как гласило официальное заявление, «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». В действительности большинство населения в таких случаях выступало как против русских, так и против их местных марионеток. После взятии Коканда в 1875 г. оказалось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. А местные царьки (типа Якуб Бека) стравливали Англию, Россию и Китай в данном регионе для сохранения своих позиций[37].

Кроме того, в современной историографии показано, что Афганистан должен был стать базой для экспорта революции в Индию – одной из главных целей Коминтерна. Для Москвы крайне важным было переключение внимания Кабула на южное направление его внешней политики – Индию. Для этого советская сторона (согласно секретным приложениям к договору между Г.В. Чичериным и афганской делегацией от 28 февраля 1921 г.) должна была оказывать Афганистану военно-экономическую помощь: безвозмездное ежегодное пособие в размере 1 млн. руб. золотом; оборудование телеграфной линии Кушка-Герат-Кандагар-Кабул; направление в распоряжение афганского правительства технических и других специалистов, 12 самолетов, школы авиации, 2-4 батареи зенитных орудий, 5000 винтовок с запасом патронов, строительство завода для производства бездымного пороха. Договор ратифицирован обеими сторонами. Но Кабул вмешивался в бухарские дела, стимулируя басмачей. Советское руководство продолжало оказывать помощь Афганистану, несмотря на это вмешательство. Политбюро смирилось с помощью Афганистана повстанцам Средней Азии, так как считало возможным использовать Амануллу-хана в своей политике на Востоке как противовес влиянию Англии. В результате такой политики повстанческое движение в Средней Азии против советской власти продолжалось еще 10 лет. Причем Сталин сам в обход НКИД и ОГПУ возглавлял практические меры в этом направлении. В результате советские войска под руководством В.М. Примакова воевали против врагов Амануллы-хана[38]. Иначе говоря, советское правительство само провоцировало движение басмачества ради достижения стратегических колониальных целей.

Наконец, реальное значение лозунга цивилизации и цивилизующей роли Москвы в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии неплохо описано в мемуарах К. Филби - легендарного советского шпиона, члена Кембриджской «четверки». Его жена Р.И. Пухова-Филби сообщает много сведений о советской бытовой цивилизации. После разоблачения и перебежки в Москву КГБ посылало К. Филби в путешествия. При поездке в Сибирь его поместили на пароход «Комсомолец», в котором гальюн был отвратительным. «Кому довелось посещать подобные заведения на наших вокзалах, тот может себе представить себе этот уровень «гигиены»… Чтобы сократить до минимума эти визиты, мы приспособили под ночной горшок банку из-под варенья, которую опоражнивали через иллюминатор»[39].

Во время поездки в Тбилиси К. Филби с женой поселили в центральной гостинице. В буфете были только молочные продукты и сосиски. Как оказалось, у грузин этим завтрак не ограничивался: четверо покидали буфет, оставив под столом с полдюжины бутылок шампанского. Молодые люди, с которыми они разговорились, сетовали, как трудно живется интеллигенции в коррумпированном обществе. Грузинские чекисты подвергли гостей культуре

[36] Там же, с. 486.

[37] Там же, с. 418.

[38] См.: Гиленсен В.М. Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов // Восток. – 2002. – № 2. – С. 56-70.

[39] Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – С. 569.

грузинских тостов: вначале за родителей, затем за мир, потом за детей и пр.: «И нам не удалось пригубить вина, пока не были исследованы все аспекты этой проблемы. А вполне цивилизованному человеку (сотруднику КГБ) не хватало такта и чувства юмора, чтобы смягчить ситуацию. Для Филби эта процедура была мучительна. Официальный тон застолья нам так и не удалось переломить»[40].

При поездке в Армению-Азербайджан-Среднюю Азию хозяева постоянно наливали самый дорогой коньяк, хотя ни Филби, ни его жена не пили. А в дешевом сухом армянском вине им отказали. Потом выяснилось: приставленный телохранитель уносил домой початые бутылки коньяка. Глава армянского КГБ постоянно следил за недопитой рюмкой, воспринимая это как личную обиду. В то же время не протестовал против откровенной нищеты армян. Любая экскурсия превращалась в застолье. «Мы изъездили Армению вдоль и поперек, любовались древними памятниками архитектуры и искусства. Но когда я пытаюсь возродить эти воспоминания, все заслоняют непрерывно жующие челюсти»[41]. А когда собирались в дорогу, горничная – «добродушная бабушка неожиданно превратилась в злую фурию. Стала носиться из угла в угол, толкая меня. Однако, увидев на столе деньги, стыдливо оставленные мной, сразу бросилась целовать»[42].

При приезде в Азербайджан «…нас встретил глава азербайджанского КГБ. Они постоянно обнимались с Сашей (водителем-армянином), навязчиво демонстрируя, как могут любить друг друга армянин и азербайджанец. Это только доказывало, что не все ладно «в нашей дружной семье единой». В Баку гостей поселили в люксе размером с танцевальный зал. Вдоль стены тянулся огромный сервант, совершенно пустой – ни стакана, ни ложки. Зато в центре стоял рояль. При поездках мнение гостей никого не интересовало и им ничего не объясняли. Зато кавказские экскурсоводы по болтливости напоминали турок: «Ким рассказывал, как в Стамбуле, чтобы отделаться от назойливого гида, он поставил ему условие: заплатит ему только в том случае, если тот не произнесет ни слова. Через короткое время гид не выдержал и заговорил»[43].

В Ашхабаде поселили в современной гостинце, где не было воды. От приглашения к тете сопровождающего сотрудника ГБ невозможно было отказаться, поскольку тетя обидится. На всех таких встречах самым трудным было то, что исчерпав все слова благодарности и восторга по поводу приема, мы не знали, о чем с ними говорить. Во время поездки по самым богатым колхозам нам везде показывали очень дорогие позолоченные памятники вождям и героям. А в роскошных домах культуры канализацию заменяли далеко не «культурные» дырки. Ким не мог понять, почему тратятся громадные деньги на помпезные памятники вместо того, чтобы использовать их на устройство канализации. После такой поездки по приезду домой Ким Филби сказал: «Давай забаррикадируемся, чтобы никого не видеть и не слышать»[44]. Эти поездки проходили в 1970-1980-х гг. и показывают реальные бытовые следствия использования дипломатами лозунга цивилизации ради новых завоеваний.

Заключение

Концепция французского историка позволяет систематизировать громадный исторический материал для углубления представлений о колонизации, колониализме и неоколониа-

[40] Там же, с. 576-577.
[41] Там же, с. 582.
[42] Там же, с. 583.
[43] Там же, с. 583-585.
[44] Там же, с. 585-589.

лизме. Наиболее важны выводы М. Ферро о принципах и проблемно-понятийной структуре анализа.

Схема «великие географические открытия – колониальная экспансия – империализм – деколонизация» не соответствует исторической реальности. Начало колонизации не совпадает с эпохой географических открытий, а связано с обоюдной священной войной христианства с исламом. Представители обоих религий считали торговлю формой священной войны. Страсть к деньгам – следствие распространения христианства и ислама. На первом плане европейской колонизации стоял Христос, а не богатство. Для исламской колонизации главное значение имела связь религии и языка. Европейская колонизация и освобождение Европы от ислама начались на рубежах христианства. Религиозный энтузиазм, страсть приключений и жадность – предпосылки великих открытий и колонизации. Универсальным фактором обоих религий является война между разными конфессиями в рамках одной религии (католицизма, православия и протестантизма в христианстве, суннизма и шиизма в исламе). Внешняя экспансия обычно начинается после внутренней войны единоверцев.

История России универсальна, поскольку создала эталон внутренней колонизации. При этом следует также учитывать: связь территориальной экспансии и колонизации; зависимость реакций народов на колонизацию от их истории и идентичности; мировые параметры колонизации; переплетение колонизации с империализмом; параллелизм колонизации и борьбы за независимость; причины и следствия внутренней и внешней колонизации.

Внешняя (христианства с исламом) и внутренняя (между католицизмом, православием и протестантизмом) священные войны способствуют сходству колониальной экспансии и империализма. В этом смысле история России тоже эталон, в состав которого входят следующие факторы: превентивный захват и дискретность территориальной экспансии; связь религии с армией по мере территориальных захватов; на этой основе возникает тождество религии и цивилизации; милитаризация конфессий ведет к разработке геополитических идеологий; журналисты преобразуются в имперских идеологов; имперская символика господства переплетается с материальными интересами; государства становятся современными империями по мере утраты колоний; для преодоления угрозы гражданской войны осуществляется захват новых территорий под лозунгом глобальной имперской политики; так происходит деиндустриализация колоний и специализация их сельского хозяйства на выращивании непищевых продуктов.

В результате этих процессов империализм, колонизация и деколонизация переплетаются. Деколонизация – это замена верховной власти при неизменности сложившихся социально-экономических связей метрополий и колоний. Понятие и ценности цивилизации выполняют идеологическую функцию. Цивилизация и расизм взаимосвязаны. Особое значение имеет двойная религиозность империализма – экспансия определенной формы религиозной веры в колонизированные регионы.

Естественно, продуктивность концепции М. Ферро во многом зависит от конкретизации принципиальных положений:

- колонизация своей страны – общее явление социальной и политической истории;
- история России обладает универсальным значением, поскольку эта страна создала модель соединения колонизации с империализмом;
- колонизация – это следствие и реакция на разновидности ига (арабского, китайского, татаро-монгольского, исламского, христианского и пр.), которые повлияли на социально-экономическую историю стран и регионов;
- по отношению к конфессиональным колонизациям следует подчеркивать их внутренние конфликты, а не отличие от других конфессий;

- для этого требуется пересмотр главных понятий дипломатического словаря (государственные интересы, сфера влияния, превентивный захват территории, защита страны, таможенные тарифы и т. д.), поскольку они скрывают фактическую территориальную экспансию;

- монетаризм есть разновидность меркантилизма и способствует воспроизводству колониальных отношений и структур;

- имперский выбор в XX в. стал реальной политикой ведущих стран;

- финансовый капитал и торговля оружием – критерии превращения страны в империю;

- цивилизационный подход скрывает колонизацию и расизм, оставляя почти неизменной сложившуюся бытовую культуру завоеванных стран;

- системы права и экономики в значительной мере есть продукт колонизации.

Я думаю, что применение концепции М. Ферро к обсуждению прошлых и настоящих социально-экономических, политических и культурно-цивилизационных проблем российской колонизации и империализма будет способствовать разработке теории колониализма. По крайней мере, факт популярности евразийства в России, а также публичные выступления нынешнего Президента, руководителей силовых структур, финансово-промышленных ведомств и думских деятелей показывают: все они почти слово в слово повторяют колониально-имперские аргументы и логику, описанные в книге французского ученого. Проблема смещается к поиску социальных причин, групповых и индивидуальных мотивов этих аргументов и их систематизации в целях когнитивного и практического сопротивления. Эти проблемы частично рассмотрены в рубрике «Живое прошлое» в данном номере журнала.

Языки свободы и роковая чепуха

От редакции

В начале 2012 г. в Институте философии Российской академии наук начал работу общеинститутский семинар «Философия в публичном пространстве» (руководители семинара: академик РАН, профессор А.А. Гусейнов и доктор философских наук, профессор А.А. Кара-Мурза). С первыми докладами выступили: главный научный сотрудник ИФ РАН, доктор философских наук, профессор Вадим Михайлович Межуев и зав. отделом социальной и политической философии ИФ РАН, доктор философских наук, профессор Алексей Алексеевич Кара-Мурза. Этими докладами открывается новая рубрика нашего журнала.

Первая часть названия рубрики взята из доклада профессора В.М. Межуева. За это ему особая благодарность. Вторая часть названия рубрики восходит к одному из вождей русского славянофильства XIX в. Недавно издан дневник Ивана Сергеевича Аксакова. По застарелой и уже неискоренимой привычке читать все от корки до корки прочел три тома. Правда, мое непосредственное восприятие литературы испорчено влиянием телегробов, пропагандирующих ностальгию по досоветской и советской России[1]. Поэтому в дневнике И.С. Аксакова я обнаружил много интересного, созвучного нынешним российским дискуссиям.

Иван Сергеевич объезжал с инспекционной поездкой огромный регион – от Волги до Дуная. Был и в Ростове-на-Дону[2]. По ходу путешествия высказал интересные суждения о судьбе Одессы[3], судьбе евреев[4], сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов и рус-

[1] См.: Макаренко В.П. Воспроизводство бездарей и телегробы // Медиафилософия: основные проблемы и понятия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/03.pdf, свободный.

[2] Ростов-на-Дону – часть Новороссии. Это исторические территории, прилегающие к Азовскому и Черному морям, в Северном Причерноморье. Новороссия включала южную степную часть современной Украины (Одесская, Николаевская, Кировоградская, Херсонская, север Крыма, Днепропетровская, Запорожская, Донецкая, Луганская области), и частично юг европейской части современной Российской Федерации (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), Приднестровье, Молдавия. Термин «Новороссия» употреблялся со второй половины XVIII века – по начало XX века, когда существовала Новороссийская губерния. См.: Новороссия // Wikipedia [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Новороссия, свободный.

[3] «Не судите Одессу как русский город. Это разноплеменный рынок, где выгода соединила людей из разных мест в одно общество. Этот город, - явление искусственное, но, однако же, не насильственное, как Петербург. Это город, весь создавшийся из иностранных элементов, связанных довольно дружелюбно русским цементом… Разумеется, этот город не имеет в себе настоящего жизненного начала, никакой религиозной физиономии и со временем должен пасть; разумеется, в нравственном отношении он стоит ниже какой-нибудь Полтавы; но во всяком случае он очень занимателен и достоин любопытного взора». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Том 1. Письма и мемуары 1838-1849 гг. – М.: Русская книга, 2003. – С. 408-409.

[4] И.А. Аксаков в 1848 году предсказывал, что через 30-40 лет «…большая часть евреев станут внутри забора христианской церкви! Это будет не вследствие сознания прежних заблуждений, не вследствие потребности Христова света, но вследствие малодушия, дряблости нравов, а отчасти – и потребности в других, новых началах жизни». Там же, с. 413.

ских мужиков[5], поповской касте России[6], русских купцах[7], специфике русской книжной торговли[8], официальной лжи России и сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомствах[9], тайной полиции и порядке[10], православных холуях правительства и сути славянофильства[11] и множестве других интересных тем.

Один сюжет выделю особо. В Новороссии произошло политическое соединение Великой, Малой и Белой Руси. Ростов-на-Дону – часть Новороссии. Уже к середине XIX века обнаружились следствия правительственного вмешательства в естественные процессы.

И.С. Аксаков дал общую характеристику Новороссии: «Здесь же русские будто на чужбине: народонаселение составлено из беглых, бродяг и иностранных пришельцев. Коренные русские здесь – раскольники, очень злые, имеющие сношение с заграничными раскольниками… Воронцов, обогативши край, открывши источники сбыта, в то же время обыностранил, очужеземил его и обессилил нравственно»[12]. «В этом пришлом народонаселении нет никакой привязанности к России, да и не к чему привязаться, потому что оно не в России, а в Новороссии, нет почвы туземной, в которую можно было бы пустить корни». «Русские здесь – поколение беглых, враждебное России… Россия является для них страшилищем, страною холо-

---

[5] «Молдаванин еще ленивее хохла. Избалованный неистощимым богатством почвы, он ни о чем не заботится, не думает о зиме, как у нас; почти все работы происходят на чистом воздухе, вне хаты. Оттого-то она так чиста… Зато в этих чистых хатах живет самый грубый, глупый, нелепый, жалкий народ, способный вывести из терпения всякого, привыкшего к уму русского мужика». Там же, с. 424-425. «Омолдаванившийся хохол в десять раз ленивее коренного хохла». Т. 2. – С. 415.

[6] «Но какой противный народ эти наши попы; если бы они действовали всегда так, как предписывает им должность, так раскол в десять раз был бы слабее; а они, напротив, так равнодушны к убеждениям религиозным, что обращают внимание не на качество, а на количество паствы (с. 41)… Эта поповская каста требует непременного преобразования». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. 2. Письма 1849-1857 гг. 2004. – С. 41-42.

[7] «Русский, т.е. настоящий купец, наитщеславнейшее создание, никогда не роскошествует для себя собственно, для своего удовольствия, а только для показа другим». Там же, с. 49.

[8] Книгами и тряпьем по уездам обычно торговали одни и те же мужики: «Я посылал за ним, чтобы узнать, нет ли у него книг старых. Этот мужик очень умен, но книжник и просто не говорит, а все библейскими славянскими высокопарными выражениями», Там же, с. 60.

[9] «Все лгут для удостоверения требований официальной лжи, какого-то страшного чудовища, именуемого в России порядком и снедающего Россию». Там же, с. 391. «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов – взяточников, гостеприимных плутов – отцов и благодетелей взяточников!.. В моем воображении предстал весь образ управления все махинации административной… что ни говорите в защиту этой почвы, но несомненно то, что на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер!». Там же, с. 416. «В военном ведомстве воровство в тысячу раз сильнее, чем в гражданском». Там же, с. 417. «Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного!». Там же, с. 418.

[10] В письмах графине А.Д. Блудовой, которая пыталась защищать Б.Н. Чичерина, И.С. Аксаков писал: «Все так, говорите Вы, но не следует нападать на него, потому что он стоит за порядок. Да и III Отделение и тайная полиция стоят за порядок; так неужели поэтому и не восставать против них? Разве Вы не видите, что III Отделение и есть родоначальник всякого беспорядка, что это есть безнравственное явление, есть зло, которое порождает только зло, и есть само величайший нравственный беспорядок». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф.Аксаковой. Том III. Письма 1857-1886 гг. 2004. – С. 365.

[11] Газета И.С. Аксакова нападала на Св. Синод и прочих духовных холуев. «Они хуже, они более принесли зла, чем материалисты; материализм есть совершенно законное противодействие холопству и официальности, внесенной в область веры». Там же, с.365. «Если славянофильство имело и имеет такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не делая уступок ни обществу, ни правительству». Там же, с. 366.

[12] Там же, с. 395-396.

да, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, – и крепостное право, расстилающееся над Россиею свинцовою тучей, пугает их невыразимо»[13].

Эта характеристика дополняется описанием свойств местного населения Новороссии. «Действительно, хохлы здешние порусели, русские утратили чистоту речи и особенность своего народного типа. Здешних крестьян-малороссов где-нибудь «под Полтавой» дразнят москалями, а русские бранят хохлами. Говорят они и по-малороссийски, и по-русски, и на обоих наречиях дурно; одеваются по-хохлацки, а между тем отпускают бороду по русскому обычаю. Мещане и мещанки, носившие прежде малороссийское платье, теперь его сбросили и надели русское, т.е. немецкое. Победоносен элемент великорусский и мало-помалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трактирно-московский, рассейско-лакейский. У нас, в России, мы говорим, что народ портится благодаря подражательности Западу нашего сословия, – но то, что мы признаем *искажением* нашего быта, является в Украйне *образцом* чисто русского быта»[14].

Короче говоря, все народы Новороссии давно «угнетены роковою чепухою современной всероссийской жизни»[15]. Каждый читатель может сопоставить содержание докладов В.М. Межуева и А.А. Кара-Мурзы с модусами прошлой и нынешней чепухи. Быть может, дискуссия на эту тему приобретет трансграничный характер?.. Быть может, рассейско-лакейский язык, наконец, заглохнет в публичном пространстве? Или все окрестные «сущие языки» осуждены на вечную Новороссию с великорусской мерзостью?..

В.П. Макаренко

[13] Там же, с. 414, 422.
[14] Т. 2, с. 227.
[15] Там же, с. 385.

ФИЛОСОФИЯ И «ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО»[1]

В.М. Межуев
Институт философии РАН

Аннотация: *В настоящей статье анализируются отношения между философией как как способом самосознания свободного человека, и публичным пространством как сферой общественной жизни. По мнению автора, необходимость в философии возникает только тогда, когда осознана потребность в личной свободе. В таком контексте функция философии – прояснять и доводить до сознания членов общества смысл и значение человеческой свободы.*

Ключевые слова: *философия, свобода, публичное пространство, гражданское общество.*

Заявленная тема семинара как бы содержит в себе два вопроса: что, собственно, следует понимать сегодня под философией, и где проходит граница, отделяющая публичную сферу от любой другой? Лишь ответив на них, можно затем поставить вопрос о том, как связаны между собой философия и публичное пространство в современном мире. Я не льщу себя надеждой дать окончательный ответ на этот вопрос, но попытаюсь хоть как-то прояснить его смысл, как сам его понимаю.

Здесь собрались профессиональные философы, работающие в разных областях философского знания, не всегда прямо стыкующиеся друг с другом. Естественно, у каждого из присутствующих свое понимание философии, того, чем она является или должна быть сегодня. Договориться по данному вопросу нам, видимо, будет не просто. Но еще труднее ответить на другой вопрос: что считать в наше время публичным пространством, особенно в России, где еще не сложилось до конца гражданское общество и правовое государство. Люди, как мы знаем, и у нас иногда выходят на митинги и демонстрации, голосуют на выборах, общаются в Интернете, посещают музеи, выставки и театры, участвуют в массовых гуляниях и разного рода зрелищных мероприятиях, смотрят телепередачи, т. е. предстают в роли той или иной публики. Можно ли все это считать публичным пространством? И нужны ли здесь философы? Что-то я не вижу философов, ораторствующих на митингах, не часто встречаю их на нашем телевидении и в других средствах массовой информации. Людей с философскими званиями могут, конечно, пригласить на ту или иную передачу, но я не помню передач, которые были бы специально посвящены философии. Медийное пространство – тоже вроде

[1] Доклад на семинаре «Философия в публичном пространстве» Института философии РАН 20 марта 2012 г.

бы публичное, но доминируют в нем сегодня отнюдь не философы и даже не ученые, а журналисты. Философия, видимо – не тот жанр, который доступен современным СМИ.

Публичное пространство, как я понимаю – это не просто места массовых сборищ, даже не система массовых коммуникаций, а особая сфера общественной жизни человека – публичной жизни, которую следует отличать от его приватной (частной) жизни в семье, в домашнем кругу родных, друзей и знакомых, в рамках своего частного дела или личного бизнеса. Восточный базар или рынок, который посещает множество людей, не является публичным пространством. В качестве публичного лица человек – не просто работник или частный предприниматель, владеющий какой-то собственностью и занятый трудом, приносящим ему личный доход, а **гражданин**, участвующий вместе с другими в жизни всего общества, в общем деле управления страной, называемом по латыни «республикой» (res publica). Публичное пространство – это пространство постоянного общения, диалога, спора и дискуссий между разными людьми по поводу проблем, касающихся их всех или, во всяком случае, значительной части общества. И главной такой проблемой является, конечно, проблема власти, ее передачи разным партиям и лицам со своими программами, способным проводить в жизнь определенные реформы. Иными словами, это пространство жизни человека в гражданском обществе, которое следует отличать как от его жизни в системе рыночных отношений (в экономическом пространстве), так и от жизни под властью государства.

Впервые такое пространство зародилось в Элладе, в Древней Греции, в результате возникновения полиса – первой и самой ранней формы демократии. До того – в странах Востока – все пространство общественной жизни, заполненное властью деспотического государства, находившееся под патронажем служителей того или иного религиозного культа, носило характер не публичного, а сакрального пространства, к которому простому смертному не было никакого доступа. Вот почему в государствах Древнего Востока не было и политики в том смысле этого слова, какое придали ему греки. Немыслимо назвать население восточных деспотий, лишенное всех политических прав, «политическими животными» (как это сделал по отношению к человеку Аристотель), а самих деспотов, приравненных к земным божествам, политиками.

В античности публичное пространство (в форме греческого полиса или римской республики) возникает как следствие десакрализации власти, ее передачи в руки простых людей, граждан, представлявших тогда пусть и не всех, но только избранную часть общества (рабы, домашние слуги, женщины не входили в эту часть). Что же предшествовало (или сопутствовало) переходу от сакрального пространства к публичному, от деспотии, освященной мифом или религией, к демократии и гражданскому обществу? На мой взгляд, такой переход не смог бы осуществиться без философии, которая возникает примерно в то же время и которая сыграла решающую роль в деле освобождения людей от власти не только деспотов и тиранов, но и мифа. Без демифологизации сознания нельзя достигнуть и десакрализации власти, перевода сакрального пространства в публичное. Здесь и становится понятно, зачем нужна философия – отнюдь не только ради человеческой любознательности.

Я всегда считал философию (в согласии со многими крупными историками философии) неотъемлемой частью не любой, а именно европейской культуры, начало которой было положено греческой античностью. Философия, по словам итальянских историков западной философии Д. Реале и Д. Антисери, есть «создание эллинского гения». «Действительно, – пишут они, – если остальным компонентам греческой культуры можно найти аналоги у других народов Востока, достигших высокого уровня цивилизации раньше греков (верования и религиозные культы, ремесла различной природы, технические возможности разнообразного применения, политические институты, военные организации и т.п.), то, касаясь философии, мы не находим ничего подобного или даже просто похожего»[2]. По мнению исследователя

[2] Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. СПб.: 1994. – С. 3.

древнегреческой мысли Ж.-П. Вернана, «становление *полиса*, рождение философии – весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления, присущим греческому полису»[3]. Греческий разум «во всех своих достоинствах и недостатках – …дитя полиса»[4]..

Способом общения людей в полисе является постоянно ведущийся между ними диалог. По словам Ж.-П. Вернана, в полисе «знания, нравственные ценности, техника мышления, выносятся на площадь, подвергаются критике и оспариванию. Как залог власти, они не являются более тайной фамильных традиций; их обнародование влечет за собой различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры. Отныне дискуссия, аргументация, полемика становится правилами как интеллектуальной, так и политической игры. Постоянный контроль со стороны общества осуществляется как над творениями духа, так и над государственными учреждениями. В противоположность абсолютной власти царя, закон полиса требует, чтобы и те, и другие в равной степени подлежали «отчетности»… Законы больше не навязываются силой личного или религиозного авторитета: они должны доказать свою правильность с помощью диалектической аргументации»[5]. Истина перестала быть монополией религиозных сект и особой касты мудрецов. «А это значит, что в поиске истины могут участвовать все и что она, как и политические вопросы, подлежит всеобщему обсуждению»[6]. Собственно, это и стало причиной рождения философии. В отличие от восточных мудрецов греческий философ – не знаток истины, а ее друг, ищущий путь к ней в процессе взаимного обмена мнениями. В диалоге все равны перед истиной. Он не терпит никакой иерархии званий, положений и авторитетов. Даже диалог учителя с учеником предстает в форме не поучения, наставления или назидания, а доказательного разговора, обсуждения, беседы, получившей название сократического диалога.

Главным условием философского диалога является наличие свободных людей, способных мыслить самостоятельно, посредством своей, а не чужой головы. Но отсюда следует необходимость отказа его участников от предварительного знания истины. Философия в качестве диалогической формы мышления возникает в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека. Слова Сократа «я знаю только то, что ничего не знаю» формулируют исходное условие для вступления в такой диалог. Согласно тому же Сократу, истина рождается в споре. О том, что известно заранее, не спорят. Мудрецы и пророки Востока, которым истина была дарована свыше, не вступали между собой в диалог и потому легко уживались с тиранами и деспотами, отказывавшим другим в праве на собственное мнение. Восточная мудрость, существовавшая в форме пророчества, откровения, боговдохновенного знания, если и нуждалась в диалоге, то только с Богом. И только философы поняли, что истина есть результат сложного и длительного процесса познания, требующего участия разных людей. Никто в этом процессе не обладает монополией на истину. Любое мнение может быть тут же оспорено и опровергнуто противоположной стороной. Из потребности в диалоге родилась и диалектика, пытающаяся примирить в синтезе тезис и антитезис. Вот почему любовь к истине в философии неотделима от свободы.

В общем составе европейской культуры философия выполняет функцию не просто знания человека о мире (ведь ту же функцию выполняет и наука, возникшая одновременно с философией), но его знания о самом себе, или его самосознания, без чего нет никакого человека. В «Феноменологии духа» Гегель высказал эту мысль со всей возможной четкостью. Вот как она звучит в пересказе Александра Кожева: «*Человек – это Самосознание. Он сознает себя, сознает, что он – человек, что в бытии человека заключено его человеческое до-*

[3] Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: 1998. – С. 156.
[4] Там же. С. 159.
[5] Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: 1988. – С.70-71.
[6] Там же.

стоинство и что этим-то он и отличается от животного, которому выше простого Самоощущения не подняться. Человек осознает себя в тот миг, когда – «впервые» – говорит: «Я». Понять человека, поняв его происхождение, – значит понять, откуда берется это раскрывшееся в слове Я»[7]. Разумеется, в истории человеческой мысли не только философия брала на себя функцию самосознания, но и миф, религия, искусство. В отличие от них философия до определенного момента видела свою задачу в том, чтобы представить самосознание в форме научного знания. В наиболее систематической форме этот процесс возвышения индивидуального самосознания до уровня знания, даже абсолютного, и был представлен в «Феноменологии духа» Гегеля, которого поэтому многие после него считали последним философом. Но чем *в* самом начале европейской истории диктовалась сама необходимость перехода от мифологического к философскому самосознанию?

Философия, пришедшая на смену мифологии, явилась самосознанием человека как носителя не коллективного (племенного или общинного), а индивидуального сознания, обладающего своим собственным мнением. Если миф есть форма коллективной самоидентификации людей, где все мыслят как одно лицо, то философия позволяет высказывать мнение, отличное от мнения других, обосновывая его лишь доводами логики и красноречия (риторики). Философию можно определить, с этой точки зрения, как самосознание свободного человека, или, еще проще, как самосознание свободы. Недаром ее расцвет падает на периоды европейской истории, когда происходил переход от деспотических режимов к гражданскому обществу и демократии. Это, во-первых, Античность, во-вторых, Новое время. Схематически особую роль философии в европейской культуре можно представить следующим образом: если религия (христианская религия), образующая один из полюсов этой культуры, призвана сделать людей добрыми (т.е., с религиозной точки зрения, морально ответственными перед Богом), а другой ее полюс – наука – призвана сделать их сильными, вооружив знаниями и технологиями, то философия, располагаясь как бы посредине между ними (потому ее и тянет то в одну, то в другую стороны: наряду с научной существует религиозная философия), ставит своей задачей сделать людей свободными. Вне осознания ценности свободы, даваемой философией, религия и наука в равной мере способны стать орудием возвышения и власти над человеком неподвластных ему сил, будь то силы небесные или земные. Философия и берет на себя функцию критики религии и науки (в смысле не их отрицания, а установления границ их компетенции) с их претензией на догматическую непогрешимость и абсолютную власть над человеком.

Отсюда, конечно, не следует, что философия сама по себе делает человека свободным, но только в ней свобода как общечеловеческая ценность находит свое рациональное осознание и обоснование. Другого более адекватного языка свободы в европейской культуре я не знаю. Религия, наука, право, мораль, искусство также могут служить делу свободы, являются ее продуктом, но только философия стала для европейского человека главным органом осознания им ценности индивидуальной свободы.

Считается, что человек от природы наделен свободой, является свободным по факту своего рождения. «Человек рождается свободным» – начинает свой знаменитый трактат Ж.-Ж. Руссо. Возможно и так, но что заставляет его дорожить своей свободой? С таким же успехом можно утверждать, что человек, будучи по природе разумным существом, всегда ценил свой разум выше того, что открывалось ему в мифе или в опыте религиозного откровения. До признания ценности собственного разума еще надо дорасти. И в случае свободы дело обстоит сходным образом. Человек, возможно, обладает от рождения свободой, но при отсутствии у него ценности свободы легко смиряется с ее ограничением и даже подчинением чужой воле.

[7] Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа*, читавшиеся с 1933 по 1939 гг. в Высшей практической школе. СПБ.: 2003. – С.9.

Мнение о том, что свобода была ценностью для человека во все времена, не кажется мне слишком убедительным. Бóльшую часть истории люди даже не подозревали о существовании свободы или не придавали ей существенного значения. Для многих и сегодня она либо мало что значит, либо является тяжелым бременем, от которого лучше всего избавиться (феномен, описанный Э. Фроммом в его знаменитой книге «Бегство от свободы»). А разве в России свобода для всех стала наиболее ценимым благом? Судя по социологическим опросам, интересы семьи, забота о ближних, материальный достаток, карьера и пр. ценятся большей частью населения намного выше личной свободы. И, как часто можно услышать, что не свобода, а что-то совсем другое является ценностью для русского человека.

Свобода как особого рода реальность, имеющая отношение к человеку, впервые была открыта греками. У них в первую очередь и надо спрашивать, что понимать под свободой, чем она является на самом деле. До греков люди отличали себя от богов и животных в том смысле, что боги бессмертны, т. е. живут в бесконечно длящемся времени, а животные, живя жизнью вида, не знают о собственной смерти, и только человек осознает себя смертным существом. Для первобытных народов вечность, символически представленная тотемом или племенным божеством, – удел не индивида, а вида, к которому он принадлежит. Индивид здесь не властен над временем своей жизни, оно целиком во власти богов, добрых или злых духов. Он даже умирает по причине не собственной смерти, а по воле богов («Бог дал, Бог и взял»). Единственная возможность избежать смерти – это умилостивить богов, вступить с ними в союз, что достигается посредством разного рода обрядовых и ритуальных действий.

И только греки впервые поняли, что человек также связан с вечностью. По мнению греческих философов, человек живет одновременно в двух мирах – чувственно воспринимаемом, подвластном времени, и трансцендентном, который открывается ему посредством умозрения – созерцания и мышления. Мышление как бы образует «дырку» во времени, сквозь которую он проникает в царство вечных истин. На этом представлении строится вся греческая метафизика: она не отменяет времени, но ставит ему предел в точке существования вневременных – материальных или идеальных – субстанций.

Вечность открывается, однако, не любому, а только избранным – тем, кто способен жить (мыслить и действовать) в царстве логоса. Такую жизнь греки и называли свободой, понимая под ней не физическое бессмертие, а свободу от повседневных трудов и забот ради физического выживания и продолжения рода. Свобода – удел тех, кто ради истины и красоты способен «пренебречь земною пользой». Таким для греков является, прежде всего, философ, живущий в мире чистой мысли и вечных истин. Образ жизни философа – пример жизни свободного человека. Но свобода философа ограничена лишь царством мысли, не распространяется на практические дела и поступки. Тех, кто способен не только мыслить, но и действовать в свободе, побуждаемый заботой не о своей личной пользе, а об общем благе, греки называли политиками, относя к ним всех свободных граждан полиса. К философу и политику Аристотель добавит художника, способного бескорыстно наслаждаться чувственной, телесной красотой. Все три являют собой образ жизни свободного человека, не зависящего от жизненной нужды и ею созданных обстоятельств. Им противостоят те, кто занят полезным трудом – либо по собственной воле (земледельцы и ремесленники), либо по принуждению (рабы и домашние слуги).

Свобода не освобождает человека от времени, но позволяет ему, оставаясь в нем, прорваться в вечность. Но как, живя в обществе, можно обрести свободу? Отвечая на него, греки и входят в пространство политической, или публичной, жизни, в пространство полиса, которую они отличали от хозяйственной и домашней (частной) жизни – «ойкоса». Первое и есть сфера свободы, за пределами которой человеческая жизнь подчинена довлеющей над всем живым необходимости биологического выживания и воспроизводства. Время «полиса» тем и отличается от времени «ойкоса», что позволяет человеку заполнить его делами и поступками, способными обессмертить его имя, прославить в веках, сохранить в памяти потомков.

Это время не физически конечной, а вечной жизни, пусть только духовно вечной, но могущей продолжиться в новых поколениях. Оно позволяет человеку жить если не вечно, то в вечности, причем не только на том, но и на этом свете.

Греки впервые открыли то, что получит впоследствии название свободного времени. От них идет традиция высокой оценки этого времени в жизни человека, только и делающего его свободным существом. В эпоху Возрождения свободное время получит значение основополагающей гуманистической ценности, высшего блага, доступного человеку. Свобода человека тождественна для гуманистов наличию у него свободного времени, позволяющего ему быть самим собой, свободной индивидуальностью, отделяет творца от простого исполнителя, чье время заполнено будничным трудом и домашним хозяйством. Она, говоря более современным языком, есть способность жить в культуре. Жить в культуре означает способность общаться со всем человеческим родом, получать послания от предков и отправлять свои послания потомкам, преодолевать тем самым границы пространства и времени своей физической жизни.. Быть свободным – и значит жить жизнью не вида, а индивида, открытого ко всему пространству и времени человеческого существования в мире, т.е. быть универсальным существом.

Новое время коренным образом изменит отношение к частной – трудовой и семейной – жизни человека, выдвинет ее на первое место, сделает основой общества. Частное, ставшее общественным, возвестит о рождении общества в современном смысле слова, чему соответствовала и трансформация общественного сознания: на смену политической науке древних придет политическая экономия. Если греки понимали под свободой свободу человека от труда и домашнего хозяйства, позволяющую ему заниматься политикой, философией и искусством, а под несвободой власть главы семейства над домочадцами, слугами и рабами, то теперь свободу станут отождествлять с частной собственностью, а несвободу – с властью государства, которую нужно по возможности ограничить.

В обществе, базирующемся на частной собственности, свобода окажется привилегией тех, кто владеет этой собственностью. По словам теоретика неолиберализма Милтона Фридмана, «сущность капитализма – частная собственность, и она является источником человеческой свободы»[8]. Без экономической свободы невозможна и политическая свобода. «С одной стороны, экономическая свобода сама по себе есть часть свободы в широком смысле. Поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода – это необходимое средство к достижению политической свободы»[9]. Получается, что источник несвободы заключен в государстве, тогда как рынок, на котором создается частная собственность, и есть «царство свободы».

Уже во времена Маркса подобное представление вызывало резкое несогласие. Даже если частная собственность и делает кого-то относительно свободным от государства, насколько она делает его свободным от тех, кто находится с ним в острой конкурентной борьбе за ту же собственность? Может ли экономическая конкуренция, являющаяся по существу экономической войной, быть состоянием свободы? Тогда и просто войну следует считать свободой. Кто в ней победил, тот и свободен. Такая свобода мало отличается от состояния «войны всех против всех», которую философы называли «естественным состоянием», предшествующим цивилизации, т. е. варварством.

Есть и более серьезное возражение. Существование частных собственников в капиталистическом обществе предполагает наличие людей, свободных от всякой собственности, кроме своей рабочей силы, и потому вынужденных работать на тех, кто этой собственностью обладает. Считать их тоже свободными? Свобода торговать своей рабочей силой – тоже, конечно, свобода, но не от тех, кто ее покупает. Работа по найму есть все что угодно, но только не экономическая свобода. Рабочие, конечно, уже не рабы, на труде которых греки основы-

[8] Фридман М. Капитализм и свобода. М.: 2006. – С. 12.

[9] Там же. С. 31.

вали свою свободу, но еще и не полностью свободные люди. Идущее от греков деление людей на свободных и несвободных сохраняется здесь в полной мере.

В обществе, где делание денег стало для человека его главным «призванием» и «назначением», все «трансцендентные профессии», имеющие отношение к вечности, утратили свой былой престиж, предельно обесценились. В глазах людей, превращающих время в деньги, вечность ничего не стоит, а деятельность людей свободных профессий, ранее пользовавшаяся почетом и уважением, является пустой тратой времени. Труд, не приносящий прибыли, экономически непроизводителен, а тот, кто занимается им, если не вовсе бездельник, то в лучшем случае слуга (подобно лакею и официанту) на службе у того, кто способен его содержать за свой собственный счет. Время, ставшее деньгами («время – деньги»), одержало победу над вечностью, возвестив о рождении нового мира, в котором нет ничего вечного и абсолютного.

Победа времени над вечностью, по мнению большинства современных философов, есть отличительная черта Нового времени. Сегодня, как считает Зигмунт Бауман, все построенные в культуре мосты, соединяющие человека с вечностью, полностью разрушены. Путь в вечность перекрыт для современного человека и ему остается лишь сосредоточиться на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Жизнь современного человека, как в язычестве, свелась к времени земной жизни, отождествляется с жизнью тела, но не духа. Забота о теле становится его главной заботой, отодвигая на второй план все остальные духовные помыслы и заботы. Наиболее значимым и более всего переживаемым событием человеческой жизни, лишенной связи с вечностью, становится смерть. Во всем видят теперь неизбежную печать смерти, признак надвигающегося конца, приближающейся гибели. Смерть становится главной темой и художественного творчества. По словам Баумана, «самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему полное равнодушие… Исчезновение и умирание – вот что выставляют ныне в художественных музеях». Но чем в таком случае может и должна быть философия? И нужна ли она здесь вообще?

В классической философии Нового времени, которую в целом можно назвать философией разума, свобода была приравнена к способности человека мыслить и поступать разумно, в соответствии со своим, а не чужим разумом – разумом предков и даже Бога. Правда, вопрос о том, в чем состоит сам разум, трактовался философами по-разному. Разумное, рациональное устроение государства и стало здесь синонимом просвещенного и свободного общества. Разум, объявленный единственным прибежищем человеческой свободы, обернулся в философии Гегеля тотальной властью абсолютного разума, не оставляющей индивиду иного выбора, как только следовать его всеобщим предписаниям. Недаром Кожев считал, что в философии Гегеля история завершается смертью человека, концом всего индивидуального.

После Гегеля сама возможность дальнейшего существования философии в современном мире, ее какая-либо общественная значимость для человека вызывает все большее сомнение. Мысль о «конце философии» становится распространенной уже с середины XIX в. Назову в этой связи только два имени – Карл Маркс и Огюст Конт. Оба они считали, что после Гегеля философия невозможна и ей на смену приходит наука: согласно Марксу – историческая наука, названная им материалистическим пониманием истории; согласно Конту – социальная наука, или социология. И хотя оба считаются основоположниками новых философских направлений – марксизма (диалектического и исторического материализма) и позитивизма, – в действительности каждый из них претендовал на преодоление всяческой философии, или, как ее тогда называли, метафизики, на ее замену наукой.

Казалось, оба они ошиблись: ведь и после них философия продолжала существовать, правда, уже не в форме классического разума, а в иной форме, получившей название философии жизни, экзистенциализма, постмодернизма и пр. Но с того времени вопрос о ее значимости для современного человека не сходит уже с повестки дня. О несовременности, или «не-

своевременности» философии писал Ницше, провозгласив своим кредо нигилизм, т. е. тотальное отрицание того, во что верили философы, начиная с Сократа, Платона и Аристотеля. Философия, писал Ницше, если и была нужна кому-то, то только грекам, создавшим ее, да и у них она не всегда была признаком здоровья и силы. Такой она была только у досократиков, после же Сократа она свидетельствует об упадке и разложении греческого духа, его отрыве от жизни, омертвлении. Культурную задачу философии, писал Ницше, нельзя угадать и понять в современных условиях, потому что здесь нет такой культуры. «Только культура, подобная греческой, может ответить на вопрос о задачах философии; только она может вообще оправдать философию, ибо она одна знает и может доказать, почему и каким образом философ не есть случайный странник, то сюда, то туда забредший»[10]. Если у греков философия – «главная звезда в солнечной системе культуры»[11], то в современной культуре философ – всего лишь «нежданная и наводящая ужас комета»[12], непонятно зачем залетевшая в нашу систему.

Столь же критичен в оценке современной философии и Шпенглер. Сравнивая в «Закате Европы» современных философов с мыслителями прошлого, он пишет: «Становится стыдно, когда переводишь взгляд с людей такого калибра на сегодняшних философов. Какая ничтожность во всем личном! Какая заурядность политического и практического горизонта!.. Тщетно оглядываюсь я вокруг, ища среди них кого-то, кто составил бы себе имя хотя бы *одним* глубоким и опережающим суждением по какому-либо решающему злободневному вопросу. Сплошь и рядом наталкиваюсь я на провинциальные мнения, каковые можно услышать от кого угодно»[13]. И далее: «Очевидно, упущен из виду последний смысл философской активности. Ее путают с проповедью, агитацией, фельетоном или специальной наукой. От перспективы, открывающейся с высоты птичьего полета, опустились до лягушачьей перспективы. Ситуация упирается ни больше ни меньше как в вопрос: *возможна* ли вообще сегодня или завтра подлинная философия?»[14]. Систематическая философия, охватывающая собой все мироздание, какой она была в XVIII веке, явно закончилась, завершена и этическая философия. Осталась одна возможность – сопоставлять между собой разные культурные миры, используя метод сравнительной исторической морфологии. Это позиция скептицизма – она отрицает универсальный взгляд на мир, не признает вечных и абсолютных истин, утверждает релятивизм, историческую относительность любого суждения и мнения. Современный скептицизм отрицает и возможность существования философии как целостной системы. И только «*историю философии»*, заключает Шпенглер, он принимает «как последнюю серьезную тему философии. Это и есть скепсис»[15].

Похоже, и эти два мыслителя ошиблись – ведь в то время рождались феноменология, экзистенциализм, философская антропология, философская герменевтика и многое другое. Однако нельзя не видеть в этом отчаянную попытку философии спастись в мире, который в ней более не нуждается. Возможно, этим объясняется обилие в XX веке философских направлений, сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой, но так и не обретших доминирующего положения в общественном сознании. Ни одно из них не стало культурным лидером эпохи, не дало ей названия, не создало соответствующую духу времени единую мыслительную форму. Пожалуй, более всех преуспел в этом постмодернизм, но, опять же: какой ценой? Философию, по мнению философа-постмодерниста Ричарда Рорти, должна

[10] Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М.: 1994. – С. 197.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: 1993. – С. 178-179.
[14] Там же. С. 179.
[15] Там же. С. 182.

сменить литературная критика любого письма, смысл которой в «переописании» (редескрипции) всех предшествующих текстов.

В качестве еще одного примера приведу небольшую выдержку из беседы Хайдеггера с французскими корреспондентами в 1969 году. На замечание первых о том, что «сегодня кризис университетов сопровождается недоверием к самому смыслу философии; для большинства она не имеет права на существование – она стала бесполезной», Хайдеггер ответил: «Это как раз то, о чем я всегда думал. Философия несвоевременна по своей сущности, ибо она принадлежит к тем редким явлениям, судьба которых в том и состоит, что они не могут встретить непосредственный отклик»[16]. Философия – «одна из редких возможностей автономного и творческого существования»[17]. Смысл вопроса, на который отвечает философия сегодня, по словам Хайдеггера, «никого не тревожит», хотя сама его постановка создала западную культуру.

Вопреки предсказаниям о «конце философии», именно в новейшую эпоху философия обретает второе дыхание, получая, правда, неклассическую, или постклассическую, форму существования. Только на этом этапе становится очевидным, что отличает философию не только от мифа и религии, но и от науки, в чем состоит ее особое значение для человека. Как бы ни понимали суть и смысл философской работы, ее действительное назначение состоит в том, чтобы, как уже говорилось, очертить в мире, прояснить, очистить от всяких привнесений пространство человеческой свободы. В социально-политическом плане это пространство и предстает как публичное пространство, пространство гражданского общества или общественного договора, на котором зиждется демократия и правовое государство. Никакая наука не может заменить философию в этом качестве. Я вообще не знаю науки, делающую своим предметом свободу.

Свобода дана человеку только в обществе. Отсюда не следует, что любое общество делает его свободным. Наоборот, во всех существовавших до сих пор обществах он полностью или частично зависел от других людей. И можно ли, живя в обществе, быть свободным от общества? Очевидный отрицательный ответ на этот вопрос ставит, казалось бы, под сомнение любую попытку искать источник свободы в общественной жизни людей. Общество при первом рассмотрении, – скорее, враг свободы, заставляя каждого считаться с другими, усмирять свои желания и порывы, быть таким, как все. Оно либо ограничивает свободу, либо делает ее привилегией для немногих. Большинство современных философов (от экзистенциалистов до постмодернистов) именно в обществе усматривает наиболее враждебную свободе силу. По словам Сартра, «ад – это другие». Свобода – первое, чем жертвуют люди ради жизни в обществе. Потому и обретается она посредством ухода индивида из общества в некое «пограничное состояние» между жизнью и смертью, над которым уже никто не властен. Но как в таком случае согласовать тезис об общественной природе свободы с очевидным фактом ее отсутствия или ограничения во всех известных нам обществах?

Заметим, что речь идет в данном случае не об обществе вообще, а об обществах, как они до сих пор представали в истории – о первобытном, восточном, античном, феодальном, буржуазном обществе. Все они, конечно, отличаются друг от друга по степени предоставляемой человеку свободы, но ни одно не стало эталоном подлинно свободного общества: каждое по-своему ограничивает свободу. Отсюда следует, однако, иной вывод, чем тот, согласно которому общество и свобода – взаимоисключающие понятия. О сущности свободы нельзя судить на основании любого общества, в котором он живет. Наличие множества таких обществ указывает лишь на то, что ни одно из них, ни даже все они вместе не стали адекватным проявлением человеческой свободы (иначе история, действительно, закончилась бы). Любое ограничение свободы говорит о том, что человек не живет еще полноценной общественной жизнью, находится в процессе ее формирования, в чем, собственно, и состоит

[16] Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: 1991. – С. 146.

[17] Там же.

его история. Философия и пыталась прояснить смысл свободы, апеллируя к опыту не наличного общества, а человеческого бытия, как оно ей открывалось в контексте европейской культуры.

Уже греческими философами свобода была осознана как то, что существует (действует, движется) в силу собственной *внутренней причины,* т.е. обладает свойством самодетерминации («causa sui» – причины самой себя) в отличие от внешней детерминации. Но что значит быть причиной самой себя? Аристотель понимал под ней финальную, или целевую, причину («causa finalis»), отличая ее от действующей причины. Создавая, например, какое-то произведение, мы являемся его действующей (внешней) причиной, но если оно создается нами с какой-то целью, то мы оказываемся его целевой (внутренней) причиной. Действие согласно цели и было впоследствии осознано как свободное действие. С возникновением естествознания Нового времени, исключившего из природы какие-либо цели, свободу станут отождествлять с миром уже не природы, а культуры. Как гласит знаменитое определение культуры, данное Кантом, «приобретение разумным существом возможности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) – это *культура*»[18]. Свобода, следовательно, – это способность ставить *любые* цели, а история свободы, в которой эта способность находит свою реализацию, оказывается в ином ряду развития, чем история природы.

Применительно к самому человеку действующей причиной является его детерминация прошлым, целевой – детерминация будущим. Сама по себе детерминация прошлым, которое не нами создано, не делает нас свободными (вот почему те, кто выше всего ценит прошлое, еще не считают свободу ценностью). Человек нуждается в свободе не как заведенный кем-то механизм, а ради достижения цели, которую ставит перед собой. Откуда же берутся эти цели?

Они могут задаваться человеку его чувственной, телесной природой, его желаниями и потребностями. В этом случае мы имеем дело с *интересами*, которые у разных людей разные. Делая целью свой интерес, индивид также действует свободно, но в этом случае его свобода приходит в столкновение со свободой других. В мире интересов свобода одного реализуется за счет подавления свободы других, т. е. предстает как привилегия[19]. Чтобы свобода не вела к состоянию конфронтации и войны, человек, как считал Кант, должен руководствоваться целями, которые укоренены в его сверхчувственной (трансцендентальной) природе, лежащей за пределами любого чувственного опыта. Такие цели диктуются человеку разумом, являются разумными, т. е. свободными от всякой чувственной заинтересованности и относящимися, как правило, к сфере морали. В любом случае человек испытывает потребность в свободе, делая целью самого себя. И только общество, делающее своей главной целью самого человека в его индивидуальном существовании, может считаться полностью свободным, т.е. обществом в подлинном смысле этого слова.

Именно как свободная индивидуальность человек нуждается в обществе, которое позволяет ему не просто физически выжить (для этого достаточно стада или стаи), но прожить собственную, ни на кого не похожую жизнь. Только в обществе люди обособляются друг от друга в качестве индивидуальностей, и только индивидуальность является подлинно общественным существом. Общество в точном смысле этого слова есть связь людей не как «абстрактных индивидов», неотличимых друг от друга, а как индивидуальностей, способных при всех своих идейных и прочих расхождениях договориться друг с другом. До того об обществе можно говорить лишь в условном смысле, никак не соответствующем его сути. Назо-

[18] Кант И. Сочинения в 6-и т. М.: 1966. – Т. 5. – С. 464.

[19] «Свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свобода делит и разделяет. Она кооотделяет лучших от остальных. Свою привлекательность она черпает из различия: ее наличие или отсутствие отражает, отмечает и обосновывает контраст между высоким и низким, хорошим и плохим, желанным и отталкивающим» (Бауман З. Свобода. М.: 2006. – С. 22).

вем такое общество человеческим обществом, или обществом граждан, способным присвоить, взять под свой контроль не только время своего потребления и досуга, но и время своего труда, т. е. сделать все время своей жизни свободным временем. Свободное время и есть время публичной жизни человека. Именно в этом времени философия становится не только профессиональным занятием особой группы людей, но способом жизни каждого, ибо каждый, кто осознает свободу в качестве необходимого условия своего общения с другими и своего самосозидания, является в моем представлении философом.

Главный тезис, который я хочу вынести на обсуждение, состоит в том, что философия нужна тогда, когда у людей, у какой-то части общества возникает потребность в личной свободе. Кому свобода не нужна, кто способен примириться с деспотической, монархической, самодержавной и любой другой властью, кому чужды идеи демократии, – в философии не нуждается. Философия в любом случае служит не власти, а обществу, состоящему из свободных людей, каждый из которых обладает собственным мнением и потому вынужден договариваться с другими. Философия, конечно, существовала и в условиях отсутствия демократии, пыталась порой брать на себя функцию легитимации недемократической и даже тоталитарной власти (как, например, в эпоху сталинизма), но там она вырождалась в догматическую идеологию, в чистую пропаганду, лишенную какого-либо реального смысла. В условиях деспотической и тиранической власти, ее узурпации разного рода «отцами народов» философия в ее собственном качестве была и остается языком не власти, а оппозиции, проясняющим и доводящим до сознания всех смысл и значение человеческой свободы. Так я понимаю роль философии в публичной сфере.

КАК ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В РЕПРЕССИВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ? (РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)[1]

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье рассматривается процесс превращения философских идей в репрессивные идеологии. Этот процесс всегда есть следствие примитивизации, политизации, массовизации, нормативизации и монологизации идей. Как полагает автор, в контексте массового общества тенденция к идеологизации идей неизбежна. Поэтому главной проблемой является не идеологизация философских идей, как таковая, а тотализация идеологий. В результате анализа этой проблемы автор эксплицирует константный алгоритм вырождения идеи в тотализующую идеологию.*

Ключевые слова: *философия, идеология, мировоззрение, тотализация идеологий.*

Уважаемые коллеги! Учитывая общую тему нашего семинара «Философия в публичном пространстве», был велик соблазн назвать доклад «Как философии превращаются в идеологии?» Я, однако, не пошел по этому пути, посчитав, что понятие «философия» (предполагающее большу́ю долю системности) в данном контексте будет избыточной генерализацией и не даст раскрыть суть процесса. В свое время на меня большое впечатление произвела созданная в эмиграции концепция культуры нашего соотечественника Владимира Васильевича Вейдле, в основе которой лежит противопоставление им *«мировоззрения»*, которое всегда вырабатывается творческим личностным усилием, – и *«идеологии»*, всегда тяготеющей к массовидности и партийному упрощению. Приведу цитату из работы Вейдле «Только в Россию можно верить», написанную в 1974 г. «Мировоззрение, – пишет Вейдле, – нестрогое единство, мыслительная протоплазма личности… Идеология – система идей, более или менее умело, но всегда нарочито и для известной цели спаянных друг с другом; система мыслей, которых никто более не мыслит. Их принимают к сведению и тем самым к руководству; мыслить их, это значило бы подвергнуть их опасности изменения. К личности идеология никакого внутреннего отношения не имеет, она даже и навязывается ей не как личности, а как составной части коллектива или массы, как одной из песчинок, образующих кучу песка»[2].

[1] Доклад на семинаре «Философия в публичном пространстве», ИФ РАН, 5.06.2012.
[2] Вейдле В. Только в Россию можно верить //«Вестник РСХД». – 1974. – № 114. – С. 247.

Мне кажется, что выражение «мыслительная протоплазма личности» – это, хотя и метафора, но в данном случае оно лучше, чем понятие «философия» (которая, конечно, «более строгое единство») отражает тот объект, который затем подвергается идеологизации. Я предпочел в первом приближении максимально нейтральное слово «идеи» – идеи, как некие «кванты» любого мыслительного процесса. Думаю, примерно с тем же успехом можно было взять просто слово «мысли», а вместо идеологий подставить, к примеру, слово «доктрины». Тема тогда звучала бы так: «Как мысли превращаются в доктрины?» – суть проблемы от этого не сильно меняется. Главное, что меня интересует, – это соотношение этих двух смыслов, мутация (как я это называю) первого во второе: идей – в идеологии; или: мыслей – в доктрины. Поэтому, вслед за Вейдле, ограничусь пока таким осторожным определением: идеи промысливаются – идеологии постулируются.

В любом случае, заявляя свою тему, я отдаю себе отчет в том, что вхожу в одну из самых сложных и дискуссионных тем философского знания. Здесь, как я давно понял, крайне важны исследовательские самоограничения и предельная неторопливость, ибо чрезмерные амбиции чреваты запредельным риском. Не раз в истории мысли бывало так, что попытка азартного *«разминирования»* проблематики «мутации идей в идеологии» вела, напротив, к быстрому *«самоподрыву»*. Есть такая хорошая русская поговорка: «Пошел за шерстью, а вернулся стриженным…».

Яркий пример тому – хорошо известная «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса. Попытка двух авторов развенчать идеологические амбиции Бруно Бауэра или Макса Штирнера и создать чисто научное, практическое знание привела к тому, что работа Маркса и Энгельса сама стала в еще большей степени идеологическим текстом, чем достаточно скромные опыты Бауэра или Штирнера. Ну а потомки, как известно, довершили дело: найденная и опубликованная только в 1930-е годы рукопись «Немецкой идеологии», во многом черновая и неоконченная, о которой сами авторы скромно писали: *«наша цель была – уяснить дело самим себе»*, превратилась из кабинетного аналитического опыта (местами остроумного и полезного) в одну из главных идеологических дубин «всепобеждающего учения».

Собственно, на интуитивном уровне мы все хорошо понимаем, что значит «превращение идей в идеологии». Россия весь двадцатый век пребывала в этих «переплавках». Мы знаем, как мутировала в России левая коммунистическая идея: сначала идеологически «надулась», а потом лопнула. Нечто подобное, может быть, менее трагическое, но зато куда более фарсовое, произошло на наших глазах с либеральной идеей. И я сегодня намерен показать, что и тот, и другой процессы, при всей разнице идейной начинки, произошли примерно по одному и тому же алгоритму.

Впрочем, сейчас стало модным приводить эту аналогию и ей ограничиваться – аналогию между процессами деградации в России коммунистической идеи и идеи либеральной. И на то, и на другое зачастую печально сетуют примерно одни и те же западнически настроенные головы: мол, взяли на Западе хорошую идею, но «русская почва», как обычно, всё опошлила…

Я, однако, не готов сегодня останавливаться в этом месте – это станция заведомо промежуточная. Хочу напомнить, что в русском контексте *хронологически первой* была проведена философская работа по анализу вырождения не какой-либо западнической, а самой что ни на есть самобытнической идеи – а именно идеи *славянофильской*, и сделано это было еще в конце позапрошлого века.

Есть замечательная статья Владимира Сергеевича Соловьева «Славянофильство и его вырождение», впервые опубликованная в «Вестнике Европы» М.М. Стасюлевича в 1889 г., первоначально в составе работы «Очерки по истории русского сознания», а затем вошедшая во второй выпуск сборника «Национальный вопрос в России». Я впервые внимательно про-

чел эту работу в двухтомнике Соловьева, выпущенного во всем нам известном многотомном приложение к журналу «Вопросы философии» в 1989 г. и уже тогда обратил внимание (остались конспекты) на прекрасные комментарии к этой статье очень уважаемых мною авторов – Николая Всеволодовича Котрелева и Евгения Борисовича Рашковского, которые оценили «своеобразие» самого соловьевского метода *«исторической морфологии национализма»*, когда Соловьев прослеживает деградацию националистического сознания от форм возвышенного идеализма – и «до низменной ксенофобии». Котрелев и Рашковский отметили (цитирую): «Превознесение эмпирического и бессознательного, ставка на стереотипы обыденного массового мышления, отрицание идеальных ценностей и векторов культуры – всё это, по убеждению Вл. Соловьева, ведет не только к идейной апологии, но и прямой практике насилия и палачества». Поэтому, по их мнению, работа Соловьева «имеет прямое отношение не только к истории национализма в России, но и к истории европейских тоталитаристских движений XIX-XX веков»[3]. Когда я думал над сегодняшним докладом и заново перечитал весь этот соловьевский контекст, я понял, что эти слова, написанные в 1989 г., не были преувеличением времен «горбачевской перестройки». Беда как раз в другом: мы в свое время недооценили и до сих пор недооцениваем значение этого виртуозного анализа процесса «вырождения славянофильства» Владимиром Соловьевым.

Постараюсь предельно кратко воспроизвести соловьевскую логику. Он исходит из того, что история славянофильства есть «постепенное обличение той внутренней двойственности непримиренных и непримиримых мотивов, которая с самого начала легла в основу этого искусственного движения»[4]. Это очень важный момент: по Соловьеву, вырождение – это не искажение до неузнаваемости, а, напротив, упрощение за счет полного оголения ядра идеи.

Ранние славянофилы, констатирует Соловьев, боролись одновременно с двумя вещами. Во-первых, «против западноевропейских начал» (включая Петровскую реформу) – «во имя древней, московской Руси». А, во-вторых, «столь же существенный интерес имела для них прогрессивно-либеральная борьба против действительных зол современной им России»[5]. Именно этому «русскому злу», а именно «злу всеобщего бесправия» славянофилы, согласно Соловьеву, «противопоставляли принцип человеческих прав, безусловного нравственного значения самостоятельной личности – принцип христианский и общечеловеческий по существу, а по историческому развитию преимущественно западный европейский и ни с какими особенными "русскими началами" не связанный». Получается, по Соловьеву, что ранние славянофилы (он использует в их отношении термин «археологические либералы») «могли бороться против нашей общественной неправды *единственно только в качестве европейцев*, ибо только в общей сокровищнице европейских идей могли они найти мотивы и оправдание для этой борьбы»[6]. Соловьев отмечает: «Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, – это противоречие погубило славянофильство как учение»[7].

Итак, налицо первое противоречие славянофильства: между гражданско-правовым универсализмом, с одной стороны, и апологией «русской исключительности», с другой.

---

[3] Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – Т. 1. Философская публицистика. – М.: «Правда», 1989. – С. 677.

[4] Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – Т. 1. Философская публицистика. – М.: «Правда», 1989. – С. 433.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 434.

[7] Там же. С. 444.

То же противоречие Соловьев констатирует в области национально-религиозных представлений славянофилов и приходит к очень жесткому выводу: «Я нисколько не сомневаюсь в искренней личной религиозности того или другого поборника «русских начал»; для меня ясно только, что в *системе* славянофильских воззрений нет законного места для религии *как таковой* и что если она туда попала, то лишь по недоразумению и, так сказать, с чужим паспортом»[8]. Что здесь «приходится говорить не о православии, а о *православничаньи»*, ибо «та доктрина, которая сама себя определила как *русское направление* и выступила во имя *русских начал*, тем самым признала, что для нее всего важнее, дороже и существеннее национальный элемент, а все остальное, между прочим и религия, может иметь только подчиненный и условный интерес. Для славянофильства православие есть атрибут русской народности; оно есть истинная религия, в конце концов, лишь потому, что его исповедует русский народ»[9].

Отсюда и известная оценка Соловьевым творчества Алексея Хомякова: «Проповедь Хомякова роковым образом была осуждена на бесплодие, потому что при первой попытке дать ей дальнейшее развитие непременно должно бы было обнаружиться в ней противоречие между широкою всеобъемлющею формулою церкви и узким местным традиционализмом, – между вселенским идеалом христианства и языческою тенденцией к особнячеству»[10].

Двойственной, согласно Соловьеву, была и социальная концепция ранних славянофилов. Соловьев подробно разбирает здесь «Записку о внутреннем состоянии России» Константина Аксакова, представленную императору Александру II (там Аксаков, как известно, писал): «Русский народ есть народ негосударственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную. Взамен того русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа»[11].

Именно этой «Запиской» Константина Аксакова, по словам Соловьева, «завершается развитие славянофильской *мысли* и начинается проверка этой мысли на деле». А «на деле» получилось следующее: «Вместо объективно достоверных общечеловеческих начал правды славянофилы в основание своей доктрины поставили предполагаемый идеал русского народа» и явно недооценили перспективы того, что (продолжение цитаты) «плевелы, посеянные ими же вместе с добрым зерном, гораздо сильнее этого последнего на русской почве и грозят совсем заполонить все поле нашего общественного сознания и жизни»[12].

В результате всех этих противоречий, славянофильство, согласно Соловьеву, в своем развитии было как бы приуготовлено к «вырождению». Ведь если социальную концепцию славянофилов («государству власть – народу мнение») перевести на язык практики, то получается печальный парадокс: «…Против этой огромной реальной мощи (государства), вполне и безусловно признавая ее права, узаконяя их навеки, выступает кружок литераторов с неким идеальным противовесом в виде заявления о свободе духа и прошения о свободе мнения»[13]. И далее: «Разъяснить это недоразумение, утвердить славянофильскую доктрину на ее настоящей реальной почве и в ее прямых логических последствиях – вот дело, которое

[8] Там же. С. 436-437.
[9] Там же. С. 437.
[10] Там же. С. 443.
[11] Там же. С. 451.
[12] Там же. С. 465.
[13] Там же. С. 466.

с блестящим успехом выполнил покойный Катков…»[14]. Катков, согласно Соловьеву, «имел мужество освободить религию народности от всяких идеальных прикрас и объявить русский народ предметом веры и поклонения не во имя его проблематических добродетелей, а во имя его действительной *силы*»[15]. А поскольку вместилищем этой народной силы, по мнению Каткова, было государство, то он, по выражению Соловьева (прошу прощения у наших востоковедов) «с подлинно мусульманским фанатизмом… уверовал в русское государство, как в абсолютное воплощение нашей народной *силы*»[16]. Есть знаменитое выражение Соловьева: «Катков – это Немезида старого славянофильства» (Немезида, как известно, – это богиня мести, богиня конечной расплаты за сотворенные грехи).

И вот вывод Соловьева о судьбе славянофильства: «Прикрасы "вселенской правды" отпали, и осталось лишь утверждение национальной силы и исключительного национального интереса. Как настоящий фон славянофильства выступил катковский ислам…»[17] (я снова извиняюсь перед востоковедами).

Соловьев здесь с горькой иронией цитирует Пушкина:

Но краски чуждые с годами
Спадают ветхой чешуей...

Горечь иронии, разумеется, в том, что в знаменитом стихотворении «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной…» и т. д.) у Пушкина под «ветхой шелухой» варварства в итоге обнаруживается первозданная Гениальность. В случае со славянофильством Соловьев констатирует обратное: красивые краски «цивилизации» отшелушиваются и под ними проступает «Варварство»; на месте пушкинского Возрождения – обнаруживается катковское вырождение.

Необходимо добавить, что на Каткове «вырождение славянофильства» у Соловьева не оканчивается. Все-таки Катков, по его мнению, не посмел сделать решающий логический вывод о том, что «обожествление народа и государства, *как фактической силы*, заключает в себе логически отрицание всяких объективных начал правды и добра». Соловьев объясняет: «Он (Катков. – *А.К.*) был для этого слишком образованным человеком, слишком европейцем. Самое его преклонение перед стихийною силою народа имело отчасти… философскую подкладку, будучи связано с идеями Шеллинговой "позитивной философии". Быть может, помешало и личное религиозное чувство»[18].

И вот, по сути, финальный вывод Соловьева, очень важный в контексте сегодняшнего разговора: «Но история сознания имеет свои законы, в силу которых всякое идейное содержание, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы в последних своих заключениях найти свое торжество или свое обличение. Крайние последствия из воззрения Каткова выведены ныне его единомышленниками. В них он нашел свою Немезиду, как сам он был – Немезидою славянофильства»[19]. Таким образом, беспощадный анализ Владимира Соловьева последовательно ведет нас от славянофильства – к «черной сотне».

…Оставлю славянофильство и анализ его вырождения в правый национализм и перейду теперь к исследованию в русской мысли другого важнейшего процесса – процесса вырождения в России левой идеи и формирования леворадикальной идеологии. Наиболее

[14] Там же.
[15] Там же. С. 468.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 470.
[18] Там же. С. 469.
[19] Там же.

интересный анализ в этом направлении принадлежит перу Николая Александровича Бердяева.

Обычно, когда говорят о концепции Бердяева, предпочитают сразу переходить к его знаменитой статье из «Вех» о противоположности «философской истины» и «интеллигентской правды». Эта действительно выдающаяся работа, как известно, появилась весной 1909 г., а между тем Бердяев уже как минимум полтора-два года до этого активно издавал статьи на схожие темы в умеренно-либеральной прессе. Выделяется, например, его работа «Из психологии русской интеллигенции», опубликованная в конце октября 1907 г. в мирнообновленческом «Московском еженедельнике», редактируемом князем Евгением Николаевичем Трубецким.

Уже в этой статье Бердяев обращает внимание на появление в России массового типа интеллигенции, который он называет *«интеллигентским мещанством»*. Это – наемные земские служащие, статистики, врачи, учителя и пр. Именно они, по мнению Бердяева, и создают опасный «левый крен» в массовом сознании, подпитывают идеологическое «направленство». (Бердяев использует здесь прижившееся тогда в русской публицистике слово *«направленство»*, введенное старым писателем Петром Дмитриевичем Боборыкиным, который, кстати, первым начал активно использовать и понятие «интеллигенции». Боборыкинское «направленство», думаю, это есть ранний синоним искомой нами сегодня «идеологии»).

Что представляет из себя «интеллигентское мещанство»? В нем, по мнению Бердяева, нашли «свое обратное, вывернутое отражение… все грехи нашего исторического прошлого». Бердяев пишет: «В массе это люди полуобразованные, обиженные на мироздание, но всегда приписывающие себе прерогативы спасителей отечества… Люди эти понемногу читают, понемногу пишут, понемногу думают, но всегда по шаблону, всегда тем же жаргоном и теми же заученными словами говорят о плане спасения России»[20].

Главные пороки «интеллигентского мещанства», склонного к «направленству», по мнению Бердяева, – его «безрелигиозность» и «беспочвенность» (тема, развитая потом в «Вехах»). Бердяев пишет: «Интеллигенция эта оторвана от народа в органическом смысле этого слова, но идолопоклонствует перед народом в сословно-классовом смысле: чужие *интересы,* пролетарские или крестьянские, стали для нее *идеалом.* Все эти разногласия революционных фракций, социал-демократов и социалистов-революционеров, большевиков и меньшевиков и т.п. — чисто интеллигентские разногласия, … отщепенские препирательства, (и, внимание! – А.К.) мещанские идеологии»[21]. (Наконец-то у Бердяева прозвучало это слово!)

Вот в этот-то субстрат полуобразованного, но политически разгоряченного «интеллигентского мещанства» и был вброшен (среди прочих учений) пришедший с Запада марксизм, и претерпел там удивительные метаморфозы. Бердяев пишет: «Реалистический марксизм был пережит русской интеллигенцией как головной процесс, и в голове "третьего элемента" (для Бердяева – синоним "интеллигентского мещанства" – А.К.) начала уже разлагаться буржуазия, когда в действительности она начала только развиваться»[22]. Омассовляясь и упрощаясь, подмечает Бердяев, изменяется и сам «левый язык» (*дискурс*, как мы бы сейчас сказали): «Направленский жаргон, быстро усваиваемый студентами и курсистками, принимается за общечеловеческий язык, в то время как в жаргоне этом исчезают все великие проблемы»[23]. Вот оно – то явление, о котором говорил процитированный мной в самом начале доклада

[20] Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. – СПб.: 1910. – С.67-68.
[21] Там же. С. 69.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 71.

Владимир Вейдле: *«идеология – это система мыслей, которых никто более не мыслит; мыслить их, значило бы подвергнуть их опасности изменения»*.

Итак, в работе о «психологии русской интеллигенции», за полтора года до выхода «Вех» Бердяев уже пишет: «Горе русской революции, что в ней господствует (этот) «третий элемент», своего рода обратная бюрократия, слой не органический, не связанный с основами народного духа… Слишком преобладают в революции злоба к старой жизни над любовью к новой жизни, разрушение над созиданием, жажда возмездия над жаждой творчества, чисто отрицательные идеи над положительными»[24].

На что уповает Бердяев в 1907 году? Цитирую: «Необходимо разорвать эту цепь, выйти из порочного круга революционности и реакционности, необходимо новое крещение и для красной, и для черной сотни. Жажда абсолютной правды у лучшей части интеллигенции может утолиться призрачно — бесовщиной, реально — религией. И я верю (продолжает Бердяев): избранная часть интеллигенции, познав ужас путей человеческого самоутверждения, истоскуется и перейдет к сверх-исторической форме христианства… Появится, раньше или позже, новое рыцарство, возродятся в нем традиции старого аристократического благородства, превратится в нем мятеж избранников в высшую покорность Богу, во имя Которого начнется крестовый поход против зла. России нужны рыцарские ордена, нужны личности рыцарского закала»[25]. Фактически Бердяев ставит дилемму, которую он затем будет неоднократно варьировать: «подлинная христианская религиозность или бесовщина?», т. е. фактически так: Христос или идеология?

Как известно, в сборнике «Вехи», задуманном Михаилом Гершензоном и выпущенном весной 1909 г., Бердяеву была отведена особая роль – роль автора первой и, на мой взгляд, решающей статьи. Его статья называлась «Философская истина и интеллигентская правда».

«Интеллигентская правда», о которой говорит Бердяев и специально это оговаривает, это «правда» опять-таки не интеллигенции «в общенациональном, общеисторическом смысле», а «правда» интеллигенции особого рода – кружковой политизированной интеллигенции, которую в «Вехах» Бердяев называет «интеллигентщиной». Согласно Бердяеву, «интеллигентщина» – это своеобразный мир, живущий замкнутой жизнью под двойным давлением: «давлением казенщины внешней – реакционной власти, и казенщины внутренней инертности мысли и консервативности чувств». Подлинные творческие мыслители, породители философских идей и смыслов – это, по Бердяеву, конечно, тоже интеллигенция, более того, – это подлинная интеллигенция и есть, и она абсолютно чужда интеллигентщины[26].

Отношение «интеллигентщины» к философским идеям, по Бердяеву, двояко: ее душевная косность соединяется со склонностью к идейным новинкам, чаще всего европейским, которые, конечно же, никогда не усваиваются глубоко. Как результат, философские новинки попадают в очень малообразованный и к тому же еще и придавленный деспотизмом душевный контекст. Что получается в итоге? В итоге, высокая философия подчиняется «утилитарно-общественным целям»; во времена Бердяева – это господствующие в среде интеллигентщины «народолюбие» и «пролетаролюбие».

Такой народнический душевный настрой неизбежно порождает то, что философские идеи в России подвергаются в среде интеллигентщины своеобразной селекции. Поскольку,

[24] Там же. С. 72.

[25] Там же. С. 78.

[26] Не могу не добавить здесь следующее. «Вехи» у нас часто называют книгой против интеллигенции. Так пишут люди либо темные, либо предельно лукавые. «Вехи» – книга, направленная против болезней интеллигенции, против ее впадения в «интеллигентщину». Думаю, что те, кто говорит о «Вехах» как об «антиинтеллигентской книге», могут быть отнесены – в нашей терминологии – не к «мыслителям», пусть даже скромным, а к «идеологам», идеологам периодически вспыхивающих в России антиинтеллигентских погромов.

согласно Бердяеву, «интересы распределения и уравнения» в сознании интеллигентщины всегда доминируют над «интересами производства и творчества», интеллигентщина «всегда охотно принимала идеологию (Бердяев в «Вехах» уже активно употребляет это слово – А.К.) (идеологию), в которой центральное место отводилось проблеме распределения и равенства…; к идеологии же, которая в центр ставит творчество и ценности, она относилась подозрительно, с заранее составленным волевым решением отвергнуть и изобличить»[27].

Диагноз, поставленный Бердяевым русской интеллигентщине более века назад, абсолютно актуален и сегодня. Вот послушайте такие его слова: «До сих пор еще наша… (интеллигентщина) не может признать самостоятельного значения науки, философии…, до сих пор еще подчиняет их интересам политики, направлений и кружков…». Я думаю, что многие из нас попадали в такую ситуацию: начинаешь говорить серьезные вещи, а тебе явно или неявно задают вопрос: а ты зачем это говоришь, на чью мельницу, так сказать, воду льешь?

Наряду к пренебрежением к творческой мысли «интеллигентщина» (по Бердяеву) выделяет своих «мыслителей», называет их «настоящими философами». В 1860-е такими были Чернышевский и Писарев, в 1870-е Михайловский и Лавров, в 1890-е – Плеханов – т.е. тех мыслителей, которых оказалось легко упростить и превратить в идеологических «вождей»…

Бердяев в своих работах и впоследствии неоднократно откровенно потешался над ситуацией в русской кружковщине начала 20 века, когда довольно безобидные Авенариус и Мах: «провозглашены были философскими спасителями пролетариата», и на этой базе «Богданов и Луначарский сделались "философами" социал-демократической интеллигенции».

Итак, общий вывод Бердяева о той интеллектуальной ловушке, в которую попадает русская кружковая интеллигентщина, следующий (цитирую): «Философия – есть школа любви к истине… Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн Великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей».

Небольшая реминисценция. Помните, нашу дискуссию на первом докладе В.М. Межуева, который дал такое определение: «Философия – это любовь к свободе». Ему кто-то возразил: но, позвольте, ведь чисто филологическое определение философии – это «любовь к мудрости». В.М. Межуев тогда, фактически процитировав Бердяева, уточнил: «Философия – это любовь к свободному поиску истины». Действительно, ведь поиск истины может быть только свободным. Для Бердяева есть «философия» (как «школа любви к истине») – и есть «идеология», как канонизированная «интеллигентская правда».

Ну и хочу предложить вашему вниманию третью фигуру из истории русской мысли. Крупнейшим русским аналитиком проблемы трансформации «идей» в «идеологии» в XX веке, на мой взгляд, является Федор Августович Степун – профессиональный философ-неокантинец, окончивший Гейдельбергский университет, где он учился у Вильгельма Виндельбанда. Посоветовал ему ехать в Германию Борис Петрович Вышеславцев (философ-правовед, тогда доцент Московского университета, сам прошедший этот путь), убедивший молодого Степуна в том, что *«без философии жизнь не осилить».* Приехавший в 1902 г. в Гейдельберг (учиться философии у Виндельбанда) Степун увидел в среде университетских интеллектуалов картину, прямо противоположную той, которую описал Бердяев применительно к русской кружковой «интеллигентщине». Вот маленький отрывок их мемуаров Степуна «Бывшее и несбывшееся»: «Социологическая незаинтересованность и политическая нечуткость почти всей нео-идеалистической философии Германии были поистине потрясающими.

[27] Отмечу здесь принципиально новый момент: Бердяев в «Вехах» проводит типологизацию идеологий, отмечая, что помимо примитивной идеологии «распределения и равенства», возможна (пока только теоретически) «идеология, которая в центр ставит творчество и ценности» – я еще вернусь к этой теме

Успокаиваясь на том, что Ницше – поэт и филолог, а Маркс – экономист и политик, маститые профессора философии или вообще не занимались этими мыслителями, или занимались ими в целях приспособления их идей к положениям научной философии, что по тем временам значило – к Канту»[28]. Впрочем, младший друг Степуна, философ и религиозный мыслитель Лев Александрович Зандер, тоже учившийся в Германии, написал как-то в рецензии на книги Степуна, что тогдашний Гейдельберг, благодаря тому же Виндельбанду (главе баденской школы), имел все-таки еще некоторый вкус к реальной жизни и политике, в отличие, например, от Марбурга. «Марбург (Герман Коген, Пауль Наторп) весь захвачен пафосом чистой науки; к жизни (к "психологизму") он скорее равнодушен... В Гейдельберге – совсем иное; конечно, это тоже неокантиантство; но всё оно обращено к жизненным ценностям, к воле к их созданию, к творчеству, в конечном счете – культуре»[29].

Но, с другой стороны, Степун прикоснулся в Гейдельберге и к «родной интеллигентщине» (от которой фактически бежал из России), причем в ее наиболее концентрированном варианте. Дело в том, что в тогдашнем Гейдельберге был весьма активен студенческий клуб политизированной русско-еврейского молодежи (из него, кстати, потом вышли многие русские идейные радикалы – как эсеры, так и большевики). Здесь, напротив, любой профессорский философский «чих» вызывал ожесточеннейшие споры, мгновенно растаскивался по партийно-идеологическим «норам». По отношению к этим соотечественникам Федор Степун – этнический немец и православный русский – старался держать дистанцию.

Думаю, что уже тогда, в Германии, молодой Степун всерьез примеривался к своему будущему призванию – проработке возможностей интеллектуального прохода между Сциллой философско-академической нечуткости к социально-политическим вопросам и Харибдой «интеллигентского панполитизма» (как он это потом назвал). Как возможна строгая философия современной культуры, куда бы органично входил анализ социально-политических тем? – вот главный для Степуна вопрос на протяжении всей жизни. Или сформулирую эту проблему в терминах моего доклада: как сделать так, чтобы философские идеи не вырождались в опасные идеологии? Или – еще шире – в терминах всего нашего семинара: как сделать так, чтобы философия не мутировала до неузнаваемости, попадая в публичное пространство? Я здесь, конечно, имею в виду не то гипотетическое «эллинско-полисное» «публичное пространство», которое, согласно Вадиму Михайловичу Межуеву, сама философия и должна в идеале конституировать, а то реальное «публичное пространство», которое имело место в России и Европе…

О дальнейшей работе Степуна над этой проблематикой можно говорить долго. Ограничусь только некоторыми зарисовками.

Важная тема: отношение Степуна к метаморфозам «левой идеи», в первую очередь, к марксизму: т.е. идеям Маркса, с одной стороны, и к марксистской идеологии, с другой стороны. В 1933 г. в журнале «Новый град» (который он издавал в Париже вместе с Г.П. Федотовым и И.И. Бунаковым-Фондаминским) Степун опубликовал интересную статью о Марксе, где написал, в частности, что Маркс, по его мнению, был «одним из самых многосторонних и культурных людей своего времени» и согласился с характеристикой Маркса как «*утончённого гурмана культуры*»[30]. Отмечая «внутреннюю чуждость» Маркса «всякому культурному упрощенству», Степун констатировал «неповинность Маркса в цивилизаторском варварстве»[31]. Но тогда чем объяснить, задается вопрос Степун, что именно именем Маркса

[28] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя. Т. 1. – С. 148.
[29] Зандер Л.А. О Ф.А. Степуне и некоторых его книгах //«Мосты». – 1963. – №10. – С. 319-320.
[30] Степун Ф.А. Любовь по Марксу //«Новый Град». – 1933. – № 6. – С. 13.
[31] Там же.

«не только прикрывается, но и подлинно творится тот разгром культуры, что вот уже много лет буйствует в России?»[32].

По мнению Степуна, в марксизме изначально существовало очевидное противоречие. В идейном смысле философско-социологическая концепция Маркса «и по своим истокам, и по своей сущности» является *классическим выражением буржуазной культуры*[33]. А вот в своем особом идеологическом преломлении, т.е. «по своим практически-политическим заданиям» марксизм выступил *«непримиримым врагом буржуазной культуры»*[34].

Этою, по выражению Степуна, «неувязкою теоретического сознания и практической воли» в учении Маркса объясняется полное бессилие собственно «пролетарского творчества». «В Европе, – пишет Степун, – особенно в Германии, где после революции 1919 года социал-демократия пришла к власти, пролетариат не произнес не только ни одного нового, но даже и просто своего слова»[35]. Здесь Степун проводит очень остроумное, на мой взгляд, сравнение – сравнение отношения западноевропейского пролетариата к буржуазной культуре и отношения Льва Толстого – к Бетховену. Толстой, как известно, сначала отрицал Бетховена, потом плакал над Бетховеном, а потом считал свои старческие слезы за грех... Итак, согласно Степуну, идейный аутентичный марксизм – это самокритика западной культуры, ее имманентная органическая часть (более того, Степун пишет, что «вся экономическая и социально-политическая наука мыслит уже десятки лет в категориях Марксового учения», и «в каком-то широчайшем смысле этого слова ныне все марксисты»[36]). Марксизм же, инкорпорированный в большевистскую идеологию, – это воля к уничтожению буржуазной цивилизации.

Вот это противоречие Степун констатирует и в самом Марксе, который, с одной стороны, ненавидел «рабскую основу всех допролетарских культур», а с другой стороны, сам самозабвенно увлекался «Эсхилом, Сервантесом, Шекспиром и другими гениями "доисторической" эпохи»[37]. Поэтому, если у Степуна и есть претензия лично к Марксу, то вот какая: «Быть может, величайшая беда марксизма, – пишет Степун, – заключается в том, что Маркс исключил из него те духовные основы, которые жили в нем и которыми он сам жил. Включением себя в свою систему Маркс мог бы избежать той лжи односторонности и примитивности, которые свойственны всякому, а в особенности советскому марксизму»[38].

Большевики в Советской России, как известно, не пошли западноевропейским путём «включения пролетариата в буржуазную культуру» (Степун оговаривается: «и по всей своей сущности и некультурности русских масс и не могли»). «Но тут-то и оказалось, – пишет он, – что никакого своего пути у пролетарской культуры нет», и «нетерпеливое, волевое утверждение» такого пути ведет «не только к разгрому буржуазной культуры, сколько к разгрому культуры вообще»[39].

Идеологизацию марксистской идеи в большевистском ключе Степун связывает, конечно, с Лениным. Здесь он – не только внешний аналитик, но и включенный участник событий, – как активный деятель Февраля. Степун вспоминал, в частности, свой послефевральский разговор с Плехановым в Царском Селе. Плеханов тогда, говоря о Ленине, произнес та-

---

[32] Там же.

[33] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя. – С. 472.

[34] Чувствуете здесь аналогию с анализом Владимиром Соловьевым двойственности славянофильства? Степун, кстати, написал свою докторскую в Гейдельберге именно по историософии Соловьева.

[35] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя. – С. 473.

[36] Там же. С. 480.

[37] Там же.

[38] Там же.

[39] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя. – С. 473.

кие слова: «Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что это человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения».

Надо сказать, что в эмигрантской литературе таких инвектив против «Ленина-варвара» – хоть пруд пруди, причем иногда от весьма утонченных интеллектуалов. Но в том-то и удивительная роль Федора Степуна, что он – не примитивный антиленинист, не узкопартийный идеологический человек, а человек культурно-синтетический. В своих «Мыслях о России» он, например, пишет: «Думаю, что подмеченный Плехановым в Ленине дар упрощения проник в русскую жизнь гораздо глубже, чем это видно на первый взгляд. Быть может, он не только материально, экономически развалил Россию, но и стилистически уподобил себе своих идейных противников. Если внимательнее присмотреться ко многим господствующим сейчас в русской жизни культурным явлениям, в особенности же к тем формулам спасения России, которые предлагаются ныне некоторыми "убежденными людьми", то невольно становится жутко: до того силен во всем ленинский дар упрощения. И в "сменовеховстве", и в вульгарном монархизме..., и в почти модном ныне отрицании демократии как пустой формы…, и во многом другом очень много неосознанной большевистской заразы. Спасти всех стоящих сейчас на распутье от этого вездесущего большевизма, от преждевременного движения все равно куда, лишь бы по линии наименьшего сопротивления ... – величайшая задача демократии»[40]. Итак, согласно Степуну, в борьбе с большевисткой идеологией и практикой очень важно удержать высокий тонус культуры, ибо идеологический антибольшевизм, в своем даре упрощения, полностью уподобляется большевизму. Звучит более чем актуально.

Вообще, по умению уйти от прямолинейных партийно-идеологических конструкций в стиле «правые-левые» Степун – большой мастер. Его работы в этом отношении можно сравнить разве что с выдающейся, на мой взгляд, в политико-философском отношении работой Семена Людвиговича Франка «По ту сторону правого и левого», которую я всегда рекомендую читать своим студентам.

Приведу – для симметрии – анализ Степуном деградации не *левой* идеи равенства, а *правой* идеи частной собственности. В одном из своих философских эссе из цикла «Мысли о России» Степун написал о том, как постепенно важнейшая позитивная цивилизационная идея частной собственности вырождается в опасную для цивилизации «идеологию». Степун пишет (это 1926-й год): «Наши крайние правые очень любят доказывать нравственно-воспитательное значение этого "священного" института... (собственности. – *А.К.*). Но как же могут они не видеть, что… унаследованная земля, на которой я живу, и над которой творчески работаю, – один вид собственности, нравственное значение которой несомненно; но десятое имение, дешево купленное с торгов и доверенное управляющему, – совсем другой тип; десятое имение – не собственность, а отрицание собственности. Как раз с этической точки зрения на собственность должно быть ясным, что собственность права́ и зиждительна лишь до тех пор, пока она строит человеческую личность, и что она грешна, когда она ее расхищает»[41].

Мне кажется, это очень показательный пример того, как можно выстраивать в России искомый «цивилизационный консенсус». На место примитивно-партийной склоки: хороша или плоха частная собственность вообще, Степун предлагает (в том числе и нам) разговор о том, при каких условиях собственность, как он говорит, «зиждительна», а при каких она – разрушительна.

У Федора Степуна есть работа, которая специально посвящена соотношению «идей» и «идеологий» и трансформации первых во вторые. Это его большая статья «Религиозный смысл революции», напечатанная в парижских «Современных записках» в 1929 г.

[40] Степун Ф.А. Мысли о России // «Новый мир». – 1991. – № 6. – С. 208.

[41] Степун Ф.А. Мысли о России //Современные записки. – Париж. – 1926. – № 28. – С. 374.

Начну с того, что для Степуна «идея» – это «структура бессознательного переживания», а «идеология» – «продукт теоретического сознания». Процесс «идеологизации идей» для Степуна – это верный симптом нарождающейся революции: «Пока классы – держатели старых ценностей, классы – хранители старых форм культуры и восходящие к власти новые классы борятся друг с другом лишь за разные воплощения общего им духовного содержания, до тех пор революции, в точном и узком смысле этого слова, быть не может. С момента же, в котором борьба из-за форм культуры накаляется до того, что раскалывается надвое единство национального сознания – революция уже налицо, иногда задолго до баррикад и казней»[42].

«Разложение национального сознания» (т.е. раскол «общего духовного содержания» на конфликтующие идеологии), по мнению Степуна, «начинается всегда среди правящих классов, среди представителей старых культурных форм и традиций. Начинается оно всегда одинаково: с обездушения господствующих культурных ценностей путем превращения их в факторы власти и даже насилия над восходящими к жизни новыми народными слоями, новыми классами. Не в субъективно-психологическом, конечно, но в объективно-историческом смысле (пишет Степун), застрельщиками революции являются не столько революционные вожди, сколько те власть имущие представители старых форм жизни, что первые производят девальвацию доверенных им культурных ценностей путем прагматически-утилитарного отношения к ним. Народная революция, в сущности, никогда не взрывает подлинных твердынь господствующей культуры. Она лишь по бревнышкам да кирпичикам разносит и прахом развевает обездушенный остов уже мертвой жизни. Лишь тогда, когда правящие слои царской России превратили исповедуемую ими религиозно-национальную истину в идеологический заслон против народных требований, т.е. обездушили ее, восстал русский народ на царя и на Бога во славу Маркса и интернационала»[43]. Таким образом, Степун делает важный вывод: «С момента… отрыва идеологий от соответствующих им идей срыв эволюционных процессов в революцию становится неизбежным… Революция рождается всегда из реакции… Реакция есть инерция упорного отстаивания мертвых идей. Чем быстрее распадается в предреволюционной эпохе старые идеи, тем пышнее расцветают реакционные идеологии»[44].

Степун подробно развивает тему (пунктирно намеченную уже у Бердяева в «Вехах») об «органической связи идей и идеологий». «Правы и нужны в жизни только те идеологии, – пишет Степун, – которыми органически зацветают идеи, т.е. те, которые представляют собою точные теоретические описания духовно-реальных процессов. Вредны же и лживы те…, за которыми не стоит никакая духовная реальность, которые порождаются комбинирующими энергиями отвлеченного сознания, которые возгораются не от вечного пламени священного очага жизни, а от случайно попадающих в мозг искр и отсветов чужих идеологий. Эти, реальными переживаниями не оплаченные, заносные, верхоходные идеологии представляют собою громадную опасность для социальной жизни. Они создают идеологические эпидемии, псевдодуховные поветрия, идеологические моды, они расшатывают устои жизни и разъедают ткань»[45].

Обстоятельства, «наиболее благоприятствующие расхищению жизненной субстанции беспочвенными идеологиями» бывают, согласно Степуну, «двоякого рода»: «Лжеидеологии особенно легко размножаются или в период зарождения идей, или в период их умирания; представляют собою или результат нетерпеливого желания как можно скорее, хотя бы чужими, заимствованными словами высказать только еще созревающие в душе идеи-реальности; или попытку словесной защиты уже умерших идей. Но самое главное, что характерно для

[42] Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Современные записки. – Париж. – 1929. – № 40. – С. 436.
[43] Там же. С. 436-437.
[44] Там же. С. 443-444.
[45] Там же. С. 441.

всех беспочвенных, неорганических идеологий, или короче – лжеидеологий, это их взаимная враждебность, их абсолютная непримиримость. Этою непримиримостью, этим отсутствием всякой почвы для примирения они отличаются от тех живых идей, на которых они расцветают…»[46]. И далее еще один важный вывод: «Все беспочвенные идеологии тяготеют к взаимному отталкиванию, почвенные же к взаимному притягиванию»[47].

«Последняя сущность всех революционных идеологий – в их метафизическом малодушии, в их недоверии к органическому вызреванию идей. Новая идея только еще зарождается в объятьях старой, умирающей. Новая идеология, как точная формула вызревающей идеи, – еще не дана. Ситуация требует величайшей осторожности, напряженного всматривания в брезжущие контуры намечающегося мира. Но революционная энергия рвется вперед: вымогает у еще немой идеи красноречивую идеологию, выдумкою убивает мысль. Уточнение мысли на почве углубленного постижения идеи – невозможно. Остается одно - строить революционную идеологию в качестве "реакции-наоборот". По этому рецепту и строилось всегда всякое революционное якобинство»[48].

Беда России, согласно Степуну, в том, что (цитирую) «и на правом и на левом флангах господствуют, никаким золотым фондом идейно-подлинных переживаний не обеспеченные, бумажные идеологии. Встреча между ними невозможна, ибо встреча, как было показано, возможна только между идеями. Остается только одно: – борьба. Борьба не на живот, а на смерть. Самое же страшное, что эта борьба на смерть есть борьба между двумя мертвецами: между идеологией, случайно не похороненной вместе со своей идеей, и идеологией, насильнически вырванной из чрева своей идеи»[49].

В своих многочисленных других работах, прежде всего в цикле «Мысли о России» Степун очень много сделал для того, чтобы развенчать «ложные идеологии». Он глубоко проанализировал, например, трагический разрыв и обоюдную деградацию русских славянофилов и русских западников. Вот его буквальные слова: «Вырождение свободолюбивого славянофильства Киреевского в сановнически-реакционное славянофильство Победоносцева. Вырождение верующего свободолюбия западника Герцена в лжерелигиозный героизм революционной интеллигенции»[50].

Степун мечтал (цитирую) о новом «сращении в русской жизни, в русском общественно-политическом сознании консервативно-творческих и революционно-положительных душевных энергий». «Я глубоко уверен, писал он в «Мыслях о России», что величайшим несчастьем Росиии будет, если в ней не создастся некой центральной психологии, психологии душевно-емкой, культурно многомерной и политически крепкой»[51].

…Хочу подвести некоторые промежуточные итоги. Процесс превращения «идеи» в «идеологию» (даже учитывая серьезные поправки Степуна) всегда имеет своими константами следующие процессы: примитивизацию, политизацию, массовизацию, нормативизацию, монологизацию. В этом смысле получается, что тенденция к идеологизации идей – это процесс, в значительной мере спонтанный, неизбежный, особенно для эпохи массового общества. Более того, идеологии, ставшие продуктом упрощения и массовизации, бытуют и в тех массовых обществах, в которых все-таки существует сильный костяк общества гражданского. Иначе, повторяю, и быть не может. Меня же в первую очередь волнует ситуация в тех обществах (Россия принадлежит к их числу), где массовое общество получает полное домини-

[46] Там же. С. 441-442.
[47] Там же. С. 443.
[48] Там же. С. 444-445.
[49] Там же. С. 445.
[50] Степун Ф.А. Мысли о России //Современные записки. – Париж. – 1926. – № 28. – С. 228.
[51] Степун Ф.А. Мысли о России //Современные записки. – Париж. – 1926. – № 28. – С. 374.

рование над обществом гражданским, и где появляются не просто «идеологии», а тоталитарные репрессивные идеологии.

Как не допустить тотализации идеологии? – вот главный вопрос. Строго говоря, таких идеологий мы знаем три (возможна ли какая иная? – вопрос открытый). Я их кратко назову (по мере исторического затвердевания, поскольку тенденции существовали и ранее):

1) красная – большевистско-сталинистская;

2) коричневая – фашистско-муссолиниевская;

3) черная – нацистско-гитлеровская.

Что их объединяет? Я много писал об этом, начиная с книги «Тоталитаризм как исторический феномен» 1989 г. Все эти три формы тоталитарной идеократии шли к власти, а потом удерживали власть с помощью сходного идеологического механизма – монополизации и оперирования таким понятием как «историческая вина». Вообще, моя давняя идея: власть – это возможность приватизации и монополизации проблематики «исторической вины». Действительно, все три формы тоталитарной идеократии построены на том, что они «вменяют вину и репрессируют за это». В красной идеократии виноваты классы; в нацистском (гитлеровском, черном) варианте «виноваты» народы и расы, отличные от «подлинных арийцев». В муссолиниевском, коричневом варианте т.наз. «корпоративного государства» виноваты абстрактные «чужие», «не свои». «Кто не с нами, тот против нас». Сейчас, кстати, некоторые публицисты утверждают, что в современной России существует «корпоративное государство» на манер муссолиниевского: «свой» может быть и олигарх-еврей в Лондоне, и работяга-русский с «Уралвагонзавода» – в «свои» берут всех, кто присягнул. А виноваты те, «кто не с нами». Надо добавить, что корпоративный вариант идеократии в духе Муссолни в истории был относительно менее репрессивным (хотя бы тем, что лояльность в отличие от «пятого пункта» или «социального происхождения» в любой момент можно изобразить), но кто знает куда это может привести?

Будьте, как говорится, бдительны! Меня в свое время заинтересовал вопрос: а почему прорыв в тоталитарную идеократию в России произошел именно на базе марксизма. Ведь в России имели место и более радикальные и даже изначально террористические идеи, например, радикальное народовольчество?

В позднее советское время, в кругах «шестидесятников» активно бытовала идея (возможно бытует и сейчас), что в этой стране, на этой русской почве тоталитарная репрессивная идеократия могла вырасти на чем-угодно, а не только на марксизме. Вот что писал, например, известный публицист (мы кстати, недавно с ним общались) Лев Аннинский: «Нечто близкое, военно-казарменное на этом куске земли было бы выстроено и с помощью какой-нибудь другой системы идей. Пойди иначе ход диспутов в тех или иных интеллигентских кружках прошлого века – замесилось окончательно бы тесто не на марксовом экономизме и не на свободной этике Энгельса..., замесилось бы новое учение на каком-нибудь леонтьевском византизме, на соловьевской софийности, на либеральном "свободном выборе" в духе Михайловского или на "общем деле" в духе Федорова, - тогда хлынула бы вся наша накопившаяся агрессивность в другие формы...».

Я не согласен в Аннинским: круг потенциальных «кандидатов» был значительно уже. Внимательный анализ показывает, что по некоторым параметрам марксизм оказался не просто лучшим кандидатом, но и единственным. В Михайловском, тем более в Соловьеве, и даже Леонтьеве и Федорове (я перечисляю тех, кого называет Аннинский), в их учении не было потенциала идеологического сброса «исторической вины» на кого бы то ни было.

Или, например, радикальное народничество. Этот идейный комплекс мог быть в некоторых своих проявлениях крайне радикальным, однако возможность тотализация российского сознания народничеством блокировалась одним принципиальным обстоятельством. А

именно: основная народническая идеологема – принятие на себя вины перед народом и желание «пострадать за народ» – накрепко закупоривала проблематику «*исторической вины*» в собственно народнической среде. Без разгерметизации этой среды, без инверсивного «выброса вины вовне» запуск идеократического тотализатора был невозможен.

А вот в скромном, казалось бы, марксизме, поначалу вовсе не историоборческом, напротив, примиряющим с историей (капитализм, мол нужен, полезен, хотя бы тем что создает пролетариат – вспомним и Плеханова, и раннего Ленина), – здесь, в марксизме проблематика «исторической вины» наличествовала («экспроприаторов надо экспроприировать») и требовала только решительной идеологической актуализации – что и проделал Ленин.

Один из наиболее блестящих исследователей проблемы тоталитаризма Виктория Атомовна Чаликова провела (совсем незадолго до своей безвременной кончины) достаточно рискованный мыслительный эксперимент, который, как я сегодня понимаю, был абсолютно корректен и полностью оправдался. Она взяла знаменитый апокриф о молодом Владимире Ульянове, который, при известии о казни брата, вроде бы произнес историческую фразу: «*Мы пойдем другим путем*».

«*Что означала эта фраза?*» – задается вопросом Виктория Чаликова, оговариваясь, впрочем, что она не уверена, что сцена в Симбирске была именно таковой. Но, замечу от себя, реальная конкретная история и «логика истории» – это разные вещи. Виктория Чаликова (один из немногих известных мне людей, кто в любой идее, в том числе, кстати, и «демократической» с виду, умел рассмотреть тоталитарные задатки) уловила здесь не столько одномоментный *исторический* факт «поворота», сколько *логику* мутации русского революционаристского мышления.

«Я убеждена теперь, – пишет Чаликова, – что "другой путь", действительно, был избран, что был совершен духовный переворот в поколении, в его незаурядном представителе. И только за духовным последовал роковой политический переворот. Владимир Ульянов разрывал с Александром Ульяновым, а Александр был из тех, кто еще верил в исправление мира подвигом и жертвой – убийством одного и искупающей убийство гибелью другого, его крестной мукой. Поколение Александра еще читало некрасовские строки так, как они были написаны: "Дело прочно, когда под ним струится кровь", – то есть моя кровь. Ленинизм рассчитывал на чужую кровь, хотя обильно пролил свою. В ленинизме не было жажды жертвы, и это выразилось впервые в ясном ощущении мальчика, что он не хочет, "как Саша", что крест его не манит, что "положить живот за други своя" ему не сладостно».

С какого момента и в какой пропорции новый тип сознания поселяется и обнаруживается в уме конкретных людей, того же Ульянова, – вопрос специальный, требующий исследовательских усилий историка, а не философа. Философ же предлагает констатировать тот факт, что в большевизме как особой «*духовно-политической породе*» (удачное определение большевизма Г. Федотовым) было в какой-то момент снято противоречие между *не*христианской этикой русских революционеров, *уже* поправших принцип «*не убий*», и их же *пока еще* христианской психологией. Чаликова приводит примеры этого добольшевистского революционного сознания (эсера Зензинова, писавшего, что ни раскаяние, ни даже казнь террориста не спасают его от бремени греха; эсера Каляева, который все откладывал покушение, чтобы не пострадали женщины и дети); эту противоречивость, мешающую запустить «массовый тотализатор», большевизм радикально снял, приведя психологию в гармонию с этикой.

«Оказалось, – пишет Чаликова, – можно заниматься ликвидацией людей и быть спокойным, уравновешенным: играть в шахматы, удить рыбу, наслаждаться горными прогулками. Тут была важная деталь: не делать ничего такого собственноручно, действительно идти другим путем, чем Александр, который взял на себя и деяние, и расплату...».

В заключении я обещал продемонстрировать некий константный алгоритм вырождения «идеи» в «тотализующую идеологию». Для нас, как философов, и как граждан, каждая из этих «вех» является симптомом опасной болезни, требующей немедленного лечения. Как в компьтерной программе: сигнал опасности вирусного заражения. Перечисляю кратко по этапам.

1) Начинается радикальное отрицания предшествующей традиции («*отречемся от старого мира...*») во имя очередного «исторического прорыва в светлое будущее». Идет «игра на понижение» – кто радикальнее отмежуется от «проклятого прошлого» во имя скорейшего наступления «светлого будущего».

2) Происходит быстрая радикализация вопроса об «исторической правоте» самих преобразователей («*история нас оправдает*») и – соответственно – «исторической вине» реакционных субъектов (повторяю: они могут быть разные: чужие народы, чужие классы или просто «чужие». Социальное творчество вырождается в идею исторического предопределения, якобы гарантированного историческими законами («*верной дорогой идем, господа/товарищи!*»). Ошибки и неудачи преобразователей регулярно объясняются некими «происками врагов».

3) Выделяется «авангард избранных» («*орден меченосцев*»), который противопоставляется «косной отсталой массе». Большинство населения становится объектом исторического эксперимента. Завороженное перспективой быстрого прогресса, молчаливое большинство на какое-то время уступает активному меньшинству право на радикальное экспериментаторство (Зинаида Гиппиус как-то отметила в дневнике эту постоянную воспроизводимость в русской истории одного и того же явления: «*Чем власть диче, чем она больше себе позволяет – тем ей больше позволяют*»).

4) Происходит быстрая «*негативная селекция*» внутри правящего слоя: рафинированные творцы проекта (условно, «интеллигенты») сменяются «идеологами» – полуинтеллигентами-фанатиками, а затем и циничными прагматиками-карьеристами.

5) Начинаясь как эмансипаторский и антибюрократический, новый идеологический проект постепенно перерождается в сугубо *административно-бюрократический*. Правящий режим, монополизируя право на «гарантирование светлого будущего», очень быстро самоутверждается (и активно убеждает в этом других) в собственной «безальтернативности».

6) Реализация идеи, как декларируемого изначально комплексного социокультурного процесса, приобретает *экономикоцентристский характер* и суживается на вопросах перераспределения собственности и благ. При этом изначально заложенная в проекте трудовая доминанта (все тоталитаристы говорили: «*кто не работает, тот не ест*») с неизменным постоянством уступает первенство механизмам вполне корыстного материального перераспределения.

7) Над преобразованиями начинает довлеть своеобразный «страх контрреволюции и реставрации». Николай Бердяев в свое время назвал это явление «*комплексом постоянного ожидания жандарма*», что придает новому правящему режиму черты самозванчества и хлестаковщины.

8) Осуществление проекта постепенно принимает *неправовой характер* и постепенно подчиняется императиву сначала «*революционной законности*», а потом и «*революционной целесообразности*». (Кто хочет – может добавить).

Закономерен вопрос: а что можно сделать в такой ситуации? Как вы поняли, я очень скептически отношусь к самой возможности конструирования «хорошей идеологии». Некоторым ориентиром для меня всегда являлись слова Вл. Соловьева о том, что никогда нельзя

верить тому, кто говорит, что знает, «как надо». А главное его великая максима: «Задача не в том, чтобы построить рай на земле, а в том, чтобы не допустить здесь ада»[52].

Я никогда не был сторонником идеи «максимизации добра» (помнится, Семен Франк утверждал, что 99% всего зла в мир привнесено в борьбе за ложно понимаемое добро), я считаю, что более права, может, менее привлекательно звучащая, но зато более надежная теории «минимизации зла». Общество должно и должно выстраивать «заслоны», в том числе и институциональные, на пути мутации идей в репрессиные идеологии. Тот же Федор Степун написал в свое время в «Мыслях о России» о том, как и за счет каких механизмов Европа сопротивлялась идеологической тоталитаризации: «Изобретя машину и взрастив индустриализм, Запад бесспорно создал серьезную угрозу духовным основам европейской культуры. Но, создав эту угрозу, он создал и средство борьбы против нее. В гуманизме – в идеях и институтах автономной науки, свободы, права, демократии, капитализме (пусть в секуляризированном виде), – как никак все же сберег унаследованное им от античности и средних веков духовные начала от разгрома машинной цивилизации».

Уверен, что и в России этот процесс сопротивления культуры идеократизации возможен, и философия и философы очень много могут сделать: как за счет своих профессиональных текстов, так и за счет других форм репрезентации в т. наз. «публичном пространстве», каким бы куцым и разочаровывающим оно нам подчас не казалось. Спасибо за внимание.

[52] Соловьев, как известно, первоначально сказал это в расчете на разумность государства. Но уже в «Трех разговорах» он приходит к выводу, что и государство может быть орудием Антихриста и сделал однозначную ставку на Церковь. Возможна ли секулярная сила, выполняющая задачу «Удерживающего» – например, культура – и ее носители – это серьезнейший вопрос

Живое прошлое

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье исследуется понятие когнитивного сопротивления, как оппозиция когнитивному коллаборационизму. Автор ставит под вопрос любые формы внутреннего и внешнего образовательного, информационного и когнитивного империализма и видит своей задачей разработку альтернативных подходов. В качестве одного из примеров подобного подхода анализируется концепция истории как топографии Карла Шлегеля.*

Ключевые слова: *когнитивное сопротивление, когнитивный империализм, когнитивный коллаборационизм, история как топография.*

Контекст

В современной России воспроизводятся свойства советского прошлого: связь власти-собственности и появление новых социальных групп на основе ее передела; социальное расслоение; всевластие политической бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; компромисс между коммунизмом и национализмом; связь социальных наук с политикой и идеологией. В стране преобладают организационные структуры гуманитарного знания, сложившиеся в советское время (всего 75, их них 11 институтов РАН, 21 НИИ, академий, университетов, 14 центров, 11 фондов, которые издают 59 журналов, 17 газет и 35 Интернет-ресурсов). Все эти структуры наследуют сложившуюся при Сталине колониально-имперскую модель отношения между наукой и властью, при которой власть диктует ученым способ поведения.

Россия наследует опыт СССР, в котором хитрость и обман стали нормой, поскольку государство искажало и утаивало информацию. Длительное существование простых людей и ученых в такой атмосфере не благоприятствовало распознаванию лжи и истины. Поэтому манипулирующие субъекты и институты используют обман для достижения собственных целей. Современная российская политика – средоточие лжи.

Происходит редукция к символам «закрытого общества», которые навязываются гражданам как коммерческий продукт. Советская властная «легенда» усвоена массами. Государственническая версия отечественной и мировой истории выступает нормой восприятия настоящего и прошлого, отсекая иные оценки. Популяризируется квазинаука (астрология, уфология, квазибиология, квазимедицина, парапсихология, трансперсональная психология,

хронология, история, культурно-цивилизационный подход, теория диалога и консенсуса, геополитика и пр.). Этот мутный поток направляют спецслужбы.

«Научно-обывательское знание» (термин С. Кордонского) базируется на трех мифологемах: объективности знания (убеждении, что реальность классифицирована, проанализирована и объяснена); конструктивности реальности (убеждении в том, что социальное устройство кем-то сделано, сконструировано); управляемости социальными процессами (убеждении о том, что жизнь управляема; что можно и нужно принять единственно верное решение; власть имущие этого решения не принимают и им надо объяснить, кто виноват и кого надо наказать). Интеллектуальное сообщество России состоит из осколков аппаратов и экспертных институтов прежних и нынешних политических режимов. Все они транслируют указанные мифологемы, заинтересованы в политических технологиях, а не знании.

На развитии социальных наук в России отрицательно сказались коммерциализация и отсутствие критики как условия интеллектуальных инноваций. Отсюда топтание на парадигме «модернизации-либерализации-демократизации-глобализации» (Б. Капустин). Большинство гуманитариев используют материал советологии и постсоветологии, неспособны освободиться от злобы дня, выработать дистанцию для критической рефлексии.

Становление альтернативы

При такой ситуации требуется разработка концепта когнитивного сопротивления и применения его в исследовательской практике. Поясню предмет обсуждения.

В начале XX в. в мире существовало около 60, в конце XX в. – около 240 государств. Возникает вопрос: можно ли считать такой рост числа политических машин нормой социального развития? Ведь эта тенденция привела к двум мировым войнам, холодной войне, бесконечному числу локальных конфликтов, распространению национализма. Все худшие предсказания классиков анархизма подтвердились в XX веке. Каждое государство стремится придать как можно большее значение собственным историческим и социальным процессам. Между тем ни одно из них не интересней другого. И не заслуживает больше «уважения и любви», чем остальные. Но пока нет систем образования, информации и социогуманитарных исследований, которые уделяют истории, событиям и процессам своей страны 1/240 часть времени и средств педагогической, журналистской и научной деятельности. Для создания таких систем надо развивать национальную самокритику.

Нужны концепции, позволяющие поставить под вопрос все формы внутреннего и внешнего образовательного, информационного и когнитивного империализма. Когнитивное сопротивление – это полемика с когнитивным коллаборационизмом и разработка альтернативных подходов. При этом можно использовать:

- концепт «заинтересованного лакейства» П. Джонсона. В России и Европе распространены два шаблона: том, что типы европейского интеллектуала и русского интеллигента противоположны; о том, что русская интеллигенция играет особую роль в гармонизации отношений между властью и обществом. На основании анализа конкретных проблем П. Джонсон показал: нет существенного различия между европейскими интеллектуалами и русскими интеллигентами; феномен «заинтересованного лакейства» фиксирует сходство данных типов.

- сформулированное Г.И. Абелевым понятие «альтернативной науки». В СССР сложилась альтернативное научное сообщество, которое не смешивалось с официальным по причине разных судеб. Оно соединяло свободу с поиском истины, чувствами долга, совести и достоинства в их вечном надындивидуальном измерении. Надо описать данные сообщества в гуманитарных дисциплинах, с использованием методов науковедения.

- нормативную идею Ханны Арендт о политике как сфере воплощения свободы. Эту идею можно дополнить антропологическим принципом политики: речь идет о негативной свободе индивида от своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству, а со-

циального института науки от детерминации материальными, политическими и идеологическими интересами. Этот принцип позволяет сравнивать все системы власти и государств, но ни одну из них не превращает в идеал или критерий для сравнения с другими;

- дескриптивный смысл политики как воплощения абсурда предполагает обобщение:

онтологических, гносеологических, социальных и политических аспектов теории абсурда; классификации всей истории России XX в. по датам газетных публикаций (от 1 января до 31 декабря) с точки зрения абсурда. Социальная и политическая история СССР – это вырождение профессионализма во всех сферах деятельности, включая политику. Эмпирическим материалом может служить пресса и социологические исследования;

- идею Х.У. Гумпрехта о природе моды: провоцировать новые желания и потребности. В итоге индустрия моды завоевала мировой рынок и добилась господства. Отсюда вытекает *парадокс*: в мире моды социальное признание и экономический успех не противоречат эстетической ценности; но при выборе индивидуального стиля попытка идти против течения не считается признаком хорошего вкуса. Мода бессмысленна. Если бы у нее был какой-либо смысл, ее приверженцам не хватило бы быстроты реакции, чтобы все время оставаться внутри той реальности, которая задается правилами их игры;

- выводы В.Е. Кемерова о российской философской моде: неприязнь к логике – общее свойство русской и советской интеллигенции; равнодушие к методологии – общая характеристика обществоведов нескольких поколений, включая нынешнее; превалирование словесного творчества над анализом реальных проблем.

Как «заинтересованное лакейство» проявляется в организации и функционировании гуманитарных наук России и влияет на ее интеллектуализм? Для ответа можно использовать общие положения теории моды: индустрия моды *навязывает* потребителю мнимо-новые формы интеллектуальной продукции; эти нововведения *произвольны*, изобретаются бездарями на вершине институтов производства идей и политико-мировоззренческих технологий; бездари-модельеры работают ради увеличения *единомыслия* граждан и *роста объема продаж* продуктов духовного производства; смысл большинства таких продуктов по меньшей мере *дискуссионен*.

Предметом пересмотра могут быть тенденции духовной ситуации России последних 20-ти лет: заимствование западных концепций; воспроизводство учений и доктрин из политического и духовного прошлого страны; поиски религиозной и национальной идеи. Книжные лотки и научные журналы переполнены писаниной на эти темы. В ней можно выделить несколько интеллектуально-политических мод.

Я уже обобщил результаты критического анализа историософии, геополитики и глобалистики, культурно-цивилизационного подхода и его политических следствий, влияния на мировой процесс колонизации и современную ситуацию в России, в том числе на внешнеполитические идеологии России. Внешняя политика Европы и России/СССР воплощала элементы разных идеологий в зависимости от личных пристрастий, конъюнктуры, политического курса. Иллюзия цивилизации переплелась с использованием науки для маскировки колониальной политики. Под маской цивилизации европейские страны (включая Россию) расширяли свои владения. Концепт цивилизации маскировал двойную политику России/СССР и обслуживал *связь* дипломатии, шпионажа и военщины.

Надо детально изучать эту связь. Обобщить опыт применения концепций З. Фрейда, К. Леви-Стросса и М. Фуко для анализа русской философии, литературы и политической культуры России и ее регионов, включая Юг и Кавказ, дискуссии историков, международников, политологов по проблеме интересов государственного аппарата России (в монархической, советской и нынешней формах), конкурирующие концепции междисциплинарности, анализа и понимания.

С. Орешкова показала, что для южной политики России XIX-XX вв. характерен отказ от здравого смысла (С. Орешкова). Российские национальные интересы в это время приходят

в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшем имперской верхушкой и приведшим в конце концов к национальной трагедии и крушению Российской империи. Такая ситуация воспроизводится до настоящего времени.

Концептологический анализ социальной и политической истории Юга России и Кавказа включает:

- формулировку рабочей гипотезы на основе промежуточного положения Кавказа между Османской и Российской империей и описания множества вытекающих отсюда политико-идеологических следствий;

- изучения универсальных проблем и особенностей процессов распада Османской, Австро-Венгерской и Российской империи/СССР с точки зрения влияния на современную ситуацию Юга России и Кавказа;

- описание проблемы религиозно-политического фундаментализма в христианстве (католичестве, православии, протестантизме), исламе, иудаизме на основе новейших работ по религиозной компаративистике;

- анализа перспектив демократии на Кавказе как следствия существования и решения (или бесконечной оттяжки) всех перечисленных проблем.

В целом интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику, процессы производства идей и гуманитарного знания. Отсюда вытекают вопросы: свободны ли ученые, если поддаются этому влиянию? как разделить познавательные интересы и интересы указанных ведомств при производстве научного знания? следует ли считать такое влияние нормой/аномией (в смысле Э. Дюркгейма) или аномалией (в смысле Д. Норта)? свободны или несвободны люди, которые подчиняются данным модам и бездумно (осознанно) создают историософские, геополитические, культурно-цивилизационные тексты? как идти против течения в мире интеллектуально-политических мод?

Для ответа я предлагаю учитывать:

1. Идею Карла Маркса идею о связи революционной, шпионско-провокаторской и полицейской деятельности. Политическая полиция терпимо относится к революционным организациям, поскольку они поддаются надзору как «мастерские по производству мятежей» (Маркс) и образуют звено политической манипуляции.

2. «Невидимые пружины» (А.В. Островский) политической карьеры Сталина. Он вышел на общероссийскую, советскую и мировую арену из Кавказа. Был занят организационно-технической деятельностью. Причастные к ней лица редко выступали на митингах и собраниях, мало занимались журналистикой. Зато ведали кадрами, деньгами, связями, партийной разведкой и контрразведкой. Обладали влиянием, которое превосходило их популярность внутри партии и за ее пределами. На этой основе возник блок невидимых связей между большевиками и всеми звеньями государственного аппарата (прежде всего полицейско-бюрократического) Российской империи.

3. Ряд фактов: Е. Азеф вышел на общероссийскую политическую арену из Ростова-на-Дону; Северо-кавказские органы ВЧК-ОГПУ-НКВД были одними из самых жестоких в СССР; в период «застоя» руководителями советских республиках на Кавказе стали выходцы из МВД-КГБ (Э. Шеварднадзе, Г. Алиев); в постсоветское время эта практика стала общепринятой.

Проблема смещается к поиску интегрирующих концепций, позволяющих учитывать эти идеи, пружины и факты. Кратко рассмотрю одну из предложений.

История как топография

Карл Шлегель сформулировал идеи истории как топографии: история разворачивается во времени и в пространстве; история не существует без общественных деятелей и мест со-

бытий. Он отбрасывает понятия «закономерности», «логика истории», «философия истории», «процесс», «структура», «план»[1]. Взамен Шлегель предлагает учитывать «только то, что контингентно, то есть вписывается во множество». Историк движется от одного узла к другому и никогда не приходит к концу. Единственный критерий – это общий рисунок, который проступает из тысячи узлов. Работа историка – это связывание оборванных нитей и восстановление биографий, жизненных переплетений и цепей событий. Ради открытия того, что до сих пор было скрытым.

Шлегель исходит из главного факта XX в.: отношения «Россия – Германия» породили две войны; основная тайна XX в. – в Берлине встретились революционер-интернационалист Карл Радек с Карлом Хаусхофером – тенью Гитлера и основателем геополитики. Надо *разгадать связь* русской коммунистической революции и немецкой геополитики. Для этого Шлегель сводит воедино истории дипломатии, литературы, разведки, культуры, Коминтерна, эмиграции.

Он подвергает детальному анализу *феномен эмиграции*. Русская эмиграция (особенно меньшевики) содействовала созданию американской советологии. Группа «Смена вех» хотела поставить потенциал эмиграции на службу Советской России. Издавала на советские деньги в Берлине с 1922 г. по 1924 г. ежедневную газету «Накануне». Евразийцы толковали русскую революцию как творческий процесс, в ходе которого на почве России должен сложиться новый синтез. «Младороссы» тоже считали большевизм исконно русским явлением. Гестапо отмечало: «Младорусское движение видит в Советском Союзе не представителя большевистской мировой революции, а всего лишь Российскую империю». Именно в этом контексте были сформулированы идеи корпоративизма, третьего пути между либерализмом и большевизмом и национализма, которые до сих пор не дают спать многим в России.

Русские эмигранты сделали политические страсти Гражданской войны *экстерриториальными*. Советское посольство в Берлине стало крышей шпионажа. В нем находились касса Коминтерна и военного атташе, радиостанция, химическая и фотолаборатория, бюро по выдаче фальшивых паспортов, склад оружия и ядовитых веществ. В торгпредстве СССР была обнаружена серная кислота и приспособления для уничтожения трупов. В советской дипломатии произошло соединение камеры пыток с теорией и практикой коммунизма. Наука тюрьмы, секретности, войны, террора и беспорядков переплелись в советской дипломатии задолго до М. Фуко. Здесь началось *сотрудничество* между немецкими правыми и русскими левыми.

В результате такого сотрудничества дипломатия стала полем *предательства*. Обычно дипломаты изучают страны как будущее поле битвы. Но пакт «Молотов-Риббентроп» разрушил систему коллективной безопасности в Европе. Старые дипломаты были сметены ночными налетчиками в Москве и Берлине. Произошла ликвидация дипломатии.

Раньше секретность считалась залогом успеха дипломатии. Теперь она оказалась одной из причин катастрофы. Раньше транснациональный и элитарный характер профессии дипломата считался необходимым для посредничества в конфликтах. Теперь он стал упреком в адрес «аристократической касты». Общество должно было открыто обсуждать договоры, демократически контролировать международные отношения. Сословие дипломатов вынуждено было «демократизироваться».

Межвоенная дипломатия стояла перед задачей обеспечить стабильность Европе. Но эту задачу было трудно выполнить – изменился набор стран, возникли новые рубежи, государственная раздробленность. Всюду возникали движения за пересмотр границ. Дипломатия стояла перед вызовом от «масс», движений и государств, которые отвергали легитимность институционализированной внешней политики. Дипломатия казалась устаревшей, анахроничной и неестественной перед лицом аутентичных процессов.

[1] См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Дипломатия как нормальный институт регулирования межгосударственных отношений оказалась под подозрением. Дипломат должен был выступать посредником между демократией и тоталитарной диктатурой. Он находился в парадоксальной ситуации: если требовал соблюдения канонов демократической дипломатии (открытость, заявления по поводу внутренних обстоятельств страны пребывания), то его дни в СССР и Германии были сочтены; если он следовал канону страны пребывания (повиновение диктатору и его окружению), то он совершал предательство в отношении к демократической дипломатии.

Шлегель ввел *различие* между дипломатией и парадипломатией. До 1921 г. Советская Россия занималась псевдодипломатией. МИД было превращено в НКИД, установленный Венским договором дипломатический порядок отвергнут; не было различия между послами и консулами, что отменяло иерархию крупных и малых государств. Послы стали полпредами, из-за чего возникали трудности с международным протоколом. НКИД поручал представительство своих интересов живущим за рубежом революционерам. На конференциях в Брест-Литовске и Генуе присутствовали рабочие, крестьяне, солдаты. Но в апреле 1922 г. советская делегация явилась в Геную в визитках и брюках в полоску и начала соблюдать этикет. Мир отметил это как возврат Советской России к традиционным формам международных отношений.

В советском представительстве в Берлине старая посольская церковь оставалась центром и опорным пунктом русской белоэмиграции. На территории посольств установилось «двоевластие». Советское посольство было приспособлено для зарубежных заданий, шпионажа и контактов с коммунистическими организациями. *Парадипломатия* – это русско-советский феномен, поскольку она в СССР получила активное развитие по необходимости и по идеологическими причинам. Но парадипломатия возникала и в Германии.

МИД Германии не оказал сопротивления национал-социализму, стал аристократической аномалией в государстве мелких лавочников. После 1938 г. его руководство было кооптировано в СС Гиммлера (во внешнеполитическом ведомстве Розенберга и в Отделе иностранного шпионажа РСХА). Произошла нацификация аппарата. После начала второй мировой войны внешняя политика превратилась в оккупационную политику.

Исходная посылка дипломатии базируется на убеждении: при столкновении противоположных государственных интересов надо сохранять пространство для ведения переговоров. Дипломатия существует потому, что нет другого метода для урегулирования межгосударственных противоречий. Одно правительство может убедить другое правительство только с помощью слов уважаемого человека, дипломатического иммунитета и экстерриториальности. Пока они соблюдаются, нет состояния войны.

Эта форма общения выработана веками. Послы представляют интересы своей страны, но знают, что эти интересы должны быть согласованы с другими. Они представляют государство, а не свои воззрения. Поэтому дипломат отличается от массы людей *индифферентностью чувств*. Он действует как посредник, но не функционер. Легко попадает под подозрение (из-за недостатка и избытка лояльности, потому что находится на периферии – грани, где «свое» соприкасается с «чужим»). Во времена демагогии и истерии он остается инстанцией разума и гарантом минимума объективности, который предохраняет мир от безумия. Всех дипломатов связывает заинтересованность в сохранении статус-кво. В этом смысле *дипломатия – профессиональное масонство*.

Революционеры вначале разрушали дипломатию. Затем использовали лицемерие, маску, цинизм для приглушения идеологической агрессивности большевиков и нацистов. На этой основе вырастало *взаимное доверие* между большевиками и нацистами. Дипломаты демонстрировали взаимное согласие. Доверие вытекало из усилий по урегулированию отношений и совпадения политико-стратегических интересов. Оно объединяло людей, которые были едины по происхождению, культуре и опыту. То были «вчерашние люди», сформировавшиеся в «старом мире». Они были *анахронизмом*: аристократической аномалией внутри

мелкой буржуазии в Германии и элитарно-интеллектуальной аномалией внутри крестьянско-пролетарских слоев в советской России. Дипломатические посты всегда занимали «люди с прошлым». У немцев было «русское прошлое», у русских – «немецкое прошлое». Оказалось, что с консервативными представителями СССР легче договориться, чем с социал-демократами, которые воспринимались как идеологические соперники. Сотрудники немецкого посольства в Москве всегда поддерживали сталинский «консерватизм» – возрождение имперских форм и традиций. НКИД более чем на две трети состоял из представителей буржуазной и мелкобуржуазной среды, прежде всего из интеллигенции. Подавляющее большинство имело университетское образование.

Так возникала основа дипломатического мира между Москвой и Берлином.

Дипломат был вынужден выполнять роль шпиона. Посольства всегда вызывали подозрения по ряду причин: персонал чувствовал себя как дома во всем мире; часто дипломаты всю жизнь проводили в чужих странах и говорили на чужих языках; аристократы и революционеры-интернационалисты имели родственные связи за рубежом; их профессия была окутана секретностью, которую можно истолковать как заговор; профессиональная сдержанность могла показаться недостаточной преданностью «национальному» или «пролетарскому» делу; их релятивизм мог быть понят как беспринципность. Короче, они были подвержены упрекам в недостаточной лояльности и в предательстве.

Берлин был центром советского шпионажа. Полигоном, где учились менять фронты и играть с двойной идентичностью, осваивали особые формы передвижения, формировали личности нового типа, частью которых была легенда. Поэтому отделить истинную идентичность от ложной стало невозможно. Эти люди говорили на дюжине языков, вели двенадцать жизней. Поэтому они обладали иначе организованной памятью и несколькими идентичностями. Их личность трудно определить.

Коммунистический агент – это новый культурный тип. Белые генералы верили в победу оружия. Советские агенты мыслили в категориях массового просвещения, пропаганды и манипуляции общественными настроениями. Разоблачениями и листовками они добивались больше, чем бюрократическими процедурами, коварством и интригами. В сфере дипломатии, театра, искусства, подпольной борьбы советский агент оказывался современнее анахроничного противника. В 1937-1938 гг. сменились поколения агентов. Повсюду велась охота за сотрудниками спецслужб, которых подозревали в нелояльности. Большинству известны лишь громкие дела (типа убийства Троцкого), но таких «сведений счетов» было множество. Не случайно у агентов была особенно высока готовность «сменить фронт». ГПУ дало самое большое количество перебежчиков. Здесь сочетались два мотива: привлекательность нормальной жизни за пределами СССР поражала именно новичков; прямая угроза жизни при возвращении в страну чисток. Послевоенные агенты порвали все связи с революционной средой и вернулись к классическому типу шпиона. Они воплощали тип коммунистов – выпускников партийных школ. Головы которых забиты идеологическими клише, а сердца пусты. Для большинства агентов денежное вознаграждение стало решающим мотивом.

Агентурно-геополитический интернационал создавался советскими и немецкими «виртуозами гражданской войны». Галиция – пограничная страна между тремя бывшими империями – была подходящей областью для вербовки в *агентурный интернационал*. Человек из этих краев мог быть агентом польских панов, украинских националистов, немецкого рейхсвера и национал-социализма, венгерской диктатуры Хорти и даже английских спецслужб.

В беседах агентов ГПУ с представителями русской эмиграции, рейхсвера, «Стального шлема», рейхстага члены советского Генштаба изображались как люди с монархическими настроениями – потенциальные или реальные соратники. Следы событий 1937 г. ведут в подпольный Берлин. В них проглядывает симптом: мастера двойной игры и предательства запу-

тались в собственных нитях; и были выведены из игры диктатором. Дело Тухачевского и договор Гитлер-Сталин находились на пересечении действий секретных служб.

Интернационал геополитики начался с контактов К. Хаусхофера, К. Радека и Г. Чичерина в январе 1922 г. Он положил начало Интернационалу геополитики: «Геополитический дискурс был facon de parle, в котором XX век стремился понять сам себя и в котором современники, как правые, так и левые, тематизировали взаимосвязь истории и пространства».

Советский шпион Зорге писал статьи для «Журнала геополитики» по Дальнему Востоку, приобрел славу эксперта и поэтому оказался вне подозрений. С К. Хаусхофером были связаны К. Менерт (эксперт по Советскому Союзу и Тихоокеанскому бассейну) и А. Радо – опора советского шпионажа в Швейцарии. Интерес К. Хаусхофера к «вопросам пространства» и континентальным взаимосвязям не ограничивался политическими идеями правых. О. Нидермайер – закадычный друг К. Хаусхофера, профессор военной географии в Берлинском университете, был в 1921-1930 гг. секретным связным между рейхсвером и Красной армией. В 1937 г. Гитлер назначил его директором Института обороны. Научные амбиции Нидермайера и его контакт с Красной армией полностью соответствовали этнонациональной политике национал-социалистов.

От «осевой линии истории» к «континентальному блоку». Жаргон геополитики производен от «экспорта революции», который практиковали все европейские колониальные державы (англичане против Турции на Ближнем Востоке и в Средней Азии, немцы против британцев в Индии, Персии, Афганистане, России). Для Хаусхофера заключение пакта Молотов-Риббентроп воплотило мечту, которую он лелеял всю жизнь. Вращению вокруг «оси истории» соответствует определенный личный состав. Макиндер был не только географом, но и британским связным с Белой армией Врангеля на Юге России в 1919 г. Все сотрудники «Журнала геополитики» были околдованы Россией, в том числе советской. Нидермайер писал Хаусхоферу 4 апреля 1929 г. о СССР: «Это, пожалуй, одно из самых сильных моих впечатлений здесь: здоровый народ и растут будущие вожди».

Ментальные карты и геополитика Коминтерна. К. Радек, Л. Карахан и советский генералитет заинтересовались работами К. Хаусхофера потому, что СССР нуждался в союзнике, который бы помог ей избежать «окружения» со стороны Антанты. Но за общими геополитическими целями стояло большее, чем совпадение интересов власти и стратегических расчетов. «Геополитика выступала в роли модуса мышления, формы взаимопонимания относительно положения в мире, и этой формой можно было пользоваться независимо от принадлежности к тому или иному политическому лагерю». К. Хаусхофер был убежден, что геополитика – научный фундамент для политических решений, вне зависимости от политических и идеологических целей.

Совпадение интересов К. Хаусхофера и К. Радека объясняется рядом причин: 1. Традиционным интересом немецких ученых и путешественников (от В. Гумбольта до немцев на русской службе) к географии и пространственным структурам России. 2. В русской культуре географическое пространство заняло одно из центральных мест в осмыслении исторических судеб. От Чаадаева идет тезис «география как судьба». Все русское историческое мышление вплоть до сего дня – это пространственное мышление. 3. Наличие общей географической школы (П. Семенов-Тян-Шанский учился в Карла Риттера, основателя немецкой географической науки).

Эта традиция не оборвалась в результате революции. Метатеория К. Хаусхофера нашла отклик в левом лагере наряду с марксизмом, который игнорировал пространственные представления консерватизма и делал акцент на труд и производственные отношения. В 1920-е гг. марксистская литература по геополитике выступала под видом «экономической географии». К. Витфогель тоже занимался этой проблемой и хвалил Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера. Так *правые объединились с левыми*. Революционные левые тоже имели карты мира, благодаря которым эпоха мировых войн обобщалась в пространственных представлениях проти-

востоящих сторон. Карта классовой борьбы накладывалась на карту межнациональной борьбы, пролетарская топография – на этническую. В революционном мышлении картина мира определяется как противоречие между трудом и капиталом, мировым пролетариатом и империализмом. В этом контексте выделяются основные и вторичные противоречия, фронты классовой борьбы и кризисы легитимации, противоречия между верхами и низами: «Становление Советской России можно наглядно выразить в пространственном измерении: это образование, расположенное между «прорывом самого слабого звена цепи» и консолидацией СССР как «одной шестой части всей земли». На каждом очередном этапе революция опиралась на соответствующую ему «геополитику». Метаморфозам власти соответствуют метаморфозы геополитических представлений».

В этом контексте сложилось несколько типов геополитики: 1. Геополитика подрывных действий и солидарности открыла для себя портовые города Европы и Азии. 2. Политика самоутверждения революции сделала ставку на столицы как базы для операций против «реакционной деревни». 3. Геополитика государств-лимитрофов, санитарных кордонов и буферных государств. 4. Имперская геополитика СССР занималась разделом зон влияния и присоединением к себе аннексированных территорий. В 1920-е гг. Красный флот занимался тезисом Макиндера о «хартленде», а командующие Красной армией требовали усиления просветительной работы по политгеографии. Сталин был единственным, кто не пренебрегал классическими максимами консервативной геополитики. С этой точки зрения вероятны слухи о том, что К. Хаусхофер – геополитический советник Сталина[2].

Гитлер положил глаз не на Индию, а на расположенную рядом колониальную страну Восточной Европы. С началом гитлеровской агрессии против Восточной Европы железнодорожные фантазии разрослись как сорняки. Восточное пространство надлежало освоить с помощью сети шоссейных и ширококолейных железных дорог. Сходные фантазии и проекты существовали и на советской стороне.

Немецко-советские военные связи. Военный опыт порождал прочные связи между людьми. Эти связи несравнимы с другими, ибо они складываются в борьбе не на жизнь, а на смерть. Фронтовики не принимают в свой круг тех, у кого нет такого опыта. Война между русскими и немцами – это главный общий опыт, негативный общий капитал, который наследуют и более поздние поколения. Но в случае России и Германии оказались по разные линии фронта две группы военных командиров, лично знавших друг друга.

Войне 1941-45 гг. предшествовали почти 20 лет сотрудничества. Армия реакции оказалась тесно связанной с армией революции. Так воплотилось в жизнь предупреждение Розы Люксембург о гибриде Ленина и Гинденбурга. Сотрудничество рейхсвера и Красной армии – реально-политическая, неидеологизированная сторона XX века. Речь идет о деликатных и в то же время элементарных вещах – поведении профессиональной группы, которая в эпоху мировых войн приобрела решающее значение. Восстановление порядка на руинах мировой и гражданской войны объединило русскую и немецкую военные элиты. Это давало возможность покончить со старым и создать нечто новое: современные армии. СССР и Германия – ядро агрессивного ревизионизма, ядром которого была антипольская установка. Солдатские добродетели и офицерская этика значили больше, чем мировоззренческие разногласия. Государственный интерес перевешивал представления обоих сторон об общественном устройстве. Они видели в себе патриотов и специалистов, «неполитический инструмент» государственности, и потому держались в стороне от идеологов и политиков. Это объединяло военных разных убеждений в «солдатский Интернационал». У них была общая неприязнь к ми-

[2] После поражения Германии К.Хаусхофер сочинил «Апологию геополитики», в которой опровергал представление о себе как духовном отце национал-социалистской «борьбы за жизненное пространство». Он называл геополитику порождением необходимости, инструментом анализа и ревизии обстоятельств, в которых Германия очутилась в результате Версальского мира. 10 мая 1946 г. К.Хаусхофер вместе с женой покончили жизнь самоубийством.

тинговой демократии, партийной политике и экспериментам времен гражданской войны. Красные и немецкие генералы подавляли крестьянские восстания (М. Тухачевский и Ханс фон Зеект – самые яркие примеры). А. Власов и Паулюс выразили общую тенденцию к предательству.

Разумеется, современная когнитивная ситуация не сводится к концепции К. Шлегеля. Но она позволяет еще раз поставить насущные вопросы: почему в современной России воспроизводятся все перечисленные концепции, вплоть до их институционализации? неужели фашисты оказались «впереди планеты всей» в производстве идей? какие концепции и практические методы использовать для противодействия этой тенденции?

«КАВКАЗ» ТАРАСА ШЕВЧЕНКО НА ФОНЕ НЕПРЕХОДЯЩЕГО ПРОШЛОГО
К 150-летию со дня написания поэмы «Кавказ»

И.М. Дзюба
Институт литературы им. Т. Шевченко
НАН Украины

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует книгу И.М. Дзюбы, посвящённую анализу поэмы «Кавказ» гениального украинского поэта Т.Г. Шевченко. В своей книге автор рассматривает поэму Т.Г. Шевченко с точки зрения украинского отношения к кавказской войне, к проблеме независимости, свободы народа, к освободительному движению. И.М. Дзюба опирается на исторические источники, сравнивая взгляды российских литераторов и Тараса Шевченко на кавказские злодеяния Российской империи. В книге воспроизведена поэма «Кавказ» на языке оригинала и в переводе на русский язык.*

Ключевые слова: *Кавказская война, национальная независимость, освободительное движение.*

Дзюба Иван Михайлович родился в 1931 году на Донбассе. Окончил Донецкий педагогический институт, а затем аспирантуру Института литературы им. Т.Г. Шевченко Академии наук Украины. Работал в издательствах и редакциях журналов и газет. Печатается с 1952 года.

Член Союза писателей Украины с 1959 года (исключен по политическим обвинениям в 1972 году, восстановлен в 1980 году). Автор 15 книжек и многих публикаций на темы украинской и русской литератур, литератур народов бывшего СССР, а также самиздатовских материалов, в частности работы «Интернационализм или русификация?» (1965), изданной в 60-е годы на Западе на украинском, русском, английском, французском, итальянском языках, а также в Китае.

Подвергался политическим репрессиям. Лауреат Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1991). Академик Национальной Академии наук Украины (1992). В 1992—1994 годах – Министр культуры Украины. Ныне работает в Институте литературы им. Т. Шевченко НАН Украины, а также редактирует журнал «Сучасність».

Поэма гениального украинского поэта Т.Г. Шевченко «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории литературы не много найдется примеров того, как поэтическое произведение полтора столетия не теряет своей злободневности и моральной остроты.

Почему кавказский рефлекс стал словно бы неотъемлемой частью политической и духовной жизни России? На этот вопрос отвечает Иван Михайлович Дзюба – в советское время диссидент, ныне академик Национальной академии наук Украины. Он опирается на исторические источники, сравнивая взгляды российских литераторов и Тараса Шевченко на кавказские злодеяния Российской империи. В книге воспроизведена поэма «Кавказ» на языке оригинала и в переводе на русский язык. Предисловие написано известным правозащитником Сергеем Ковалевым.

Текст публикуется по любезному разрешению академика И.М. Дзюбы.

Предисловие

Иван Дзюба – давно и очень известный в Украине человек, известный автор, который не раз обращался к острым проблемам современности, и представлять его читателю не нужно.

Его новая книга – это анализ поэмы Тараса Шевченко про Кавказ, кавказскую войну, чеченское сопротивление и по внешним признакам – это научная книга, рассчитанная на специалиста. Но для меня и, как мне кажется, любого другого обыкновенного читателя, книга интересна не только своим научным – историческим и литературоведческим – содержанием, но и другим.

Она интересна тем, что относится и обращает нас к самому острому и актуальному, к самой непростой современности. Хотя Шевченко писал о войне прошлого века, но, как и тогда, сейчас мы все обеспокоены кавказской войной, уже современной и во многом повторяющей то, что было. И, к сожалению, автор имеет самые веские основания вновь вернуться на современном материале не только к старой незаживающей ране кавказской войны, но и проблеме общественного отношения к ней, нашего к ней отношения.

Книга интересна еще и потому, что ее автор, Иван Дзюба, пишущий о кавказской войне и чеченском сопротивлении – известный человек из другого, украинского сопротивления и уже не имперским, а советским порядкам, в свое время пострадавший за свои убеждения и имеющий о национальном сопротивлении как таковом вовсе не умозрительное представление.

В своей книге автор методично и последовательно рассматривает поэму Шевченко с точки зрения украинского отношения и, в частности, отношения Тараса Шевченко к кавказской войне, к проблеме независимости, свободы народа, к освободительному движению. А параллельно он приводит аналогии отношения российских писателей того же времени (прежде всего поэтов – Пушкина, Лермонтова – но и не только поэтов) к той же самой кавказской войне и обнаруживает некие различия.

Чем же отмечен разный, за редким исключением, подход ко всем этим вопросам у писателей двух родственных народов – русского и украинского? Прежде всего тем, что украинцы и в прежние века и потом достаточно часто чувствовали себя национальным мень-

шинством, которому в Империи жилось несладко. И поэтому их сочувствие к чужой боли, к боли другого народа очень естественно и легко возникает. Поэтому и для Шевченко эта боль и сочувствие к ней – вопрос очень родственный собственному украинскому мироощущению.

И в это же время, хотя у российских и русских писателей можно найти отдельные – и ужасающие – описания бессмысленного вандализма российских войск (как у Толстого, к примеру, описание захваченного аула, где побили скот и кур, не говоря уже о некоторых оставшихся жителях, загадили мечеть, загадили колодец и т. п.), но между тем, все-таки, отношение большинства их – это отношение через призму военной романтики, военных подвигов и приключений. А вовсе не сочувствие и понимание чеченцев в их стремлении к свободе и независимости.

Этот прискорбный факт можно объяснять и исследовать, изучать его истоки и последствия, но тем не менее он остается историческим фактом. Как остается историческим фактом и то, что и в наши дни, сейчас, в отношении позорной и грязной войны в Чечне российское общество отнюдь не проникнуто единодушным и активным ее неприятием.

Мне кажется, что главный интерес и смысл книги в том вопросе, к которому она подводит читателя – почему же мы, люди, русские, не учимся у истории, почему вновь и вновь повторяем ошибки прошлого? И в связи с этим вопросом я бы хотел сказать о понятии вины, национальной вины.

И в прошлом веке, и теперь русским самого понятия национальной вины остро недостает, и это сказывается на всей политической эволюции и всем нашем мировосприятии. Это очень не просто, но нам, русским, более привычно другое понятие – понятие национальной гордости (кто постарше, вспомнит, наверное, заголовок – «О национальной гордости великороссов»!). Оно нам очень близко и дорого, но ни разу не был – за редчайшим исключением Льва Толстого, например, – ни разу не был поставлен вопрос о том, что мы-то, русские, позволяем себе вторгаться как вандалы и поработители. Народ воспринял идею Белого Царя, берущего окружающих «под свою руку». И в советское время, увы, эта идея «старшего брата» тоже была воспринята русским народом без сопротивления. И это в нашей собственной внутриполитической эволюции трагически сказывается – мы постоянно ищем виноватых вокруг себя и никогда не смотримся в зеркало.

Вот, для сравнения, отчасти переплетающаяся новейшая история немцев, переживших гитлеризм, и нас – послесталинских. Послевоенные немцы ужаснулись: Господи, какой ужас, какие ужасные вещи мы позволяли себе не замечать, чему способствовали, что нашим именем творилось, за что мы ответственны, что мы делали! Мы же, русские, заглянув в ужасы ГУЛАГа и другие кровавые эпизоды своей истории, возмущаемся тем, что с нами делали. Не мы, а – с нами...

По-моему, история не учит нас именно потому, что мы никак не можем почувствовать своей собственной национальной вины. Именно это не дает нам возможности воспользоваться кровавыми уроками истории полезно и в полной мере.

Москва
5 мая 1996 г.
Сергей КОВАЛЕВ

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

Кто даст главе моей воду,
И очесем моим источник слез,
И плачуся и день и нощь,
о побиенных...
Иеремии глава 9, стих 1

За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Споконвіку Прометея
Там орел карає,
Що день божий добрі ребра
Й серце розбиває. Розбиває, та не вип'є
Живущої крові, – Воно знову оживає
І сміється знову.
Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле.
Не скує душі живої
І слова живого.
Не понесе слави Бога,
Великого Бога.
Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!
Нам тілько плакать, плакать, плакать

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

Кто даст главе моей воду
и очесем моим источник слез,
и плачуся день и нощь
о побиенных...
Иеремии, гл. 9, стих 1

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает.

Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы Бога,
Вечного, живого.
Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать

І хліб насущний замісить
Кровавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже, утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! Встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Кровавії ріки!
За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і голу
Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Пролитих тайно серед ночі!
А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих.
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!

Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!
І вам слава, сині гори,
Кригою окуті.
І вам, лицарі великі,
Богом не забуті.
Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!

И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда Ты ляжешь
Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки.
А пока – струятся реки,
Кровавые реки!
За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось, – вплоть до воли
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки – море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!
Слава синим горным кручам,
Ледниками скрытым.
Слава витязям великим,

Богом не забытым.
Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает,

За вас правда, за вас слава
І воля святая!
Чурек і сакля – все твое,
Воно не прошене, не дане,
Ніхто й не возьме за свое,
не поведе тебе в кайданах.
А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм Божії глаголи!..
І од глибо[ко]ї тюрми
Та до високого престола —
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чом ви нам
Платить за сонце не повинні!
Та й тілько ж то! Ми не погане,
Ми настоящі християне,
Ми малим ситі!.. А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа як на те —
Одна Сибір несходима,
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує! У нас
Святую Біблію читає
Святий чернець і научає,
Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі! Ви ще темні,
Святим хрестом не просвіщенні,

С вами правда, с вами слава
И воля святая!
Чурек и сакля – все твое,

Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жилье
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем Господа глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте – и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас,
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал. Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены,

У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забери!
У нас! чого-то ми не вмієм?
І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.

Ми не гішпани; крий нас, Боже,
Щоб крадене перекупать,
Як ті жиди. Ми по закону!..
По закону апостола
Ви любите брата!
Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті.
Ви любите на братові
Шкуру, а не душу!
Та й лупите по закону:
Дочці на кожушок,
Байстрюкові на придане,
Жінці на патинки.
Собі ж на те, що не знають
Ні діти, ні жінка!
За кого ж Ти розіп'явся,
Христе, сине Божий?
За нас, добрих, чи за слово
Істини... чи, може,
Щоб ми з Тебе насміялись?
Воно ж так і сталось.
Храми, каплиці, і ікони,
І ставники, і мірри дим,
І перед обра[зо]м Твоїм
Неутомленниє поклони.
За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!
Просвітились! та ще й хочем
Других просвітити,

Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных
Людей крещеных... но простых.
Мы не плантаторы, не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!
По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,

Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке – на наряды,
На житье – сынкам побочным,
Жене – на браслетки,
А себе – про то не знают
Ни жена, ни детки!
За кого же был Ты распят,
Сын единый Божий,
В искупленье нам? За слово
Истины? Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и сталось!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь.
Ту братскую, что льют ручьями, —
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим

Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям!..
Все покажем! Тілько дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми мурувати,
Кайдани кувати,
Як і носить!., і як плести
Кнути узловаті, —
Всьому навчим; тілько дайте
Свої сині гори
Остатнії... бо вже взяли
І поле і море.
І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролить
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!
0 друже мій добрий! друже незабутий!
Живою душею в Украйні витай,
Літай з козаками понад берегами,
Розриті могили в степу назирай.
Заплач з козаками дрібними сльозами

І мене з неволі в степу виглядай.
А поки що мої думи,
Моє люте горе
Сіятиму, – нехай ростуть
Та з вітром говорять.
Вітер тихий з України
Понесе з росою
Мої думи аж до тебе...
Братньою сльозою
Ти іх, друже, привітаєш,
Тихо прочитаєш...
І могили, степи, море,
І мене згадаєш.

18 ноября 1845
в Переяславі

Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же –
Как прочнее строить тюрьмы,
Плесть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, –
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поля, и море.
И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший!
Не за Украину –
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови.
Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы,
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай,
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.
А покуда – мои думы,
Лютые невзгоды
Буду сеять я.
Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер

Принесет с росою
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь,
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

Перевод с украинского П.Антокольского. Печатается по изданию Шевченко Т.Г. Избранные сочинения: Пер. с укр. – М.: Худ. лит., 1987.

Статья первая

Сотое и последнее покорение Кавказа
Яков де Бальмен, название рисунка 1844 года[1]

І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката, довелось пролить
Кров добру, не чорну...
Тарас Шевченко, «Кавказ», 1841

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украйну —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови.[2]
Так началось занятие Кавказа
Русским народом; оно продолжается
Доселе и еще не скоро кончится...
«Русский Архив», 1883[3]

Одной из «родовых» примет кавказских войн Российской империи было то, что каждая из них неоднократно завершалась окончательной победой – с тем, чтобы вскорости начаться снова, ради следующей окончательной победы. И каждая из таких окончательных побед, по крайней мере в XVIII и XIX столетиях, давала новый импульс патриотическим настроениям и национальной гордости, обогащала полноту великодержавного самочувствия, с таким блеском эстетизированного многими – от Державина до Тютчева – гениями русского слова, передававшими тему покорения Кавказа друг другу словно национальную эстафету (хотя постепенно в этой теме начинали звучать и обертоны, и диссонансы). Певец «Фелицы» – Екатерины II (он же и певец ее предшественника – ее мужа Петра III, задушенного ночью в кровати инспирированными ею заговорщиками; он же и певец ее преемника-антагониста Павла I; он же и певец его сына Александра I, благословившего жестокое убийство, опять-таки заговорщиками, своего порфирородного отца) – Гавриил Романович Державин приветствовал одами (ровно двести лет тому назад) первого в длинном историческом ряду «покори-

[1] Бальмен Я.П. Повести. – Харьков, 1983. – С. 11.

[2] Русский перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. Лит, 1987. – (Библиотека классики.) «Кавказ» в переводе П. Антокольского.

[3] Воспоминания Г.И. Филипсона// Русский Архив, 1888. – кн. 3. – С. 190.

телей Кавказа» – графа Валериана Зубова («К Красавцу» – название оды не случайно: «красавец», «любезный мальчик», «резвушка моя» – так Екатерина II именовала своего любимца[4], – «На покорение Дербента», «На возвращение графа Зубова из Персии»):

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ...

Через четверть столетия «протодекабристски» настроенный двадцатидвухлетний Александр Пушкин восторженную романтическую визию Кавказа увенчает окончательным историософским приговором:

И смолкнул ярый крик войны,
Все Русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Через десяток лет гуманный и добросердечный во всем, что не касалось государственной политики, Василий Андреевич Жуковский в «Русской песни на взятие Варшавы», излив искренний восторг по поводу того, как «Поднялися и летят // Наши мстительные бомбы // На кипящий бунтом град» – не забывает напомнить миру как о безвозвратно совершившемся факте и о «чудном плене» Кавказских гор...

А еще спустя десяток лет Михаил Лермонтов, имевший немалый опыт личного участия в Кавказской войне и смотревший на нее совершенно иначе, чем Державин или Жуковский, и даже несколько иначе, чем Пушкин, незадолго до своей гибели в известном стихотворении «Спор», написанном, что интересно, одновременно с инвективой «Прощай, немытая Россия», – в контексте метафорических визий противостояния Запада и Востока, цивилизации и природы, колонизаторского «прометеизма» и туземного пассеизма поставил (кажется, не без грустного раздумья и сочувственного сожаления) твердую русскую точку в истории борьбы кавказских народов за независимость:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки...
И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
— И навек затих.

[4] Русский биографический словарь. Ж-3. – Петроград, 1916. – С. 515.

Пройдет еще два десятка лет (а если точно – восемнадцать), и православный мыслитель и поэт Алексей Степанович Хомяков на заседании «Общества любителей российской словесности» 2 февраля 1860 года, подводя итоги года прошедшего, с патриотической гордостью провозгласит, имея в виду не литературные свершения, а пленение имама Чечни и Дагестана Шамиля: «Счастлив он (год. – *И. Дз.) был* для нас в отношении государственном. На юге побежден неприятель, долго утомлявший наше войско. Сломлено препятствие, долго задерживавшее развитие благосостояния в лучших Российских областях»[5].

Для другого политического мыслителя и популярного в свое время публициста, генерал-майора Ростислава Андреевича Фадеева (кстати, нашего земляка – екатеринославца) таким знаменательным, судьбоносным годом представлялся 1864-й: «Истекший 1864 год был одним из самых счастливых, отмеченных годов нашей тысячелетней жизни. Русский народ, соединенный в те памятные месяцы как один человек, видел разом усмирение польского восстания и окончание вековой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядом не случайно. Действительно, дело шло для России об одном и том же вопросе на Кавказе, как в Польше; тот же момент нашей истории выразился одинаково на двух окраинах империи. Почти одновременно русский народ встретил в своем естественном росте два препятствия, перед которыми он не мог остановиться, не отказываясь от половины уже совершенного пути: одно на европейском, другое на азиатском рубеже. И там, и здесь необходимость преодолеть эти препятствия вызвала столетнюю борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускающую никаких сделок, до такой степени, что всякая сделка, как доказал опыт, положительно вредит окончательному результату. И там, и здесь покорение противника было не целью, а только средством навсегда обезопасить от враждебных покушений, прочно укрепить за собою свое родное, несомненно нам принадлежащее. В продолжение почти целого столетия Кавказ был для нас буквально «азиатскою Польшей»[6].

Но и после этого еще долго будут приходить с Кавказа победные реляции. И поэтическая эстафета кавказопокорения будет продолжаться, хотя изменится калибр ее участников и сама она постепенно получит другие формы и значение.

Начиная со средины XIX ст., в общественно-политических, литературно-художественных и научно-исторических изданиях России публикуется огромное количество материалов на темы «покорения Кавказа». В некоторых из них проскальзывают сомнения в целесообразности отдельных аспектов российской политики на Кавказе и плодотворности ее результатов, неодобрение методов военного подавления. Но в большинстве – глорифицируется «установление Русского владычества на Кавказе» или же оно принимается как несомненно свершившийся исторический факт. Появляются многочисленные воспоминания «героев» и участников карательных экспедиций, бахвалящихся своими жестокими «подвигами». Эти сакрализированные «подвиги» официоз широко использовал как образец в патриотическом воспитании воинства в духе слепой и кровожадной преданности «престолу».

И не случайно накануне и в самом начале Первой мировой войны торжественно отмечаются очередные кавказские юбилеи: в мае 1914 года – 50-летие «со дня полного покорения Кавказа», а в августе – 55-летие «пленения Шамиля». Эти юбилеи использовались как возможность еще раз проникнуться милитарной славой империи:

«Знаменательные юбилейные дни покорения Кавказа, пленения Шамиля, полные отзвуков былой, величественной, кровавой эпопеи, тесно связаны в памяти русского человека с геройскими славными именами. Ермолов, Воронцов, Евдокимов, Барятинский – много, много

[5] Хомяков А.С. Поли. собр. соч. Т. I. – М., 1861. – С. 506—507.

[6] Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». – С.-Петербург, 1865. – С. 5-6.

лучших сынов России потрудились в течение долгих десятилетий над покорением прекрасного, но дикого края, ставшего ярким бриллиантом в венце властителей России»[7].

Не мне судить о «лучших сынах», но того, как они «потрудились», ни обойти, ни объехать. Впрочем, об этом далее.

Тем временем логически возникает вопрос: почему на историю России вот уже более двух столетий ложатся кровавые отблески кавказских войн и кавказский рефлекс стал как бы неотъемлемой приметой политической и духовной жизни России? Почему царизм так упорно стремился овладеть Кавказом, не считаясь ни с какими человеческими жертвами и материальными затратами? И почему именно эта боговдохновенная (если верить ее инициаторам) акция царизма оказалась самой продолжительной и жестокой во всей далеко не голубиной истории Российской империи?

Известно, что далеко не всякая империя в мировой истории отличалась таким благородством целей и мотивов, как Российская. В свое время один из классиков учения, которым благословилась новая, Советская Россия, а именно Фридрих Энгельс, писал: «Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов»[8]. И горький сарказм истории в том, что именно идеи двух наибольших обличителей экспансии российских царей («русофобов») – Маркса и Энгельса (вспомним хотя бы сокрытые от советского читателя Марксовы «Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия», его утверждение о том, что «Московия воспиталась и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства»; его характеристику российской политики как следствия «кровавой мути монгольского рабства»; оценку Петра Великого как «сочетавшего политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского господина, которому Чингисхан завещал свое покорение мира»; или его тезис о «воплях агонизирующих народов», сопровождавших «непреодолимое влияние России»[9]) – именно их идеи стали знаменем новой, небывалой, уже глобальной мироспасительной экспансии...

Но еще раньше российский империализм выработал целый сакральный ритуал освободительного таинства.

Вот многократно испытанная его модель.

Сначала обращалось благосклонное внимание на ту или иную соседственную страну, по возможности единокровную, или единоверную, или же могущую быть приведенной в таковое крайне удобное для освободительства состояние (не в последнюю роль степень потенциальной освободимости определялась и стратегическим значением данной страны). Затем обнаруживалось, что соответствующий народ пребывает в безысходном положении вследствие внешних угроз и произвола собственных правителей, а еще лучше – и того, и другого вместе. Единственным способом оградить соседственную страну от внешнего порабощения и внутреннего развала было – милостиво взять ее под свой протекторат. (По возможности – по просьбе самих туземцев. В традициях римских завоевателей: «Какую бы страну римляне ни занимали, они делали это по призыву туземцев», – утверждал Макиавелли[210]. Особенно трогательную преданность принципу добровольности и «инициативы снизу» демонстрировала Екатерина II. Даже ликвидацию украинских школ и замену их казенными русскими, даже упразднение выборности и самоуправления украинского духовенства, подчинение его имперской администрации – и то она осуществляла на просьбы «снизу», на каковой предмет да-

[7] Из кавказской старины: Заметки современников. – Историческая летопись, 1914. Кн. 8. – С. 943.

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 22. – М., 1962. – С. 24.

[9] Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия. – Центральная научная библиотека НАН Украины. – СО7905. – [На правах рукописи.] – С. 101; 116; 96.

[10] Макиавелли Н. Сочинения. – М.-Л., 1934. – С. 217.

вала четкую инструкцию своему наместнику в Малороссии графу Петру Румянцеву: «Желаю, чтобы вы тамошних нескольких называемых панов склонили к подаче челобитной, в которой бы они просили об лучшем у них учреждении школ и семинарий; и если можно, о положении духовенства в штатское состояние от духовных или светских такую же челобитную иметь, то б мы уже знали, как начать»[11]. Как видим, обходились даже без «всенародного» сбора подписей...)

Вот так освобождали, воссоединяли, устанавливали отеческую или материнскую опеку – не считаясь с собственными издержками. Однако великодушие вовлекает в растущий ряд обязательств. Освобождение – акт не формальный, а сущностный, и освободитель не может, даже если бы и хотел, остановиться на полпути. Обычно оказывалось, что и после установления российского протектората туземная администрация продолжала бессовестно эксплуатировать свой народ и совершенно не заботилась о его экономическом и культурном благоустроении. Чтобы спасти данное общество от его «внутренней лжи» и «шатости», а простолюдье – «от мучивших его вдруг многих маленьких тиранов» (екатерининская мотивация упразднения института гетьманства и самоуправления в Украине)[12], – приходилось делать следующий шаг и вводить «русское гражданское управление», «новые порядки», «имевшие единственной целью благоденствие народа»[13], и соответственно завозить собственную чиновничью, купеческую и иную братию. На этом освободительная мистерия как таковая могла бы и окончиться, дав твердое начало мирному благоустроению в новых и отныне незыблемых пределах... Но увы!.. Начиналась неминуемая «измена» и «крамола» («Присоединяя Имеретию уловкою и против желания царя, потому что обстоятельства того требовали, приобрели в особе сего владельца тайного злодея, в князьях сего царства предателей и изменников...»[14]; «…Опыт толиких измен в Грузии, начиная от высших степеней, нисходя до народа, доказывает, сколь Правление Российское ими мало терпимо, или совершенно противно)[15]; «…Далеко не все, кто смирился, обрел покой. Случилось совсем наоборот: невежественные, грубые чиновники, взяточники сделали русское господство невыносимым. Отсюда измена Хаджи-Мурата, Даниэль-бека и многих других. Отсюда и восстание Большой и Малой Чечни и Аварии – целой части Дагестана. Если народ однажды добровольно покорился, а потом восстал, значит, причиной тут – дурное управление, на которое он было согласился, а потом осознал, что оно душит народ»[16]).

Вся история Российской империи преисполнена жалоб на «измену», кар за «измену», поисков «измены» и упреждений возможной будущей «измены». В чем же секрет этого феномена, этого нигде более в мире не виданного (по крайней мере, в таких масштабах) явления? Видимо, в самом причудливом содержании этого понятия, как его разумел российский царизм сукупно со своими стратегами и моралистами. Тут надобно обратить внимание на одну принципиальную особенность российского колониализма. Когда Россия (как царская, так и большевистская) хотела подчинить соседний народ, она, как уже отмечалось выше,

---

[11] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.6. – С.-Петербург: Общественная польза, 1864. – С. 122.

[12] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 т. – Общественная польза, 1864. – Кн. 6. – С. 37.

[13] Накко А, Очерк Гражданского Управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 года. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. – Одесса, 1879. – С. 294.

[14] Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 91.

[15] Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 92.

[16] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 198.

сначала или провозглашала его братским и равноправным, или же признавала туземцев подданными империи, а потом уже шла на них войной, чтобы любыми способами загнать их в это почетное состояние. Даже закрепощение Украины Екатерина II предприняла единственно с целью «уравнения свободностью малороссийского, равно подданного-же Ея Императорского Величества народа»[17]. Следствием такой неповторимой логики было то, что всякое сопротивление захватчикам наперед объявлялось «изменой отечеству».)

Итак, вместо благодарности – новые тяжкие хлопоты, требовавшие пребывания и содержания (правда, за счет самих туземцев) огромной армии казеннокоштных пособников освободительства, да и доблестного воинства («Для обуздания сих развратных необходимо нужно содержать число войск, могущее внушать почтение к имени Россиян!»[18]. И уже за плотно закрытым занавесом долго и муторно – иногда годы, иногда десятилетия, а иногда и столетия – доигрывался финал освободительной мистерии: большей частью освободительную удавку затягивали до конца, до последнего хрипа; иногда же, вследствие «политических обстоятельств», «исполнение этого намерения» отсрочивалось до «более подходящего времени»; и только в редких случаях приходилось вообще лишать народ дарованной ему свободы и позволять ему снова впасть в рабство к себе самому и в политический «разврат».

Описанная тут методологическая схема освободиловки – вовсе не плод преувеличения и шаржирования, скорее наоборот – сухая вытяжка из роскошномутной исторической материи. Для оживления предмета можно было бы привести немало удивительных эпизодов – не только из «малороссийской» или «киргиз-кайсацкой» истории, но и из армянской, грузинской, или, скажем, из истории не совсем удачного и не окончательного, но ведь как классически задуманного освобождения княжеств Бессарабии, Молдавии и Валахии в годах 1806—1812[19].

Было лишь одно принципиальное выпадение из этой методики в сторону упрощения – имею в виду «освоение Сибири», когда имперская концепция еще не скристаллизи-ровалась и когда разбойная вольница под водительством полулегальных конкистадоров типа Ермака осуществляла «народную дипломатию» без каких-либо формальностей, запросто вырезая и выстреливая десятки «диких» народов, от многих из которых и имени не осталось.

(Кстати, эти мутно-трагические страницы истории настолько надежно забыты – ради комфорта патриотической совести, – что многочисленные апологеты «естественного расширения России» приводят Сибирь как пример чуть ли не идиллического – в прошлом – симбиоза завоевателей с покоренными племенами. Даже умеренные и серьезные публицисты поддаются самообману. Вот что пишет Марк Фейгин: «...Опыт мягкого присоединения народов и племен у России к XIX веку был накоплен немалый: это Сибирь, народы русского Севера, Калмыкии, кабардинцы, осетины и другие»[20]. О кабардинцах и осетинах у нас еще будет случай сказать далее, а пока что – о Сибири. Но дадим голос еще одному уважаемому публицисту – С.Г.Кляшторному: «Переселение россиян на восток Евразии никогда не сопровождалось политикой геноцида, уничтожения даже самых малочисленных групп аборигенного населения, как это нередко случалось при создании многих других империй нового времени»[21]. Сам Александр Исаевич Солженицын активно популяризирует эту версию: «Россия имела и имеет необъятные просторы, присоединенные, надо сказать, большей частью мир-

[17] Соловьев СМ. История России... Кн. 5 – С.-Петербург: 1864. – С.787.

[18] См. сноску 1. С. 93.

[19] Накко А. Очерк Гражданского Управления в Бессарабии... //Записки Императорского Одесского об-ва истории и древностей. Т. 11 – Одесса, 1879. – С. 269—312.

[20] Фейгин М. Вторая кавказская война //Новый мир. – 1995. – №12. – С. 161.

[21] Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийская перспектива // Звезда. – 1995. – №9. – С.206.

ным путем. Например, Сибирь, кроме столкновения с Кучумом, почти не потребовала завоевательных действий...»[22].

Грустно все это читать. Будто и не существовало документальных свидетельств, научных исследований ученых конца XIX – начала XX ст. (в том числе и «раннесоветской» поры – 20-х – начала 30-х годов), народных преданий и фольклорных памятников – о том, как на самом деле происходило «мягкое присоединение2... Советую современным глорификаторам «сибирского варианта» прочесть, из обширной литературы, хотя бы вогульский эпос «Янгал-Маа», когда-то изданный в русском переводе М.Плотникова, а тут приведу лишь небольшой отрывок из предисловия самого переводчика:

«Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы... При приближении русских поселений к Уралу вогулы оказали сильное сопротивление новым пришельцам и даже потом, в конце XVI века, оцепленные со всех сторон сетью крепостей-острогов, продолжали бороться с русскими... Завоевание русскими сосредоточило мысли и желания вогульского народа на борьбе за свое национальное освобождение... Яный Келб (герой национального эпоса. – *И.Дз.)* перечисляет те насилия и жестокости, которые творили русские после победы:

Отобрали нашу землю,
Наши реки и угодья,
Обложили наши дымы
Непомерной тяжкой данью,
Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно.

С приходом русских

Прилетела смерть немая,
Посылая нам болезни,
На оленей мор звериный...

Эти слова Яный Келба – слова всех сибирских народностей...

С каждым днем их (русских) было больше,
Наш народ же уменьшался, —

замечает Яный Келб...

Горестное настроение вогульского народа перед лицом грозящей ему гибели выливается в плач; плачут не только люди, но и рыбы, птицы, звери, лес и вся природа... Произошло одно из тех восстаний угнетенных северных народностей, которыми пестрит вся история Сибири с начала XVII по XIX век»[23].)

Но и «кавказский вариант» имел свои особенности, отклонения от нормативной схемы. Они обусловлены были, во-первых, запутанным и ретардационным сюжетом длительных войн с Персией и Турцией в Закавказье; во-вторых, столкновением с интересами британского и французского империализма в Азии; в-третьих, наличием на Кавказе сложной мозаики мелких княжеств и независимых феодальных владений, затруднявшей ориентацию царских стратегов и создававшей эффект «увязания», но одновременно дававшей им возможность ве-

[22] Солженицын А. Интервью с Витторио Страда // Москва. – 1995. – №9. – С. 157.
[23] Плотников. М.А. Янгал-Маа, вогульская поэма. – М.-Л., 1933. – С. 9—11, 39—40.

сти тут гибкую военно-дипломатическую игру; в-четвертых, вспышкой – во время «тотальной» стадии Кавказской войны (1817—1864) – религиозного национально-освободительного движения горцев, получившего название «мюридизм» и сочетавшего идею газавата, или джихада (священной войны), с суфийской версией ислама, бурно распространившейся среди горцев.

Об этом следует сказать несколько слов. Мюридизм, олицетворенный в ставших легендарными фигурах Кази-Муллы, считающегося его основателем, и его последователя Шамиля, дал идеологию борьбы против порабощения «гяурами» и в то же время своим суровым моральным кодексом в какой-то мере отвечал демократическим традициям и чаяниям горцев. Интересно суждение Александра Дюма-отца, совершившего в 1858 году длительную поездку в Россию и на Кавказ и опубликовавшего затем два тома путевых очерков: «От мюридов требовали полного игнорирования всех благ мира и созерцания, молитв и покорности. Эта покорность одного всем и всех одному вытекает из самой полной демократии, но предполагает безоговорочное подчинение приказам начальника, то есть имаму». При этом Дюма просит «читателей не доверять предубеждениям русских, которые, естественно, питают их к неприятелю, – предубеждениям, иногда превращающимся в клевету»[24].

Многие исследователи отмечали своеобразный демократизм общественного быта горцев. Так, полковник генерального штаба П.Романовский в своих публичных лекциях, изданных в обширном томе «Кавказ и кавказская война», констатируя, что «равенство сословий вполне существовало только у Чеченцев и других племен менее значительных», а у «Черкес, Кабардинцев, Кумыков и Осетин с самых древних времен существовали прививилегированные сословия князей, дворян и людей свободных», в то же время оговаривался, что дела общественные «решались на народных собраниях, где все свободные люди имели право голоса, и решения исполнялись чрез избираемых на тех же собраниях лиц, которым только временно вверялась власть, необходимая для исполнения поставленного решения»[25].

Исследователь раннесоветского времени подчеркивает несовместимость горского демократизма с российским абсолютизмом и видит в этом одну из основных причин столь решительной борьбы царизма с горцами: «…русский абсолютизм, конечно, не мог уживаться с демократическим строем, пустившим глубокие корни во многих обществах горских народов. Отсюда борьба России с родовым бытом и вообще с демократическими тенденциями горцев Кавказа»[26]. (Естественно напрашивается некоторая аналогия с судьбой Запорожской Сечи...)

Разумеется, официальная идеология об этом умалчивала...

Незабвенный популяризатор официальных версий российской истории Д. Иловайский по свежим следам Кавказской войны давал такое объяснение причин ее возникновения: «Начало Кавказской войны относится к концу XVIII столетия, когда Грузия вступила в подданство России и кавказский хребет очутился между русскими владениями. Сначала русские ограничивались оборонительными действиями от набегов разбойничьих племен; с назначением генерала Ермолова главнокомандующим (1816) наше владычество мало-помалу стало проникать в горы»[27].

Более существенное объяснение давал в своей монографии «Выселение горцев с Кавказа» известный ориенталист, глава Археографической комиссии в Тифлисе Адольф Петрович Берже: «Кавказская война началась не в силу каких-нибудь политических задач или дипло-

[24] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 27; 29.

[25] Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. 191—192.

[26] Кокиев Г. Военно-колонизаторская политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

[27] Краткие очерки русской истории / Сост. Д. Иловайский. – М., 1867. – С. 396.

матических соображений, но была естественным результатом государственного роста России. Оттого, с одной стороны, война эта тянулась так долго, а с другой, большинство не видело в ней никакой цели, никакой пользы и горько жаловалось на бесплодное истребление государственных средств, на продление ненужного кровопролития»[28].

(Как видим, это мнение перекликается с ранее приведенными соображениями Р. Фадеева. Однако: как отделить «государственный рост» от «политических задач» и «дипломатических соображений»?)

Но то, чего «большинство не видело», видели стратеги, вдохновленные прозрениями Петра Великого. «Только один раз в течение 300 лет наши завоевательные действия на Кавказе были осмыслены глубокою государственной мыслью. Гениальный преобразователь России, в своих дальновидных заботах о ее будущности, постиг разом значение Каспийского моря и прилегающих к нему земель. Могучий ум его охватил всю цельность политико-экономических интересов России в Средней Азии и Индии...»[29].

А вот популярное объяснение этих геополитических материй – для российских солдат, которым выпало счастье быть орудием исторических предначертаний их царей:

«Много лет тому назад наша родная Матушка Россия хотя и была велика, но куда же меньше, чем в нынешнее время. Кавказ еще не был нашим; Западный край, где теперь губернии: Варшавская, Петраковская, Виленская, Каменец-Подольская и другие – составляли Царство Польское, Крым принадлежал крымским татарам; не было у нас Туркестана и Закаспийской области и многих других стран. Вот вы, братцы Апшеронцы, и раскиньте теперь умом: сколько же положено труда и сколько пролито крови, чтобы приобрести столько новых земель!

(...) Лет с двести тому назад царствовал на Руси Император Петр Великий... Назвали этого Царя Великим потому, что все дела его были великие. Император Петр образовал в России правильное войско и воевал со Шведами и Турками. От Шведов отнял много земель и основал г.Петербург. Но мало этого показалось нашему Царю, и задумал он поход против Персии, чтобы отобрать у нее часть Кавказа около Каспийского моря»[30].

Впрочем, были и другие, кроме геополитических, мотивы к действиям на Кавказе и Закавказье – торговые и экономические. В одном из документов того времени упоминается «представление Графа Пушкина» (очевидно, Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина, ученого, исследовавшего, в частности, минеральные ресурсы Кавказа и Закавказья) – как будто бы «первоначальный повод занять Грузию», – а в нем отмечены оппонентом такие пункты: «1. Присоединится изобильная земля металлами, жатвами и скотоводством»; «2. Обеспечится Кавказская линия обузданием Горских народов»; «3. Откроется обширное поле к торговле Персидской и Индийской»; «4. В случае разрыва с Портою, Россия могла бы со стороны Анатолии сделаться страшною как Турции, так и Персии»; «5. Поздние виды на владения Персиян могли бы способствовать к утверждению Индийского торга»[31].

В «записках» и корреспонденции царских чиновников уже в первой половине XIX ст. появляются упоминания о нефти в Баку и в Чечне. Этим находкам придается должное значение. Впоследствии Д.И. Менделеев в своем научном труде «Нефть» отметит, что первая попытка использовать кавказскую нефть как товар предпринята еще в 1823 году, а начиная с 60-х годов нефтяной промысел получает бурное развитие[32]. (Кстати, «Литературная Россия»,

[28] Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская Старина. – 1882. – Кн. 33 – С. 168.

[29] Там же – С. 170.

[30] Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка. 1700—1894: Краткая история Апшеронского полка для солдат/ Составил того ж полка капитан Л. Богуславский. – С- Петербург, 1894. – С. 2—3.

[31] Чтения в императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 87-93.

[32] Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. – М., 1960. – С. 437; 443; 445.

как известно, своеобразно понимающая «интересы России» на всех широтах и долготах, в самый разгар противочеченской бойни опубликовала – в числе других ультрапатриотических материалов на темы Кавказа – отрывок из нового романа Александра Коротина, посвященного как раз теме «освоения» Россией чеченской нефти. Русский самородок-предприниматель Василий Дубинин предложил изготовлять из нее фотоген (керосин). У него далекоидущие планы: «Ежели бы я эту нефть торговал по вольной цене, не только на Кавказе, а и по всей России, а может, и в Европу сунулся с моим товаром...», на что принимающий его генерал ответствует: «А меня Чечня, Шамиль, беспокоит. Коли не я со своим войском, прибрали бы здешние уздени и нефть российскую и фотоген, тобою полученный...»[233] Каково?! Оказывается, чеченцы давно зарились на исконные российские недра в Чечне!)

Интересы русского торгового и промышленно-финансового капитала, землевладельцев, купцов и предпринимателей были далеко не последним рычагом политики царизма на Кавказе.

Кавказские войны происходили на более широком фоне межгосударственных отношений, столкновений интересов в этом регионе. Сначала тут приходилось непосредственно сталкиваться с Персией и Турцией, затем – с британскими имперскими интересами (близость Индии), с французскими (в частности, шла борьба между Россией, Англией, Францией, другими европейскими державами за турецкий рынок; позже появился аппетит к бакинской нефти). Значительное влияние оказывали и европейские факторы: длительная борьба европейских держав с Турцией; политика Австрийской империи; походы Наполеона и др.

Российская дипломатия умело использовала как соперничество между Турцией и Персией за господство над территориями между Черным и Каспийским морями, так и – династическую борьбу и волнения в этих странах. И тайно, и явно поощряла Россия распри между феодалами Кавказа; ощутимым подспорьем ей было недовольство населения, особенно христианского, гнетом и жестокостями турецких и персидских захватчиков. Нередко население, ввиду турецкой или персидской угрозы, само просило защиты у русских войск, но неизбежно приходило горькое разочарование и начинались восстания уже против русского господства (так было не только на Северном Кавказе, но и в Грузии, Армении, Азербайджане).

Наученные горьким опытом, народы Кавказа с подозрением относились к происками на Кавказе английской и французской дипломатии, активизировавшихся во время Крымской войны. Тут помнили, что Англия в свое время никак не отреагировала на захват Крыма[34]; фактически никакой помощи горцам не оказывала (даже Турция, у которой горцы, естественно, искали поддержки, «реагировала очень слабо»: «Вся забота Турции о горцах сводилась не к реальной помощи им, а в усилении проповеди ислама среди них через проповедников; эти же проповедники убеждали горцев в необходимости сопротивляться русским»[35]) Англия и Франция не скупились на «демократические» обещания – обещания признать независимость кавказских народов. Но это была лишь пропагандистская риторика. «Ни англичане, ни французы этой независимости дать горцам не могли, и это горцы знали на опыте: когда к горцам как раз в это время прибыли английские и французские дипломаты, последние ни слова не проронили горцам об их независимости и самоопределении, а разговор все время был вокруг вопроса об их подчинении Британскому правительству или Франции. Но на это

[33] Борзенко А. Кровь цвета горящей нефти // Лит. Россия. – 1995. – 3 февраля.

[34] Кемпбель Джордж Джон Дуглас. Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет. – С.-Петербург, 1908. – С. 7.

[35] Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4(6). – С. 30.

горцы дали достойный ответ, а именно, что горцы воюют с русскими только потому, что они отнимают у них земли, и если французы или англичане так же будут поступать с ними, горцы будут также вести войну с ними с большей ожесточенностью»[36].

Горцы заявили, что «ничьей власти над собой не признают и будут бить русских и турок»[137].

Известно, что в период Крымской войны Шамиль не проявлял ожидавшейся активности и не оправдал надежд англо-франко-турецкой коалиции, рассчитывавшей на его помощь, чем очень разочаровал их. Начальник штаба британской армии генерал Виндаш говорил: «… кавказские горцы, в особенности Шамиль, обманули наши ожидания»2[38].

Все это опровергает мифы имперской и советской пропаганды о том, что движение и борьба кавказских народов были инспирированы извне и извне поддерживались, – мифы живучие и время от времени раздуваемые снова и снова...

Однако возвратимся к более ранним временам.

Начиная персидский поход 1722 года, Петр I дал инструкцию своему консулу в Тегеране Аврамову – заверить шаха, что русская армия идет в Закавказье лишь для того, чтобы устранить угрозу захвата Персии Турцией (!), то есть вроде бы как на выручку ничего не подозревавшей Персии: «Предлагай шаху новому или старому или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали (...) Турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе оною владеть (...) только по морю лежащие земли отберем, ибо тут турок допустить не можем»3[39].

В 70 – 80-х годах XVIII ст. главной задачей политики Екатерины II на юге было овладение Крымом. Действия на Кавказе рассматривались как маневр для отвлечения турецких сил. После решения «крымского вопроса» наступление на Кавказ усиливается.

16 июня 1783 года Потемкин требует от командования Кавказской линии дать ему «верные сведения» о народах Прикаспия: «Все сие необходимо мне надобно для будущих о границах наших предположений, дабы утвердить оные с надежнейшей точностью и в полную навсегда безопасность»[40]. Однако энциклопедические поползновения «светлейшего» имели своеобразный подтекст, прозрачнее выявленный в его письме командиру на Кавказской линии де Бальмену (не из предков ли Якова де Бальмена?): «Ваше сиятельство должны войти, как можно короче, в обстоятельства взаимные между горными народами и старайтесь питать между ними несогласие»[41]. Еще раньше, в ноябре 1768 г., Екатерина II обратилась к Иностранной Коллегии с рядом вопросов стратегического характера (например, на берегу какого моря стоит Тбилиси: Черного или Каспийского), а особенно требовала информации о том, «…были ли примеры, чтобы киргиз-кайсаки обижали калмыков...»[42].

Зловещий характер этого постоянного специфического интереса российских самодержцев и стратегов к возможным «обидам» и счетам между соседними народами и племенами понятен, как и стремление сыграть роль арбитра или заступника (в зависимости от обстоятельств).

---

[36] Там же. См. также: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Кн. 33. – С. 174.

[37] Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. – Т. 2. – С. 158.

[38] Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. у-та, 1989. – С. 143.

[39] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. – М., Соцэкгиз, 1963. – С. 381.

[40] Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. – Ереван, 1947. – С. 68.

[41] Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1790—1793. – Сборник военно-исторических материалов, под ред. Н.Ф. Дубровина. – В. VIII. – С.-Петербург, 1895. – С.155.

[42] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. XIV, т. 28. – М., Соцэкгиз, 1965. – С. 297.

А впрочем, монархи и сами нередко высказывались напрямую, отбросив политические эвфемизмы. Та же Екатерина в письме на Кавказ генералу де-Медему в 1771 году писала: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть»[43].

На протяжении XVIII ст. царизм проводит политику создания вассальных государств на Кавказе, извлекая выгоду из чвар между князьями, науськивая их друг на друга, прибегая к подкупу и угрозам. Таким образом были созданы предпосылки для перехода в начале XIX ст. к тотальному военному захвату территории между Черным и Каспийским морями.

Одним из важнейших и постоянных принципов российского освободительства было неукоснительное отделение покорившихся («мирных») от непокорных («немирных»). В отношении первых применялось «ласкательство» (любимое выражение Екатерины II), а со вторыми была только война на уничтожение.

В соответствии со своим европейским либерализмом, приводившим в восхищение Вольтера и Дидро (в то время, когда она отправляла в Сибирь Радищева яко французского агента: «изо Франции еще пришлют вскоро паричко»[44]), Екатерина II утвердила в 1786 году составленные Потемкиным «Положение о горских народах» и проект организации «земского войска» из горцев, что открывало им путь «к славе, чести и почестям» (на российской колониальной службе). Тогда же Г.Потемкин инструктировал другого Потемкина, «кавказского» – генерал-поручика П.С.Потемкина: «Положение, какое сделано о горских народах, подает случай привести все в порядок и согласие, если при сем будет поступаємо гладко или, лучше сказать, без презренья, которое препятствует успеху дела»[245]. То есть, речь шла об искусном применении «ласкательства».

Ни «Положение...», ни затея с «земским войском» никогда не были реализованы. Что же касается «ласкательства», то его пытались осуществлять последовательно, но оно не давало желаемого результата, по крайней мере, не решало всех проблем, и на этой почве постоянно возникали недоразумения между «либеральными» верхами и практическими исполнителями их политики. Вот, к примеру, письмо-жалоба Г.Потемкину от тогдашнего командующего русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанта Медема: «А о кабардинцах я уже и не упоминаю, ибо сии народы здешней стороны злодеи, и никакой о них надежды нет, ибо ласковость их приводит ни во что, потому что знают – ничего с ними не могу делать, а монархиня милосердна, она никогда не изволит их шевелить (...) обратите мысли на сей весьма нужный край и на величество (т.е. большое количество – *И.Дз.)* в горах в соседстве пребывающего народа и не доведите меня до несчастной судьбины»[346].

Принцип «ласкательства» был российским вариантом универсальной модели империализма: «разделяй и властвуй». В этом духе прилагались и усилия к тому, чтобы в подавлении определенного народа максимально использовать выходцев из этого же народа – как «приласканных», так и силком завербованных.

Характерно, что хотя царизм ни в грош не ставил жизни своих воинов, все же он старался в первую очередь использовать пушечное мясо из «инородцев». Вот, к примеру, государственные соображения одного из «птенцов гнезда Петрова» князя Б.И.Куракина: «Ежели солдат надобно много еще собрать, то лучше брать у черемисов, у мордвы молодых ребят и обучать, для чего будет прибыльно. Ежели истратятся, то убыток не так велик, как свои природные помрут... И всегда смотреть того надобно, чтобы умножены были те краи погра-

[43] Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

[44] Чтения в Императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., 1865. – Кн. 3. – Р. V. – С. 77.

[45] Русский Архив. – 1879. – Кн. 2. – С. 433—434.

[46] Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 158.

ничные теми людьми природными. Из того будем давать вывод, как у них детей брать политикою»[47].

Это – что касается простолюдья. В отношении же «элиты», местной знати и феодалов, то наряду с истреблением «непокорных», была разработана система приманок, привилегий и поощрений для «покорных». Их старались использовать против одноплеменников или соседей, обещая русское дворянство, обеспечивая карьеру, порой блестящую, высокие награды и другие виды монаршей ласки, а их детей – часто как аманатов (заложников) – обучали в респектабельных училищах Петербурга и Москвы, готовя новое поколение образцовых «слуг отечества». (Кстати, заложником был и сын Шамиля Джемал-Эддин; его опекал лично Николай I; только по прошествии многих лет Шамилю удалось возвратить его, обменяв на специально захваченных с этой целью грузинских княгинь Чавчавадзе.)

Такая политика давала нередко более чем желательные для царизма результаты. В кавказских войнах на стороне российской армии принимало участие немало офицеров (в том числе и высоких рангов) туземного происхождения; некоторые из них «отличились» не хуже самых прославленнейших палачей Кавказа.

Одним из них был, например, князь П.Д.Цицианов, грузин на русской службе, потомок князей Цицишвили, бывших владетелей Картли. За заслуги в подавлении польского восстания 1793 года князь Цицианов получил от Екатерины II орден Георгия III степени и большое имение в Минской губернии с 1500 душ крепостных. 9 сентября 1802 года Александр I назначил его астраханским военным губернатором и главноначальствующим в Грузии. Расчет был на знание Цициановым местных обычаев и на то, что с его помощью удастся примирить грузинских феодалов с потерей независимости и повлиять на другие народы.

Однако «пылкий Цицианов» отбросил в сторону дипломатические ухищрения и символом веры провозгласил штык. «Я не словами стращаю, а штыками действую...»; покоряйтеся, «буде не хотите, чтобы и вас изжарили на русских штыках»; «…кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашею, и она покраснеет, но вы яко зайцы уйдете в ущелья, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи пооколеете»; «…кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию преступников... Ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками; не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная...»; «…спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле»[48], – таким языком говорил он с грузинами, осетинами, кабардинцами...

В одном из документов того времени описан такой его подвиг: «Прибыв он перед сим в Джамури, поймал осетинцев и, наливши в корыто, в коем кормят собак, молоко, после сыра оставшееся, и побив кошек, поклав в него же, да также положив в него кал человеческий и тем их накормил»[49]. (Правда, биограф относит этот эпизод на счет одного из подчиненных Цицианова, а не его лично[50]. Однако и в его пространном апологетическом жизнеописании предостаточно не менее жутких свидетельств.)

В потоке каннибальского красноречия Цицианова хотелось бы обратить внимание на его послание землякам-грузинам: «Неверные мерзавцы (...) Вы, наверно, считаете, что я гру-

[47] Рассуждение князя Б. И. Куракина: Главные задачи Московского государства, 1707 // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. – С.-Петербург, 1892. – С. 175.

[48] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. – С.-Петербург, 1886. – С. 289; 399; 133; 370; 132.

[49] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 27.

[50] См. сноску 1. С. 341.

зин, и вы смеете так писать. Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моих посещений, и тогда не дома я ваши сожгу, вас сожгу, из детей и жен ваших утробу выну...»[51].

Не стоит относить геройства Цицианова на счет его «азиатского» темперамента. Российская военачальницкая элита на Кавказе – это был настоящий интернационал: русские – Ермолов, Воронцов, Муравьев, Барятинский; малороссы – Паскевич, Котляревский, Гудович; немцы, татары, армяне, кабардинцы и др., и мало кто из них на Кавказе уступал «темпераментом» Цицианову, хотя и не все обнаруживали его в такой непосредственной форме.

Действуя таким образом, «в три года он расширил русские границы от Черного моря до Каспийского и от Кавказского хребта до Куры и Аракса»[52].

Все это происходило тогда, когда с уст царей, особенно Александра I и Николая I, не сходили слова «кротость», «умиротворение», «спокойствие», «порядок», «развитие промышленности», «процветание», а под этот обнадеживающий аккомпанемент посылались новые и новые воинские подкрепления на Кавказ. Тонкое и последовательное различение «упорствующих» и «увлеченных, но готовых к покорности», продиктованное интересами тактики и дипломатии, не под силу было разгоряченным полководцам, а тем более «нижним чинам». И поэтому нередко самим вседержителям приходилось одергивать их, точнее, уклонять от «чрезмерностей». Например, однажды главнокомандующий на Кавказе Ермолов представил к награде орденом святого Георгия генерал-майора Власова и полковника Бековича-Черкасского (из кабардинского рода; его предки и сам он неоднократно «отличались» в карательных походах как против своих одноплеменников, так и в Средней Азии) – за подвиг уничтожения нескольких аулов и селений. Александр I отказал Ермолову в его просьбе, высказав неудовольствие чрезмерной жестокостью Власова, ибо, дескать, «истребление селений» без «существенной пользы» не является необходимым из соображений военных, а из моральных – «помрачает славу победителей». «Сие самое, – добавляет император, – останавливает меня в испрашиваемом Вами награждении полковника князя Бековича-Черкасского орденом св. Георгия (...) он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое было окончено совершенным истреблением более 300 семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей, невинных и верно не участвовавших в защите...»[53]

Из отеческого тона этого назидания нетрудно догадаться, что с голов героев ни одна волосинка не упала. Более того, оба они «отличались» и далее, благодаря чему генерал-майор Власов был назначен командующим Черноморским войском. И уже Николай I вынужден был прочитать ему нотацию почти в тех же самых выражениях, да еще и пообещал отдать под суд, после чего Власов получил новые награды и стал Наказным Атаманом Войска Донского[54].

Это и неудивительно. Ведь, демонстрируя показной либерализм, Николай I на самом деле требовал от своих военачальников быстрейшего подавления горцев любой ценой. Так, по случаю завершения русско-турецкой войны 1828— 1829 гг. и заключения выгодного для России Адрианопольского договора, он указывал фельдмаршалу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[355].

---

[51] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 26.

[52] Русский биографический словарь. Ф-Ц. – С.-Петербург, 1901. – С. 508.

[53] Чтения в Императорском обществе истории... – М., Унив. тип., – 1862. – Кн. *2*. – Р. V. – С. 209—210.

[54] Там же. – Кн. 3. – Р. V. – С. 123.

[55] Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. – С.-Петербург, 1891. – Т. 2. – С. 229.

...Кавказским войнам посвящены сотни публикаций дореволюционного времени – воспоминания участников, свидетельства очевидцев, архивные материалы, юбилейные сборники и т.д. Странное впечатление они оставляют – своей простодушной откровенностью, бессознательной честностью свершителей жестоких дел. Не таились, не кривили душой, не было нужды подгонять фразеологию под стереотипы международных гуманитарных документов или жаргон ОБСЕ.

Вот для примера лишь кое-что из послужного списка одного-единственного полка – «44-го драгунского Нижегородского». У полка была славная история. Принимал участие в «кровавом штурме Батурина и истреблении его со всем населением» (1708 г.). Потом – в подавлении «беспорядков в калмыцких степях» (1731). 1737-й – Крым. «Город (Карасубазар. – *И.Дз.)* был сожжен до тла: кроме караван-сараев сгорело более 10 000 домов, 38 мечетей и 50 водяных мельниц... За разгромом Карасубазара началось жестокое опустошение Крыма. Казаки и калмыки доходили до самого Бахчисарая и на пути к нему уничтожили множество татарских деревень, взяли 1000 пленных, 30 тысяч быков и 100 тысяч баранов»[56]. 1783-й – поход за Кубань на ногайцев: «Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имевшие понятия о строе, ногайцы резались со злобой и гибли массами. В бессильной ярости они сами истребляли свои драгоценности, убивали своих детей, резали женщин. Больше десяти тысяч ногайских тел лежало на десятиверстном пространстве». Осенью 1790 г. полк в составе корпуса барона Розена «двинулся в пространство между речками Пшекупсом и Пчосом, истребляя все, что попадалось ему на пути – аулы, поля, запасы и имущество жителей». Потом – Кабарда: «…отряд сделал в одну ночь огромный 60-ти верстный переход и неожиданно появился посреди многочисленных кабардинских стад. Все они были захвачены сразу». Далее – Осетия: «... войска ограничились(!) тем, что выжгли все окрестные селения и уничтожили все каменные башни и замки»[57]. Затем было подавление восстаний в Кахетии, Хев-сурии, Иверии и других грузинских княжествах... И всюду – одно и то же... Как и в историях всех других полков: «Солдаты ворвались в аул и, по существовавшему всегда(!) обычаю, рассеялись по саклям. Скоро запищали сотни кур, заблеяли десятки баранов, и все, что было наскоро заперто и зарыто, появилось на свет божий. Добыча была обильная и довольно богатая: тут была и утварь, и куски материй, и всевозможные одеяла, – словом, можно было и хорошо пообедать, и сладко отдохнуть (...) Повторив то же самое, что сделал в Автурах, князь Воронцов вернулся в Гельдыген, выбил оттуда остатки неприятеля и тотчас приказал зажечь аул в нескольких местах. Затем отряд начал отступление. Горцы пробовали преследовать нас, но неудачно: всю гельдыгенскую поляну охватили собою наши батальоны и кавалерия, и все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали подобно своей метрополии»[58]. Или еще:

«Покойный Слепцов, на закате своей славной боевой деятельности, истребил все неприятельское население, гнездившееся в ущельях от Бумута... до Рошни (...) Только в 1858-м году смирились окончательно эти беспокойные горцы и тысячами были выселены на плоскость. До того же времени, несмотря на все наши набеги, погромы, несмотря на наказание нами этих хищников (подчеркнуто в оригинале. – *И.Дз.),* они каждый раз после поражения и разорения возникали, как феникс из пепла»[159].

---

[56] История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. [Сост. В. Потто. При участии в сборе материала Князя В.П. Долгорукова]. – С.-Петербург, 1893. – С. 36; 37; 71; 72; 86.

[57] Там же. – Т. 2. – С. 3; 11; 72; 105.

[58] Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский Сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 13—14.

[59] Волконский Н.А. Погром Чечни в 1882 году // Кавказский сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 46.

Этим откровениям в тоне апофеоза несть числа. И патриотическая фразеология у авторов трогательных воспоминаний одинакова. Нескончаемо, со страницы на страницы переходят сакраментальные стереотипы: «истребили войска множество аулов и запасов неприятельских»; «многое множество татарских аулов испепелили»; «раскатали мы чеченцев на славу, истребили множество их аулов, уничтожили посевы и запасы продовольствия и побили много народу»[260].

«Жестокости, сопровождавшие эти экспедиции, кажутся неправдоподобными, однако показаниям самих участников экспедиций приходится верить. Вот что пишет Полторацкий в своих воспоминаниях (речь идет о воспоминаниях генерал-майора Владимира Алексеевича Полторацкого, публиковавшихся в «Историческом Вестнике», 1893, в №№ 1—9. – *И.Дз.).* В марте 1847 г. войска напали внезапно на хутор Дубы. «…Из всех жителей обширного аула вряд ли кому-нибудь (...) удалось увидеть восходящее солнце. При самом отчаянном сопротивлении некоторых, большинство, застигнутое врасплох полунагими, стар и млад, женщины, дети и грудные младенцы, утонули в своей крови от остро отточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших»3[61].

Это не были взрывы стихийности или непредусмотренные последствия солдатской разгоряченности боем. Это было последовательное осуществление продуманной, целенаправленной политики – на полное уничтожение «непокорных», фактически – неукоснительный геноцид.

Пример подавали и градус озверения определяли высшие военачальники, сменявшие друг друга, применявшие различную тактику, но не уступавшие друг другу в пресловутой «непреклонности», то есть в бесчеловечии. Мы уже говорили о Цицианове. Но есть предостаточно свидетельств личной жестокости и Воронцова, и Муравьева, и прославленного Ермолова. Тут ограничусь одним свидетельством современника об А.А.Вельяминове. Это он, командуя кавказским войском, благословил обычай коллекционировать отрубленные головы горцев: «За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук». Любил он солдатам «прописывать Английское стегание» (его собственная изысканная метафора кнута), был особой высокообразованной и свободомыслящей, почти что вольтерьянцем – как и все это поколение царских сановников и воинской элиты: «Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей XVШ века (...) Настольными его книгами были Жильблаз и Дон-Кихот на французском языке»[62].

О рыцарском обычае зарабатывать на отрубленных головах горцев рассказывает и Александр Дюма в своих путевых очерках (у него даже есть раздел «Головорезы»): «За каждую отрубленную голову горца назначалось вознаграждение в 10 рублей. Князь Мирский, питавший, разумеется, отвращение к этим кровавым трофеям, счел достаточным, чтобы доставляли только правое ухо (! – *И.Дз.).* Но он никак не мог заставить своих охотников руководствоваться этим нововведением; с тех пор, как они воюют с татарами (татарами называли в войсках всех жителей Кавказа без разбору. – *И.Дз.),* они все время отрубают головы, объясняя сие тем, что не могут отличить правое ухо от левого». И далее: «Всякий, убивший горца, имел право, кроме головы и ушей, обобрать его дочиста»[63].

Наибольшим вольнодумцем среди военных гениев России был, как известно, Ермолов – тайная (хотя и напрасная) надежда декабристов, любимец нескольких поколений фрондеров («Один умный человек сказал, что Ермолов, в понятиях русских, не человек, а популяри-

[60] Апшеронская памятка... – С. 407; 413; 501.
[61] См.: Кровяков Н. Шамиль. – Грозный, Чеченгосиздат, 1941. – С. 62.
[62] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский Архив, 1883. – Кн. 3. – С. 199; 183.
[63] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. – 1988. – С. 63; 90.

зированная идея»[64]), прославленный поэтами и романистами (вплоть до современных: см. роман Олега Михайлова «Генерал Ермолов»). Именно он глубже других постиг суть, задачи и значение Кавказской войны для России. Во «всеподданнейшем рапорте» Александру I от 12 февраля 1819 года он писал: «Государь! Внешней войны опасаться не можно (...) Внутреннее беспокойство гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных В.И.В. (Вашего Императорского Величества. – *И.Дз.)* порождают дух мятежный и любовь к независимости». Это внеличная мысль; это истина, концентрировавшая в себе опыт не только Кавказской войны, а всего канительного эпоса борьбы с «крамолами», «шатаниями», «изменами»; это фундаментальный постулат существования и будущности империи. Сам же Ермолов делал для себя неизбежные практические выводы: «Не в моих правилах терпеть, чтобы власть Государя моего не была уважаема разбойниками и чтобы народы покорствующие вотще надеялись на Его защиту (...) Полки прибавленные уничтожат и власть злодейскую ханов, которых правление не соответствует славе царствования В.И.В., а жители ханств, стенящие под тяжестью сей власти, уразумеют счастье быть подданными великого Государя»[65].

Но народы ... уразумевали неохотно, несмотря на вооруженное понукание. (Позже в исторической трагедии осетинского писателя Елбасуко Бритаева «Хасби» (1907) ее герой-крестьянин скажет по аналогичному поводу: «Я не видел никогда, чтобы ласкали пушками, а штыком учили уму. Эту простую истину я, немудрый, и то понимаю, как же он – генерал – не понимает. Голову носит высоко, как буйвол, а надо бы глубже обдумывать свои дела»[66].

Народы платили черной неблагодарностью. В бой становились женщины и дети, а когда не было сил защищаться, – чтобы не попасть в плен, бросались со скал в пропасть.

Жуткий эпизод (очевидно, ему рассказанный участниками), описывает в своих путевых очерках с Кавказа Александр Дюма:

«Один батальон в полном составе пробирался по крутой тропинке. Неожиданно кто-то заметил, что огромная скала отделилась от своего гранитного основания, – словно гора хотела стать в ряды противников русских, – и с ревом и треском сорвавшись с вершины, унесла треть батальона.

Когда оставшиеся в живых, уцепившись за камни, за корни деревьев, подняли головы, они увидели на вершине горы, откуда свалилась гранитная лавина, полунагих женщин с растрепанными волосами, махающих саблями и пистолетами. Одна из них, не находя более камней, чтобы скатить их на врагов, и видя, что они продолжают наступать, бросила в них своего ребенка, прежде разбив ему голову об скалу. Потом с прощальным проклятием ринулась вниз и сама...»[67]

Скажете: эффектная выдумка прославленного романиста-фантазера? Увы, в документах того времени, в свидетельствах очевидцев (в том числе и высокопоставленных) – множество свидетельств о таких и, более того, коллективных самоубийствах обороняющихся. «Закипел отчаянный бой; в нем принимали участие и женщины; они, словно ведьмы, бросались с оружием в руках на наших солдат; дети кидали в нас камнями; чтобы не сдаваться, женщины с грудными детьми бросались со скал в пропасти и вдребезги разбивались о камни»[68]. Но и это отчаянное смертельное неприятие, эти крайние проявления непокоримого человеческого духа и коллективной национальной воли не трогали окаменевшее в своей осатанелости

[64] Из записок барона М.А. Корфа // Русская Старина. 1899. – Декабрь. – С. 490.

[65] Акты Кавказской Археологической комиссии. Т. VI. – Тифлис, 1874. – В кн.: За стеной Кавказа: – М., 1989. – С. 37—38, 481—482.

[66] Джусойты Н. Елбасуко Бритаев. – Цхинвали, 1963. – С. 94.

[67] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. – 1988. – С. 59.

[68] Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 226.

освободительное сознание, – и оно и это обращало в обвинение не себе, а жертвам, как еще одно доказательство их «дикости» и невозможности не уничтожать их: «Зверство и ожесточение злодеев доходило до такой степени, что они предпочитали погибнуть, чем сдаться в плен. Так, после одного сражения семь человек осетин бросились в пропасть»3[69]. А вот обращение к русским властям мтиулетинцев (племя, жившее вдоль Арагви): «Мы просили Бога об укреплении в Грузии непобедимого воинства всемилостивейшего Государя, теперь мы просим о том, чтобы оно поглощено было какой-либо внезапной напастью. Мы не хвалимся силою, чтобы воевать с русскими, но все до единого остановились на том, чтобы избавиться от нестерпимой горести, зажечь своими руками наши дома, вогнать туда жен и детей, а потом броситься в пламя, чтобы там сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ожидать смерти от плетей и видеть опозоренными наших жен»[70].

Как отразились кавказские войны на настроениях русской общественности, как откликнулись в гражданском сознании и в литературе?

Длительное время доминировала официальная версия о разумном балансе ласковой опеки и сурового умиротворения, о заботливом внедрении «цивилизации», «русских законов» и «просвещения». Соответственно вокруг кавказской темы пульсировал патриотический ажиотаж. Однако постепенно – по мере очевидных военных неудач, увеличения потерь и затрат, поступления более широкой и достоверной информации – рождались сомнения, элементы критического подхода.

Косвенным свидетельством о степени неприятия обществом Кавказской войны могут быть нарекания ее идеологов и апологетов на непонимание со стороны многих современников и настойчивое обращение к исторической перспективе, которая-де все поставит на свои места и поможет соотечественникам оценить величие державного подвига. Так, уже упоминавшийся Р.Фадеев в «Письмах с Кавказа» писал: «Русское общество (...) больше полувека смотрело с равнодушным удивлением на нескончаемую кавказскую борьбу и так к ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русских семейств, носивших траур по родным, павшим на Кавказе, даже не задавали себе вопроса, какому богу приносятся эти жертвы. Кто из нас не слыхал таких домашних рассуждений, что Закавказье надо бросить, как не окупающее расходов на войну; или рассуждений иностранных в таком роде, что мы длим нарочно кавказскую войну для того, чтобы упражнять свою армию! Можно наверное сказать, что далеко не все русские государственные люди XIX столетия, имевшие влияние, каждый по своему ведомству, на ход кавказских дел, сознавали цель этой настойчивой борьбы. Но правительство шло к своей цели неуклонно и не жалея никаких жертв, особенно в два последние царствования, при императоре Николае I и ныне царствующем Государе, – и достигло цели»[71].

А вот как убеждал свою аудиторию в публичных лекциях один из историков Кавказской войны полковник генштаба П.Романовский (в 1860 году): «В жизни государств, как и в жизни людей, встречаются подвиги, требующие напряженных усилий и много времени, верная оценка которых для современников почти невозможна. Совершаясь медленно, шаг за шагом, без заметных резких успехов, с постоянным напряжением сил, с бесчисленными жертвами, подобные подвиги, конечно, и в свидетелях очевидцах возбуждают участие и вызывают с их стороны укор или похвалу, но полная, верная оценка таких заслуг принадлежит потомству и может быть сделана только тогда, когда принесенные жертвы и усилия дадут свои великие плоды. Подобный подвиг судьба назначила России на Кавказе (...) Но каковы бы ни были жертвы, которые Россия должна принесть Кавказу, во всяком случае, нет сомнения, что эти

[69] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 45.
[70] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества... Т. IV. – С.-Петербургу 1886. – С. 341—342.
[71] Фадеев Р. Письма с Кавказа... – С.-Петербург, 1865. – С. 10.

жертвы будут потомством достойно оценены, прежде всего потому, что торжество России в войне с Кавказскими горцами составит торжество цивилизации над самым упорным варварством»[72].

Отсылка к потомкам всегда проблематична, у них свои резоны и свои проблемы с историческим наследием. Что же касается современников, то «утверждение русского владычества на Кавказе» и «гром победы» действительно многих примирили с жертвами. Но далеко не всех. Была и другая, противоположная тенденция: с 50-х годов в кругах формировавшейся революционной демократии складывается принципиально негативное отношение к Кавказской войне – как составная антимонархической идеологии демократии. Например, Н.А. Добролюбов в статье «0 значении наших последних подвигов на Кавказе» писал: «Борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». И далее: «Не строгое учение мюридизма было причиною восстания горцев против русских», а «ненависть к русскому господству»[73].

Тут надо сказать, что в России первой половины XIX ст. сложился своеобразный «кавказский миф», в одно и то же время сугубо устойчивый в своем существовании и весьма изменчивый своими гранями. Уже сам состав российского вой-войска на Кавказе был довольно пестрым. Кроме служилых солдат и кадрового офицерства, тут находились штрафники и преступники, а также политические ссыльные (прежде всего декабристы, в том числе офицеры высоких рангов, и разжалованные, и не разжалованные). Были искатели романтических приключений, охотники за чинами и наградами, всевозможные авантюристы и, наконец, всяческий хищный сброд, всегда тянувшийся за добычей вослед освободительным армадам (вспомним Козьму Пруткова: «Если продуемся, в карты играя, //Поедем на Волынь для обрусения края»).

«Кавказ имел славу места, где можно хорошо заняться грабежами. Он был «погибельным местом» для русских солдат, но «второй Индией» для господствующих классов. Толпою бросались туда самые худшие элементы русского чиновничества, торговцы, подрядчики, те, кто хотел пограбить, нажить себе состояние, пожить в свое удовольствие»[74], – писал грузинский историк.

О другой категории пришельцев свидетельствовал патриотический современник: это те, кому «было тесно и душно в России, и они шли на этот «погибельный Кавказ» искать счастья и простора. В то время населялись из них целые станицы и даже полковые округа»[75]. (Кстати, среди этих бежавших от тесноты и задушья назван и тот самый герой Терского войска Слепцов, о «славной боевой деятельности» которого по «истреблению неприятельского населения» упоминалось выше.)

Еще один род кавказских бродяг описывал литературный критик: «В то время не в редкость было встретить искателя приключений, с гордостью на челе и холодным разочарованием в сердце, отчаянного дон-жуана, бретера, игрока, страстного любителя опасностей ради опасностей, стремящегося по этому случаю на погибельный Кавказ и на пути туда не упускавшего случай пройтись на счет клубнички»[76].

Разноцветным и острым кавказским коктейлем по-разному причащалось не одно поколение русских литераторов. Кавказская тема породила в русской словесности не одну, а несколько традиций, одни из которых со временем исчерпывались, другие – набирали силу. Порой между ними возникало напряжение, скрытое или явное отталкивание, а то и принци-

[72] Романовский П. Кавказ и кавказская война. – С.-Петербург, 1860. – С. 46—48.
[73] Добролюбов Н.А. Поли. собр. соч. – М., 1937. – Т. IV. – С. 143; 155—156.
[74] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г. В. Очерки... – М., 1932. – С. 16.
[75] Дереглазов П. Пало ли современное казачество? // Вестник Русской Конницы, 1907. – № 15. – С. 645.
[76] Скабичевский А. Сочинения в *2-х* томах. – С.-Петербург, 1903. – Т. I. – С. 163.

пиальная полемика. Впоследствии Лев Толстой, иронизировавший над «удальцами», «образовавшимися по Марлинскому и Лермонтову», своими «Казаками», а особенно «Рубкой леса», «Набегом» и «Хаджи-Муратом» снял экзото-романтизирующую визию Кавказа, дал – в контексте мирообъясняющих поисков личности – сурово реалистическую картину столкновения двух сил: стихийно-автохтонной и государственно-направленной, показал жуткую конкретность и подлые формы уничтожения целого самобытного мира (вспомним хотя бы сцены «плановых» воинских погромов и «победного» мародерства в «Хаджи-Мурате» и в «Набеге»).

Позволю себе процитировать лишь один пассаж из «Хаджи-Мурата»:

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной... Сын ... был проткнут штыком в спину... Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда было привезено еще два тела.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть...

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуживали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которые испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее нее. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Таковы плоды имперского «цивилизирования»!

Задуматься бы над кавказскими картинами Льва Толстого и нынешним громокипящим глорификаторам «штурма Грозного», и всем тем, кто естественный протест против государственно-цивилизаторского бандитизма (в прошлом и настоящем) и естественное сочувствие его жертвам запросто объясняет чьей-то «русофобией», напрочь снимая всякую потребность не то что в покаянии, но и в элементарном национальном стыде и национальной ответственности...

Разумеется, толстовская философская и моральная высота, и в этом случае, как и в других, оказалась труднодоступной.

Возвращаясь к вопросу о традициях освещения темы Кавказа в русской литературе, следует сказать, что в исторической перспективе наиболее продуктивной стала традиция «вневременной», словно бы очищенной от политических наслоений рецепции Кавказа, традиция лирико-философских рефлексий, вызванных созерцанием и переживанием кавказской природы как уникума мироздания, ее интимным «присвоением»; традиция своеобразного эстетического освоения Кавказа как необходимого дополнения русского духа; различных форм общения с поэтической душой Кавказа (вплоть до интенсивного переводческого подключения к поэтическому потенциалу кавказских народов, прежде всего грузинского и армянского, позже и других, включая и их фольклор). Но эта традиция (ее можно выводить от Пушкина, хотя он причастен и к имперско-государственнической) утвердится со временем, когда подсохнет кровь на русских дорогах к Кавказу, когда проблематичность русского владычества на Кавказе несколько призабудется и он займет стабильное место в русских геополитических конфигурациях и даже в «духовном космосе».

А в первой половине и в середине XIX ст. Кавказ еще был открытой раной, болевой точкой русского сознания и испытательным порогом великодержавнического самочувствия. Правда, идеопсихика большинства верноподданнических поэтов и литераторов (не только

русских, но также и малороссских) не была настроена на восприятие болевых сигналов такого рода; они вполне комфортно чувствовали себя в рутинном воинственно-патриотическом трансе. Вместе с тем глубоким имперским чувством была проникнута политическая лирика таких выдающихся талантов, как Державин, Жуковский, Тютчев, не говоря уже о Языкове, Хомякове и других, – они тему Кавказа воспринимали в контексте фатального для имперской России «восточного вопроса» и всемирной православной миссии России.

Намного сложнее все было у Пушкина. Ему тоже в высокой степени было свойственно «государственническое» самочувствие и мышление, но усложненное демократическим, политическим и гуманистическим моральным идеалом, широким диапазоном «всечеловеческой» восприимчивости, открытости и сопереживания (хотя в борьбе «государственничества» и «всечеловечества» часто побеждало первое – как, скажем, в реакции на польское восстание).

Как известно, первое пребывание опального Пушкина на Кавказе было непродолжительным, и, видимо, какого-то личного жизненного опыта он из него не вынес, разве что впечатление от самого циклопического явления Кавказа и экзотического быта горцев. Порожденные этим глубокое душевное волнение, могучий подъем и очарованность вылились в «байроническую» поэму «Кавказский пленник». Жизнь горцев тут лишь фон для условного романтического сюжета, но фон этот исключительно колоритен: как истинный художник, Пушкин был восхищен суровой пластикой горского быта и не мог не поддаться сугубо эстетической симпатии. Однако сумма экзотических и романтических настроений поэмы взорвалась в финале гордыней апофеоза державной силы и настоящей одой пламенным покорителям Кавказа поименно (среди них и истинные палачи по всем человеческим меркам, хотя Пушкин вряд ли знал их подлинное лицо), сущ-ностно дистанционированным от «холодного», разочарованного байронического героя поэмы:

И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Но се – Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись Кавказ: идет Ермолов!

(Впрочем, характеристика, по крайней мере, Котляревского заставляет предполагать, что Пушкин имел представление о сути происходящего, т.е. о способах действия его героев).

Вторую, более продолжительную свою поездку на Кавказ Пушкин описал в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Это развернутый дорожный очерк, густо насы-

щенный проницательными наблюдениями и размышлениями исторического, этнографического, житейского характера.

В гражданском измерении Пушкин остается человеком империи со всеми эмоциями удовлетворенного национального самолюбия, но и с великодушной приязнью к нерусскому миру; объективные характеристики горцев и отдельные существенные соображения о причинах их вражды к русским («Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены» – этот тезис будет нравственно углублен через три четверти столетия в «Хаджи-Мурате» Л.Толстого) – чередуются со специфически «кавказскими» колониальными стереотипами и довольно наивными советами касательно способов приручения горцев (от самовара до Библии).

Но есть один очень важный, скрытый аспект рецепции Кавказа у Пушкина. Имею в виду сильнодействующий эффект умолчания. Дело в том, что и официоз, и патриотическая публика ожидали от Пушкина воспевания геройств русского воинства и доблестных полководцев – хотя бы такого, как в эпилоге «Кавказского пленника». Но Пушкин на этот раз – наверное, ближе увидев реальность – красноречиво воздержался, вызвав понятное разочарование в соответствующих кругах. Декабрист А.А.Бестужев в письмах с Кавказа, упоминая дела, от которых «содрогнулись бы камни», ставал на защиту Пушкина от претензий «патриотов»: «…Пушкина напрасно упрекают за равнодушие к славе русских... Откуда взять вдохновение?.. Грустно...»

Разумеется, в отношении к горцам Пушкин оставался сыном своего времени. Он уважал их человеческое достоинство, восхищался их отвагой и чувством чести, любовался экзотической красотой и бытом. Но вопрос об их праве на независимое существование и собственную организацию общества для него не стоял – как для большинства образованных и гуманных европейцев той эпохи не стоял вопрос о правах африканских племен. В европоцентрической модели цивилизации самобытная культура горцев, имевшая древние корни и традицию, представлялась бесперспективной, рудиментом патриархального состояния, обреченной уступить место принесенному извне прогрессу. Субъектом цивилизирования должна была стать Россия, и Пушкина тревожило лишь одно: чтобы способы цивилизирования были помягче...

Тут я позволю себе сделать небольшое отступление – обратиться к одному историческому эпизоду, в котором как в метафоре или притче отразилась гротескная парадоксальность и трагикомическая нелепость расчета на душевное приручение покоряемого народа на основе отрицания за ним права быть самим собой, с вознаграждением в виде иллюзорных, пустообещанных благ цивилизации.

Ранее уже говорилось о том, что в кавказской армии служили – волей или неволей – и многие люди передового образа мыслей, в том числе и ссыльные декабристы и другие неблагонадежные или проштрафившиеся. Их положение было довольно двусмысленным: вроде бы и сочувствовали горцам, но приходилось, как и другим государевым воинам, убивать, разорять, жечь. Как успокоить свою совесть, как попытаться избежать резни? И вот что «учудил» один высокопоставленный чин, вольномыслие которого несколько отличалось от вольномыслия упоминавшихся выше «вольтерьянцев» типа Вельяминова, – послушаем:

«Генерал-адъютант граф Анреп, когда-то дерптский студент, человек высокообразованный и гуманист, с отличием служа на Кавказе, оставался верен своим студенческим идеалам и, считая войну бедствием и злом, происходящим от недоразумений между людьми, носил в своей душе убеждение, что проще всего следовало бы разрешить эти недоразумения путем мирного сближения. Он был уверен, что если бы, вместо экспедиций и набегов, мы решились проникнуть в горы в качестве миссионеров, всякие несогласия исчезли бы, непокорные племена спустились бы к нам в долины, не как враги, а как наши меньшие братья». И вот, взяв

своего адъютанта и переводчика, генерал Анреп, переодетый, как и его попутчики, горцем, явился в важный аул Анцух. «Велико было удивление анцухцев, когда в их ауле появились три неведомых и безоружных пришлеца. Переводчик дал понять, что они люди непростые и желают иметь объяснения с джама-том, то есть со сходкою старшин и стариков. Джамат собрался, и Анреп обратился к нему со своим словом увещания, смысл которого был в общих чертах следующий: «Для чего ведете вы против нас (! – *И.Дз.)* братоубийственную войну? Мы вам не враги, а самые близкие друзья. Мы хотим внести к вам цивилизацию, которой смысл есть ваше благо. Вы теперь бедны, мы вас обогатим и научим приобретать земные блага; помощь к этому мы вам окажем проложением к вам путей, устройством в среде вашей школ, в которых ваши дети будут научаться всем полезным ремеслам, открывающим доступ к благосостоянию. Подняв вашу культуру до своей, мы разделим с вами пользование теми естественными богатствами, которыми так щедро наделены горы и долины Кавказа. Сложите оружие, и мы его сложим – вместо войны навеки побратаемся и будем жить мирно».

Джамат внимательно выслушал эту речь и спросил оратора, кто они, пришлецы, и от чьего имени они говорят? Тогда Анреп открыл свое звание. Удивление сменилось полным недоверием.

«Как ты, генерал, командующий войсками царя и призванный вести с нами войну, являешься к нам с ее отрицанием? Значит, ты не только не выполняешь своей прямой миссии, но берешься за дело, совсем тебе не подходящее. Все это убеждает нас в том, что вы пришли или насмехаться над нами, или высмотреть наши позиции, или, наконец, мы видим перед собою людей безумных»[77].

Не правда ли: «непросвещенные» горцы мыслят глубже и проницательнее человеколюбивого генерала, видят насквозь то, на что он старается закрыть глаза, – суть царской политики, то вооруженное «ласкательство», «ласкательство» коварно-кровожадное, которое Тарас Шевченко выразил в словах, ставших крылатыми: «Тільки дайте себе в руки взяти» («Только дайтесь в руки нам»).

Увы, не мог знать прекраснодушный генерал, что весь его трогательный монолог уже предвосхищен и прокомментирован Тарасом Шевченко:

До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні! (...)
А зате! Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа як на те —
Одна Сибір неісходима,

[77] Бороздин К.А. Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. – С.-Петербург, 1885. – С. 113—115.

А тюрм, а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить.
Бо благоденствує!

К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют!

Приведенный выше эпизод из «Закавказских воспоминаний» К.А.Бороздина, при некоторой его анекдотичности, все же показателен: даже в царской администрации, на различных ее уровнях, и среди высоких воинских чинов (не говоря уже о низших чинах и рядовых: многие из них переходили к Шамилю и оказали ему заметную помощь, в частности, научая горцев обращению с новейшим русским оружием; это касается и солдат-поляков, сосланных на Кавказ), – были люди, которым претила или которых, по крайней мере, смущала бесчеловечность способов подавления горцев и которые испытывали моральный дискомфорт, будучи исполнителями жестокой политики.

Видимо, в непростом с нравственной точки зрения положении оказался на Кавказе и Александр Сергеевич Грибоедов, который много занимался его проблемами и как дипломат, способствуя укреплению позиций Российского государства на Кавказе и в Закавказье. В разные годы ему приходилось быть свидетелем «мятежей от введения нового порядка» «внутри новоприобретенных провинций» (в «Путешествии от Моздока до Тифлиса», написанном в 1818 г., он вспоминает о восстании в 1812 г. в Восточной Грузии, в Телави и Сигнахе; в трагедии «Грузинская ночь», являющейся обработкой грузинской легенды, звучат отголоски грузинско-российской борьбы:

«Как ринулся в мятеж ты против русской силы, // Укрыла я тебя живого от могилы», – говорит князю кормилица...).

Чрезвычайно интересная страничка русской «кавказианы» – стихотворение Грибоедова «Хищники на Чегеме». Его публикации в «Северной пчеле» 30 ноября 1826 г. было предпослано следующее «Примечание издателя»: «Прекрасное сие стихотворение, изображающее в

кратких словах дикую природу Кавказа и нравы необузданных его обитателей, написано во время похода противу горцев в октябре 1825 года, в становище близ Каменного моста на реке Малке. Вид надоблачных гор, гнезда хищнических, полудиких племен возбудили в воображении поэта мысль представить их в природном их характере, пирующих после битвы и грозными песнями прославляющих свои набеги и свои неприступные убежища... По нашему мнению, нет стихотворения, которое бы с такою силою и сжатостью слога, с такими местностями и с такою живостью воображения изображало бы, так сказать, характер Кавказа с нравами его жителей, как сие бесценное стихотворение».

Стихотворение – своеобразная триумфальная песня «хищников». Но какая!

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!
Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

(«Двувершинный» – Эльбрус; кстати, этот же мотив по-иному развил М.Лермонтов в знаменитом «Споре»).

Однако в публикации «Северной пчелы» была опущена – по цензурным соображениям – самая важная строфа, в которой горцы, свободные люди, с презрением то ли сожалением говорят о своих противниках (захваченных в плен русских), которые и дома – рабы своих господ, и дома – в плену:

Узникам удел обычный —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный.
В их земле и
Свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи!
в чуже – плен!

Эта строфа многое говорит о потайных мыслях Грибоедова, о горечи его дум о крепостном положении собственного народа.

И все-таки горцы для Грибоедова – удалые «хищники», которые «делят взятое ножом». О более глубокой сути происходящего, о том, что Кавказ – их земля и что они защищают ее от напора чужой силы – речи нет. Правомерность русской экспансии Грибоедов не ставил под сомнение. Но формы, которые она принимала, порой смущали его. Характерно, что и на-

циональный герой Ермолов, при всем преклонении перед этим сакрализованным именем, вызывает у него сложные чувства; в письме к С.Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. он пишет о Ермолове: «Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села...» Казалось бы, сама собой напрашивается весьма определенная нравственная оценка. Но ... читаем далее: «…Что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, премяг-ких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня нельзя в этом упрекнуть...» (в другом письме к Бегичеву Грибоедов приводит слова Аббаса-Мирзы, наместника персидского шаха, назвавшего Ермолова «новым Чингисханом»). Кстати, интересно сравнить грибоедовскую характеристику Ермолова с той самохарактеристикой, которую приписывает Ермолову А. Бестужев-Марлинский: «Я умышленно создал себе такую славу», – говорит Ермолов, – «нарочно облек себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя мое стерегло границы наши крепче цепей и крепостей, чтобы слово мое было для азиатцев верней, неизбежней смерти (...) С ними я, прямо из человеколюбия (!), бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены (...) На глазах моих не видят слезинки, когда я подписываю смертные приговоры, но сердце у меня обливается кровию!»[78]. Этот типический самооправдательный монолог рассентиментальничавшегося палача – вряд ли подлинные слова самого Ермолова; скорее всего это мелодраматическая стилизация самого Марлинского, усиливавшегося как-то согласовать свою загипнотизированность славой Ермолова со своим же видением его кровавых дел, – и сделавшего это в духе модной жутко-«романтической» колониальной легенды...

Как дипломат Грибоедов принадлежит к тем государственным людям, которые предпочитали бы «русское владычество на Кавказе» устанавливать на основе некоего упорядочения отношений с покоренными, на основе, как выражается сам Грибоедов, «правосудия» (будто оно существовало в самой России!); он сомневается в достаточности самих только, как теперь говорят, силовых методов; но голос человеколюбия звучит не очень громко и стушевывается перед соображениями государственной необходимости. Вот, к примеру, отрывок из письма к С.Н.Бегичеву от 7 декабря 1825 г., в котором так рельефно видны зигзаги мысли, пытающейся согласовать нравственное чувство с имперским интересом: «Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей (...) Имя Е(рмолова) еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню! Здесь война особенного рода – в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит».

Грибоедов был автором обширной «Записки об учреждении Российской Закавказской кампании» и проекта ее устава. Кампания должна была привлечь русский торговый капитал к использованию «природных средств края», ей предполагалось отвести земли, недра, «казенные сады» и т.д., чтобы «все произведения жарких климатов могли быть присвоены сему краю». Испрашивалось «позволение водворить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях»; подчеркивалось, что «коренным россиянам, любезным нашим соотечественникам, открыто будет новое, неизмеримое поле к огромным мануфактурным и торго-

[78] Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-нур. – Махачкала; Дагиздат, 1968. – С. 55.

вым предприятиям»[179]. Несмотря на всю привлекательность проекта для российских колонизаторов, он, как и многие другие, затерялся в дебрях российской бюрократии. Оперативностью отличались лишь, как теперь говорится, «силовые структуры».

...В 30-е годы XIX ст. в российском общественном сознании усиливается тенденция к более трезвой оценке кавказских событий. Появляются люди, приходящие к пониманию справедливости самозащиты горцев и дающие начало недвусмысленному осуждению царской экспансии на Кавказе. В литературе соответствующие настроения в той или иной мере проявились в произведениях А. Бестужева-Марлинского, А. Полежаева, М. Лермонтова, а позже – у Л. Толстого. (Пожалуй, именно Лев Толстой наиболее глубоко из всех русских авторов увидел Кавказскую войну не только как катастрофу туземного мира, но и как индикатор моральной ущербности русского общества. Но это будет уже гораздо позже.)

Для русской поэзии той поры (собственно, начиная от Грибоедова и Пушкина) характерно сильное акцентирование мотива горской вольницы. Очевидно, оно было непрямой формой протеста против крепостничества у себя дома, а эмоциональное сопереживание и красочное живописание этой вольницы – своеобразной компенсацией за рутину, серость и скуку регламентированного быта в царской России. Потому многие мечтали, а некоторые и рвались на Кавказ – там, вдали от «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей», можно было почувствовать себя более свободным человеком (так, по крайней мере, казалось, хотя «скрыться» там было немного шансов; известно, что даже за Александром Дюма, путешествовавшем по Кавказу в 1858 г., был учрежден тайный надзор).

Собственно, этот специфический интерес к Кавказу как отличному от России миру экзотической вольницы можно в известной мере сравнить с не менее обостренным интересом к Украине – в русской литературе конца XVIII – начала XIX столетия, с ее многочисленными «малороссийскими» путевыми очерками, повестями, романами, стихотворными произведениями. И тут, и там было много «клюквы», был и своеобразный «колониальный жанр», но были и основательные вещи, сохраняющие свое познавательное и «самохарактеристическое» значение.

Пожалуй, наиболее осведомленным о Кавказе из русских писателей был декабрист А. Бестужев-Марлинский. Попав на Кавказ из сибирской ссылки и состоя в действующей армии (отличившись, в частности, в обороне Дербентской крепости от отрядов Кази-Муллы), он занимался глубоким изучением не только быта и этнографии, но и истории, языков, отчасти социально-экономических отношений народов Кавказа. Для них он не видел иной перспективы, кроме как вхождение в состав России, но считал необходимым для русского общества изменить отношение к кавказским народам, познать этот своеобразный мир и проникнуться уважением к его наследию.

«Мы жалуемся, что нет у нас порядочных сведений о народах Кавказа», – говорит в одном из его рассказов офицер, побывавший в плену у горцев. – «Да кто же в том виноват, если не мы сами? Тридцать лет владеем всеми выходами из ущелий, тридцать лет опоясываем угорья стальною цепью штыков, и до сих пор офицеры наши, вместо полезных или, по крайней мере, занимательных известий, вывозили с Кавказа одни шашки, наговицы да пояски под чернью. Самые испытательные выучивались плясать лезгинку, но далее – ни зерна. В России я встретился с одним заслуженным штабс-офицером, который на все мои расспросы о Грузии, в которой терся он 12 лет, умел только отвечать, что там очень дешевы фазаны (...) Между тем никакой край мира не может быть столько нов для философа, для историка, для романтика. Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам,

[79] Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 505; 708; 366—367; 422; 626; 598; 501—518.

вратарям Кавказа, взглянуть в эту колыбель человечества, в эту чашу, от коей пролилась красота на все племена Европы и Азии... Не говорю даже как философ – но просто как русский, как солдат: познание Кавказа тесно связано с выгодами нашего отечества»[80].

Бестужев-Марлинский искал и находил дружбу с дагестанскими и азербайджанскими учеными и просветителями. На его «Письма из Дагестана» и другие произведения ссылались как на серьезные источники и немецкий исследователь Ф. Боденштедт, и русский востоковед И.Н.Берзин.

Но интерес к объективному познанию чуждого мира сочетался у Бестужева-Марлинского с темпераментной фантазией писателя-романтика, склонного, к тому же, к риторически возвышенному слогу, некоторое время модному, а потом даже осмеянному в русской критике. В повести «Амма-лат-бек» он изобразил горца – героического разбойника, справедливого мстителя, в духе шиллеровского Карла Мо-ора, в конце концов разочаровавшегося в своем пути и ставшего трагической жертвой человеческого коварства и собственной ошибки. Разумеется, подобный тип мог быть взят из действительности (предполагают даже существование реального прототипа) – ведь на Кавказе абрек нередко воспринимался именно как защитник угнетенных (подобно опришкам на Карпатах). Но под пером Бестужева-Марлинского – на сгущенном фоне острых страстей и головокружительных приключений – Аммалат-бек стал еще и романтическим философом, чуть ли не носителем мировой скорби европейского характера; его решение отказаться от борьбы с русскими – плод своеобразного философского кризиса, самодеятельного переосмысления места малых народов в общем миропорядке: они, дескать, не могут дать духовной всемирности; надобно приобщаться к горизонтам великих народов... Разумеется, многое в этом – от самого Марлинского, проекция его субъективности (хотя можно видеть в интеллектуальном насыщении образа (пусть и риторическом) и уважение к горцу, веру в возможность героя-горца духовно стать наравне с героем европейской литературы). Равным образом он субъектизировал – «байронизировал» и «философизировал» – и образ великодушно-бесшабашного русского офицера-удальца, содействовав созданию того романтического мифа о кавказских «потехах», над которыми так иронизировал Лев Толстой. Тут ему порой изменяло и нравственное чувство. Сошлюсь хотя бы на следующий пассаж из «Аммат-бека»: «Мы возвращаемся с главнокомандующим (Ермоловым. – *И.Дз.)* из похода в Акушу. Мы свое справили: Шах-Али-хан бежал в Персию; мы сожгли множество деревень, спалили сена, хлеб, покушали мятежнических баранов, и, наконец, когда снег согнал непокорных с вершин недоступных, они поклонились головою, дали заложников»[81]. Не правда ли: очень похоже на то, что мы читали в геройских хрониках полков и простодушных воспоминаниях карателей....

Немалой заслугой Бестужева-Марлинского была популяризация горского фольклора. Приведенные в «Аммалат-беке» «смертные песни» горцев вызвали восторг даже у беспощадного ниспровергателя Марлинского-беллетриста – самого Белинского, который писал: «В них так много чувства, так много оригинального, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими».

...Лермонтова как поэта сначала «привели» на Кавказ воспоминания детства, романтический тонус мирочувствования и тоска по грандиозному и необычному, потребность в величественном. С юношеских лет он грезил Кавказом, пел ему гимны и избирал его фоном для своих романтически-демонических фантазий. Это был условно-поэтический Кавказ, попасть на который стало своеобразной модой для разочарованных, байронических юношей. Но

[80] Русские повести и рассказы А. Марлинского. Ч. III. – С.-Петербург, 1837. – С. 167-168.
[81] Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-нур. – Махачкала: Дагиздат, 1968. – С. 50.

вскорости Лермонтову, уже как сосланному за политическую провинность офицеру, суждено было увидеть иной Кавказ – Кавказ как арену исторической драмы; Кавказ, превращенный в грандиозную бойню; Кавказ – место удовлетворения тщеславий, высвобождения атавистических инстинктов, добычи чинов, орденов, пенсий, карьер, богатств.

Нет оснований говорить о том, будто бы Лермонтов ни в коей мере не подпал под власть господствующих настроений, нравственного духа (нравственных асимметрий!) офицерской среды, ее профессионального этикета и фразеологии. В ряде его писем с Кавказа найдем и навязчивый профессиональный жаргон, и привычную браваду вокруг «горячих дел», кровавых «потех», трехзначных цифр жертв и пропахших кровью оврагов, да и неминуемое «романтическое» упоение личной охотой за лично избранным для смертельного преследования горцем. Но уже и здесь за стилизированной гусарской удалью угадываются тревога и растерянность.

Зато в поэзии, освобождаясь от языка окружения и от давления общественного автоматизма, становясь собой, он говорил по-иному:

...Уже затихло все, тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух..

...И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

По сути этот же вопрос – но в несколько ином аспекте – звучал и в более ранней поэме «Измаил-Бей», где черкес страстно упрекает пленного русского офицера:

За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно?
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?

Тут уже можно вспомнить знаменитое шевченковское: «Чурек і сакля – все твоє, воно не прошене, не дане...»

По крайней мере в одной памятной поэтической реплике Лермонтов сдернул убранство

гордости, патриотизма и молодецтва, которым украшал себя государственный разбой, и бросил резкий дневной свет на бандитский характер «романтики» колониальных походов:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты…
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...

Можно предположить, что такие инвективы производили впечатление, схожее с тем, что давали письма Сергея Ковалева из растерзанного самыми гуманными в мире бомбами Грозного зимой 1994 – 1995-го...

И тут снова вспоминается «Кавказ» Шевченко...

Отсюда уже был один шаг к тому, чтобы признать право горцев на защиту, на вооруженную борьбу, на свободу и независимость, отбрасывая официальные и народноополченские версии о «дикости», «разбое» и «измене» горцев. И фактически Лермонтов этот шаг сделал, впервые в истории русской не только поэзии, но и общественной мысли поменяв в классической для русской ментальности оппозиции: «Отечество» (Россия) – «враг» («немирные» горцы и непокорные народы вообще) – поменяв в этой сакральной оппозиции места субъектов на противоположные: «Врагом сыны отечества разбиты»: став на точку зрения горцев, высказавшись как бы от их имени.

Гражданский вес этого шага тем более велик, что Лермонтову пришлось восстать против стойких предубеждений и представлений своего общества и своей офицерско-дворянской касты.

С этой точки зрения Тарасу Шевченко было «легче»: он сам был сыном угнетенного народа, никакие предрассудки и барьеры не сдерживали и не извращали его сочувственного отношения к «инородцам». Его собственный народ сподобился такой же «заботы» царей, что и горцы: все было так знакомо, узнаваемо и предвидимо. И упорное самостояние его собственного народа, и вооруженное сопротивление горцев органически входили в его общую поэтическую картину и политическую концепцию борьбы человечества за свободу и справедливость.

Зато и пошел Шевченко дальше, чем кто-либо в тогдашней России и Европе, поднялся до такого всеобщего отрицания тирании, до такого «вживания» в беды другого, не блестяще-прославленного, как Греция или Испания (о неволе которых в разные времена много писалось: своего рода ритуал свободолюбия для европейских поэтов), а забытого Богом и людьми маленького народа; до такого понимания равенства народов перед Богом и совестью человечества, ответственности человечества и Бога за самый малый народ; до такого понимания его суверенности и незаменимости в мировом порядке вещей, – которые становятся кодексом человечества лишь в конце XX столетия, да и то лишь теоретическим, «вербальным» кодексом, вопреки которому деется ежедневно и в различных краях мира жестоко и цинично...

Статья вторая

Поэма «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории мировой литературы немного найдется примеров, чтобы поэтическое произведение полтора столетия не теряло своей политической злободневности и моральной остроты, звучало так, будто рождено болью за ны-

нешнее состояние человечества.

«Кавказ» стал свидетельством адекватного представления поэта о происходившем. Причем это было не только, так сказать, принципиальное знание на уровне целостного обра-зоосмысления природы российского царизма (это понятно: Украине уже пришлось выпить «з московської чаші московську отруту», и этот трагический опыт дал Шевченко такую прозорливость и четкость видения, такую силу предостерегающего слова к человечеству, к которым тогда не возвысился никто другой), – но и знание на конкретном информационном уровне: имею в виду историческую точность, ситуационную зримость, почти документальность многих подробностей колониального действа.

Поэма посвящена памяти художника Якова де Бальмена. Этот добрый приятель Шевченко, иллюстратор рукописного «Кобзаря» 1844 года (вскоре оказавшегося в числе улик против арестованного Шевченко) – хорошо известное лицо в его жизнеописаниях. И глубоко личный мотив, вызванный известием о его гибели на Кавказе, где он находился в составе русского экспедиционного корпуса, придал политической инвективе эмоциональную взрывчатость; но, в свою очередь, этот личный мотив, – что очень характерно для Шевченко вообще, – принял на себя мощный заряд более широких рефлексий и страстей национально-исторического и универсально-гуманистического характера.

Непосредственная боль потери доброго друга растравливается сознанием неправедности этой смерти – по сути невольничьей, за несправедливое, чужое, разбойное дело.

И тут начинает звучать один из дразнящих обертонов трагической темы украинской исторической судьбы: обреченность на служение врагу, обреченность на подвиги ради твоего врага, против врагов твоего врага. В этом случае речь шла о без вины виноватом, о безысходности доброго и честного человека:

І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролить
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!..

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украйну —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы![82]

Но это ведь лишь отдельный эпизод на маргинезе большого исторического экрана, заполненного – в других произведениях Шевченко – более зловещими сюжетами:

Так от як кров свою лили
Батьки за Москву і Варшаву,
І вам, синам, передали
Свої кайдани, свою славу![83]

Так вот как кровь пришлось отцам

[82] В переводе П.Антокольского идеологический эвфемизм: «Из царевой чаши царевой отравы». На самом деле: «Из московской чаши московской отравы». – *Авт.*

[83] Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. – Т. 1. – К., 1966. – С. 334.

Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу![84]

Тут следует сказать и о вольном или невольном украинском «вкладе» в кавказское миросвершение России. Имею в виду роль черноморского казачества, которое, собственно, и было создано (гением Екатерины II и Потемкина) из остатков запорожцев – как вспоможение русскому воинству в его кавказских освободительных трудах.

(Разумеется, такая же роль отводилась и русскому казачеству – донскому, позже созданному терскому. Александру II принадлежит четкая формулировка его роли: «Главное назначение казачества состоит в выполнении той цели, которую ставит перед собою российская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации, и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны, сверх того, являться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами». И еще: «Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагонамеренным племенам и заселять отнимаемые у них земли»[185]. Горький исторический парадокс: казачество, образовавшееся из людей, искавших свободы от крепостнического государства, было использовано этим государством в своих интересах, для подавления свободы других народов. Так были посеяны ядовитые и устойчивые семена межнациональной вражды. Жертвой имперской политики стало и украинское черноморье, кубанское казачество. «Черноморцы» хотели сохранить хотя бы в приспособленном виде запорожскую вольницу и дух своего народа, его традиции, – но империя имела на них свой расчет и постепенно его осуществляла.)

...Не имея уже причин сдерживать себя в издевательском отношении к «недобиткам» запорожского казачества, Екатерина II в 1790году, «генваря 10-го», назначила верного друга и погубителя Запорожья Грыцька Нечесу – князя Потемкина-Таврического великим гетьманом екатеринославских и черноморских казачьих войск.

Но вскорости «горестная потеря» – смерть светлейшего – поставила в неопределенность статус черноморского войска. Тогда, пишет историк, «войско отправило в Санкт--Петербург депутатом полковника Головатого для испроше-ния войску утвердительных грамот и определительного ме-стоводворения. Головатый, ходя от министра к министру и не получая ничего утвердительного, по веселонравию своему, будучи одарен природным умом и дальновидностью, речист, смел и храбр, проводил время более в остроумных шутках... Наконец предстал внезапно пред государыню императрицу в Летнем саду, весь в красном запорожском платье, вооруженный двумя пистолетами с лядункою и саблею, облитым серебром и золотом, и с обритою головою, упал на колени и с сокрушенным сердцем воскликнул: «Стій Мати!» Потом с душевным благоговением и слезами, навернувшимися на глаза, произнес следующую речь:

«Жизнедательным державного веления твоего словом перерожденный из неплодного бытия, верный черноморский Кош приемлет ныне дерзновение вознести благодарный глас свой святейшему величеству твоему, купно изглаголати благодарность сердцем его. Прийми оную, яко едино к тебе сохраненную, и буди нам прибежище, покров, радование, – та й годі!»

Императрица достойно оценила витиеватость и усердие прославленного малоросса, предоставила соответствующие грамоты и ритуальные подарки, подтвердила за черномор-

[84] Перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 262.

[85] Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец, 1929. – №4/6/. – С. 33, 34.

ским казачеством высокое звание «верного» и державно определила его функции: «Войску черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

Увы, как это ни прискорбно для нашего национального чувства, но надо признать, что высокое доверие всех московских «святейших величеств» черноморское войско оправдывало с честью. Достойнейшим были наградой слава, чины и почести. Вот, например, атаман Бурсак.

«5 июня 1800 г. отряд наш переправился за Кубань. Бурсак с конными казаками был командирован вперед и первый завязал дело с черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши действия. Подкрепляемый генералом Драшкевичем с пехотой, он сбил неприятеля с занятых им крепких позиций, смешал его, обратил в бегство и преследовал до самых гор. Отчаянное мужество черкес, к защите жилищ своих употребленное, было бесполезно. Отряд наш атаковал их со всех сторон, прогнал в ущелья гор, зажег три аула владельцев Аслан Гирея и брата его Девлета, взял в плен 20 человек, рогатого скота 1500 штук, 4000 овец, несколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно вернулся в свои пределы (...) Весь отбитой у черкес скот повелел государь император разделить войскам, участвовавшим в экспедиции».

Еще один эпизод. «Бурсак, пройдя всю ночь, на рассвете 30 числа (это уже в 1802 году. – *И.Дз.)* приблизился тихо к владениям князя Баджука и, приказав пешим не отставать, с конницею кинулся в аулы. Внезапное решительное нападение сие произведено с успехом: черкесы, не ожидавшие оного, пришли в чрезвычайное замешательство. Напрасно 300 полунагих наездников старались защитить свои жилища и прикрыть бегство семейств своих с имуществом в леса и горы. Бурсак мгновенно смял их, истребив на месте до 200 человек; он отрезал от леса бегущих и захватил в плен самого князя Баджука с его семейством и другими владельцами обоего пола до 25 душ, а узденей и прочих черкес с семействами до 600 душ; отбил рогатого скота 1158 штук, овец 2500 и часть лошадей (...) Государь император, усматривая из всеподданнейших донесений столь успешное действие наших войск против закубанцев, всемилостивейше благоволил наградить атамана Бурсака чином полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, верно, с особенным самоотвержением действовавшего против своих единоверцев, в подполковники; но и прочие, оказавшиеся достойными, не лишены высокомонарших милостей. Взятый скот, овец и лошадей повелено раздать войскам, бывшим в действии».

Надо сказать, что Черноморское казачество было очень удобным, профессионально в высшей степени пригодным для осуществления тех функций, которые царизм ему «делегировал». Особенно это касалось сугубо запорожского «рода войск» – так называемых пластунов. Послушаем еще историка.

«Бывшие в войске бездомки (сиромы), более приобвыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самой Кубанью в топких гнилых болотах, заросших густыми, непроходимыми камышами, и упражняясь там почти безвыходно звериною охотою, служили большою помощью кордонной страже. Сии бесстрашные воины названы пластунами. Неся всегда одежду легкую, сходственную с черкесскою, они отличались необыкновенным проворством, скоростью в своих движениях и действиях. Ружье и подсох (род копья. – *И.Дз.)* единственное их вооружение, а искусство в стрельбе составляет всю их славу. Верный глаз и твердая рука всегда гибельны неприятелю. Находясь беспрерывно в виду у горцев, они совершенно свыклись со всеми их хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всеми действиями неприятеля, они предугадывают его намерения, быстро извещают об оных кордоны и, притаясь в густоте камышей у самой переправы злодеев, первые встречают их своим губительным ружей-

ным огнем»[86].

Черноморское войско было и экономически выгодным царизму – дешевым, почти на самообеспечении. Его часто использовали как дармовую чернорабочую силу. Современник свидетельствует: «Черноморские казаки были у всех начальников в загоне и держались в черном теле. (...) Надобно правду сказать, начальство Черноморских казаков не только не протестовало против такой несправедливости, но находило в том свою выгоду»[87].

Трудно сказать, знал ли Шевченко во время написания поэмы о мере причастности Черноморского казачества к всероссийскому подвигу умиротворения Кавказа и стояло ли это малоприятное знание неким далеким фоном за его горькими словами о судьбе Якова де Бальмена. Но это, во всяком случае, не меняет объективной сути дела. «Не за Украину, а за її ката довелось пролить кров» черноморским казакам.

В европейской истории не одна Украина оказывалась в ситуации, когда сыновья народа служили угнетателю и отдавали жизнь за него, погибая или вынужденной, или «героической» смертью. В каждом отдельном случае такие ситуации возникали из своих особенных политических и житейских обстоятельств, имели свою особенную эмоциональную окраску; но общим для них было то, что они обнаруживали искаженность национальной судьбы и глубоко травмировали национальное чувство, хотя и не всегда «синхронно», а порой и с историческим «опозданием».

Скажем, в средние века не один сербский «юнак» (герой) побывал на турецкой службе. А на протяжении XVIII ст. Австрийская империя успешно использовала как своих верных ландскнехтов сербских воинов, поселенцев-«граничар», создавая вокруг них ореол героических защитников общей христианской родины, – с тем, чтобы как только угаснет турецкая угроза, «отблагодарить» их полным закрепощением.

Сербский парадокс нашел свое литературное отражение преимущественно позже, более всего в «Переселениях» («Сеобе») Милоша Црнянского. А вот простодушная экономическая практика немецких князьков XVIII ст., продававших свою молодежь в качестве пушечного мяса европейским монархам и тем сбалансировывавших свой бюджет, уже их современниками воспринималась как национальный позор.

У Шиллера этот мотив национального стыда и возмущения вовлекался в широкое демократическое осмысление всего положения немецкого народа; в «Коварстве и любви» он патетически звучит в мощном регистре разоблачения деспотизма и вырожденчества немецких князьков, в гуманистическом проекте переустройства национальной жизни.

У Тараса Шевченко нет прямой аналогии с таким вариантом темы наемничества, но некоторые ассоциативные связи могут возникнуть (вспомним хотя бы: «Як запродав гетьман//У ярмо християн...» или скорбные картины гибели украинских казаков на строительстве Петербурга, на канальских работах – по «разнарядке» Петра I). Вместе с тем у Шевченко имеем идеологически и этически масштабнее развитый мотив «дядьків отечества чужого» – добровольной службы трансформированной украинской элиты державе-угнетательнице: ее работы упырей своего народа, гробокопателей Украины.

Больше непосредственно схожего, вплоть до почти буквальных совпадений, у Шевченко с поэтом итальянского ри-сорджименто Джакомо Леопарди, к примеру, с его поэзией «На памятник Данте» или с одой «К Италии»:

Где сыновья твои?

[86] Туренко А.М. Исторические записки о войске черноморском // Киевская Старина. – 1887. – Март. – Т. XVIII. – С. 501; 502; 503; 726—727; 509.

[87] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский Архив. – 1883. – Кн. Ї. – С. 197—198.

...Италия, твои сыны
В чужих краях сражаются...
...За что сражаются, взгляни в тревоге,
Там юноши Италии? О боги,
Там за страну чужую
Италии клинки обнажены!
Несчастен тот, кто на полях войны
Не за отчизну пал,
Семейного не ради очага,
Но за чужой народ, *от* рук врага
Чужого...

(Перевод *Анны Ахматовой)*

...Как уже упоминалось, «Кавказ» написан осенью 1845 года – в ту знаменательную осень, которая дала нам еще и «Еретика», «Большое подземелье» («Великий льох»), «Стоит в селе Суботове...», «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание», «Псалмы Давида» – высокие взлеты Шевченкова гения, сгустки его бунтарской энергии, украинской боли и «иска» мировому порядку. На этой вдохновенной волне он не мог не написать «Кавказ», не мог остаться молчаливым свидетелем надругательства над целыми народами.

К этому времени после относительных неудач русских войск (походы 1841, 1842, 1843 годов) Николай I поставил перед ними задачу в кампании 1845 года переломить ход событий в свою пользу, лично дав обстоятельные инструкции. Сомнений в решительной победе не было. («Скажите Шамилю, что я сотру его в порошок», – будто бы так напутствовал Николай своих полководцев. – «Сие бахвальство привело лишь к одному эффекту: Шамиль рассмеялся»[88]. Вряд ли это простая выдумка А.Дюма: видимо, эта версия имела хождение в войсках.) Предпринятый по настоянию Николая Даргинский поход окончился позорным провалом, с огромными потерями для русской армии. Император не скрывал своего раздражения и требовал укрепить кавказский фронт десятками новых батальонов[89]. Но, с другой стороны, всем было понятно – как нам было понятно при виде истертого в пыль Грозного, – что силы слишком уж неравны («Бесконечные вереницы двигающихся с севера войск; место убитого солдата тотчас заменялось другим, и горцы недаром говорили: «Русские солдаты как трава: не успел скосить, после первого дождика новая выросла»[90]) и что грубый военный колосс, перед которым дрожит напуганная на столетия вперед Европа, рано или поздно растопчет народы Кавказа, осуществив лозунг Цицианова: «Или покоритесь, или сотритесь с лица земли»[91].

Смертоносное ожесточение освободителей не знало предела, и никакие жертвы не останавливали царских воевод. Во время штурма аула Ахульго, одной из резиденций Шамиля, предпринятого генералом Граббе в 1839 году, «русские потеряли у только что взятых укреплений 4 тысячи человек. (...) Сей день был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда еще не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся. Хрипение умирающих за-

[88] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 200.
[89] Русская Старина. – 1885. – Октябрь. – С. 209; 210.
[90] Зиссерман А. О князе Воронцове и Н.Н.Муравьеве // Русский Вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 89.
[91] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 26.

меняло ее»[92].

После окончания Крымской войны Россия сосредоточила все свои усилия на Кавказе. Туда была брошена более чем 200-тысячная армия. Военный министр Д.Милютин писал в своих воспоминаниях: «В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен нерегулярных; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных при 242 полевых орудьях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. руб.»[93].

Освободительная удавка стягивалась на горле Кавказа все туже.

Потому звучащее в финале «Кавказа»:

Тільки дайте
С вої сині гори
с остатнії... бо вже взяли
І поле, і море.

...Лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле, и море, —

отражало реальное видение поэтом фактического положения вещей.

И действительно, к этому времени Кавказская война уже входила в третью стадию. Если на первой (XV1II – начало XIX ст.) стратегической задачей российской армии было отрезать горцев от Черного моря и вытеснить их из долин в горы; если на второй стадии (20-е – 30-е годы) стратегия состояла в прокладывании укрепленных линий, которые дробили бы оставшуюся у горцев территорию и обеспечивали продвижение российских войск вглубь, – то на третьей стадии усилия направлялись на методическое сжатие кольца окружения со всех сторон.

При этом, как и раньше, применялась тактика выжженной земли: разрушение и сожжение аулов («поражать население и уничтожать аулы»[94]); захват стад скота и уничтожение посевов и запасов продовольствия («уничтожение хлебов и запасов»; «приказано было зажигать все запасы сена и зерна, которые встретятся на пути»[95]); вырубка и выжигание лесов («вырубали громадные пространства вековых лесов»[96]), – кстати, по свидетельству Льва Толстого, «... план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова»[97]. Тот же Вельяминов на своем богатом опыте пришел и к другому полководческому постижению: «Таковых народов оружием покорить невозможно...», а потому, изыскивая «средства ускорить покорение горцев», сделал вывод, что «голод есть одно из сильнейших к тому средств», предлагая и конкретный план реализации: «Средство сие состоит в истреблении полей. В первый раз оно было употреблено в прошедшем 1832 году, и теперь ясно видно, до какой степени изможденния доведены оным Чеченцы. Без ошибки можно кажется расчитывать, что горцы не в состо-

[92] Дюма А. Кавказ. – С. 59.
[93] Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С. 51.
[94] Волконский Н.А. Погром Чечни... // Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 46.
[95] Там же. С. – 2; 57.
[96] Зиссерман А. О князе Болконском и Н.Н.Муравьеве... // Русский вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 93. –
[97] Толстой Л. Собр. соч. в 20-ти томах. – Т.14. – М., 1964. – С. 96-97.

янии выдержать подобного истребления более пяти лет сряду; нужно только действовать на всем пространстве между Черным и Каспийским морями постоянно, т.е. каждый год, дабы довести их до крайности и поставить в необходимость покориться всем требованиям правительства». И далее: «Запретить горцам, как покорным, так и непокорным, покупать всякого рода жизненные потребности в Кавказской области...»[98]. И т.д.

Впрочем, всевозможные методы планового изуверства практиковались и после официального триумфального завершения Кавказской войны. Вот свидетельство одного из доблестных царских полководцев – в книге, соответствующий раздел которой носит красноречивое название: «О восстании на Кавказе. К восстанию в Терской области в 1877 году» – то есть описывает события, происшедшие более чем через десять лет после «окончательного усмирения» Кавказа: «Чтобы примерно наказать аул Зандак (он всегда пользовался влиянием), я с тремя батальонами выступил из Хасав-Юрта, с целью сжечь его, а также и посевы, и этим показать пример, как будут поступать со всеми аулами, которые примкнут к восстанию (...) К несчастью, приближаясь к аулу, я получил с нарочным телеграмму от командующего войсками, в которой передавалось распоряжение главнокомандующего аулов не разорять, так как это увеличит число абреков. Приказание было исполнено, но, по-моему, такой взгляд был ошибочен. Впоследствии, когда нам были развязаны руки и когда генерал Смекалов в Ичкерии находился в затруднительном положении, я, чтобы подать ему помощь, испросил телеграммой у командующего войсками, какой аул нужно уничтожить, и получил ответ: «желательно наказать аул Мискиты». Распустив слух, что иду жечь аул Зандак, я через два дня сжег аул Мискиты и возвратился по другой дороге на Герзель-аул, сделав распоряжение собрать старшин. Я объявил им: «Будет ли вас жечь Алибек, не знаю, но я беспощадно буду уничтожать всякий возмутившийся аул и мне это легко сделать, потому что вы никогда не будете знать, куда я иду»[99]. Комментарии, как говорится, излишни.

Но вместе с тем в 40-е – 50-е годы выходили на первый план и новые элементы стратегии: научно обоснованное коммуникационное освоение Кавказа и более интенсивное, чем прежде, обсаживание его казачьими и другими поселениями – по примеру славного Рима, столь уважаемого его самопровозглашенными преемниками: «В продолжение шестидесятилетней борьбы нашей на Кавказе, последовательное покорение различных частей этого гигантского гнездилища дикого изуверства и разбоя было плодом разработки путей через места, дотоле недоступные для войск, в совокупности с системою Казачьих поселений, хотя в измененной форме, напоминающих Римские постоянные лагеря»[100].

К традициям доблестных римлян апеллировал и выдающийся царский администратор и милитарный теоретик, в будущем военный министр России Д. Милютин, автор записки «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе» (1840 – 1841) и «Наставления к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов» (1843). Специальным предметом его раздумий были «средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам (изучение войн римлян во время империи, англичан с шотландцами и т.д.), средства колонизации»[101]. Честный царский генерал не знал выражения «бандформирования», с которым человечество входит в третье тысячелетие нашей эры, и простодушно исходил из того, что «народ обороняется сам»!

---

[98] Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. XXIV, XIX-XX, XXI.

[99] Дополнительные воспоминания севастопольца и кавказца 46 лет спустя. – Витебск, 1901. – С. 151.

[100] Бутурлин С. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России, с проектом сети сих путей, составленном в видах обороны империи. – Чтения... – 1865. – Кн. 4. – Р. I. – С. 2—3.

[101] Зайончковский П. Милютин Д.А. Биографический очерк // Дневник Д.А.Милютина. 1873—1875. – М., 1947. – Т. I. – С. 12.

На завоевание Кавказа империя бросила максимум своих милитарных, интеллектуальных, хозяйственных, колонизационных сил. В этих условиях солидарные призывы Тараса Шевченко к горцам питались не столько иллюзорными надеждами, сколько несмиримостью человеческой совести с торжествующим злом.

Однако могущественная империя имела в своем распоряжении достаточно средств, чтобы утверждать в собственных глазах и в глазах мира зло как добро. Она разжигала в русском обществе великодержавную гордыню и патриотизм шовинистического толка, делала ставку на монархическую одурманенность, политическую забитость и покорность массы, превознося именно эти качества как якобы знаки богоизбранности народа (не случайно этот мотив будет постоянно повторяться и в будущем: «Русский народ потому и владеет шестой частью земного шара, что этому убогому, бедному народу дано от Бога то, чего нет у многих более культурных племен: инстинкт государственности»[102].)

Особенная роль отводилась православной религии, долженствовавшей идеологически и духовно утвердить русское господство на Кавказе. Вслед за драгунскими отрядами шел православный батюшка, чтобы, по словам Ермолова, «умягчить сердца сих грубых и в заблуждении закоренелых людей»[103]. Специальная духовная комиссия занималась крещением горцев, прибегая к обману: им обещали, что крещеных освободят от крепостной зависимости и от налогов; когда же обман всплывал наружу и горцы восставали, их подавляли силой[104].

Царизм не останавливался и перед тем, чтобы религиозные ритуалы и само имя Божье использовать для оправдания и благословения кровавой войны, для освящения убийств и диких зверств. На кавказские фронты был мобилизован и тот резервный сверхъестественный феномен, который официально именовался «Русским Богом». О нем стоит поговорить отдельно.

В литературе формулу «Русского Бога» Патриотическая легенда связывала возникновение формулы «Русский Бог» с Мамаем, который будто бы после Куликовской битвы сказал: «Русский Бог... велик». Сначала в идею «Русского Бога» вкладывалось вполне понятное чувство благодарности за победу над Ордой, чувство Божьего заступничества. Но постепенно она трансформировалась в символ особенной, произвольно мотивированной заботы Бога специально о русском народе и его державе (не в пример другим!), в символ богоизбранности этого народа (а собственно – государства и императоров), а со временем – и в идею Божьего попустительства различным историческим фанабериям российских монархов.

Идея «Русского Бога» очень нравилась своим политическим удобством наибольшей русачке среди российских бого-помазанников – немке Екатерине II. Трогательный эпизод зафиксировал в своих дневниковых заметках ее статс-секретарь А.Храповицкий: «29 сентября 1792. При разборе почты сказывать изволили, что в Москве был разговор у крестьянина К.Т. (помещичьего. – *И.Дз.)* с крестьянином казенным. Кр(естьянин) каз(енный): «За что вашего барина сослали? – Крестьянин Т.: Сказывают, что искал другого Бога. – Крестьянин) каз(енный): Так он виноват: на что лучше Русского Бога?» Очень хвалили сие простосердечие»[105].

Во время Отечественной войны 1812 года «Русский Бог» не сходил со страниц прокламаций и патриотических лубков, что естественно.

В литературе формулу «Русского Бога» провозгласил В.Озеров в трагедии «Димитрий Донской». Потом в несколько скорригированном виде ее применял В.Жуковский, испытывая не то великую гордость, не то некоторое смущение от ее патриотически-богохульской чрезмерности: «Русский Бог, Святая Русь – подобных наименований Бога и Отечества, кажется,

[102] Чистяков П.С. Речи октябриста. 1905—1907. – С.-Петербург, 1907. – С. 64.
[103] Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В Очерки... – М., 1932. – С. 64.
[104] Там же.
[105] Памятные записки Храповицкого. – Чтения... – 1862. – Кн. 3. – Р. V. – С. 275.

ни один европейский народ не имеет»[106].

Образец яркой патриотической эксплуатации «Русского Бога» дал Николай Языков в публицистическом стихотворении «К ненашим» (вот откуда – из 1844-го года! – эта бессмертная «невзоровщина»):

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возглас!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!
Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!

Этот поэтический памфлет был направлен против Чаадаева и других русских «западников»; передовая русская общественность восприняла его как политический донос. Интересно, что еще двадцатью годами раньше известный своей независимостью Петр Вяземский дал совсем иную интерпретацию идеи «Русского Бога» в одноименном стихотворении:

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский Бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог метелей, Бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций, тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог голодных, Бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог грудей и ж... отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский Бог.
К глупым полн он благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,

[106] Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 томах. – С.-Петербург, 1902. – Т. X. – С. 121.

Вот он, вот он, русский Бог.
Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших на порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский Бог.

Конечно же, Петр Вяземский – скептик и гнилой либерал – не судия пламенным патриотам. Но и сами пламенные патриоты невольно отмечали пикантную специфику «Русского Бога» – его удивительную снисходительность к диким патриотическим фортелям и гибкость приспособления к практике российского начальства. Если верить властьимущим, то эта почти что заговорщическая солидарность с ними «их» Бога немало поспособствовала им и в кавказской мороке: «Велик ты, наш русский Бог, покровительствовавший нам даже в наших увлечениях и заблуждениях во время минувшей кавказской войны, кой-когда напоминавший нам поражениями о необходимости быть осмотрительнее, но долготерпеливый и милосердный до конца, несмотря на постоянные попытки многих наших генералов всегда и во всем искушать твою благость!»[107]

Мы уже приводили примеры этих «увлечений» и «искушений». Им несть числа. В них – сама суть освободительства.

«Штабс-капитан овладел аулом открытою силою и после упорного сопротивления сжег его. С десяток горцев убито, 8 взяты в плен; но казаки, как сказано в донесении, в пылу ожесточения сбросили их со скалы»[108].

«5 февраля отряд вторично выступил в поход и занялся истреблением неприятельских поселений. Чеченцы с своими семействами жили в лесу без всякого крова и страдали от холода. Видят они, что дело плохо, и стали просить прощения, обещая жить мирно. Генерал Ермолов прощал тех, кто добровольно покорялся, но зато селения тех жителей, которые сопротивлялись, были совершенно уничтожены»[109].

«Жители аула не сдавались в плен, а с яростью защищались и все погибли под штыками молодцов Апшеронцев. К вечеру весь аул был взят, а на другой день разрушен до основания»[110]; «…Все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали...»[111]. И т.д. и т.п.

Остается только напомнить, что все это – и кровь, и пожары, и жестокости, и насилие, и мародерство – пытались освятить христианской цивилизационной миссией и ... именем Бога.

«Торжественный гимн: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами Бог!» – закончил молебствие»[112].

(Позже против такого кощунства восстанет Лев Толстой: «Во всех солдатских помещениях висит прибитая к стене так называемая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым. Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Евангелия. Евангельские изречения приведены в подтверждение того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своих врагов: «сломался штык, бей кулаком, отказались кулаки, вцепись зубами». В заключение же «Памятки» сказано, что Бог есть генерал солдат: «Бог ваш генерал».

[107] Волконский Н.А. Погром Чечни... // Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 54.
[108] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. – Кн. 3. – С. 163.
[109] Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 156.
[110] Там же – С. 136.
[111] Волконский Н.А. Погром Чечни... – С. 14.
[112] История 44-го драгунского... полка... – Т. 3. – С.-Петербург, 1894. – С. 91.

Ничего очевиднее этой «Памятки» не доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которой дошли в наше время русские люди»[113]).

Между прочим: у российских импер-государственников и мессиански настроенной части общественности какое-то болезненно-маниакальное пристрастие: непременно связывать все свои разбои с именем Бога и Богоматери, самовольно оповещать Божье будто бы благословение на свои мерзкие делишки. Вот, например, один из птенцов гнезда Петрова, фельдмаршал Шереметьев, опустошив во время русско-шведской войны всю Лифляндию (факт несомненный, но прочно забытый везде, кроме, разумеется, самой Прибалтики), самозабвенно рапортует Петру: «Чиню тебе известно, что Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку... только и осталось целого места Пернов да Ревель... а то все запустошено и разорено в конец...»[114]. И Цицианов – как помните – клялся Богом в том, что будет жечь и вешать... Эти примеры можно было бы продолжать и продолжать.

В более облагороженном виде апелляцию к Божьему Промыслу в видах всяческого расширения империи и всемирного торжества московского православия найдем у ряда писателей и мыслителей православно-патриотического, мессианского толка.

К сожалению, и великий гуманист Достоевский в своих политических построениях допускал вещи, несколько несовместимые с его знаменитым постулатом о том, что все счастье человечества не стоит одной слезы невинного ребенка... Посудите сами:

«Осада была ужасная, и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво. Казанцы защищались как отчаянные, упорно, устойчиво, выносливо. Но вот взорвали подкопы и пустили толпы на приступ, – взяли Казань! Что ж, как поступил царь Иван Васильевич, войдя в Казань? Истребил ли ее жителей поголовно, как потом в Великом Новгороде, чтобы и впредь не мешали? Переселил ли казанцев куда-нибудь в степь, в Азию? Ничуть, даже ни одного татарчонка не выселили, все осталось по-прежнему, и геройские, столь опасные прежде казанцы присмирели навеки. Произошло же это самым простым и сообразным образом: только что овладели городом, как тотчас же и отслужили в Казани молебен, в первый раз с ее основания. Затем заложили православный храм, отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, – вот и все; и все это совершилось в один даже день. Немного спустя – и казанцы начали продавать нам халаты, еще немного – стали продавать и мыло. (Я думаю, что это произошло именно в таком порядке, то есть сперва халаты, а потом уж мыло). Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и тотчас так же должно кончиться бы и в Турции, если б пришла благая мысль уничтожить наконец этот калифат политически.

Во-первых, тотчас отслужили бы молебен в Святой Софии, – затем патриарх освятил бы вновь Софию; из Москвы, я думаю, в тот же день подошел бы колокол, султана бы вывезли куда следует, – и тем бы все кончилось (...) Прошло бы немного, и турки тотчас же принялись бы нам продавать халаты, а еще немного – и мыло, и может быть, даже лучше казанского»[115].

Что же удивительного, если и у современного публициста, воодушевленного роскошными картинами пожаров и руин чеченских городов и сел, видом сотен и тысяч трупов, возникает непреодолимое желание припасть благодарно к Спасителю и водрузить свечи перед образом, – не задумываясь, разумеется, о том, каково это Ему, Спасителю...

«Возвратясь из Чечни, на другой день утром я отправился в церковь преподобного Пимена, что в Сущеве. Обычно, войдя в храм, я беру три свечи, из которых одну ставлю на ка-

[113] Толстой Л.Н. О войне и военном деле. – Берлин: Издание Гуго Штейница. – 1902. – С. 29—30.
[114] Князьков С. Из прошлого русской земли. Ч. II. – М., 1909. – С. 90.
[115] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 23. – Л., 1981. – С. 120.

нун, одну – к празднику, а третью – как душа пожелает. Поставив в этот раз две первые свечи, я вышел в левый предел и замер перед образом Нерукотворного Спаса. Лик его был темен, но в свете уже горевших свеч, в белых остриях пламени я вспомнил явление мне иного, живого образа Нерукотворного Спаса, случившееся в тонком сне на подлете нашего самолета к Моздоку в первый день чеченской нашей кампании. Вдруг это чудо: небесная музыка, теплый, живительный свет, огромные спокойные глаза Спасителя. Он слегка приближался и словно дышал, был по-человечески живым.

Я забыл про это единственное в моей жизни явление и вспомнил лишь теперь, глядя на потемневший лик иконы в церкви преподобного Пимена.

— Господи, у нас нет врагов, – проговорил я сердцем, ставя свечу перед Образом, – и потому мы вправе сказать себе так: нам нужна победа!»[116]

Кощунство стало привычным, его не замечали и не замечают: ведь оно продолжается и сегодня – снова в Чечню на танках везут иконы, и чиновные златоусты, наскоро умыв ручки, ставят свечи перед образом Богоматери.

Но Шевченко никогда не мог с ним смириться. Во всем его творчестве находим неудержимо острую реакцию на это фарисейство, на это принципиальное подчинение человеческой веры и совести державной политике, потребностям начальства; на это циничное низведение Бога к роли стратегического покровителя деспотизма. В «Кавказе» это сквозной разоблачительный мотив:

За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар
Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!

Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом Твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями,
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!..

Это, так сказать, фактологический уровень темы – разоблачение фундаментального лицемерия огосударствленной, уворованной у Бога церкви, поставленной на службу системе тотального обмана и разбоя. Однако это лишь обертон более широкого и глубокого обвинения – фарисейскому и по сути дехристианизированному обществу. А это, в свою очередь, обертон главного мотива: слова к самому Богу, требовательного обращения к Нему с вечными вопросами – о несоответствии мира Божьему замыслу, то ли о неясности этого замысла, и почему Он терпит искажение Своего образа, и доколь будет терпеть неправду и глумление над Собой. И хотя Шевченко с горечью оговаривается: «Не нам на прю с Тобою стати!» – он по сути стает на прю с Богом, но не как оппонент, не как отложившийся от Бога, а как тот, кто Ним живет, кто мерит Его Ним же – неизмеримой мерой, кто возвращает Ему Его собственные глаголы:

[116] Васильев Л. Нам нужна победа: Заметки о Грозном // Москва. – 1995. – Июль. – С.123

Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!
Нам тілько плакать, плакать, плакать
І хліб насущний замісить
Кривавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Кровавії ріки!

Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать.
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется? И когда
Ты ляжешь Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока – струятся реки,
Кровавые реки!

Тут видим, как человеческая мысль, страсть и совесть мучаются среди противостояния двух невозможностей: невозможности примириться с неблагой реальностью Божьего мира и невозможности выйти из этой реальности помимо Бога, без Его «духа живого».

И хотя все Шевченковы сомнения, попреки и терзания остаются в рамках христианской веры и больше не к кому ему обратиться, как только к Богу, – все-таки отмеченные выше претензии к православной практике и сакралитету небезотносительны и к самим библейским догматам:

...У нас
Святую Біблію читає
Святий чернець і научає,
Що цар якийсь-то свиніі пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі!..

...У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пускают в рай!

Видимо, этот полемический мотив возник у Шевченко как эмоциональный (и моральный) протест против использования идеи христианства для политического гегемонизма, навязывания образа христианского мира как будто бы высшего, более праведного и чистого по сравнению с другими, в частности мусульманским, языческим, «примитивным». Ведь такая «христоцентрическая», «евроцентрическая» установка была стержневой составляющей всех имперских версий о «диких», не просветленных христианской верой народах (в том числе и кавказских), подлежащих насильственной эмансипации и цивилизированию...

Только «христианским» высокомерием и колонизаторским невежеством или колонизаторским злоумышлением можно объяснить имперские догматы о «дикости» народов Кавказа, в частности Северного Кавказа. На самом деле они были наследниками древних культур. Даже если культуру сводить к ее письменным формам (неправомерный, но популярный подход), то и тогда народы Северного Кавказа далеко не были «дикими». Вайнахи (чеченцы, ингуши, бацбийцы), абхазо-адыги (абхазы, абазинцы, убыхи, кабардинцы, черкесы, адыгейцы), дагестанские племена (аварцы, кумыки, лаки, лезгины, таты, даргинцы и др.) были аборигенами Кавказа и жили там еще несколько тысячелетий тому назад. В античные времена они (прежде всего абхазо-адыги) испытывали влияние эллинов, и в свою очередь эллины переняли немало элементов культуры и мифологии этих кавказских племен. Фольклор адыгов сохранил свидетельства об их контактах с предками восточных славян – антами, а позже с Киевской Русью. С другой стороны, наши летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) говорят о «касогах» (адыгах), в «Слове о полку Игореве» фигурируют «полки касожские».

В IX – X ст. на территории нынешнего Дагестана развивается арабоязычная литература, которая получает широкую известность на средневековом Востоке. Дербент был одним из значительных центров этой средневековой культуры Востока.

Общественное и культурное развитие народов Кавказа прервало нашествие Чингисхана. Потом тяжелые удары наносили им турецкая и персидская экспансии, захватнические войны царизма. В этих тяжелых условиях, скажем, адыги трижды начинали создание собственной письменности (XI ст., XVI ст., XIX ст.) Первые записи на аварском языке датиру-

ются 1467 годом, даргинском – 1507[117]. Из-за исторических обстоятельств национальные алфавиты у народов Северного Кавказа тогда не прижились. Зато большого распространения достигла арабская письменность. Проникали сюда и произведения Фирдоуси, Джами, Гафиза, Саади, Низами...

Академик И. Крачковский отмечал, что вторая волна распространения арабской культуры на Северном Кавказе, нараставшая с XVI ст., создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, в меньшей степени в Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке[118].

Вместе с тем народы Северного Кавказа, в частности Дагестана, дали немало ученых арабской науке, богословию и письменности.

Но наиболее ценными жемчужинами в духовном наследии кавказских народов были шедевры их чрезвычайно богатого и разветвленного фольклора; большое место в их традиционной культуре занимали и импровизации талантливых народных поэтов.

Это – духовный аспект «дикости». А теперь – экономический, хозяйственный.

До покорения Кавказа тут существовала «блестящая черкесская культура», о которой английский путешественник Спенсер писал в 1837 г.: «С первого же момента, когда открылись передо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел мои самые пылкие представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве...»[119].

«Затем... – деликатно комментирует русский исследователь, поставив выразительное троеточие, – горская культура исчезла...»[120].

Горские племена одни были уничтожены, другие – загнаны в заоблачные горы («С того времени, как край был завоеван русскими войсками, коренное горское население вытеснено из него и лишено права пользования землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушке-казне»[121]); третьи в результате совместных усилий армии и дипломатии вынуждены были переселиться в Турцию (вот один из примеров: «…часть долины р. Мзмыты с прилегающими к ней склонами была заселена славившимися как лучшие пчеловоды и садоводы горскими племенами, которые в 1864 г. вынуждены были эмигрировать в Турцию»[122]).

В результате умиротворения было достигнуто то идеальное состояние, формулу которого позже дал Салтыков-Щедрин: «Народ нет, помпадур есть – чисто!»

Следующим этапом стало «заселение, устроение и оживление Кавказа».

Лучшие земли раздавались «петербургским генералам»[123]; «много земель было пожаловано разным лицам преимущественно из числа героев кавказской войны»[124]; наконец, участки помельче раздавались переселенцам – «опять таким же пришлым людям, не знающим местных условий, не живущим здесь и не могущим и не желающим лично работать над

---

[117] Саидов М.-С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. – Вып. I. – Махачкала, 1948. – С. 137.

[118] Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. – М. – Л., 1960. – Т. 6. – С. 612.

[119] Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа // Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. I. – 1903. – Октябрь. – С. 378.

[120] Там же. – С. 379.

[121] Л.С.Личков. Очерки... // Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь. – С. 580.

[122] Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 1. – 1903. – Октябрь. – С. 383.

[123] Там же. – С. 381.

[124] Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь. – С. 581.

местной культурой»[125].

В результате – «там, где у горцев были пастбища и прекрасный скот, там теперь ни пройти, ни проехать, где были их фруктовые сады, там теперь дичь и живут кабаны и медведи»[126].

В исследованиях И.Клингена «Основы хозяйства в Сочинском округе» (С.-Петербург, 1897), С.Васюкова «Край гордой красоты» (С.-Петербург, 1902) и других находим поразительные факты деградации хозяйственной культуры Кавказа в условиях колонизации.

«Пришли русские, и страна, имевшая более 2000-летнюю древность, опустела», – цитирует С.Васюков из работы проф. Пастернацкого «Климатические пункты на Черноморском побережье»[127].

Мало оптимизма и у И. Клингена: «Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищной творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытом и сильной рукой аборигена. 60 лет употребила русская армия для того, чтобы ценой невероятных страданий, усилиями неслыханного героизма, завоевать нам эту страну. Сотни миллионов рублей затрачены, сотни тысяч жизней загублены, а теперь эту страну снова нужно брать с бою, как в то первобытное время, когда еще в ней не было человека»[128].

Как тут не вспомнить то, что несколько раньше писал Василий Каразин Адаму Чарторыйскому – о Крыме: «…После стольких истраченных миллионов и пролития столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже неприятельской» – покорили Крым, но «превратили в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какою он был у турок»[129].

(Кстати, и переселение на Кавказ колонистов очень часто осуществлялось насильственными методами, было выселением с родных мест масс людей. Документы свидетельствуют о сопротивлении и волнениях среди принудительно переселяемых казаков. Вот обращение к властям казаков станиц Старо-Щербиновской и Комеловской в 1861 году: «При таких условиях и чувствуя, что не заслужили тягостного для нас настоящего определения, мы не можем вообразить без душевного содрогания, каким образом мы, жены, дети должны бросить все наше достояние и в виду брошенных домов, поднявшись, другие без средств, итти на новое поселение, не представляющее для нас лучшей будущности». С тем же обращались и другие станицы: «…Мы со слезами умоляем милостное начальство оставить переселение нас по назначению, чем мы, оставаясь нераздельно с нашей собственностью, можем успокоить рыдающее семейство»[130].)

(Интересно, что из подобных и других наблюдений, сделанных во время поездки по России и Кавказу, Александр Дюма-отец сделал более широкие – историософские и «футурологические» – выводы: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожать. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять – тем более при современном уровне цивилизации и культуры – эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного.

---

[125] Там же. – Т. LXXXIII. – Кн. 1. – 1903. – Октябрь. – С. 380.

[126] Васюков С.Н. Край гордой красоты. – С.-Петербург, 1902. – С. 107.

[127] Там же. – С. 137.

[128] Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. – С.-Петербург, 1897. – С. 3.

[129] Каразин В.Н. Письмо к Адаму Чарторыйскому // Русская Старина, 1871. – Т.3. – С. 707-708.

[130] Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе //Революция и горец, 1929, №5/7/. – С. 33; 34.

В один прекрасный день Россия покорит Константинополь – это неизбежно. Белая раса всегда более склонна к постоянному завоеванию – у темнокожих это стремление является кратковременным импульсом, случайной реакцией. Захватив Константинополь, Россия развалится не как Римская империя на множество частей, а на четыре части, четыре территории.

Северная империя останется подлинно российской государственностью.

На западе сформируется Польша со столицей в Варшаве.

Южная часть со столицей в Тифлисе включит в себя Кавказ, а восточная империя вместит в себя западную и восточную Сибирь» [131].)

...Так что и в гротескных по видимости формулах имперского мироустройства, «христианского» цивилизаторства саркастические филиппики Шевченко были не только метафорически глубоки и емки, но и конкретно мотивированы, точны под углом видения соответствующих процессов, на документальном уровне картины истории:

До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
...Ви ще темні,
Святим хрестом не просвіщенні,
У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забери!
У нас! чого то ми не вмієм?
І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.
Просвітились! та ще й хочем
Других просвітити,
Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям!..
Все покажем! тілько дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми мурувати,
Кайдани кувати,
Як і носить!., і як плести
Кнути узловаті, —
Всьому навчим...

К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем...
...Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.
Но мы научим вас!..Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,

[131] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси; Мерани, 1988. – С.149.

Да и родню всю проводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных, но – простых.
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим,
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плесть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете...

С немыслимой у других его современников смелостью и категоричностью отбросил Шевченко все общественно-обязательные критерии из арсенала непрошенного цивилизаторства, государственной целесообразности, патриотизма, национальной и религиозной миссии – и, введя «человеческое измерение», оставил один критерий: человеческая свобода и человеческая жизнь. И в его свете какой чудовищной и кровавой предстала вся «героика» Кавказской войны, вкупе с гусарскими «жаркими делами», каким лицемерным и преступным – режим «богопомазанных» монархов и они сами:

За горами гори хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і Голу

Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Пролитих тайно серед ночі!
А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих,
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!
Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось – вплоть до воли, —
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки – море разлилось,
Пылающее море! Слава,
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!

Метафора: «огненное море» слез и крови – девичьих, материнских, отцовских – не родилась как эмоциональная гипербола. За нею – то человеческое горе, которое Шевченко видел и сопереживал. Хотя «похоронок» – изобретения советского – тогда не было, но сведения об утратах, о гибели сыновей быстро доходили до родителей: газеты и различные местные ведомости давали регулярно списки жертв, по крайней мере офицеров – практика конца XX ст., практика сбрасывания в ущелья и тайных захоронений «пропавших без вести» тогда еще была в зачаточном состоянии: одно из несовершенств той империи.

А жертвы по тогдашним масштабам были ужасные. В войнах с горцами российские потери намного превосходили количество жертв, понесенных во всех войнах XIX столетия с Турцией и Персией!

Вот соответствующие цифры. Общие потери во всех войнах России на Кавказе и в Закавказье составляли: офицеров – 1217 убитых, 4786 раненых, 138 пленных; «нижних чинов» – 36634 убитых, 97717 раненых, 8663 пленных. Из них в войнах с горцами: офицеров – 804 убитых, 3154 раненых, 92 пленных; «нижних чинов – 24143 убитых, 61971 раненых, 5915 пленных. Исследователь добавляет: «Из числа раненых значительное число умерло от ран»[132]. Как видим, войны с горцами были ожесточеннее и кровопролитнее «обычных», с регулярным войском других держав.

Трудно сказать, насколько исчерпывающи эти цифры. Назывались и другие. Так, одна лишь ранее упоминавшаяся Даргинская операция, по официальным данным, стоила царской армии 3 генералов, 186 офицеров и 3433 солдат. «Несомненно, цифры сильно уменьшены, – комментирует исследователь. – Фадеев (участник войны, генерал-майор, историк и публицист. – *И.Дз.),* например, считает потери равными 5 тысячам человек, а горцы исчисляют потери русских в 13 тысяч человек. Тем не менее полный провал экспедиции не помешал Во-

[132] Гизетти А. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801 – 1885. – Тифлис, 1901. – С. II; III.

ронцову получить за нее княжеский титул»[133].

В одной из статей Н.Г. Чернышевского, написанной в виду окончания (очередного) Кавказской войны, читаем: «Теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 тысяч русских солдат»[134].

Во время поездки по Кавказу Александр Дюма был поражен обилием могил: «…Христианский крест и татарский могильный камень так часто встречаются по дороге, что все пространство от Кизляра до Дербента похоже на обширное кладбище. А там, где их нет, как например, от Хасав-Юрта до Чир-Юрта, опасность так велика, что никто не осмелится пойти туда рыть могилы для убитых или поставить над ними крест. Там тела оставляются на пищу шакалам и коршунам; там человеческие кости белеют посреди скелетов лошадей и верблюдов»[135].

...Тарас Шевченко сказал все это – и гораздо больше – за десяток с лишним лет до Александра Дюма. На десяток с лишним лет раньше Чернышевского, Добролюбова, Толстого. Гораздо раньше и гораздо больше, дойдя до универсальных выводов о «тюрьме народов» и несовместимости ее с самим принципом жизни не то что с какими-то моральными понятиями. От адекватного видения трагического эпизода истории, от сопричастия к судьбе уничтожаемых народов он приходил к универсальному уровню осмысления проблемы свободы как адеквата жизни и бытия в ней всех народов, и его «Кавказ»— зов к человечеству и Богу о мировой справедливости.

Вот почему слово Тараса Шевченко нашло дорогу к сердцам всех угнетенных народов, вот почему его так любят на Кавказе и даже выделяют посреди других дружественных голосов.

Классик грузинской литературы Константинэ Гамсахурдия писал:

«Когда-то Лев Толстой дал достойный ответ тем сочинителям, что повсюду искали «разбойников».

Кто же разбойник? Тот, кто вооружившись до зубов, идет за тридевять земель разорять чужие очаги, или тот, кто берется за оружие, чтоб защитить своих малолетних ребят?

Великий украинский поэт Тарас Шевченко глубоко сочувствовал движению 1800-1870 годов, мощно противостоявшему варварской экспансии Романовых. В своем стихотворении «Кавказ» он братски приветствовал мятежников Северного Кавказа, с несравненным мастерством изобличая завоевателей, прикрывающихся личиной «защитников цивилизации и христианства»[136].

Приведу для примера сравнение Шевченко и Пушкина в их отношении к Кавказу и борьбе кавказских народов – в статье Ислама Карачайлы «Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С.Пушкина», написанной и опубликованной в то время, когда и о Пушкине можно было «сметь свое суждение иметь»:

«Для нас никогда не было полного, ничем не отравленного наслаждения от пушкинской музы». Автор статьи с глубоким уважением говорит о пушкинском гении, восхищается великолепием его поэзии, но в то же время с горечью отмечает, что «с другой стороны, – Пушкин это ведь тот, который в поэзии узаконил кавказскую войну, то есть самое беспощадное, самое возмутительное, варварское, организованное истребление горцев». И тут же возникает сравнение с Шевченко: «Поразительно, в то же время, что в противовес поэту-помещику, поэту-дворянину, поэт, выкупленный из крепостной зависимости, из рабства – Тарас Шевченко, воспел борьбу горцев в своей замечательной поэме «Кавказ», которая дол-

[133] Кровяков Н. Шамиль. Грозный: Чеченгосиздат, 1941. – С. 58.
[134] Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч. В 15 т. – Т. 14. – С. 381.
[135] Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 56.
[136] Гамсахурдия К. Собрание сочинений в 8 томах. – Том 7-8. – Тбилиси, 1981, – С. 301.

гое время находилась под цензурным запретом. В этой поэме, написанной в 1845 году, поэт-крепостной отдает горским народам свои симпатии без остатка в их борьбе с царской крепостнической Россией, попутно вскрывая ложь, лицемерие и противоречие таких ярлыков, как ... «христианство, «православие», «цивилизация» и т.п., которые обычно предназначаются для того, чтобы пыль пустить в глаза, надуть легковерных. В то время, как Шевченко, «мужицкий поэт», с болью и обидой подчеркивал щемящую душу картину национального гнета, при которой на всей необъятной территории России:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит, —

в это время – Пушкин не замечал национального гнета, безмерно-великой трагедии племен, истребление которых поэт благословил, ибо нигде нет ни полунамека, говорящего о его порицании этой бойни»[137].

Разумеется, это суждение не вполне корректно. Автор не учитывает изменения взглядов Пушкина на Кавказ и кавказские народы, о чем мы выше говорили. И мы привели это высказывание (в своем роде характерное) не для того, чтобы противопоставить двух поэтов, а для того, чтобы показать, как в среде кавказской интеллигенции (до ее истребления) воспринималась объективная разница между ними, разница в «чувстве» Кавказа и судьбы его народов...

...Следует сказать еще о качественном отличии «Кавказа» Шевченко от других произведений европейских литератур, представлявших реакцию гуманистической личности на насилие над чужими народами.

Шевченко подал голос в защиту «малых», «неисторических», «нецивилизированных» народов – в европейской поэзии того времени этой темы как сферы свободолюбивой мысли еще не существовало в концептуальном плане. Очень популярной была тема – но это совсем иное! – освободительной борьбы греков против Турции; она породила яркую традицию в политической лирике многих европейских литератур. Тут был неисчерпаемый источник для романтического вдохновения, для взлетов гуманистического духа, взлелеянного на ценностях античной культуры и отмеченных глубокой личной причастностью к «сердцу ойкумены». На эти благородные переживания наслаивались еще представления (отчасти мифологизированные) об измывательстве мусульман над христианами (уже само господство мусульманской Турции над христианской Грецией воспринималось как надругательство – для христианского гуманистического сознания). Таким же образом симпатии и моральный и интеллектуальный резонанс вызывала освободительная борьба итальянцев, испанцев, поляков, мадьяр...

Во всех этих случаях поэтов вдохновлял образ (или миф) исключительного, необычайного своей историей, своим вкладом в культуру и своими страданиями, почти что богоизбранного, почти что мессианского народа, который угнетен варварской силой и без свободы которого не может быть свободы в Европе, спокойствия совести для европейского интеллигента.

Совершенно по-иному обстояло дело с народами Северного Кавказа. В отношении их сложился и получил распространение миф противоположного характера: нецивилизиро-ванные племена, самобытное существование которых лишено перспективы и общечеловеческой ценности и которые должна будет взять на цивилизационный буксир одна из «великих» наций.

[137] Карачайлы И. Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С. Пушкина. (К 130-летию со дня рождения.) // Революция и горец. – 1929, №5-7. – С. 48—49.

Стойкие стереотипы имели хождение не только среди российских обывателей, но и в прессе, в научно-популярной литературе, даже в некоторых публикациях, претендовавших на «ученость».

«Абхазцы природные разбойники», «лживы», «ленивы»; «Осетины вообще крайне ленивы и медлительны. Проявляются между ними и разбойники, но это редко – чаще проявляются у них воры»; «Черкесы по своей природе убийцы, воры и разбойники», «Ингуши – первые мошенники»; «Карачаевцы страшные лентяи и трусливые воры» – длинный набор подобных «научных» определений привел в свое время в журнале «Революция и горец» Гурген Левонян – в статье под красноречивым заглавием «Страна «разбойников» или литературная халтура?» В ней он, в частности, писал:

«Кровопролитные войны Дагестана и Чечни за свою независимость, в течение всей первой половины прошлого века, и славная эпопея неравной борьбы всех горских народов с наступавшим тогда на юг российским самодержавием, – естественно, должны были вызвать в русском обществе живейший интерес к Кавказу и его аборигенам.

Но Кавказ был неведомой и неисследованной страной, о которой можно было составить понятие только по сильно прикрашиваемым рассказам возвращавшихся с походов русских воинов, да по некоторым немногочисленным художественным произведениям, насквозь пропитанным романтизмом. Но, конечно, оба эти источника были односторонни и поверхностны. Они воспевали живописные горы и ущелья Кавказа; передавали детали «кровавых схваток» с туземцами, отстаивавшими свои родные аулы; говорили о ловкости и неуязвимости кавказских джигитов и т.д. Но реальный Кавказ и его народы, переживавшие в борьбе глубокие хозяйственные потрясения, а впоследствии изнывавшие под двойным гнетом царской власти и собственных князей, феодалов, богачей и офицерства, оставались вне поля зрения русского общества»[138].

Можно возразить автору и сослаться на труды кавказских просветителей Шоры Ногмова, Султана Хан-Гирея, Казн Атажукина и других, писавших и по-русски; русских исследователей Ад.П.Берже, Е.З.Баранова, П.И.Головинского, В.Ф.Миллера и других; украинца Н.Гулака, друга Шевченко; на труды Абиха, Радде, П.Услара, Н.Марра (позже). Но не они определяли знания и представления широкой общественности о Кавказе: господствовал тот поток «халтуры», часто злостной, о которой и говорил Гурген Левонян.

Поверхностность и произвольность преобладала и в писаниях зарубежных авторов (хотя было и немало добросовестных из числа иностранных путешественников: Г.Ю. Клапрот, Р. Скасси, Р. Лайэл, И.Ф. Бларамберг, М. Вагнер, К. Кох, Ж. Тэбу де Мариньи, Ф. Дюбуа де Монпере и др.; интересные сведения о народах Кавказа собраны в составленной В.К. Гардановым книге «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.» – Нальчик 1974).

Но опять же – все это оставалось для широкой европейской общественности тайной за семью печатями, и она жила совсем другими представлениями. (И в литературе разве что один Дюма захотел и сумел углубиться в проблематику бытия кавказских народов, и, балансируя между лояльностью и учтивостью гостя, с одной стороны, а нелицеприятием и достоинством литературного метра с другой, – много сказал. Хотя еще до поездки Дюма в 1854 году в Париже была поставлена пьеса Поля Мериса «Шамиль».)

Поэтому в европейской прессе кавказские войны обсуждались преимущественно под углом зрения англо-русско-турецко-персидских отношений, в контексте так называемого «восточного вопроса» (о судьбе наследия «больного человека» – Османской империи, о Босфоре и Дарданеллах, о Константинополе); кавказские народы воспринимались скорее как

[138] Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. – 1929. – №1-2 (3-4). – С. 52; 55.

объект, а не как субъект истории.

Такая цивилизационная глухота имела универсальный характер – сентиментальное увлечение «экзотическими» племенами (если это не наталкивалось на прямой колониальный интерес или противостояло чужому колониальному интересу) по большей части спокойнехонько уживалось с убеждением в том, что они не являются носителями каких-то общечеловеческих ценностей и перспектив. Не меняет сути дела и то, что в контексте перманентного страха перед «русской угрозой» в Западной Европе, в частности Германии, подавление Россией Польши вызывает симпатию и к горцам: «Романтика польских повстанцев и кавказских горцев рождала циклы песен, нацеленных прямо или косвенно против всего русского»[139]. В конце концов, это был преходящий конъюнктурный эпизод, не повлиявший на европейскую концепцию международных отношений того времени.

Фактор малых народов, малых государств (в современном значении) еще только начинали учитывать: Вольтер, Монтескье, Руссо даже высказывались в том духе, что малые государства – более естественное состояние для человеческого общества, однако имелось в виду лишь европейское пространство – вне его применялся совершенно иной подход.

Современник Шевченко французский социолог Ле Пле в работе «Основная конституция человеческого рода» выдвинул идею европейского союза малых держав, который помогал бы великим державам согласовывать свои естественные цивилизационные аппетиты за морями: «Союз этот будет даже содействовать целям великих держав, доставляя им посредников для умиротворения столкновений, вызываемых завоеваниями в пустынных пространствах варварского мира»[140].

Как некоторое выпадение из этого стереотипа можно рассматривать кампанию в европейской прессе и литературе в защиту негров Северной Америки. Но тут присутствовал социальный мотив (протест против рабовладения, оскорблявшего европейское гуманистическое сознание). Кроме того, примешивались и политические интересы государств-соперников, каждое из которых в своей пропаганде использовало мотив осуждения рабства (не последней в этом благородном деле была и царская Россия, что и вызвало у Шевченко саркастическое: «…Продаєм /Або у карти програєм/ Людей... не негрів... а таких /Таки хрещених... но простих». «…Продаем /Или за карточным столом /Проигрываем крепостных – /Людей крещеных, но ... простых».

Исключением иного рода был «Вильгельм Телль» Шиллера: гимн свободолюбивым горцам Альп, творцам Швейцарии, гимн человеческому достоинству и божественному праву на свободу, гимн восстанию против чужеземного угнетения. С этим пафосом Шиллера созвучен Шевченко. Но, все-таки, Шиллер написал историческую поэму – он отразил совершившийся исторический факт, воспел (как урок для потомков) давнишнюю победу народа, уже создавшего свое независимое государство и прославившего его. Да и в прошлом, в момент своей борьбы, этот народ, живя в центре Западной Европы, имел иной образ («имидж») и иные возможности для понимания и сочувствия со стороны соседей, чем горцы Кавказа в XIX ст. Так что одно дело – такой исторический миф о европейских горцах, пусть и «переключенный» сознательно в напряжение универсального гражданского и этического сознания, а другое – сотворение нового образа свободолюбивого действия, актуальное со-творение как бы вместе с тем народом новой парадигмы свободы. К тому же – вопреки всей могущественной силе имперского гипноза и общественных предрассудков.

По сути, Шевченко едва ли не первый в Европе нового времени так принципиально поднялся над рутинным делением народов на большие и малые, исторические и неисториче-

[139] Данилевский Р.Ю. Русские и немцы: тысяча лет общения. – Русская литература. – 1994. – №1. – С. 201.

[140] Основная конституция человеческого рода. Сочинение Ле Пле. С очерком жизни и деятельности автора. – С.-Петербург, 1902. – С. 178.

ские, цивилизованные и нецивилизованные – и «снял» это деление обращением к священному праву каждого народа самому устраивать свою жизнь: ни у кого «не прошенную», никем «не данную». Его великая мысль: «В своїй хаті своя й сила, і правда, і воля» – носила универсальный характер, и в «Кавказе» также видим богатую и глубокую вариацию этой мировоззренческой истины и этого живого чувствования. На высоте этой истины и этого мирочувствования Шевченко отверг евроцентрическую и христоцентрическую картину мира, – хотя основание для отрицания этого «геополитического» христоцентризма ищет в самом Христе: как в Том, для Кого и перед Кем все равносущны и равноценны.

...Есть в мировой поэзии одно произведение, чрезвычайно созвучное нравственному пафосу «Кавказа», с той самой этической коллизией, что и в кавказских событиях. Это – баллада «Разбойник» канадской индианской поэтессы второй половины XIX ст. Полин Джонсон (Текагионвейк). Отряд белых напал на лагерь индиан и жестоко расправился с ними – разумеется, как с «разбойниками». Старая индианка в страстном монологе изобличает белых: они пришли «спасать душу», нести «веру», а на самом деле отобрали все и, бессовестные и бессердечные разбойники, называют «разбойниками» ограбленных ими туземцев только за то, что те не уходят со своей земли. К сожалению, не имеется русского перевода этой баллады, но это полное соответствие тому, что читаем в «Кавказе» Шевченко:

Ми християне: храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле:
Чого вона стоїть v вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні!..

Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано!..

Это адекватная – на все времена – метафорическая формула всякой тотальной идеи и всякого абсолютизированного государственничества (чтобы избежать заезженного великодержавничества), самой своей природой обреченного на агрессивное мироустроение без временных и пространственных границ...

Но только ли царскую Россию, только ли русский царизм, только ли апофеоз империй смоделировал Шевченко в том «у нас», «мы» и т.д.? Конечно же, прежде всего это едкая и гневно-презрительная пародия на стиль официоза, даже конкретно на стиль царских манифестов. И все-таки, если взять этот шевченковский мотив во всем его объеме, то надо признать, что он обращен к несравненно более широкой клавиатуре человеческого духа. Он перерастает в судный образ всей той цивилизации, что присвоила себе название христианской, не став таковой. Этот масштабный образ содержит в себе, кроме актуальности, вневременность и внелокальность. (Отдельной темой могло бы стать сравнение Шевченкова портрета «христианской» цивилизации с тем, который рисовали другие европейские мыслители XIX ст.,

например, Макс Нордау в «Лжи предсоциалистической культуры» или «поздний» Лев Толстой.) Шевченко судит не только отчужденный мир, он судит всех «нас» (его «мы» и всех «нас» касается), он судит и себя, не исключает никого – и себя – из вины и ответственности. Это и есть его истинно христианское чувство.

Вот почему Шевченков «Кавказ» – не инвектива, не идеологический памфлет, не политическая сатира на языке поэзии. Не только. И не только болевой сигнал из одной точки земного шара, одного узла организма человечества. Это и метафорическая картина общего состояния миропорядка, болезни общественной природы человечества. Ведь то, что позволял себе царизм творить с народами Кавказа, характеризовало не только царизм, но и качество человечества вообще. Вот почему счет Шевченко царизму перерастает в тяжкие вопросы к Богу. В невероятную молитву-прю.

И вот почему «Кавказ» Шевченко – не просто моральная (или гражданская) интеллигентская позиция по отношению к определенным явлениям, – а гнев, мука и полыхание всего его существа. Это в высшей степени «интимное» произведение, в котором проявилась не только мировоззренческая сердцевина личности поэта, но и все «изгибы» его натуры и темперамента.

...Бурление сомнений, проклятий и надежд. И все-таки надежда и вера – превыше всего. Это нечто иное, нежели уверенность в победе горцев, – для такой уверенности мало было и мало остается оснований. Но это напутствие-веление всем «рыцарям свободы». Это жажда победы добра над злом, это утверждение свободы как предназначения человека и человечества, это решимость стоять за правду перед Богом. И тут уже не имело значения, что взывает Шевченко к Богу христианскому о правде нехристианских народов. Ибо Шевченков Бог — Бог всех, кто взыскует правды:

Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!

Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Вместо послесловия – без комментариев

1. «Давно-давно, но не очень – всего лишь около ста лет назад – в этих местах, где остановил я сейчас коня, шли также беспощадные битвы (...) Мои предки не на жизнь, а на смерть воевали с белым царем. Слово «русский» было тогда самым ненавистным, самым проклятым, и в бой с русскими шли мои отцы, засучив рукава суровых своих черкесок выше локтей, обнажив кривые сабли и обвязав шею смертным саваном, что означало, что они шли не на шутку, на газават, на смерть, в священную кровавую битву с русскими, в которой готовы погибнуть с честью, для чего и берут с собой заранее свои саваны...

Не мне, не мне писать об их удали. Они дрались и гибли, как львы. Но за что? Как странны, как бессмысленны на этой земле судьбы людей, как абсурдны и жестоки законы человечества! И, думая о прошлом, я медленно трогаю коня (...) Вдруг на небольшой поляне я вижу в траве плоский ржавый камень (...) С большим трудом раздвинув бурьян и счистив с плиты коросту желто-зеленого лишая, я читаю обветрившуюся надпись. Эпитафия гласит:

«Один я на чужбине среди каменистых скал. Ни одной родной души не придет ко мне на могилу и в память мою этих слов не произнесет: «Мир праху твоему, Всеволод».

А сбоку другая, старинными буквами, строгая надпись:

«Здесь покоится прах поручика Апшеронского полка Всеволода Николаевича Грунина, умершего от ран в бою с горцами. 16 августа 1842 года. Покойному было 22 года».

Непонятное вещее дыхание как бы потрясло мою душу. Сто лет тому назад – ровно сто лет – этот русский умный юноша (ибо надпись-то, вероятно, высечена по его завету) погиб здесь в жестокой войне с моими отцами. Мои отцы считали его кровным, самым смертельным, проклятым врагом, и он также считал их чужими... Но что мне сказать о моих переживаниях? Странная судьба выпала на мою долю – как мне с ней быть? Сын гор, я душой и мыслями, и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного.

Я срываю с головы свою шапку, становлюсь на колени перед могилой и шепчу: «Мир праху твоему, Всеволод». Это я, потомок твоих кровных врагов, произношу тебе, как родному: пусть твоя мысль встретится с моей мыслью – они братья. Пусть эта каменная земля, враждовавшая с тобой, не будет тебе жестка, родной мой, пусть она ляжет над тобой мягче перины, пусть будет сон твой мирным, как эта тишина... Твоя молодая кровь, пролитая на этих скалах, впиталась в почву, и ты видишь – взросло новое племя, в жилах моих течет и частица твоей крови, брат мой. Отщепенец ли я? Не знаю! Но все же спасибо, спасибо тебе! Родная душа пришла на могилу, и, как видишь, на твоем русском языке говорит она тебе: «Мир праху твоему, Всеволод». И за себя, и за своих предков... Спи спокойно!

Идет война. Снова в горах звучит эхо выстрелов, но война эта куда зловещей и грандиозней, чем та, в которой ты погиб.

Как странны, как бессмысленны судьбы людские, но зато закономерны судьбы народов».

(Эффенди Капиев. Из дневника 1942 года // Капиев Э. Избранное. – М.: Худ. лит. – 1979. – С. 444—446).

2. «— Я столько чеченцев убил, что пальцев не хватит пересчитать, – весело говорил старший лейтенант Сережа в качестве своего вступительного слова. – У меня на этой войне убили двоюродного брата. Так что за мной уж дело не станет (...)

Зрелище разрушаемого артиллерией города, надо сказать, поначалу имеет свою странную магическую силу. Внезапно загорающиеся дома, кровавое зарево над горизонтом, метеоритный дождь пылающих осколков похожи на какие-то движущиеся фантастические батальные картинки. В этих картинках нет самого психологически тяжелого момента – лица противника? Я вообще подозреваю, что стрелять из пушки гораздо проще, чем идти на человека с ножом. Но через два, три, четыре, восемь часов ожесточенных артиллерийских упражнений все равно становится невыносимо тошно и хочется все-таки заглянуть в это лицо, в эти глаза, чтобы понять: кто те люди, которых утюжат пушками круглые сутки? Кто тот противник, который вызывает у российской армии не страх, нет. Скорее некое подобие суицидального азарта?»

(Мостовщиков С. Переход российских войск через Сунжу – //Известия. – 1995. – 16 февраля).

3. «Бывший город Грозный. Женя, русская художница, прожила тут всю жизнь (...) В своем доме-крепости Женя с сыном пережили дудаевский беспредел, в подвале пересидели зимнюю войну. Ночью 8 марта к ним в дом пришли омоновцы с блок-поста на мосту. Пришли с оружием, пьяные в стельку. Они долго искали что-то, разбрасывая вещи и картины. Что-то маленькое, наверное, бриллианты, которых у Жени отродясь не было. Они изнасиловали ее скопом на глазах у взрослого сына, а уходя, забросали дом гранатами и подожгли».

(Шутова Т. Оглянись, имам //Литературная Россия. – 1995. – 9 июня).

4. «…Колонна российской бронетехники из 35 БТРов двигалась по старой дороге из станицы Слепцовская в Грозный. Навстречу ей ехала колонна беженцев из Чечни. Четыре БТРа выехали из колонны и обстреляли автобусы и машины. Когда люди побежали, солдаты стали добивать их из автоматического оружия».

(Желудков А. и Мостовицкий С. Сколько человек не дожило до наведения конституционного порядка? //Известия. – 1994. – 29 декабря).

5. «…Термин «военные действия», подразумевающий противоборство двух сторон, малокорректен, гораздо более точны такие определения, как бойня, убийство».

(Ротарь И. Первой заповедью в новом году должно стать: «Не убий!» //Комсомольская правда. – 1994. – 29 декабря).

6. «По прогнозам специалистов-военных, после очистки Грозного, которая, возможно, закончится через месяц, в Чечне в течение нескольких лет будет процветать бандитизм типа бандеровщины на Украине. Пока Дудаев укрепляет свои базы и тренировочные лагеря в горах. (...) Бомбардировочная авиация только ждет команды, она легко может превратить эти горы в холмы. Только решится ли на такое жестокое решение президент? А времени осталось – до первой листвы. Если не решится, то появятся на карте две Чечни – долинная, освобожденная, и горная, дудаевская. А мы хорошо знаем, что такое две Кореи, два Вьетнама и т.д.

Единственное, что можно сказать с уверенностью, армия свою задачу выполнит. В чеченской войне российская армия считает себя правой».

(Борзенко А. Кровь цвета горящей нефти. //Литературная Россия. – 1995. – 3 февраля).

7. «Подведем некоторые итоги квартала (...) Потери российских войск составили по реальным (хотя и весьма приблизительным) оценкам от 2 до 5 тысяч человек убитыми. Погибло также, по меньшей мере, от 1,5 до 2 тысяч российских граждан, воевавших на стороне Дудаева, а также несколько тысяч мирных жителей Чечни. Более 300 тысяч человек, треть населения республики, стали беженцами и влачат жалкое существование (...) Начатая в интересах укрепления власти война не решила ни одной из стоявших перед нею проблем, а усугубила их и породила новые. Прогнозируемая «пятилетка» создаст для власти едва ли не катастрофические трудности».

(Головков А. Шабетов Т. Первый квартал «чеченской пятилетки». //Известия. – 1995. – 10 марта).

8. «Сергей – киевлянин и в Чечню прибыл добровольно. Впрочем, все эти разговоры об организованном и массовом участии бойцов УНСО в боевых действиях на чеченской стороне – преувеличение. Действительно, унсовцы воевали, но их было немного, и из чеченцев никто не может вспомнить, кого еще, кроме рекламировавшего себя перед западными телекамерами с повязкой УНСО бойца Сашка, они знают. Хотя, надо признать, чеченцы отзываются о нем, как о высокопрофессиональном бойце. Большинство же украинцев было в Чечне, а некоторые и сейчас – самостоятельно – в основном, они с Западной Украины, однако были, правда, и харьковчане, и донетчане (...)

Украинцев в Чечне знают и любят. Причем, как бойцы сопротивления, так и простые чеченцы. Когда общаешься с чеченцами на понятном им и правильном русском и не имитируешь сложности общения на русском языке, – лучше сразу сказать, что ты – с Украины. А еще лучше добавить, что ты – украинец. Отношение людей меняется сразу (...)

На одном из горных «чек-поинтов» нас встретил командир Игорь – капитан российской армии. Сам родом с Украины – еще год назад был офицером украинской армии, но оставил ее из-за материальных соображений и нормального желания «прокормить семью». Игорь великолепно говорит по-украински, и даже как-то непривычно было подымать три первых то-

ста за Украину на позициях российской армии далеко в чеченских горах...

По его словам, до шестидесяти процентов офицеров низшего и среднего звена российского контингента в Чечне являются украинцами или же русскими, связанными с Украиной годами службы или учебой в ее высших учебных заведениях».

(Хотин Р. Украинцы – по обе стороны чеченского фронта //Зеркало недели. – 1995. – 2 сентября).

9. «Как сообщило агентство УНИАН, в Украину пришло 13 цинковых гробов из района боевых действий в Чечении. В них вечным сном почивают украинцы восточных и центральных регионов нашей страны, военнослужащие российской армии, помогавшие «устанавливать конституционный порядок» в мятежной республике.

Использовав «украинское пушечное мясо» для защиты своих великодержавных интересов, Россия даже «не нашла» средств, чтобы по-человечески похоронить павших, а обратилась в Министерство обороны и местные военкоматы Украины, чтобы те помогли родным и близким покойных. Цинизм «старшего брата» просто не знает границ».

(Верес Л. Как Россия уменьшает свои расходы на войну с Чечней //Вечірній Київ. – 1995. – 28 января).

10. «…Но я лучше расскажу о том, как нас уничтожают. Буквально месяц назад мог бы показать начиненные фосфором химические снаряды и мины 82 мм, шариковые бомбы, снаряды ЗШ-1 и ЗШ-2 со стреловидными элементами и многое другое. Или еще такое: в городе во время боевых действий, особенно ночью, русские берут квартал и, хотя там нет ни одного нашего солдата, полностью уничтожают его. Причем, как правило, реактивной артиллерией, что запрещено Женевской конвенцией – это ведь не боевые порядки... И так изо дня в день. Вот почему в Грозном практически нет ни одного неразрушенного здания. Такое вот варварство».

(Русские цепи не для чеченцев. Интервью начальника Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики дивизионного генерала Аслана Масхадова //Українська газета. – 1995. – 22 июня).

11. «…Генерал Рохлин – один из главных исполнителей операции «умиротворения» непокорной Ичкерии. Именно с его появлением в Грозном началось безжалостное и методическое уничтожение населения четырехсоттысячного города. Немало генералов, у которых еще осталась капля совести, отказались участвовать в геноциде чеченского народа, даже подали в отставку, за что некоторым теперь угрожают трибуналом, а этот «герой» безжалостно уничтожает целый народ, стирает, как немцы Ковентри и Гернику, с лица земли города и села».

(Брязгунов Ю. Лицемерие в год юбилея //Молодь України. – 1995. – 10 февраля).

12. «…Что может быть сопоставимо с безумием тех, кто затеял эту ничем не оправданную и никакой реальностью не вызванную войну против собственного народа?»

«Целенаправленная агитация силовых пресс-центров оказалась настолько действенной, что даже сам вермонтский отшельник, вернувшись на родину после столь долгого отсутствия, вынужден сегодня повторять милицейские банальности об «убийствах, ограблениях, терроре над русскими, изгнании их из домов, вообще из Чечни...» (...) Все это позволяет писателю и гуманисту с мировой славой рассуждать о чеченском народе, как о «гноящейся язве» на теле России и давать советы: «Когда есть гангренозный член, то известно: для спасения всего организма его надо отсечь».

(Дементьева И. Хотят ли русские Чечни? //Известия. – 1995. – 17 января).

13. «Как-то, выступая по телевидению, главный «кагебист» России Степашин сказал, что они изучили послевоенный опыт борьбы с бандформированиями и будут применять его в Чечне. Мы, украинцы, помним этот «опыт». Известно, что после освобождения Киева от немцев была создана спецшкола, где готовились отряды, которые «работали» под УПА. Они,

одетые в форму украинских повстанцев, врывались в села, мучили и убивали людей, набивали колодцы трупами женщин, детей, стариков и старух. Те, кто владел украинским языком, выкрикивали лозунги УПА. Остальные убивали молча. При этом «случайно» оставляли в живых двух или трех свидетелей, не «заметив» их. А те рассказывали потом все, что видели и слышали. Коммунистическая печать тут же поднимала крик о «бандеровских резунах».

(Федоров В. Мы это уже проходили //Вечірній Київ. – 1995. – 15 февраля).

14. «РУССКОМУ ОРУЖИЮ – СЛАВА! Во все времена оно было обращено в защиту отечества, во спасение родины, ее целостности (...)

Сегодня надо отдавать себе отчет: российские войска введены в Чечню не для борьбы с чеченским народом, а для того, чтобы выполнить свой конституционный долг».

(Российская газета. – 1995. – 10 февраля).

15. «Российскую армию бросили на самое безнадежное дело: на борьбу с вооруженным народом».

«Наглая ложь – единственный язык, на котором высшие руководители государства говорят со своим народом».

(Сергей Юрский, народный артист России. Хватит утюжить танками собственную землю! //Известия. – 1995. – 5 января).

16. «Я – Павел Грачев», – скромно представляется прохожим молодой уфимец на центральных улицах города и начинает рассказывать о событиях в Чечне. Этого несчастного местные жители уже запомнили. Он далек от армии и никогда не был в Чеченской республике. Очевидно, его место в психбольнице, но душевнобольной ведет себя тихо и никому не угрожает...»

(Этот Грачев никогда не был в Чечне //Известия. – 1995. – 16 февраля).

17. «…Я хотел бы посмотреть в глаза летчиков, которые варварски уничтожили аул, женщин и детей /.../

/.../ Война страшна, но еще страшнее ложь. ...Как можно говорить о целом народе: «Все бандиты, воры, центр мировой мафии...»? Жалкое оправдание своих действий, недостойное мудрых государственных мужей. И поэтому получилась не та Куликовская битва, принесшая славу России, а «куликовская» бойня.

/.../ Толстой понимал нас, горцев, оставил вечное произведение. Нынешние политики к тому же и безграмотны, они из русских самые антирусские. /.../ Бегают по залу Госдумы, показывают медаль «За покорение Кавказа».

Опять ПОКОРЕНИЕ... Они не знают, что каждую вторую медаль вручали вдовам, матерям. И вновь этого хотят?

Покоренных народов нет. Сердца нельзя покорить. Царь говорил о Шамиле с уважением. А Невзоров" болтает «Шамиль – бандит». Мелкие речки всегда шумливы и говорливы, до моря они не доходят.

Русские шовинисты не понимали этого, когда проливалась кровь в Тбилиси, Баку, в Кизляре и Первомайском. Я горжусь, что русская интеллигенция, мои братья-поэты осудили эти преступления. Осудил народ, и это – голос России. Но мне стыдно, что Америка и Европа в эти дни промолчали. И руководители СНГ не подали голоса».

(Гамзатов Р. Остановить войну в Чечне – вот высшая смелость, которая нужна сегодня //Известия. – 1996. – 1 февраля).

18. «Сергей Ковалев решил на короткое время съездить в Москву ради того, чтобы лично встретиться с президентом и лично рассказать ему о том, что же происходит в Чечне. Не со слов насквозь лживого пресс-центра правительства, плутоватых генералов или фантазирующих спецслужб, а по своим собственным впечатлениям и лично проверенным фактам.

— Я хочу, чтобы он смотрел мне в глаза, когда я буду рассказывать ему о тех преступ-

лениях против собственного народа, которые творятся в Чечне. И пусть он мне отвечает, – сказал Сергей Ковалев».

(Яков В. В такой войне и победителей судят //Известия. – 1995. – 6 января).

19. «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее... и пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... Имя Белого Царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но Белый Царь есть царь и калифу».

«Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русскою».

(Достоевский Ф.М. Дневник писателя //Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т.27. – Ленинград, 1984. – С.ЗЗ; 38).

20. «…В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева (...) Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит исключительно им одним. Издали может показаться, что это люди хотя и суровых, но крепко сложившихся убеждений, которые сознательно стремятся к твердо намеченной цели. Однако ж это оптический обман, которым отнюдь не следует увлекаться. Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа, которые ломят вперед, потому что не в состоянии осознать себя в связи с каким бы то ни было порядком явлений...

Обыкновенно противу идиотов принимаются известные меры, чтоб они, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются только простых идиотов; когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется... Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскакивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно. Даже в самой бесплодности или очевидном вреде этих злодеяний он не почерпает никаких для себя поучений. Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем (он слишком окаменел, чтобы на нем могло что-нибудь отражаться), а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой органической связи. Если бы, вследствие усиленной идиотской деятельности, даже весь мир обратился в пустыню, то и этот результат не устрашил бы идиота. Кто знает, быть может, пустыня и представляет в его глазах именно ту обстановку, которая изображает собой идеал человеческого общежития?»

(Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города.: Повесть. – М.: Худ. лит., 1987).

О ПРАЗДНОВАНИИ 1150-ЛЕТИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯД С УКРАИНЫ

В.Н. Ткаченко
Академия педагогических наук Украины

Аннотация: *В статье рассмотрена версия мир-системного анализа происхождения Руси под углом зрения празднования в Российской Федерации юбилея 1150-летия зарождения российской государственности.*

Ключевые слова: *Русь, Русь-Украина, Российская Федерация, российская государственность, мир-системний анализ, мини-системы, мир-империи, мир-экономика, норманисты, антинорманисты.*

5 марта 2011 г. в Российской Федерации был опубликован Указ Президента от 3 марта 2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности». В нем значится, что «в целях дальнейшей консолидации российского общества» Президент РФ постановляет принять правительственное предложение «о праздновании в 2012 году 1150-летия зарождения российской государственности». Выполнение плана основных мероприятий относительно празднования было возложено на соответствующий организационный комитет[1]. Информационными агентствами России было разъяснено, что «в 862 году к власти в Новгороде пришел Рюрик, и именно эта дата традиционно считается «отсчетной точкой» для России»[2]. Главная часть торжеств должна состояться в Великом Новгороде 21-23 сентября 2012 года.

Однако, консенсуса относительно самой даты и ее трактовки среди представителей научной мысли России в полной мере достигнуто не было. Например, Андрей Буровский – автор книги «Отец городов русских» – с позиций русского национализма утверждает, что «колыбелью русской государственности является не Киев, а Новгород», а потому призывал россиян «вернуться к истокам и осознать себя наследниками не только Московского княжества, но и Новгородской республики»[3]. То есть – преемственность должна идти по линии: Великий Новгород – Москва. А Киев в этом измерении остается где-то на обочине.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 267 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/printable/2011/03/05/gos1150-dok.html), свободный.

[2] Медведев велел праздновать 1150-летие российского государства [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://fed.sibnovosti.ru/articles/139057-medvedev-velel-prazdnovat..., свободный.

В то же время руководитель Староладожской археологической экспедиции Анатолий Кирпичников придерживается, судя по всему, имперской трак-товки исторических событий. Роль Рюрика, по его мнению, заключается в том, что «он основал первую на Руси династию, продержавшуюся на троне до конца XVI в. Государство, основанное Рюриком, называлось в разные века по-разному: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, СССР, Российская Федерация. Но существовало оно беспрерывно, несмотря на вражеские нашествия, бедствия, смуты и революции»[4].

Как же отреагировала общественность Украины на юбилейные инициативы России? Известный публицист Игорь Лосев с удивлением спрашивал: «Это выходит, что в 862 году от рождения Христа уже была Россия»? И дальше: «А кто у нас ответит на этот «мягкий», но весьма опасный вызов? А где же наша разъединенная национальная интеллигенция, которая вечно грызется и развлекается «постмодернизмом»?»[5].

Следует отдать должное – публицистическими выступлениями, чаще всего в газете «День», на провозглашение юбилея российского государства отозвался целый ряд украинских ученых (А. Свидзинский, М. Жуйкова, В. Степанков, П. Кралюк, О. Палий и др.). А дальше поступили и практические предложения. По свидетельству доктора философских наук, профессора Национального университета «Острожская академия» Петра Кралюка, «1 сентября в Острожскую академию приехал академик Николай Жулинский. Вот мы втроем: Николай Жулинский, ректор Игорь Пасичнык и я рассуждали о том, что, возможно, у нас тоже отыщется юбилей, который стоит отметить. В «Повести временных лет» четко написано, что в 852 году наша земля начала называться руськой. А руськая – не значит русская. До XIX века Русью называли украинские пределы. Поэтому Острожская академия выступила с инициативой достойно отметить 1160-летие украинской государственности. Можно говорить также о 1160 годах украинской историографии, украинской литературы. Ошибочно считать, что отечественная литература началась с «Энеиды» Ивана Котляревского. Просто, о ее давнем периоде мало знают»[6].

Хочу особо отметить: юбилейные инициативы России послужили лишь одним из факторов пристального внимания украинских ученых к вопросу национальной идентичности Украины. И свидетельство тому – многочисленные публикации на тему нашего исторического прошлого, как в научных изданиях, так и в прессе. Наиболее наглядный пример – выход под общей редакцией Ларисы Ившиной монументального сборника под названием «Сила мягкого знака, или Возвращение Руськой правды»[7]. Главный пафос последнего издания, на мой взгляд, как раз и заключается в том, чтобы поместить осмысление идентичности Украины в плоскость ее исторической протяженности – Руси-Украины. Вторая особенность – выйти за рамки сугубо политической истории и осуществить анализ феномена наращивания в среде украинского демоса (не этноса – и это принципиально!) системы тех соционормативных ценностей, которые удостоверяют нашу европейскость.

Поскольку эта тема неисчерпаема, можно предложить еще одну версию происхождения Руси-Украины, опираясь на наработки близких мне по духу и методологии исследования представителей общественных наук.

---

[3] BBC Russian – Россия – 1150-летие российского государства… [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/03/110307_russia_ryurik..., свободный.

[4] [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsland.ru/news/detail/id/604489/, свободный.

[5] Лосєв, І. Росія готується до «1150-річчя російської держави». Хто в Україні відповість на цей виклик? / І. Лосєв // «День». – 2011. – №№ 132-133. – 29 липня.

[6] «Ця книжка – стратегічного значення» // «День», 2011. – № 170-171. – 23-24 вересня. – С. 6.

[7] Сила м'якого знака, або Повернення Руської правди / ред.: Л. Івшина. – Вид-во ПрАТ «Українська прес-група». – К. – 2011. – 800 С.

В поисках исторической истины

Почему опять актуализировалась проблема происхождения Руси-Украины? Неужели ученые нашли какие-то новые летописи или принципиально отличные архивные документы? Совсем нет. В первую очередь, изменилось наше миропонимание, а также появились новые вопросы, на которые следовало найти ответы в контексте современных реалий. Ведь известно, что исторические источники могут дать ответы лишь на те вопросы, которые мы к ним ставим. Поэтому, не претендуя на оригинальность, но следуя логике изложения материала, следовало бы напомнить некоторые эпизоды нелегкого пути научного познания.

Переломные времена в истории, которые часто выливаются в своеобразную «социальную смуту», порождают как отчаяние, так и поиски перспективы – «света в конце тоннеля». На протяжении веков эту функцию пытались выполнять церковники, которые претендовали на единоверный и всеобъемлющий способ познания истины и утверждения веры в приближение «царства Божьего» гармонии и социальной справедливости. Правда, в новые времена светские философы (Декарт, Спиноза) бросили вызов теологии и попробовали отделить поиск знания от деятельности основных церковных структур. Результаты на первых порах были неоднозначны. Когда вначале XIX в. Лаплас поднес в подарок Наполеону свою книгу о Солнечной системе, тот заметил, что автор книги ни разу не вспомнил в ней о Боге. Лаплас ответил: «У меня не было потребности в этой гипотезе, сир». Тем не менее, следует констатировать, что до конца XVIII в. философское понимание часто было таким же произвольным источником знаний, как и божественное откровение.

В XIX в. кризис познания даже вылился в «развод» науки с философией – сторонники «эмпирической науки» отказались признавать себя философами. Соответственно в университетах факультеты философы разделились на два отделения – факультеты «естественных наук» и факультеты «гуманитарные». Первые отдавали преимущество экспериментальным исследованиям, вторые – полагались на интуитивное проникновение в сущность вещей, на их интерпретационное понимание. В итоге подобное распределение знаний создало серьезную преграду между поисками Истины, с одной стороны, и поисками Добра и Красоты – с другой.

Впоследствии выделяются так называемые «общественные науки», а среди них и история, где одни исследователи склонялись к позитивистскому анализу, а другие – к гуманитарным методам. В целом историки пытались уклониться от формулировки обобщений или исторических закономерностей, акцентировали внимание на самобытности «человеческого фактора», что, в конце концов, и определило их место среди гуманитарных наук. Кроме того, европейские историки XIX в. по большей части отдавали предпочтение исследованиям истории собственных стран, так называемых «исторических наций», жизнедеятельность которых была достаточно документированной.

Поскольку историки ограничивались исследованием прошлого, они мало что могли сказать о текущих проблемах, с которыми сталкивались их государства. Политические же лидеры нуждались во все большей информации о современности. Как следствие, в русле идеологии либерализма в общественном сознании восторжествовало разделение общества на три социальных сферы: рынок, государство и гражданское общество. Для их изучения появилась нужда в проработке методологии, которая в наибольшей мере отвечала бы каждой сфере.

В итоге рынок стали исследовать экономисты, государство – политологи, а гражданское общество – социологи. Ученые пришли к выводу, что и рынок, и государство, и гражданское общество живут согласно определенным объективным законам, которые можно вывести путем эмпирического анализа. Но здесь опять появилась проблема: как получить

«объективное» знание об обществе в целом, а не какой-то отдельной из упомянутых сфер. Историки, которые выходили из постулата об уникальности социальных явлений, здесь мало чем могли помочь.

Кроме того, появились и другие проблемы: выяснилось, что мир состоял не только из «исторических народов» старой Европы и так называемых примитивных «неисторических народов», к которым в XIX ст. относили и ряд бездержавных народов Восточной Европы, в том числе и украинцев. Кроме них существовали также так называемые «высокие цивилизации» – например, Китай, Индия, Персия, Арабский мир. Все эти большие цивилизации в прошлом, а некоторые и для современников, были бюрократическими империями: они охватывали громадные территории, а потому были вынуждены вводить в общественную жизнь общий язык, общую религию и во многом общие обычаи. Поэтому назвать жителей этих империй «примитивными» даже согласно европейским представлениям XIX в. было невозможно. Следовательно, опять возникло новое направление в науке – востоковедение. Дальнейшее изучение народов Африки дало толчок к образованию еще одной группы исследователей – антропологов-этнографов. В итоге, к 1914 г. создалась фрагментарная научная структура. Она продолжала существовать до 1945 г., а во многих своих проявлениях сохранилась вплоть до 1960-х гг. Мир в описании этих исследователей распадался на отдельные осколки, а попытки философского осмысления мира в его целостности все чаще воплощались под воздействием трагедий XX в. (мировые войны, Холокост, Голодомор, ГУЛАГ) в сюжетах об иллюзорности общественного прогресса как такового.

Образование «социалистического лагеря», самоопределение стран третьего мира, потрясения основ капиталистических ценностей во время студенческой революции в 1968 г., – все это затрагивало вопросы, на которые не могли дать ответа ни востоковеды, ни антропологи-этнографы, ни политологи. Неразбериха в научных кругах нарушила традиционные устои общественных наук. Дошло до того, что был поставлен вопрос о научной истине как таковой. В итоге состоялся целый ряд научных дискуссий, которые привели к фундаментальным сдвигам. Во-первых, появилась проблема: является ли целесообразным отслеживать социальное развитие отдельно взятой страны, и не лучше ли взять за единицу анализа более обширную территорию, в пределах которой происходило разделение труда (например – регион Средиземноморья, или Балто-Черноморский ареал). Во-вторых, под сомнение был поставлен вопрос о вневременных «вечных истинах» – было предложено учитывать «структурное время» существования определенной системы, а также цикличность процессов в ее пределах. В-третьих, французская школа «Анналов» призывала создать комплексную картину исторического развития, принимая во внимание все социальные сферы, то есть – быть «тотальной». В итоге, историкам отныне следовало принимать во внимание результаты общественных наук – экономики, политологии и социологии, а представителям этих наук желательно быть более «историческими».

Путь к мир-системному анализу

Следовательно, выход из кризиса стал видеться в создании единственной синтезированной исторической общественной науки – мир-системного анализа (иногда переводят как «миросистемного»). Это научное направление начала 1970-х годов связанно с именем Эммануила Валлерстайна[8]. Его принципы, к сожалению, пока что поддерживает в современном мире меньшинство, даже оппозиционное меньшинство. Иногда мир-системный анализ хвалят, чаще на него нападают, искривляют и переиначивают. И не всегда оппоненты новой ме-

[8] См.: Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение/ И. Валлерстайн. – М., Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 247 С.

тодологии являются враждебно настроенными, а часто просто плохо ознакомленными или консервативно настроенными. Не в последнюю очередь мир-системный анализ отторгается еще и потому, что его аналитика является своеобразным отражением реального протеста против угрожающей социальной несправедливости и неравномерности развития регионов современного мира, что и является основным политическим вопросом нашего времени.

Тем не менее, в 1970-е гг. о мир-системном анализе впервые заговорили серьезно. Новая единица анализа вместо национального государства была названа «мир-системой». Считается, что она существовала в трех ипостасях: мини-системы первобытных обществ, мир-империи времен феодализма и мир-экономика времен капитализма. То есть, речь здесь идет не о мировых (всемирных) системах, экономиках, империях и тому подобное, а о системах, которые сами по себе являются миром, хотя обычно – и даже, как правило, они не охватывают весь мир.

Именно этот пункт, по нашему мнению, и должен быть отправным при анализе происхождения Руси – как своеобразной мир-системы, которая представляла собой определенное территориально-временное пространство. Оно охватывало огромное количество политических и культурных единиц, но в то же время было единым организмом, вся деятельность которого была подчинена определенным системным правилам. Поэтому в изложении истории Руси было бы уместно взять за исходное положение венгерского (позже – английского) исследователя Карла Поланьи о трех формах экономической организации сообщества: взаимность в мини-системах первобытного общества («ты – мне, а я – тебе»), перераспределение в феодальной миро-империи (когда товары поступают снизу вверх, а потом частично приходят вниз), и, наконец, рынок в условиях мир-экономики капитализма (когда обмен приобретает монетарную форму и происходит на общественных площадках).

Основной вывод, к которому приходит Эммануил Валлерстайн и ученики его школы, заключается в том, что «национальные государства не могут быть самостоятельной и самоценной единицей изучения, что бы нам ни приписывали – ни национальная гордость, ни министерства науки. Как в астрономии объект исследования в принципе один – Вселенная, так и в социальной исторической науке единицей исследования должна быть вся мир-система. Лишь в рамках мир-системы возникают и могут плодотворно исследоваться две основные институциональные опоры современности – государства и рынки»[9].

Мир-системный анализ – концепция повествовательная. Ее сторонники придерживаются той точки зрения, что все формы исследовательской деятельности должны использовать сказание (наратив). Другое дело, что одни нативы отражают собой действительность лучше, другие – хуже. Придерживаясь принципов тотальной истории и единодисциплинарного подхода, сторонники мир-системного анализа стремятся разрушить жесткие границы между экономическими, политологическими и социально-культурными исследовательскими методиками.

Понятно, каждый наратив нуждается в своем главном действующем лице. У позитивистов все вертелось вокруг индивидуума, личности. Для классиков марксизма главным героем был пролетарий, а для историков-государственников – политик. Но для мир-системного анализа все эти действующие лица, а также многочисленные социальные структуры – лишь звенья одной цепи. Они рассматриваются не как базовые элементарные частицы, а как составные части системной амальгамы (смеси), из которой они вышли и сообразно которой они действуют. Действующие лица свободны в своих поступках, но они остаются частью общего, поскольку их свободу действий сковывают биографические и социальные барьеры.

[9] Там же. – С. 29.

Еще одно важное обстоятельство для анализа происхождения Руси. Для сторонников мир-системного анализа время и пространство, а скорее ВремяПространство, не является какой-то внешней неизменной данностью (какая всегда была, есть и будет), в рамках которой существует социальная реальность. Время-Пространство создается и постоянно изменяется, а социум является «пульсирующим организмом», который в процессе эволюции то сжимается, то расширяется. Он не изменяется на протяжении длительного времени, и в то же время изменяется ежеминутно. Это, конечно, парадокс, но не противоречие. Поэтому основное задание исторической социальной науки – научиться справляться с этим парадоксом.

Антинорманизм как диагноз

Каковым же является основной наратив Руси, и кто занимает центральное место среди главных героев этого повествования? Придумывать здесь что-то новое нет необходимости: трижды на протяжении трех последних веков в России загорался с новой силой спор норманистов с антинорманистами вокруг проблемы варягов: в XVIII в. (борьба Г. Миллера против М. Ломоносова в Академии Наук); в XIX в. (публичная дискуссия М. Погодина и Н. Костомарова в Петербургском университете); а с 1965 г. полемика Л. Клейна и И. Шаскольского. Речь шла о той роли, которую сыграли варяги (норманны) в становлении Руси.

Здесь я бы сослался на авторитетное суждение академика четырех академий (американской, турецкой, финской и украинской) Омельяна Прицака, которого считаю своим наставником на пути историософских исследований и светлую память которого хотел бы почтить, представив в этой публикации хотя бы в тезисном изложении его виденье происхождения Руси (любознательного читателя отсылаем к его книге объемом более чем в тысячу страниц под названием «Походження Русі», которая вышла в Киеве в 1997 г.)[10].

По оценке О. Прицака, «двухсотлетнее норманистско-антинорманистское противостояние оказалось бессильным в решении проблемы происхождения Руси». Это мнение покойного академика перекликается с суждениями последнего «возмутителя спокойствия» вокруг проблемы норманнов Л. Клейна, который считает, что никакой норманнской теории или хотя бы научной концепции вообще не существует, просто есть «гипотезы об этнической идентификации варягов, о той или другой мере участия скандинавов в древней истории нашей страны». Что же касается антинорманизма, то он не представлен ни в одной стране мира, кроме России, хотя завоевания скандинавов были по всей Европе и даже за ее пределами. В России же, по оценке Л. Клейна, «это не научное течение, а идеологическая тенденция, которая внедряется в науку из соображений, которые представлены как патриотические. Это характерный именно для нашего народа комплекс национальной неполноценности, корни которого следует искать в современной ситуации». Не хотелось бы ступать на скользкое для украинцев поле относительно комментирования российских комплексов. Поэтому отвлечемся от «современной ситуации» в России и просто примем во внимание мнение Л. Клейна на счет того, что «не все гипотезы в случае подтверждения становятся теориями, многие из них становятся не теориями, а фактами. Спор идет о фактах»[11].

Поэтому речь пойдет о некоторых фактах в изложении Омельяна Прицака. В первую очередь о термине «Русь» и его «национальном» наполнении. Действительно, под 839 г. в «Бертинских анналах» вспоминается правитель политической организации, названной термином «Рос» (Rhos – визант). Арабский автор Ибн-Хордадбег, который исследовал торговые

[10] Пріцак, О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / О. Пріцак. – К., «Обереги», 1997. – 1073 С.

[11] Клейн, Л. Антинорманизм как діагноз [Эл. ресурс] / Л. Клейн. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/12/03/klejn_antinormanism/print/, свободный.

пути в Евразии, также сообщает, что существуют две международных компании – иудейские Раданиты, контролировавшие пути в Хазарию, а также неиудейские Рус (Rus), контролировавшие торговлю на севере Восточной Европы. О. Прицак ставит полностью резонный вопрос: как русы, которые едва вынырнули из безызвестности, могли оказаться такими ловкими международными торговцами, что установили свой контроль в громадном регионе?

Объяснение выдающегося ученого таково. С разделением Средиземного моря между христианами и мусульманами (прим. 660 г.) ни те, ни другие уже не могли свободно путешествовать или вести торговлю по морю, находясь в перманентном состоянии войны. Эту нишу заполнили бывшие римские граждане иудейской веры, которые имели возможность безопасно плавать от Марселя вплоть до Хазарии. Между тем, их неиудейские торговые конкуренты (фризы в сотрудничестве со скандинавскими вождями) попробовали найти пути к Евразии в обход – через Балтийское море. Они образовали своеобразное общество морских кочевников и в конце IX в. выступали как викинги. В это же время балтийскими вендами, которых соседи впоследствии стали называть кривичами, были колонизированы определенные территории на востоке и основаны два важных торговых поселения – Полоцк и Смоленск. Со временем эти и другие поселения превратились в города-государства, которые стали приглашать к руководству опытных торговых и военных «менеджеров» – членов балтийских харизматических кланов. Одним из объединений городов была конфедерация Старой Ладоги, Белоозера и Изборска. Каждый город представлял свою этническую группу: Старая Ладога – эстов; Белоозеро – вепсов (весь); Изборск – славянских вендов. В середине IX ст. они «пригласили на правление» – то есть признали власть – фризско-дат-ского короля Рерика (Рюрика).

А теперь о самом главном – об этническом факторе в процессе зарождения государственности Русь, возглавляемой представителями торгового общества Rus. Позиция О. Прицака по этому вопросу такова: «Общества Балтийского региона, которые теперь развивались, конечно же, не составляли национальную культуру в современном понимании. Даны, фризы и русы были полиэтнической, многоязыковой, безтерриториальной общностью морских кочевников и жителей отчасти «восточных», а кое-где полисных городов и торговых поселений. Русы и фризы выступали международными торговцами, что подтверждает теорию о создании рынка как экономической организации именно торговцами, а не крестьянами или ремесленниками»[12]. Две последних страты, как представители общества «низшей» культуры, еще не знали литературы или сакральных текстов – основу культуры более «высокой». На то время не была четко очерчена и территория владений Русов.

Этнический фактор идет рука об руку с фактором языковым. Непрерывность письменной традиции присуща оседлой империи. Язык письма набирал сакральный характер «национальной» преемственности, то есть оседлой культуры. Здесь смена династий не разрушала языкового единства. И наоборот – кочевая империя часто меняла не только правящий клан (династию), и самоназвание и официальный язык. Кочевая империя и не ставила своей задачей обеспечение непрерывности «национальной культуры», а, в первую очередь, стремилась к неограниченной власти дружины молодых воинов, нацеленных на получение экономической прибыли. Сбрасывая один харизматичный правящий клан, кочевники отбрасывали и язык этого клана.

Международные кочующие торговцы часто кооперировались с удачливыми местными племенными вождями, помогая им внедрять прогрессивное правление. Например, торговцы помогали объединить различные местные страты населения для создания патримониального государства. В течение средневековья, пишет О. Прицак, «города и государства степей Евра-

[12] Пріцак, О. Походження Русі… – С. 95.

зии, так же как и Балтийского региона, были основаны не местным населением, а иностранными международными купцами»; вместе с тем бессмысленно пытаться определить «национальность» викингов и варягов: «Они ее не имели. Это были просто профессионалы, готовые стать на службу к любому, кто нуждался в их умении и кто мог платить за работу»[13].

В городских торговых поселениях пользовались несколькими языками в зависимости от функций. На местном языке общались семьи или роды, а два или больше linguae francae служили для профессионального потребления. Следовательно, делает вывод О. Прицак, применительно к Руси «говорить о шведской национальной культуре IX-X вв. нет смысла. В балтийской общности все ее составляющие элементы – норманны, венеды (славяне), балты и финны – были равнозначными... Стало обычаем (известным через Рюриковичей) иметь два или больше имен, в соответствии с профессиональными или супружескими связями»[14].

Русь как мир-империя

Если подходить к делу формально, то первые свидетельства о Руськом каганате, по свидетельству О. Прицака, появляются в 839 г. Именно в это время в Хазарии произошла революция каваров (части хазарских племен). Дело в том, что во главе государства в Хазарии формально находился каган, сакральный правитель. Реальная же власть была в руках его заместителя (бега), стоявшего во главе войска и ведавшего сбором налогов. Случилось так, что в ходе верхушечной борьбы каган и его союзники выступили под лозунгом противодействия навязыванию иудаизма. Потерпев поражение, каган вынужден был покинуть страну и искать прибежища в поселении торгового общества русов возле Ростова. Его сыновья взяли себе в жены девушек из клана Инглингов из Упсалы – самой выдающейся династии всей балтийской зоны. Харизма кагана как наделенного божьей благодатью поднесла торговое общество русов до уровня государственного политического центра в верхнем Поволжье, выделив его среди колоний других менее значительных «варягов». Титул кагана в те времена был большим социальным капиталом, обеспечивавшим надлежащий уровень отношений с Византией. Для торговых людей это много значило, а поэтому волжские русы скоро вытеснили иудейских купцов Раданитов как конкурента из Восточной Европы.

Можно ли эту дату – 839 г. – считать точкой отсчета основания Руси? И да, и нет. Как говорится, одна ласточка весны не делает. В политике мало провозгласить суверенитет – нужно, чтобы этот суверенитет был подкреплен должным экономическим, военным и культурным потенциалом, с одной стороны, и политическим признанием – со стороны соседних государств. В 860 г. состоялся поход русов на экономическую столицу Евразии Константинополь, благодаря которому был проторен путь «из варяг в греки». Следовательно, Днепр заменил Волгу в качестве главной торговой артерии, а Киев, прежнее хазарское укрепление близ днепровской переправы, превратился в середине X в. в перспективного спутника Константинополя.

Обобщая этот долгий путь становления Руси, О. Прицак выделяет в нем три фазы: волжский период (прим. 839-930 гг.), днепровский (прим. 930-1036 гг.) и киевский (1036-1169 гг.). Киевская фаза отличается от двух первых принципиально: в течение двух первых русы владели преимущественно торговыми путями и племенами, но не территориями. В случае необходимости они уничтожали соперников, собирали дань и контролировали торжища вдоль двух основных международных путей: волго-донского до Булгарии и Итиля; и днепровского – из варяг через Киев и до греческого Константинополя. И только третий, киев-

[13] Там же. – С. 83, 90.
[14] Там же. – С. 96.

ский период имеет в нашем контексте принципиальное отличие – он знаменовал собой начало культурной консолидации Руси и попытку ее «национализации».

В этой третьей фазе на Руси происходят действительно тектонические сдвиги. Во-первых, Новгород стал значительнее Старой Ладоги, которая по языку и культуре оставалась исключительно скандинавской вплоть до своего упадка в середине XI ст., в то время как Новгород с самого начала был двуязычным. Новгородцы как преимущественно потомки балтийских славян вендов выполнили уникальную функцию, приспособив концепцию «варварского» закона викингов к славянской политической культуре. «Руська Правда» – первый свод законов в Восточной Европе – происходит именно из Новгорода, единственного места на Руси, где понятие закона было общепризнанным, приемлемым и понятным вплоть до драматической гибели республики «Господин Великий Новгород» в 1479 г. Во-вторых, в 1036 г. Ярослав, который окончательно взял власть в Киеве, разгромил печенегов и утвердил свой вариант Римской империи, идеологическим центром которой стал Софийский собор в Киеве, а основой – система новгородских законов. Это подтолкнуло его к введению в качестве сакрального (священного благодаря миссии Кирилла и Мефодия) и законного языка его владений именно церковнославянского, который после упадка Дунайской Болгарии потерял своего владельца на государственном уровне.

В-третьих, Ярослав начал превращать Русь в территориальную общность путем поселения княжеской странствовавшей дружины на киевской, черниговской и переяславской землях. Как результат таких действий названия «Русь» и «Руська земля», что засвидетельствованы во второй половине XI в. и бытовали в XII в., стали употребляться теперь в новом значении, а именно исключительно относительно Южной Руси (нынешняя Украина). До этой поры «Русь» представляла собой иностранную правящую верхушку с примитивной социально-политической организацией, составленной из морских и речных кочевников, которые периодически собирали дань (полюдье) для своих князей, однако не были стабильно связаны ни с какой конкретной территорией.

Действительно, «культурная революция» Ярослава Мудрого повлекла качественно новый прыжок – от полиэтнического, многоязыкового и бестерриториального сообщества с культурой «низшего» уровня к «высшей» культуре, освященной сакральным славянским языком. Упадок независимого болгарского государства оставил церковь и славянский обряд, с его относительно цельным сводом духовных и государственно-политических текстов, без хозяина. Следовательно, именно это дало возможность «Руською земле» завладеть этой культурой без угрозы потери собственной самобытности. Обнародование в 1115 г. сводных редакций летописей, составленных в первом духовном центре Восточной Европы – Киево-Печерском монастыре – стало своеобразным актом демонстрации «общности исторической судьбы». Вывод О. Прицака относительно происхождения Руси однозначен: «Именно тогда, во время Киевского периода, с появлением собственного исторического самосознания и начала появляться Русь как законная историческая сущность»[15].

Монополия на наследство?

Отмеченное выше изложение происхождения Руси представляет собой научную точку зрения, в которой господствует гегелевская традиция: когда какой-то общественный феномен, как вот система государственной власти, лишь возникает, то ее еще практически нет. Формирование системы, а тем более такой мир-системы как Киевская Русь – восточноевро-

[15] Там же. – С. 101.

пейский аналог Древнему Риму или Византии – действительно длительный в истории период.

Когда же сегодня на государственном уровне ставится вопрос о праздновании той или другой конкретной даты учреждения Руси, то здесь аргументы ученых на подобие «с одной стороны, так, но, с другой стороны – вон как» не проходят. Как правило, с учетом исторического фона на государственном уровне административно берутся к исполнению определенные волевые решения, которые преследуют какую-то политическую целесообразность. Так было всегда, и, судя по всему, не скоро эта традиция прервется. Во всяком случае, в Российской Федерации такое решение на государственном уровне уже принято.

Следует полагать, что и в Украине на практическом уровне дискуссия о происхождении Руси будет длиться на перекрестке научной мысли и политической целесообразности. Но не факт, что в итоге будет обязательно принято какое-то решение на государственном уровне – обсуждение может ограничиться какой-то информационной волной в СМИ или рядом научных публикаций. Но все-таки политический фактор будет играть определяющую роль. И потому главное здесь – не допустить отхода от определенного уровня политкорректности и научной взвешенности. Например, рассмотрение вопроса в плоскости определения «старшего брата», который, мол, имеет больше основания на родительское наследство Руси, к добру не приведет – какой бы народ не выставляли в роли этого правопреемника. Трудно себе представить спор между итальянцами, испанцами, французами, немцами и англичанами о том, кто же из них является истинным и единственным наследником такой мир-империи, как Древний Рим. Конечно, в Муссолини на этот счет сомнений не возникало. И об этом следовало бы кое-кому помнить. Те, кто ставит рассмотрение проблемы в плоскость – «украинской» или «русской» была Русь, акцентируя внимание лишь на этнической стороне этого вопроса, выискивая аргументы в контексте «земли и крови» и тому подобное – становятся, на мой взгляд, в заведомо проигрышную позицию.

Древняя Русь была многоплеменным и многоэтническим территориально-политическим образованием, осуществленным в первую очередь торгово-военизированным политическим классом, что вообще было характерно для раннего средневековья. Например, термин «хазары» употреблялся тоже без этнической окраски как географически-политическое понятие, а затем стал обозначать всех подданных хазарского царя, входивших в хазарский племенной союз. В разные периоды существования хазарской «федерации» в нее входили азовские и волжские булгары, кавказские и донские аланы, волжские буртасы, заволжские гузы, крымские готы, кавказские горцы, хорезмийские иранцы-аорсы, мадьяры-венгры, славяне и русы. Хазарский язык, судя по всему, был родственным древнебулгарскому – предку нынешнего чувашского языка. При этом языком еврейско-хазарских купцов был славянский[16]. Киевская Русь во многом стала преемником Хазарского каганата, когда, по словам Прицака, «многоязычные купеческие предприятия и торговые сообщества, а также морские кочевники, приспособили к своим потребностям политическую структуру и харизму степных империй, чтобы превратить это на христианскую славяноязычную высокую культуру, с которой и возвысилась Русь»[17].

Однако, принимая как данность приоритетность политических соображений над научными, не следует удивляться, что при анализе технологии «юбилейных инициатив» в Российской Федерации проблема научного обоснования юбилейной даты волновала некоторых инициаторов юбилея менее всего. Как следует из сообщений российских СМИ, 18 сентября в 2009 г., во время юбилейных торжеств 1150-летия Великого Новгорода известный киноре-

[16] Хазария. Электронная еврейская энциклопедия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http: //www.eleven.co.il/article/14401, свободный.

[17] Пріцак, О. Походження Русі… – С. 101.

жиссер Никита Михалков выступил с инициативой отметить 1150-летие «**образования** государства». Заодно он заметил, что «надо прибрать в стране, поскольку мы живем в ужасающей грязи»[18]. Инициатива была услышана и, как сообщали российские информационные агентства, Президент России Дмитрий Медведев пришел к мнению о необходимости «отметить в 2012 году 1150-летие **возникновения** российского государства»[19].

Между тем, с юбилейными датами как-то сразу не сладилось. Великий Новгород оказался тем «местом преткновения», где, за Гоголем, с самого начала «никак не вытанцовывалось». В первую очередь, среди ученых возник ряд вопросов вокруг самого юбилея Великого Новгорода, поскольку юбилейная дата города оказалась «тайной за семью печатями» – ее мотивация не была обозначена на официальном сайте. Аналитики предположили, что поскольку первое упоминание о приходе Рюрика датировано 862 годом, то для того, чтобы ему «было куда прийти», инициаторы юбилея отступили немного на 3 годы назад и самовольно «назначили» дату основания города Новгорода 859 годом. А между тем археологические находки XX ст. позволили датировать время основания Новгорода не раньше конца IX ст., то есть – несколькими десятилетиями позже после прихода Рюрика. Например, тот же Анатолий Кирпичников утверждает, что именно Старая Ладога (в настоящее время сельский поселок) стала «первой столицей древнего государства Русь, затем столица была перенесена в поселение вблизи нынешнего Новгорода, известного по летописям под скандинавским названием Хольмгард, а сейчас как Рюриково городище. Новгорода в тот период еще не существовало»[20].

Впрочем, к замечаниям нынешних ученых немногие прислушивались. Как следует из СМИ, губернатор Новгородской области Сергей Митин открыл слушание докладом «Новгородская земля – историческая колыбель российской государственности», апеллируя к историкам прошлого (Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского и Погодина), которые «считали 862 год датой зарождения русской государственности». А к тому же, заметил губернатор, в XIX столетии эта дата заслужила большое уважение со стороны российской общественности и власти: «В частности, указом императора Николая I (наверное, Александра II? – В.Т.) 862-му году был придан официальный статус «начального события российской государственности». Указ был принят к исполнению Министерством народного просвещения, и несколько поколений россиян с детства усвоили летописную версию образования своего государства»[21]. То есть, губернатор сообщил собравшимся, что был исторический прецедент, а потому никто традиции менять не будет. Что могли сказать нынешние историки против такой аргументации?

В итоге – «процесс пошел». В начале 2011 г. лидер ЛДПР Владимир Жириновский выступил с инициативой сделать Великий Новгород центром празднования 1150-летия России. В российских СМИ появилась информация, что основными центрами празднования в 2012 г. будут Москва, Киев и Великий Новгород. Кроме этих трех городов, где должны состояться главные мероприятия, должны участвовать еще и Изборск (Псковская область), Белоозеро (Вологодская область) и Ростов Великий (Ярославская область). На празднование 1150-летия Великого Новгорода правительством России было выделено финансирование в объеме 5

---

[18] Медведев призвал отметить 1150-летие России [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http: //www.newsland.ru/news/detail/id/412647/, свободный.

[19] Медведев предложил отметить 1150-летие возникновения российского государства [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsinfo.ru/news/2009-09-18/medvedev/722293/? mod..., свободный.

[20] В стране новый суперпроект – «1150-летие России» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.dp.ru/f/2010/07/27/V-strane-novij-superproek/, свободный.

[21] Форум умных людей. Новгородский губернатор: 1150-летие… [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://forum.nov.ru/lofiversion/index.php?t284667.html, свободный.

млрд. рублей. Сколько будет выделено на торжества в 2012 г. – пока что нам такая информация не встречалась[22]. Да и негоже считать чужие деньги.

Привлечение Киева

Тем временем, в полный рост стала проблема привлечения к праздничным торжествам Украины. Понятная вещь, инициатива должна была бы исходить якобы от общественности. Следовательно, в Украине были отмобилизованы контрагенты, которые, судя по всему, специализируются на пропаганде идей «Русского мира»: Европейский институт политической культуры (Киев), Информационное агентство «ИнфоРос», Информационное агентство «РБК – Украина», Институт Русского зарубежья (Москва) и портал Forum-ua.com. Как сообщалось в СМИ, 12 ноября 2010 года они организовали так называемые общественные слушания, на которые были приглашены видные представители украинской власти и оппозиции, ученые, эксперты, представители политических партий и общественных организаций, зарубежные дипломаты, эксперты и журналисты. Кто из приглашенных присутствовал – покрыто тайной, потому что в Интернете были представлены лишь выступления двух-трех участников с глубокими размышлениями на тему: «Вот я родился в Украине, или Беларуси, но работаю в настоящее время в Москве, а потому мне трудно идентифицировать себя – кем же в действительности я являюсь».

Впрочем, идеологию вышеназванного собрания озвучил директор Института Русского зарубежья Сергей Пантелеев. В кратком изложении ее можно возвести к ряду тезисов: выходцы из Украины всегда традиционно были «империостроительным» элементом и в Российской империи, и в Советском Союзе; ведущие русские геополитические концепции, в частности «евразийство», часто создавались этническими украинцами (П. Савицкий, П. Сувчинский, Г. Вернадский и другие); в настоящее время Украина могла бы выступить в качестве «связующего элемента» в налаживании российско-белорусских отношений. Стало быть, сформировался и социальный запрос на Украину. Подчеркивалась историческая, духовная и культурная роль Киева как традиционного центра «Русского мира». Ссылаясь на концепцию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Сергей Пантелеев высказал убеждение в том, что в российском обществе есть спрос на интеграционные инициативы со стороны Киева, которые соответствовали бы его статусу «матери городов русских» и «колыбели русского православия». В итоге С. Пантелеев выступил с инициативой созыва так называемого Гражданского форума Украины, России и Беларуси «как инструмента общественной дипломатии, способствующего гармонизации отношений между нашими государствами»[23].

Акцентируя на том, что в настоящее время в Украине постепенно рассеиваются евроиллюзии, участники этих общественных слушаний настоятельнее призывали «руководство Украины, ее внешнеполитическое ведомство оперативно и прагматично создать долгосрочный, выгодный и патриотичный, исходящий из глубинных интересов украинского общества, стратегический, геополитический восточный проект. И в первую очередь – на развитие отношений с Российской Федерацией и Беларусью»[24].

---

[22] См.: [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsland.ru/news/detail/id/412647/; http: //www.newsinfo.ru/news/2009-09-18/medvedev/722293/?mod...; http://forum.nov.ru/lofi-versi-on/index.php?t284667.html; http://forum.nov.ru/lofiversion/index.php?t278240.html, свободный.

[23] Сергей Пантелеев: России, Украине и Белоруси нужен Гражданский форум [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=19893, свободный.

[24] Конец евроиллюзий: нужен ли Гражданский Форум Украины… [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://fraza.ua/analitics/13.11.10/103445.html, свободный.

Второе дыхание это собрание получило 21 апреля в 2011 г. в Москве в Центральном доме журналиста, где состоялся международный круглый стол, «посвященный проблемам подготовки празднования в 2012 году 1150-летия образования Древнерусского государства». Своеобразным был и контингент этого собрания – «общественные деятели, ученые, представители официальных структур трех стран, специализирующиеся на работе с соотечественниками». Характер и устремление выступлений опять определил тот же С. Пантелеев, который, собственно, повторил все тезисы, озвученные перед тем в Киеве.

Вместе с тем, учитывая момент 1150-летия, он несколько изменил общественно-политический акцент своего выступления в сторону его якобы научной составляющей: «Здесь есть аспект исторический и общественный. Причем первый – определяющий». Содержание этого «научного аспекта», по словам научного эксперта собрания из Института славяноведения Олега Неменского, заключается в том, что «исторически мы являемся участниками единого государственного проекта и единой страны. Мы все вместе – это и есть Русь. Таково наше общее легендарное начало, записанное в Киеве, и не потерявшее своей актуальности и по этот день. Эта дата – росток нашего самосознания»[25].

Резолюция круглого стола тоже не отличалась оригинальностью: участники «призывали президентов Украины и Беларуси поддержать идею проведения торжественных мероприятий во всех странах-наследницах Древнерусского государства». Инициаторы данной идеи обратились также к главам государств России, Украины и Беларуси с предложением провести неформальный саммит, приуроченный к знаменательному юбилею. Отмечалось, что планируется разработка международной общественной программы праздничных торжеств, а также формирование соответствующего координационного совета. Изюминка круглого стола заключалась в заявлении, что «данное мероприятие – первая ступень по реализации еще одной масштабной идеи: создания Гражданского форума России, Украины и Беларуси». Вопрос о том, кто и из каких источников будет финансировать все эти форумы и программы, скромно замалчивался[26].

Идеологи «Русского мира» и не скрывают своей стратегической нацеленности различных юбилейных торжеств: «Древняя Русь вполне может стать новым интеграционным центром, объединившим не только славянские земли и народы, но и соседей, как это уже было в период Российской империи и СССР»[27]. В плане тактическом они рекомендует «раскручивать» по отношению к Украине и Беларуси идею об общем культурном пространстве, которое, дескать, уже существует де-факто, а впоследствии может стать и общим информационным пространством. Главное – добиться взаимодействия с профильными парламентскими комитетами восточнославянских стран и проведения неформального саммита трех глав государств.

И надо сказать – есть определенные подвижки. Участие в юбилее 1150-летия зарождения русской государственности мыслится в определенных кругах Украины в виде 1150-летия основания Киевской Митрополии и первого крещения Руси во времена князя Аскольда. На этот счет в Верховной Раде Украины уже зарегистрирован соответствующий проект постановления (№ 9597) о праздновании в 2012 году этого юбилея на государственном уровне. О праздновании заявили православные иерархи, как Московского Патриархата, так и Киевского. Мало кого волнует, что достоверных свидетельств такого крещения нет, а современная

[25] Совет по подготовке празднования 1150-летия образования [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1..., свободный.

[26] Единая Одесса [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.edinaya-odessa.org/publ/print: page,1,28858-obshhestve..., свободный.

[27] Шестаков, В. 1150 лет Древней Руси, или Очередная попытка исторически объединить Россию, Украину и Беларусь [Эл. ресурс]/ В. Шестаков. – Режим доступа: http://www. fraza.ua/print/28.04.115162/.html, свободный.

историческая наука относит дату основания Киевской Митрополии ко времени введения христианства в Киевской Руси Владимиром Святославовичем лишь к 988 году. В обосновании церковных деятелей довольно обтекаемо говорится, что где-то «в 860-х годах, то есть около 1150 лет назад, произошло крещение князя Аскольда и части русов, а также создание для Руси отдельной митрополии». И вот это расплывчатое «около», или «862 год – наиболее вероятная дата» служат в роли отправной точкой юбилея митрополии конкретно в 2012 году[28]. То есть – как раз ко времени празднования 1150-летия зарождения российской государственности. Я не берусь определять мотивацию действий тех или иных церковных иерархов – Бог им судья. Тем не менее, в этом эпизоде политизация православных церквей налицо.

Точки над "i"

Все эти, с позволения сказать, общественные инициативы, создавали лишь отдаленный фон для события действительно значимого. 22 июня в 2011 г. в старинном городе Владимире Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев провел совместное заседание президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию. Оно было посвящено подготовке к празднованию 1150-летия **зарождения** российской государственности в соответствии с Указом № 267. Следует отметить – этой новой редакцией было удостоверено, что на протяжении 2009-2011 гг. произошла эволюция в оценке русской властью юбилейной даты: речь шла уже не об «**образовании**», и не о «**возникновении**», а именно о «**зарождении**» российской государственности. И в этом можно видеть определенный сдвиг в общественном сознании России, потому что термин «зарождение» можно трактовать достаточно широко и найти в нем рациональное зерно.

Впрочем, о науке здесь можно говорить достаточно условно. Сам Д. Медведев резонно отметил, что «наука имеет право придерживаться абсолютно разных, диаметрально противоположных точек зрения на самые разные события». Другое дело, отметил Президент, преподавание истории в школе и университетах, где возникает проблема поиска так называемых консенсусных точек зрения «для того, чтобы наши молодые граждане получили некоторые общие представления о том, как происходило формирование нашей страны»[29]. Действительно, эти суждения являются справедливыми и общепринятыми во всем цивилизованном мире, поскольку воспитание будущего гражданина является задачей не только науки и образования, но и политического истэблишмента того или другого государства, что и видно из выступления Д. Медведева. В конце концов, наука и образование финансируются государством, а, следовательно, отмечает Президент России, «у нас сегодня есть уникальная ситуация, когда мы способны и этот юбилей отпраздновать должным образом, и в то же время дать толчок к развитию исторической науки, археологии и целого комплекса других наук, которые связаны с историей нашего государства. *Но, в конечном счете, это делается для того, чтобы мы получили дополнительные возможности для развития нашего государства*»[30] (курсив наш. – В.Т.).

---

[28] В УПЦ КП отметят 1150-летие учреждения Киевской Митрополии и Крещения Руси во времена Аскольда [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://risu.org.ua/article-print.php?id =45936&name=uoc_kp&_lang=ru&, свободный; К вопросу о начале русской иерархии. К 1150-летию основания Киевской Митрополии [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http:// www.religion.sn.ua/main/history/print:page,1,14789-k-voprosu..., свободный.

[29] Президент России. Официальный сайт [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://state.kremlin.ru/news/12075/print, свободный.

[30] Там же.

Следовательно, без всякого предубеждения или низкопоклонства следует признать, что это было выступление государственного деятеля, отстаивающего интересы своего государства в контексте вызовов времени, на которые Россия должна найти ответ с учетом реального соотношения социальных и политических сил внутри страны, а также глобальных тенденций в мире. А потому, как мне кажется, украинцы могут с пониманием отнестись к позиции Президента России. Например, когда он подписывал этот Указ, то долго думал: «надо его подписывать, не надо его подписывать, – и все-таки соображения в пользу празднования этого символического юбилея российской государственности перевесили, потому что это имеет значение *не только и не столько научное, может быть сегодня, сколько абсолютно практическое. А смысл очевиден: консолидация нашей страны, нашего народа в целях дальнейшего развития нашего большого и очень сложного государства*» (курсив наш. – В.Т.)[31].

Другое дело – интересы Украины, которые Дмитрий Медведев абсолютно не обязан отстаивать, о чем он достаточно дипломатично изложил в своем выступлении: «Теперь по поводу наших друзей на Украине, в Белоруссии… Конечно, мы заинтересованы в том, чтобы они с нами все это отпраздновали. Но мы люди вполне разумные и гибкие. Указ, который я подписал, подчеркиваю, это российский указ, а не украинский. Я – Президент Российской Федерации, а не Украины. Он называется «Празднование 1150-летия зарождения российской государственности», потому что он распространяется на территорию Российской Федерации. Конечно, мы можем рассматривать это событие как центральное звено возникновения русской государственности, потому что мы понимаем, что это были за события. И в этом смысле такая интерпретация абсолютно не противоречит смыслу этого документа. Пожалуйста, если наши украинские друзья в этом плане готовы с нами соучаствовать в этих процессах, я буду очень рад. Естественно, и на своем уровне я обязательно подниму этот вопрос во взаимоотношениях с Украиной и Белоруссией»[32].

Здесь, как по мне, имеет место определенная сложность для украинца в адекватном восприятии позиции русской стороны. Она заключается в том, что в современных русских текстах отсутствует древнее написание «русьская», как это характерно для XI в., или же написание «руськая», как это было принято в XV в., но зато употребляется «русская», когда не совсем ясно, о чем идет речь – о «русских» как «великороссах», или же о «россиянах» как гражданах России, или, в конце концов, о населении древней Руси. Поэтому и трудно догадаться, о чем говорил директор Института всемирной истории РАН Александр Чубарьян, когда он интерпретировал мнение Д. Медведева таким образом: необходимо рассматривать события времен Рюрика как цивилизационное поле, на котором «сформировалось русское государство», и «на котором впоследствии зарождались основы для государственности и Украины, и Белоруссии»[33]. Выходит так, что сначала сформировалось «Русское государство», а уже потом впоследствии закладывались основы государственности Украины и Беларуси.

Здесь приходится лишь руками развести – насколько дипломатично сформулирована позиция Президента Российской Федерации, настолько же банально в трактовке директора Института всемирной истории опять всплыл тот же печально известный феномен «старшего брата». Если бы в выступлении А. Чубарьяна это положение прозвучало так: «А уже потом впоследствии закладывались основы государственности России, Украины и Беларуси», то можно было бы зафиксировать факт сдвига в общественном сознании россиян – наконец то они избавились от комплекса «старшего брата». Но этого «если бы», увы, не случилось.

[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.

Торжество презентизма

Возникает законный вопрос – откуда этот безумный спрос на разнообразные юбилеи и торжества, который часто ставит историков в такое незавидное положение? На этот вопрос пытается дать ответ французский исследователь Франсуа Артог[34]. Он обращает внимание на то, что на фоне глобализации, формирования «мировой экономики» и, одновременно, растущих угроз потерять «мировое культурное достояние», состоялся настоящий всплеск общего увлечения всем, что связано с памятью о прошлом. Эти общественные потрясения и кризисы последнего времени заострили желание возобновить нарушенную «связь времен».

Однако мемориальный бум конца XX – начала XXI в. вовсе не свидетельствует, что общество стало пристальнее всматриваться в свое историческое прошлое. Напротив, по мнению Артога, увлечение исторической памятью стало лишь проявлением настоящего диктата современности. В действительности происходит окончательное вытеснения из повестки дня двух типов исторического мышления: 1) того, что проверяет современное прошлым, и 2) того, что проверяет современное будущим. Из этой отправной точки именно день сегодняшний в борьбе за умы людей пытается самоутвердиться, более того – поставить себе на службу и прошлое, и будущее. Этот современный презентизм исходит из того, что современное должно самостоятельно идентифицировать себя независимо ни от своего прошлого, ни от ожидаемого будущего, как это было доныне. Более того, современное призвано к тому же целеустремленно детерминировать как прошлое (что мы должны вспоминать и хранить, а что забыть), так и будущее (что именно мы строим и какую судьбу прокладываем человечеству). В итоге – современное берет на себя ответственность и за прошлое, и за будущее.

Но здесь прячется и своеобразная ловушка: если, по утверждению немецкого исследователя Рейнхарта Козелека, динамика исторического времени создается напряжением, которое возникает между пластом приобретенного опыта и горизонтом ожиданий[35], то презентизм наоборот – самостоятельно формирует для себя комфортное прошлое и определяет себе такое же комфортное будущее, в итоге теряет реальное ощущение вызова времени и, как следствие, формулирует такой же неадекватный ответ на неадекватное понимание вызова времени. С таким ощущением времени общество может некоторое время уютно существовать, когда для этого накоплены необходимые ресурсы, но такое общество теряет жизненную энергию – тот же потенциал напряженности между прошлым опытом и горизонтом устремлений. Рано или поздно в таком обществе может воцариться психология мироеда: «После нас – хоть потоп».

Но, как говорится, случилось то, что случилось, и это касается не только нас с нашими юбилейными заботами. Следует констатировать: в последней трети XX века в европейском историческом сознании воцарился презентизм – общество делает предметом культа современность. Конечно, все новое есть хорошо забытым старым. Так и идеи презентизма имеют свои истоки в прошлом – к предшественникам презентизма можно отнести античных эпикурейцев и стоиков. Можно при случае вспомнить и знаменитую фразу Гете из «Фауста» – «Остановись, мгновенье!». Да и у философии экзистенциализма есть немало элементов презентизма. Но у презентизма конца XX – начала XXI веков есть свой оригинальный профиль. В его основании лежит разочарование во всех иллюзиях и идеалах: там, где не остается веры ни в революционную идею, ни в социалистическое общество, ни в национальное государство, ни в лучшее будущее – наибольшую ценность приобретают лишь богатство, комфорт и

[34] Артог, Ф. Порядок времени, режимы историчности [Эл. ресурс]/ Ф. Артог. – Режим доступа: http://magazines.ru/nz/2008/3/ar3.html, свободный.

[35] См.: Козеллек, Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії/ Р. Козеллек. – К., «Дух і літера», 2006. – 436 с.

соблазнительная мгновенность ощущений. Франсуа Артог перечисляет самые разнообразные виды выявления этого «бытового» презентизма: от мировосприятия безработного (а вместе с тем и беззаботного) клошара к созерцательной психологии состоятельного туриста; от косметических препаратов против ожирения и старения – к самым современным информационным технологиям.

Следует особенно отметить то, что современное в процессе своего «самообожествления» ведет себя крайне агрессивно: ему недостаточно уже быть просто современным, оно стремится заручиться местом в истории, увековечить себя в ней. Политические деятели сознательно выстраивают свою биографию в виде отыскивания последовательных шагов на пути своих «исторических» выступлений и «выдающихся» деяний, а также в выявлении повышенного интереса к собственной родословной (идут активные архивные поиски генеалогии).

Массово нанимаются социологи и политтехнологи, которые выстраивают имидж своего патрона ссылками на всевозможные социологические опросы за определенный период. Разнообразные «юбилейные торжества» – то ли коммерческой фирмы, то ли учебного заведения, или учреждения – становятся ключевым моментом создания имиджа и бренда институции. Что уже говорить о разнообразных государственных торжествах с их фейерверками и шумными парадами, с помощью которых представители правящего класса, которые исповедуют презентизм, пытаются освятить свою собственную современную идентичность.

В звездный час презентизма «память» приобретает все больший удельный вес, оттесняя историю-науку на второй план. Изучение коллективной памяти того или другого региона или какой-то социальной страты презентизм пытается поднять до уровня аналога «истории ментальностей». Память, которая поставлена на службу презентизму, становится способом осознать и распространить среди широкой общественности свое местечковое понимание духа современности. Разнообразные исторические места и региональные герои конструируются и постоянно реконструируются в соответствии с текущей конъюнктурой, которая вызывает самые разнообразные, порой травматические, реакции со стороны других сегментов общества. В угоду правящему классу переписываются национальные истории, формируются разнообразные национальные символы, массово продуцируются «национальные герои», которые должны увековечить современный фрагмент из жизни страны и предоставить ему статус события воистину исторического, с надлежащим величием и почестями.

При таких условиях историк теряет ряд функций, которые ему были присущи в прошлом. Он перестает быть своеобразным «обнаженным нервом», который пытается нащупать и угадать в прошлом пока что невыразительные черты будущего, перестает быть и посредником между прошлым и будущим. Место историка занимает политтехнолог, который удостаивается права посредничества между современниками, отводя им (из их же разрешения) то или другое место в нынешней общественной иерархии. Этот политтехнолог выбирает одновременно в прошлом лишь то, что отвечает исторической памяти государственных мужей дня сегодняшнего, одновременно пренебрегая тем, что для понимания его вельможных современников потеряло вес и не является актуальным, с их точки зрения, для общественного интереса. В итоге адепты национальной памяти и их соратники рассказывают о том, что государственные мужья хотят помнить, и ни в коем случае о том, о чем они пытаются забыть.

Вот такая по существу заземленная и укороченная, даже травмированная, историческая память в силу отмеченных обстоятельств превращается в сжатые сроки в своеобразную метаисторию, поскольку в поединке между памятью и историей преимущество стало отдаваться все-таки памяти. К тому же общественному мнению стала навязываться мысль, что

именно вот такое «отфильтрованное» понимание истории и является в действительности реализацией идеи «ответственности перед памятью поколений».

Что празднуем?

Подводя итоги, следует акцентировать на том, что успех празднования любого юбилея, о дате которого договариваются (и это вошло в норму!), зависит от его содержательного наполнения. Всегда на первом месте должен стоять вопрос: какую сверхзадачу мы ставим, и какого конечного результата ожидаем? С моей точки зрения, эта сверхзадача в Украине была четко сформулирована Ларисой Ившиной в предисловии к книге «Сила мягкого знака»: «подняться до уровня собственной истории»! Но, как мне кажется, в этой истории следует вычленить доминирующее звено, которое сегодня является первостепенным, – «Русь-Украина как мир-система», в первую очередь как система власти и надлежащей моральной и соционормативной культуры – а уже через эту призму и анализировать украинскую историю.

Вся история Украины является своеобразной иллюстрацией сложности осуществления основного социокультурного закона – определения меры в процессе объединения цивилизационной специфики культуры и социальной практики. Основное противоречие, которое было заложено в генофонде формировавшегося украинского народа после распада Руси, состояло в том, что унаследованная преимущественно восточная, греко-византийская религиозная и культурная традиции в силу исторических обстоятельств должна была найти адекватный ответ на вызов со стороны общественно-политической системы Запада.

Уже 1000 лет тому назад крещение Киевской Руси имело свои особенности. Кирилл и Мефодий еще в час пребывания в Великой Моравии стремились отстоять право славянской общности на самостоятельность, отыскать свой путь между римским и византийским влиянием[36]. Уже тогда намечавшийся раскол церквей они пытались разрешить обращением к истинам раннего христианства. Евангелизм Киевского христианства в большой мере был сориентирован на традицию апостола Павла, утверждающую единство и равенство во Христе всех людей. Эта версия христианства закладывала предпосылки идеи «свободной личности», интерес к внутреннему миру человека, его души, поиску Бога, страдания и сочувствия. Новый Завет был источником первооснов свободной личности в ментальности народа[37].

В итоге, магистральное направление соционормативной культуры украинского народа формировалось в традиции раннего восточного христианства, апеллируя к равенству и нестяжательству. А взаимодействие двух противоположных традиций – восточного культурного наследия, с одной стороны, и инновационных рационалистических влияний западных социальных отношений – подталкивали украинцев к синтезу Востока и Запада, делали Украину инициатором объединительных традиций. Но, увы – результаты оказались драматичными. Украина, размещенная между мирами греческо-византийской и западной культур и законный член их обоих, пыталась в течение своей истории объединить эти две традиции в одну живую синтетическую модель. Она приближалась к этому синтезу в великие эпохи своей истории, однако вопреки богатым возможностям и частичным успехам, попытки окончательного синтеза свелись к неудаче. Украина не сумела полностью выполнить эту миссию и пала под гнетом чрезвычайного внешнего давления и внутренних противоречий.

XX в. снова поставил Украину перед задачей самоопределения. Ее разрешение Михаил Грушевский видел на пути синтеза исторического опыта, приобретенного украинским народом и в княжеский период (до Люблинской унии 1569 г.), и времен Гетманщины. Однако освободительное движение 1917-1921 гг. засвидетельствовало недостаточный государствен-

[36] Українська церква між Сходом і Заходом/ наук. ред.: П. Яроцький. – К., 1966. – С. 11-12.

[37] См.: Історія релігії в Україні у двох томах. Т. 2. – Українське православ'я. – К., 1977. – С. 9-23.

нический потенциал крестьянства, которое составляло в те годы до 90% украинского населения в целом. Разрешение проблемы синтеза, а значит и появления новейшей Украины, снова откладывалось ко времени возникновения новых гео-политических условий и наращивания новых движущих сил.

Теоретик украинского государственного строительства Вячеслав Липинский поставил задачу на будущее в принципиально новое русло: вместо восприятия украинцев как этноса, он призывал формировать украинство как гражданское сообщество, способное синтезировать опыт Востока и Запада. На этом пути, писал Липинский, «основным отличием Украины от Москвы является не язык, не племя, не вера…, а другое, образованное веками политическое устройство, другой… метод организации правящей страты, другие взаимоотношения верхов и низов, государства и гражданства – тех, кто управляет, относительно к тем, кем правят»[38].

Вот эти отличительные признаки русских и украинцев застрельщики «триединого русского народа» стараются в упор не видеть, размахивая в то же время жупелом «мазепинщины» – как якобы проявления сепаратизма, радикального национализма, а то и расизма. И это очень досадно для нашей современности, которая создает спрос на подобных идеологов, вносящих раздор между нашими странами. Как отмечает ведущий теоретик по расовому вопросу Клод Леви-Стросс, благодаря навешиванию ярлыков расизма «в умах людей произошла путаница понятий расизма и антирасизма»; и дальше объясняет: «Любая культура развивается благодаря обмену с другими культурами. Но необходимо, чтобы каждая культура оказывала определенное сопротивление, в ином случае она очень быстро утратит то, что присуще только ей»; по мнению ученого, «эта ситуация существовала фактически во все времена. Это норма человеческого поведения. И называя это расизмом, мы рискуем разжечь вражду, потому что большинство неискушенных людей скажут: ну, если это расизм, значит, я – расист»[39]. И если, не приведи Господи, во время юбилейных торжеств застрельщики определенных политических сил пойдут на взаимные обвинения в расизме или радикальном национализме, то это будет что-то на грани преступления против человечности.

Точки соприкосновения

Таким образом, это самое «определенное сопротивление» в сфере культуры по Леви-Строссу и представляет собой тот самый барьер, который украинцам (одним – трудно, другим – невозможно) перешагнуть в отношении к совместным юбилейным празднованиям 1150-летия зарождения российской государственности. И суть дела скорее не в украинской стороне, а в позиции стороны российской – поскольку сила действия всегда порождает силу противодействия. Дабы уйти от необходимости анализировать российские предрассудки (занятие довольно деликатное и неблагодарное), предоставлю слово известному российскому публицисту, поэту и националисту Алексею Широпаеву. Кстати, отношусь к понятию национализма без какого-либо предубеждения, как к одному из течений общественной мысли.

Касательно российско-украинских отношений он пишет: «Все-таки в отношении русских к украинцам, к Украине таится что-то ключевое судьбоносное – для нас русских. Для украинцев Россия тоже значима, но только как точка отталкивания, помогающая осознанию своей, украинской, инаковости. Для русских же Украина, напротив, точка постоянного притяжения, ревнивого внимания, объект поглощения как чего-то «исконно своего» и переделки

[38] Липинський, В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму/ В. Липинський. – Київ-Філадельфія, 1995. – С. XXV.

[39] Раса и политика. Беседа Клода Леви-Стросса с Дидье Эрибоном [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.politizdat.ru/interview/70/, свободный.

по собственному образу и подобию. Ничто так не раздражает русских, как очевидные различия с украинцами в языке, менталитете, культуре, историческом опыте. Если русские и признают эти различия, то лишь на уровне различий, скажем, между Владимирщиной и Рязанщиной, но никак ни на уровне отношений двух разных народов… Надо сказать, что на словах русские всегда готовы признать, что украинцы – народ, но внимание! – «братский народ». За этой лукавой формулой кроется твердое убеждение, что мы – русские и украинцы – ОДИН народ, призванный жить в одном государстве со столицей в Москве»; украинцы не могут воспринять такой тип мышления, когда, по Широпаеву, говоря о «братском украинском народе», большинство русских воспринимают украинский язык и само украинство как досадное историческое недоразумение, исторический вывих, возникший благодаря зловредному влиянию Литвы и Польши: «И при этом русские не задаются вопросом: а может вывихом-то являются они сами?»[40].

Однако радует то обстоятельство, что новое отношение к Украине формируется ныне во все более широких слоях населения – и, в первую очередь, в среде демократически настроенной российской интеллигенции. Например, такие авторитетные российские историки как Ю. Пивоваров и А. Фурсов призывают: «Надо заглянуть поглубже в Историю – в киевские времена, помня при этом, однако, что «киевская модель» не просто отличалась от «московской модели», но во многих отношениях была ее антиподом, и что не Москва, а Литва (Великое Княжество Литовское, Руськое и Жемайтийское. – В.Т.) – реальный «модельный» наследник Киевской Руси»[41].

Не отказываясь от «киевского наследства» (и они правы, потому что Русь была своеобразной цивилизационной Вселенной во всей Восточной Европе, которая, кроме киевского «ядра» имела еще и громадную «Внешнюю Русь»), указанные авторы определяют для себя, что все, «что мы называем Русской Системой, стало возникать в ордынскую эпоху (этот термин представляется нам более адекватным, чем «удельная эпоха»), при «белокостных» («цаган ясун») ордынских царях... Историческим «мигом-вечностью» рождения Русской Системы стала Великая Самодержавная Революция (1517/1565-1649), в ходе которой в форме самодержавия окончательно сформировался-выковался тот субъект – Русская Власть, который мог создавать, конструировать, высекать, полагать, спациализировать (от «space» – пространство) некую систему»[42].

Если инициатива Острожской академии войдет в практическую фазу, и мы в Украине будем отмечать какую-то юбилейную дату, связанную с историей Руси-Украины, то, очевидно, следует согласиться с трактовкой Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым относительно тех характерных черт «Руськой Системы» киевского периода, которые мы уважаем и пытаемся отвечать им в настоящем. В первую очередь речь, очевидно, идет о том, что тогдашняя Русь была обществом европейским и полисубъектным. Европейский тип общественного развития отличается от других тем, что основан не только на фиксации субъектности общества, но и самого субъекта в обществе. Принятие христианства стало не только громадной духовной, но и социальной революцией. Оно создало социальную модель индивидуального субъекта, где, в сущности, был соединен индивид физический и индивид социальный.

Христианское общество является полисубъектным как социальный тип: историческими субъектами в нем становятся (и признаются) отдельные индивиды, группы, корпорации, институции и государство. Так или иначе, в контексте властных отношений разные княже-

[40] Широпаев, А. Украинский и российский пути в истории: толчок к размышлениям [Эл. ресурс]/ А. Широпаев. – Режим доступа: http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=298307 &mainlang=rus, свободный.

[41] Пивоваров, Ю.С., Фурсов, А.М. Русская Система: генезис, структура и функционирование (тезисы и рабочие гипотезы)/ Ю.С. Пивоваров, А.М. Фурсов // Русский исторический журнал. – 1998. – № 3. – С. 16.

[42] Там же.

ства Руси представляли собой «социальные четырехугольники» с углами: «князь», «боярство», «вече», «церковь». Понятно, что в разных землях Руси доминировали разные «углы». Но даже там, где господствующим «углом» был княжеский, даже там, где у князя исторически была наилучшая позиция относительно других «углов», где не «общество» призывало князя, а княжеская власть в силу целого ряда причин выстраивала общество (Северо-Восточная Русь), эта власть не имела в своем распоряжении такого объема насилия, чтобы стать единственной и качественно изменить соотношение сил, «углов» в четырехугольнике, не говоря уже о том, чтобы сломать его, а тем более лишить «углы» субъектности.

Аргументация Ю. Пивоварова и А. Фурсова такова: «Когда Андрей Юрьевич Боголюбский, решив действовать по принципу «власть первична», «власть всё», попытался подмять под себя бояр и церковь, стать первым в русских историях (а ретроспективно и в Русской Истории) единодержцем и превратить «четырехугольник» власти в сингулярную точку Власти, из которой возникает все остальное, его отправили на тот свет»[43]. В то время личные устремления князя еще не стали доминирующими – не было у власти сил для осуществления тотального насилия, тем более, что ей противостоял вооруженный народ. Русич-простолюдин домонгольських времен часто был не только вооруженным, но и знал, что за ним стоит вече.

То, что случилось с демократическими традициями Руси впоследствии, это уже другая тема для разговора. История того или иного общества является открытой системой, а ее развитие не является фатально предопределенным – всегда есть альтернативы, не говоря уже об игре случая. Исторический процесс можно было бы признать мистическим, если бы из него исключить случайность, писал Карл Маркс. И он был прав. Сегодня мы тоже находимся в состоянии выбора – или демократической традиции системы власти, или самодержавной – и этот выбор зависит от каждого из нас. Именно эту мысль в первую очередь должны были донести до общественного сознания устроители торжества, если бы дело дошло до какого-то провозглашенного юбилея Руси-Украины.

Хотя, как мне кажется, сегодня еще нет необходимого общественного консенсуса на предмет какой-то годовщины украинской государственности. Да и само государство ныне не вызывает пока что в общественном мнении необходимого для юбилея пиетета. Что, несомненно, может сплотить Украину – это предстоящий юбилей 200-летия Тараса Шевченко с неизбывной тоской Великого Кобзаря по социальной справедливости и равенстве всех народов.

[43] Там же. – С. 19.

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

ЭКВИФИНАЛЬНОСТЬ И ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

А.П. Огурцов
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье рассмотрены многообразные формы анализа науки, существовавшие в советской философии, и фундаментальные понятия системного подхода к науке, развивавшегося М.К. Петровым.*

Ключевые слова: *анализ науки, эквифинальность, человекоразмерность.*

От редакции

В следующем году исполняется 90 лет со дня рождения Михаила Константиновича Петрова – выдающегося мыслителя и ученого, с обычной российской судьбой в ее советском оформлении. В ознаменование этого события (юбилея, а не советской судьбы) наш журнал открывает рубрику, посвященную исследованию и разработке идей М.К. Петрова. В этом номере публикуется первая подборка материалов.

Обращаемся ко всем, кто знал Михаила Константиновича, с просьбой присылать статьи и иные материалы на эту тему.

А. Ретроспективный взгляд на советскую философию науки.

Несколько слов из предыстории:

1. Объяснение состава и введение термина «науковедение» (И. Боричевский, 1925) и методология науки (Ивановский В.Н., 1923) в 20-е годы как первый итог исследований науки в противовес пролеткультовской идеи «классовости науки» (М. Смит и др.).

2. Варианты анализа научного знания в 30-е гг.: как системы и как процесса (А.Г. Грузинцев, 1929), как расширение фронта открытий (Т.И. Райнов, 1929), как основания развития техники (Н.И. Бухарин, 1934).

Анализ научного знания в СССР можно датировать 60-ми гг. прошлого века. Освобождение от манихейских «черно-белых» идеологических установок и поворот к уяснению реальной практики реальной науки. Тесная связь методологии и логики науки с историко-научными реконструкциями.

3. Анализ структуры научного знания и его варианты:

3.1. Научное знание как система понятий (Б.М. Кедров, А.И. Уемов). Историко-научные исследования развития и смены понятий науки.

3.2. Научное знание как система пропозиций и анализ языка науки. Синтаксический подход к научному знанию. Применение современной символической логики к анализу структур репрезентации научного знания и возникновение логики науки (А.А. Зиновьев и др.). Формирование стандартной концепции науки и ее трудности: разрывы между уровнями языка, поиски соответствия между ними и др. Семантический подход в логике науки (В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова и др.).

3.3. Расширение области исследований науки: осмысление процедур и актов познания – моделирования (Е.П. Никитин, Б.С. Грязнов и др.), осознание специфичности теоретических объектов – идеальные объекты теории и их роли, рефлексия над методами науки и формирование методологии науки.

3.4. Попытка преодоления разрыва между синтаксическим и семантическим подходами к науке – возникновение семиотического (А.Е. Левин) и системно-структурного подхода к научному знанию (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин и др.). Уяснение многообразия системного подхода к науке – от статичных до эволюционирующих систем, от малых групп до дисциплинарного сообщества (М.К. Петров).

4. Генезис логики научного исследования (П.В. Копнин и др.) и ее проблематика: проблема и вопрос, факт и его интерпретация, научный поиск, способы систематизации знаний и формы их репрезентации. Разрыв между логикой науки и логикой научного исследования. Взаимоотношения между теориями и осознание структур дисциплинарного знания (М.К. Петров).

5. Содержательно-генетическая логика (Г.П. Щедровицкий и ММК): преодоление разрыва между психологией и логикой, поворот к математической теории групп и теории операционального интеллекта Ж. Пиаже. Новые концептуальные средства анализа науки: схемы сознания, онтология, генезис методологии и др.

6. Возникновение вероятностного языка науки как самоорганизующейся информационной системы (В.В. Налимов, С.В. Мейен).

7. Наука как деятельность, ее нормы и идеалы (В.С. Степин и минская группа исследователей). Наука в системе образования: необходимость ее реформ и их программы.

8. Наука как «всеобщий труд человеческого духа» и попытка разграничить универсалии науки и ее формы ее кооперации (В.С. Библер, В.Ж. Келле). Наука в системе культуры (Н.С. Злобин, В.М. Межуев).

Итог: многообразие способов исследования науки, эпистемические разрывы в научном знании, разрывы между системами науки и образования, ориентация на физику и ее процедуры, исчезновение научных школ, утрата доверия к науке.

Специального и более детального разговора требует системный подход к науке, который мною уже был назван. Пока же я остановлюсь на той позиции, которая представлена М.К. Петровым – известным российским социальным философом, и которая имеет самое непосредственное отношение к анализу науки.

Б. Ретроспективный анализ двух понятий системного подхода к науке М.К. Петрова

Эквифинальность и человекоразмерность составляют те два понятия, которые М.К. Петров кладет в основание своей социологической концепции науки. Первое из них используется М.К. Петровым в системном анализе науки, а второе выдвинуто им самим. Они являются, по моему мнению, как философско-онтологическим, так и методологическим основанием его исследований науки. Они становятся у него той системой отсчета, в которой рассматривается наука, и одновременно той реальностью, которой является наука как некое

системное образование. Иными словами, эти два понятия задают не только способ системного видения науки, но и ту реальность, которая наделяется чертами системности и определенными характеристиками размерности. Мне хотелось бы разобраться с этими двумя понятиями, выявить их истоки, внутреннюю их связь или альтернативность и показать, к каким результатам они ведут.

1. *О понятии эквифинальности.* Это понятие выдвинул Г. Дриш – немецкий биолог и философ в книге «Витализм» (СПб, 1914). Оно является одним из результатов экспериментальной эмбриологии и сравнительной морфологии, характеризуя процесс развития, когда сохраняется его результат при резком изменении путей достижения этого результата. А.А. Любищев отмечает, что понятие эквифинальности восстанавливает понятие конечных причин – causae finales[1]. Конечные, целевые причины, от которых якобы отказалась эволюционистская биология, тем самым вводились в структуру биологической теории в качестве одного из ее важнейших принципов. Ведь энтелехия, понятая как цель, задает и пути эволюции, и естественный отбор может быть понят как цель, свойственная эволюционирующим организмам. От понятия целесообразности (как бы она не называлась – «конечными причинами», «энтелехией», «телеономией») биология никогда не отказывалась, нередко, правда, скрывая само его использование.

Понятие «эквифинальности» было продолжено в понятии «динамически предсуществующей морфы» А.Г. Гурвича, который, правда, позднее от него отказался в пользу теории клеточного поля. Любищев в своих письмах к Гурвичу обращает внимание на эту смену позиций своего адресата, характеризуя ее как замену холистического понимания поля интерференционным и считая «резкую перемену фронта» необоснованной[2]. Но, как заметил Л.В. Белоусов, «основная мысль теории осталась прежней: всегда речь шла о едином факторе, определяющем направленность и упорядоченность биологических явлений»[3].

В это же время понятие «эквифинальности» стало применяться не только к клеточным полям, к клеточному обмену, к обновлению клеток и к организму, но и к популяциям. Так, известный американский эколог Р. Уиттекер применил понятие эквифинальности к развитию растительных сообществ при различных первоначальных условиях, сообществ, достигающих высшей точки эволюции[4]. Итак, речь идет не только о расширении сфер применения этого понятия (оно стало применяться и в психологии, и в социологии, и в психиатрии, и в менеджменте), но и об его универсализации – о превращении его в одно из основных понятий и естествознания, и социальных наук, и гуманитарных наук. Эквифинальность – это переход из разных начальных условий в одно и то же финальное состояние, наличие различных путей и разных начальных условий при достижении одного и того же конечного состояния. Финальное состояние и предстает как цель формирования, эволюции, перехода. Такого рода процессы оказались присущи явлениям жизни, процессам эмбриогенеза, эволюции, экологии и др. Широкое распространение этого понятия стало одной из причин его универсализации, т.е. превращения его в одно из методологических средств общей теории систем, что связано с именем Л. фон Берталанфи.

М.К. Петров апеллирует к работам Л. фон Берталанфи, который, противопоставив открытые и закрытые системы, считал, что открытая система, достигая состояния подвижного равновесия, в котором сохраняется постоянство ее структуры «в процессе непрерывного обмена и движения составляющего ее вещества. Подвижное равновесие открытых систем ха-

[1] Любищев, А.А. Редукционизм и развитие морфологии и систематики/Любищев А.А. Проблемы формы систематики и эволюции организмов/ А.А. Любищев. – М., 1982. – С. 239-240.

[2] Любищев, А.А., Гурвич, А.Г. Диалог о биополе. Ульяновск/ А.А. Любищев. – М., 1998. С. 158-159.

[3] Белоусов, Л.В., Гурвич, А.А., Залкинд, С.Я., Канегисер, Н.Н. Александр Александрович Гурвич/ Л.В. Белоусов, А.А. Гурвич, С.Я. Залкинд, Н.Н. Канегисер. – М., 1970. – С. 91.

[4] Whittaker, R.H. A Consideration of Climax Theory: The Climax as Population and Pattern/ R.H. Whittaker // Ecological Monographes. – Vol. 23. – 1953. – P. 536-544.

рактеризуется принципом эквифинальности, то есть в отличие от состояний равновесия в закрытых системах, полностью детерминированных начальными условиями, открытая система может достигать не зависящего от времени состояния, которое не зависит от ее исходных условий и определяется исключительно параметрами системы»[5]. С таким характером открытых систем он связывает их негэнтропийность и увеличение их порядка и сложности.

Петров обращается к урбанистике и к науковедению для выявления эквифинального характера их развития. Так, ссылаясь на работы Н.Ч. Маллинза и Т. Куна, он обращает внимание на эквифинальность заключительных стадий восстановления дисциплинарной нормы – институциализацию научной дисциплины, которая связана с основанием журналов, учреждением кафедр, должностей для новых специальностей. Формирование и эволюция научных исследований завершается одинаковым результатом институциализацией научной дисциплинарной деятельности – созданием устойчивого и универсального набора идентификаторов научной дисциплины, хотя пути формирования и ее эволюции могут быть различны (революционная смена парадигм vs нормальная наука, по Т. Куну, четыре стадии развития научных групп в дисциплины – норма, сеть, рой или сплоченная группа, специальность или дисциплина, по Маллинзу). Науковедение и стало исследовать такого рода «универсальные процессы интеграции когнитивно-социальных единиц, процессы эквифинальности»[6].

По моему мнению, к процессам формирования и развития научных дисциплин вполне приложимо понятие «эквифинальности». В этом М.К. Петров прав. Действительно, дисциплинарное знание формируется различными путями, в разных начальных условиях и завершается признанием научной дисциплины сначала микросообществом ученых и затем макросообществом, включающем не только ученых, но и администраторов от науки, от системы образования и пр. Историко-научная реконструкция различных путей формирования новых научных специальностей и превращения их в дисциплинарную деятельность со специфическими нормами – задача не из легких, но крайне необходимая. Кроме того, формирование и развитие научной дисциплинарной деятельности связано и с созданием кафедр, журналов, системы подготовки и переподготовки научных кадров и т.д. Более того, механизмы когнитивной и социальной институциализации научных дисциплин оказываются неразрывными друг от друга и вполне реально говорить о едином когнитивно-социальном процессе формирования дисциплинарных структур, где дисциплинарное знание вместе с дисциплинарным сообществом и оказываются тем «когнитивно-социальным полем», которое, будучи организмически целостной структурой, обуславливает их микроизменения и микропроцессы.

Но у меня возникают сомнения в возможность применения понятия «эквифинальность» в урбанистике, к формированию и развитию городов. Эти сомнения связаны, прежде всего, со спонтанностью развития городской застройки (несмотря на существование разных контрольно-бюрократических инстанций), с включением в жилищные кварталы т.н. «точечных застроек», со стройками зданий разных архитектурных стилей и т.д. Город сохраняет старую планировку своих улиц, кварталов, районов. Планировка города во многом стихийна, хотя ныне каждое новое строительство требует согласования с большим числом разного рода инстанций. Так, Москва сохранила кольцеобразную структуру феодального города с сакральным и административным центром – Кремлем и радиальными улицами, ведущими к Кремлю. И как бы ни стремились архитекторы и урбанисты перестроить организацию города, она все же остается прежней. Более того, даже новое строительство подчиняется этой кольцевой и радиальной логике, что находит свое выражение, например, в строительстве по такому же плану метрополитена.

Можно ли назвать такую устойчивость кольцевой и радиальной структуры плана Москвы и ее метро «эквифинальной»? В каком-то смысле можно. Но в таком случае эквифиналь-

[5] Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор/Исследования по общей теории систем/ Л. фон Берталанфи. – М., 1969. – С. 42.

[6] Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы/ М.К. Петров. – М., 2004. – С. 26.

ные, целостные архитектурно-строительные структуры нам уже заданы. Они не конструируются заново, а предустановленны прежними градостроительными практиками и сохраняют свою жизненность в новых условиях, которые далеки от прежних. И сломать такого рода «эквифинальность городской застройки» невозможно. В ней приходится жить новым поколениям, сталкивающихся с неадекватностью структуры города новым условиям. Так, многочасовые автомобильные пробки на улицах Москвы определяются, по-моему, не только большим числом личных автомашин, но прежде всего, сакрально-чиновничьей эквифинальностью городского строительства. Иными словами, структура современного города определяется прежде всего начальными условиями, но отнюдь не исключительно параметрами самой системы. Можно сказать, что урбанистика свидетельствует скорее об *антиэквифинальности,* о наращивании в структуре города тех компонентов, которые не адекватны параметрам ныне существующей системы, а адекватны тем параметрам, которые сложились в начальных условиях и сохраняют свою значимость на протяжении столетий. Да и сам Петров осознает этот факт, говоря о гетерономных синтезах субъективных и естественно объективных условиях человеческого существования в городе, о «разрезании целостных картинок городов по линиям гетерономных синтезов»[7]. Но он предлагает «снять» значимость такого рода спецификаторов застройки городов и «выбросить в корзину» как несущественные первоначальные условия, так и спецификаторы «открытых систем»[8]. В самой идее эквифинальности существует мотив преформизма, т.е. предустановленности движения из разных начальных условий к целостности открытой системы и ее развертывания на собственных основаниях. Этот преформистский мотив весьма силен в биологических теориях XVIII-XIX вв., но он не менее силен и в теориях других наук. Конечно, органически целостная теория формирует собственные параметры движения и детерминирует собою различные пути своего становления. Однако этот детерминизм целостных систем своих компонентов и уровней не следует превращать в супердетерминизм, который не оставил бы никакого места для вероятностной трактовки взаимоотношений целого и его компонентов. Пробабилистский взгляд на формирование и развертывание целостных структур исключает жесткий детерминизм, подчеркивая значимость законов-тенденций, точек бифуркации, возможностей и выбора между ними.

2. *О понятии «человекоразмерности».* Это понятие выдвинуто М.К. Петровым. Это понятие им сконструировано, им придумано и стало для него одним из центральных в системном анализе науки. Я как-то уже вспоминал наш разговор об этом понятии, когда мы шли по Беговой улице и ловили такси. В ответ на разъяснение им этого термина (правда, весьма краткое) я заметил: «Не является ли это понятие выражением «человекобожия»? Не свидетельствует ли оно об антропоморфизации того, что не поддается измерению в человеческих параметрах?» На что М.К. Петров ответил: «Нет!» и стал развивать тему, что наша деятельность (любая и когнитивная, и социальная, и техническая) свидетельствует об объективации человекоразмерных структур.

Мне не встретилось определение самим Петровым этого понятия. Он замечает, что человекоразмерность является «всеобщим эквивалентом и универсальным интегратором всех систем-городов»[9], что Протагорова метрика образует способ интеграции и упорядочения различных явлений и событий: «Хотя и здесь окажутся применимы кубы, квадратные метры и прочие объективные меры, сами они окажутся производными от совершенно иной размерности, переводом с языка метрики Протагора – «человек мера всех вещей», переводом с языка человекоразмерности»[10]. За эквифинальностью «стоит все тот же человек в своих физиче-

[7] Там же. – С. 23.
[8] Там же.
[9] Там же. – С. 23.
[10] Там же. – С. 22.

ских и ментальных возможностях и ограничениях»[11]. Сразу же скажу, что и я, увлеченный «антропным принципом» в космологии, говорил не о человекоразмерности, а даже об антропности биологии[12]. Позднее у меня возникли сомнения если не в правомерности, то в универсальности как «жесткого», так и «мягкого» антропного принципа в космологии, хотя, конечно, для возникновения жизни и человеческого сознания необходимо определенное соотношение фундаментальных физических констант.

Действительно, генезис геометрии связан с человекоразмерными единицами измерения Земли – фут, локоть и пр. Долгое время в разных странах пытались вводить единые меры – например, «королевский фунт» («pied du roi»), составлялись сопоставительные таблицы различных единиц измерения длины, веса и др. Иными словами, первыми единицами измерения служили органы человеческого тела. Однако здесь еще не идет речь о геометрии как науке. Речь идет о способах измерения земельных участков, о различных единицах измерения, которые в различных регионах различны. Но отнюдь не о той геометрии, которая сложилась в Академии Платона. Для ее возникновения потребовалось осуществление ряда условий – от гомогенизации пространства до формирования идеальных объектов (точки, линии, плоскости и различных геометрических, «платоновых» тел). И лишь столетия спустя – в эпоху Просвещения – были сформирована, предложена и гораздо позднее было принято то, что теперь известно как новая система мер и весов (в ряде европейских стран и в США – в XIX веке, в России – 14 сентября 1918 г.). И в первых попытках (например, Дюпона де Немура) введения единой системы мер и весов подчеркивалось, что речь идет об установлении мер и весов, наиболее отвечающих природе вещей, об универсальной и неизменной системе, основанной на единице, взятой из природы (слова Талейрана – одного из создателей новой системы единиц), Итак, речь идет не только об унификации мер и весов, различных даже в разных провинциях Франции, но о том, чтобы отказаться от прежних антропоморфных единиц и сконструировать систему мер и весов, адекватную природе вещей, т.е. деантропологизировать эту систему, лишить ее какой-либо связи с антропологией человека, сделать ее объективной и принять государственные декреты по ее всеобщему признанию. Были сконструированы идеальные масштабы измерения (килограмм, грамм, метр, дециметр, сантиметр, миллиметр и пр.) и они были признаны не только революционным Конвентом, но и всей Францией, став одним из важнейших факторов ее объединения в единое государство.

Введение новой системы мер и весов – одно из наиболее значительных достижений революционной Франции в отличие, например, от попыток введения революционного календаря. Благодаря этой новой системе было покончено с человекоразмерностью измерений, которые стали едиными и объективными. Правда, это потребовало громадных усилий по кардинальному изменению всех измерительных приборов, начиная с весов, техническими устройствами по измерению диаметра Земли и кончая научной аппаратурой. Надо сказать, что М.К. Петров усматривает в новой системе мер и весов производную от системы размерности, представленной в метрике Протагора. Это утверждение, по-моему, ни на чем не основано. Ведь эталоном длины была взято измерение дуги меридиана длиной в 9,5 градуса между Дюнкерком и Барселоной (метр равен 1/10 линии), а эталоном веса – масса 1 куб. см. воды при наибольшей плотности. Были созданы платиновые образцы длины – прототипы эталонов. Иными словами, здесь не идет речь ни о человекоразмерности новой системы мер и весов, ни о производном характере метрической системы от человекоразмерности. Таково мое первое возражение против идеи человекоразмерности.

Второе возражение состоит в том, что научное знание давно обратилось к идее бесконечности как актуальной, так и потенциальной. Сама размерность конечного существа создает громадные трудности для введения и постижения бесконечности. Если превращать чело-

[11] Там же. – С. 26.

[12] См., например: Огурцов, А.П. Антропность биологии и образы человека / Биология в познании человека/ А.П. Огурцов. – М., 1989. – С. 20-36.

векоразмерность в фундаментальную структуру когнитивных процессов, то в таком случае бесконечность будет чем-то вроде кантовской вещи самой по себе – она существует, но познаются только ее феномены. Начиная с Нового времени, наука конструировала аппаратуру, которая позволяла ей осмыслить бесконечность, формировала концептуальные средства в математике, в астрономии, в физике для того, чтобы постичь бесконечность. В современной космологии речь идет о расстояниях в миллиард световых лет, т.е. о тех, которые пройдет свет за миллиард лет[13].

Наука давно имеет дело с объектами, выходящими за границы человекоразмерности, и научные революции обусловлены расширением нечеловекоразмерности и ее постижением с помощью новых идеальных объектов и нового конструктивного оснащения. И эти средства не были человекоразмерными, наоборот, они свидетельствовали о том, что когнитивные способности человека вместе с научно-техническими устройствами вышли за пределы человекоразмерности и в состоянии объективно постичь бесконечность. Расширение возможностей человеческого восприятия – зрения и слуха с помощью различного рода технологий и высокоточной аппаратуры свидетельствует о том, что пределы человекоразмерности существенно раздвинулись и конструкторам тех спутников, которые посланы и будут посланы к Марсу, вряд ли имеет смысл напоминать об узких показателях человекоразмерности. В конечном светится бесконечность – так можно трактовать природу человеческого существа, а настаивание на человекоразмерности влечет за собой ограничение конечным, замыкание на конечном и отказ от осознания себя как бесконечного существа.

Идея человекоразмерности предполагает антропологическое видение человека, введение философской антропологии в качестве последнего основания философского знания, да и вообще всех когнитивных феноменов. Я, правда, не встречал у М.К. Петрова такого хода мысли. По моему мнению, М.К. Петров был не только одним из первых науковедов в нашей стране, защитившим кандидатскую диссертацию по науковедению, – «Наука о науке» (1965), но и выдающимся представителем социологического подхода в эпистемологии, того направления, которое теперь называется социальной эпистемологией. Для социального эпистемолога важны иные характеристики научного знания, чем для классического гносеолога: научное сообщество, а не творческая личность; стереотипы и нормы, а не авторские инновации; коды, а не выражение индивидуального видения проблем.

В самой идее «человекоразмерности» можно увидеть близость тому анализу «подручности» и «наличности», который был осуществлен М. Хайдеггером в «Бытии и времени» (1927), хотя сам Хайдеггер не признавал интерпретации своей концепции в духе антропологизма. «Подручное» – это человекоразмерное, говоря словами М.К. Петрова. Это сущее, окружающее меня, оно имеет характер быть «под рукой», близости, повседневного обращения[14]. В блестящей статье Ж. Деррида настаивает на том, что стратегия Хайдеггера «широко распахивает двери для архаизирующего поворота назад к деревенскому ремеслу (Handwerk) и осуждает бизнес (Gewerbe) и капитал… К тому же с разделением труда, таким образом, неявно дискредитируется то, что называют «умственным трудом»[15]. Иными словами, можно увидеть и в идее «подручности», и в идее «человеразмерности» архаизирующую ориентацию, стремящуюся возвратить нас к ценностям прошлого. Многие из оппонентов Хайдеггера обратили внимание на эти ретроустановки. Это относится не только к Т. Адорно, выступившего в книге «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии» (М., 2011) с социологической критикой философии Хайдеггера, но и к философской антропологии А. Гелена, который фиксирует и исходит из идеи «недостаточности» человеческой природы, ее ограниченности

[13] Об идее бесконечности см. статью Г.И. Наана: Наан, Г.И. Понятие бесконечности в математике, физике и космологии/ Современная космология. Философские горизон-ты/Г.И. Наан. – М., 2011. – С. 357-405.

[14] Хайдеггер, М. Бытие и время/ М. Хайдеггер. – М., 1997. – С. 102-103.

[15] Деррида, Ж. Geschlecht II: Рука Хайдеггера / Хайдеггер, М. Что зовется мышлением/ Ж. Деррида. – М., 2006. – С. 280.

в некоторых размерностях, а таким философам, которые объединили принципы фундаментальной онтологии и критицизм Франкфуртской школы (например, Г. Андерс) и прямо заявляли об антикварности человека, о неадекватности человеческой природы – его души и жизни требованиям и скоростям современной техники[16]. Конечно, можно оспаривать основания философской антропологии, выдвинутые А. Геленом и Г. Андерсом, и выдвигать иные принципы, вытекающие, в частности, из осознания открытости природы человека, преодоления им своей тождественности и утверждения его постоянной изменчивости и динамичности в отношениях с другими людьми. Но и в этих непрерывных преобразованиях своих отношений с другими людьми надо искать определенные инварианты преобразований, вне которых невозможна человеческая жизнь и его сознание.

Если рассмотреть советскую философию науки под углом зрения эквифинальности и человекоразмерности, то придется признать, что она была неэквифинальной, поскольку ее начальные условия и пути формирования были различны, были созданы разные и даже альтернативные трактовки науки, и для советской власти человек не был «мерой всех вещей». Она была нечеловекоразмерной и враждебной человеку и тем более тем, кто занимался философией науки и социальной эпистемологией, в частности, для М.К. Петрова.

[16] См. двухтомник: Anders, G. Die Antiquartheit des Menschen/ G. Anders. – Bd. 1. München. 1956; Bd. 2. München. 1980.

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СЕПИРА-УОРФА И ЕЁ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В РАБОТАХ М.К. ПЕТРОВА

Д.К. Куликов
Таганрогский технологический институт ЮФУ

Аннотация: *Статья посвящена анализу и методологической оценке гипотезы лингвистической относительности, данной в работах крупного ростовского философа – М.К. Петрова. Показано, что обращение Петрова к этой теме не является лишь эпизодом в контексте проблем языка и познания, но образует определенный узловой пункт в теоретикометодологической конструкции. Показано, что критическое отношение к гипотезе Сепира-Уорфа в работах Петрова сосредоточено вокруг ее оценки как парадигмального явления в науке и как теоретической формы самосознания европейской культуры. Проанализировано методологическое значение вводимой Петровым дихотомии частной и общей теории лингвистической относительности.*

Ключевые слова: *лингвистическая относительность, знаковые системы, тезаурус.*

1. Гипотеза лингвистической относительности и ее тезисы.

Американский лингвист и этнограф Э. Сепир пришел к заключению о фундаментальном влиянии языка на представления и поведение индивида. Эта идея была подхвачена его последователем Б.Л. Уорфом и легла в основу разработанной в 1930-е годы *гипотезы лингвистической относительности.* Согласно этой гипотезе мысленное членение мира и формирование системы понятий, посредством которых постигается мир, происходит в соответствии с системой категорий естественного языка, которым пользуются субъекты познания.

Э. Сепир полагал, что языки – это способы выражения социальных миров разных социальных групп. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками»[1]. Развитие гипотезы привело к заключению, что тип языка определяет не только формы поведения языкового коллектива, но в целом и тип культуры, и тип мышления. В общей своей формулировке гипотеза имеет две версии: слабую и сильную.

[1] Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Языки как образ мира/ Э. Сепир. – М. – СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 131.

Согласно *слабой версии гипотезы* лексика и грамматика *влияют* на представления, коррелируют с ними. Например, у индейцев хопи есть одно существительное для обозначения все летящих предметов, кроме птиц: насекомых, самолетов и летчиков. Для птиц существует другое существительное. В европейских языках мы используем разные слова для различных классов летящих объектов. Эскимосу слово «снег» показалось бы обозначением слишком широкого класса. У эскимосов есть разные слова для обозначения снега: для падающего, для талого и для сухого снега[2].

Сильная версия гипотезы представляет позицию *лингвистического детерминизма*: язык (структура лексики, грамматика) – это *причина* наших представлений и мышления. «Формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других – весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»[3].

Экспериментальные исследования, направленные на поиск фактов в пользу или против гипотезы лингвистической относительности, *подтвердили существование корреляции между языком и представлениями*, но не причинно-следственную связь, т.е. слабую версию гипотезы[4]. В исследованиях Лэнтц и Стеффлре[5] было показано, что при описании цветовых тонов (коммуницировании информации), свободное использование языка позволяет преодолевать ограниченность цветового словаря. Был сделан вывод: с точки зрения познания *важнее употребление языка,* а не набор фиксированных значений. Субъект может *создавать новые описания* стимулов для их успешного кодирования, запоминания и коммуникации. Это положение стало одним из принципиальных тезисов против гипотезы Сепира-Уорфа. Исследование Лэнтц и Стеффлре показало «ограниченность попыток соотносить познавательную деятельность с одними лишь *статистическими* характеристиками языка, не учитывая тех динамических функций, которые язык может выполнять в различных ситуациях решения задачи»[6]. В связи с динамикой языка в его коммуникативной функции, т.е. в употреблении, обнаруживается продуктивность языка при выработке новых средств описания реальности.

Среди выводов Б.Л. Уорфа в пользу сильной версии гипотезы лингвистической относительности есть положение о тождестве языка и онтологии (картины мира). Уорф полагал, например, что существование в английском языке категорий «времени», «пространства», «субстанции» и «материи» указывает на специфическую метафизику, лежащую в основе мировоззрения носителей языка. У индейцев хопи лексический набор здесь другой – нет ни

---

[2] Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Языки как образ мира/ Б.Л. Уорф. – М.-СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 214.

[3] Там же. – С. 209.

[4] Brown, R.W., Lenneberg, E.H. A Study in Language and Cognition/ R.W. Brown, E.H. Lenneberg // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1954 – V. 49 (3); Lenneberg, E.H., Roberts, J.R. The Language of Experience: a Study in Methodology/ E.H. Lenneberg, J.R. Roberts // International journal of American linguistics. – 1956. – № 22; Lenneberg, E.H. Color Naming, Color Recognition, Color Discrimination: A Re-appraisal/ E.H. Lenneberg // Perceptual and Motor Skills. – 1961. – V. 12; Carroll, J.B., Casagrande, J.B. The function of language classification in behavior / Readings in social psychology/ J.B. Carroll, J.B. Casagrande; E.E. Maccoby, T. Newcomb, E.L. Hartley (eds.). – N-Y, Methuen. – 1958.

[5] Lantz, D., Stefflre, V. Language and cognition revisited/ D. Lantz, V. Stefflre // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1964. – V. 69 (5).

[6] Коул, М., Скрибнер, С. Культура и мышление/ М. Коул, С. Скрибнер. – М.: Прогресс, 1977. – С. 64-65.

формально выраженной, ни скрытой категории времени, также как нет и привычного для нас противопоставления времени и пространства. Зато есть «две большие космические формы, которые в первом приближении можно назвать ПРОЯВЛЕННОЙ и ПРОЯВЛЯЕМОЙ (или НЕОЧЕВИДНОЙ/НЕЯВНОЙ) или, опять-таки, ОБЪЕКТИВНОЙ и СУБЪЕКТИВНОЙ. Объективное или проявленное включает в себя все, что доступно чувством сейчас или в прошлом, исторический и физический универсум, но, фактически, без попыток различения на настоящее и прошлое и при исключении всего того, что мы бы могли назвать будущим»[7]. Время для них отражается в форме длительности. Это можно интерпретировать как наличие у хопи более конкретной, или натуральной онтологии в противоположность отвлеченной онтологии «среднеевропейского стандарта».

Отметим две вещи. Во-первых, язык хопи – это не просто качественно особое лингвистическое явление. В своей специфике он отражает довольно древние и неразвитые языковые формы, соответствующие *особенностям мифологического сознания*. На этой общей основе он гораздо ближе древним индоевропейским и другим языкам, чем это кажется самому Уорфу. Во-вторых, быть носителем языка вовсе не означает владеть целостной системой метафизических представлений. Примитивный человек не ставит перед собой онтологических вопросов на уровне философской метафизики. Вовсе не очевидно, что индеец хопи осознает те метафизические интерпретации, которые извлекает из его языка сам Уорф.

М.К. Петров пристально анализирует противоречивость выводов Уорфа применительно к связи языка и мировоззрения. Прежде всего, описание Уорфом лингвистических функций соответствует состоянию языка и грамматики в традиционном обществе, где они не становятся выделенным предметом умозрения и познания, оставаясь на «журденовском» уровне[8]. Он отталкивается от факта: *язык не осмысливается до конца его носителями* и делает на этой основе вывод о видимости различия логики и грамматики в мышлении субъектов. «Иными словами, речь для Уорфа навык среди навыков, и надеяться на осознание репродуктивных ее моментов – системы языка – столь же безнадежно, как и надеяться на осознание «логики» передвижения на двух ногах или «логики» письма. Программы здесь спрятаны «под корку», «забыты» в миллионных повторах, не могут быть осознаны без представления в предметной форме, без специальных усилий по выделению и закреплению этих программ в чем-то внешнем»[9]. Язык, с этой точки зрения, это неподвластная стихия, которая эманирует в общающихся друг с другом индивидах, – «грамматическая разумность», относительно которой индивид выступает в роли репродуктивного ретранслятора[10]. С другой стороны, образ Уорфа, по оценкам Петрова, есть отражение исторического итога европейской культурной традиции, которому предшествует длительное развитие.

Для М.К. Петрова появление гипотезы лингвистической относительности в версии Уорфа – это *парадигмальное событие в науке*. Она есть гносеологический, мировоззренческий и исторический венец европейской культурной традиции, *форма теоретического самосознания.* Связь языка с типом культуры обнаруживается, согласно Петрову, именно в работах Уорфа. Этот вывод вытекает из функции языка в исторической преемственности поколений: грамматика, по Уорфу, формирует мысль индивидов, несет в себе программу и руко-

[7] Whorf, B.L. Language, thought, and reality/ B.L. Whorf. – MIT Press. – 1972. – P. 59. См. также: Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Языки как образ мира/ Б.Л. Уорф. – М.-СПб, 2003. – С. 180-182.

[8] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии / Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 146.

[9] Там же. – С. 145.

[10] Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы/ М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 297.

водство их мыслительной деятельности, выступает средством анализа и синтеза впечатлений[11]. Такой ход от грамматики к мировоззрению отражает положение дел в европейской культурной традиции: космос Аристотеля построен по правилам флективного греческого языка. В других же культурах, и даже у греков доклассического периода, вероятно, такого отношения не существует[12].

2. Язык и мировоззрение в русле развития европейской культурной традиции.

В европейской культуре язык для большинства носителей ее традиции не выступает чисто в автоматизированной репродуктивной форме. Язык для Петрова – это, прежде всего, продуктивная деятельность, а речь – построение текста. При этом субъект этой деятельности работает не просто с языком, а с языком в его текстовой оформленности, т.е. на основе прежних текстов. Здесь Петров разворачивает основной плацдарм ухода от гипотезы Сепира-Уорфа – ответ на вопрос, откуда в сознании берется язык-система? «Таким образом, если мы принимаем как факт присутствия в нашем сознании языковой системы и зафиксированного в ней порядка, то мы должны автоматически принять и принцип относительности… И единственным способом отмежеваться от этого принципа относительности будет отрицательный ответ на вопрос о присутствии в сознании такой языковой системы»[13]. Петров полагает возможным дать такой отрицательный ответ.

С одной стороны, мы мыслим по аристотелевскому принципу отождествления способов сказывания о бытии и самого бытия, т.е. по принципу категориальности мира, коррелятивной грамматике родного языка. Уорф лишь дает современную теоретическую форму этого тождества. Вместе с тем, Петров отмечает, что «западная система мышления» неоднородна. Для нас привычна гетерогенность не только уровней мышления (обыденное, теоретическое), его предметной функциональности (практическое, абстрактно-логическое), но также и различие его текстового содержания – разных письменных канонов, таких как философия, искусство, наука и пр. Можно ли указать грамматику, выступающую моделью хотя бы современной научной картины мира?

Кроме этого, и даже в большей мере, Петрова интересует другое: осуществлен ли указанный аристотелевский принцип, равно как и лингвистическая относительность в версии Уорфа, на уровне повседневного общения и традиционных видов деятельности? Ведь речевое общение и трансляция социально необходимой деятельности с помощью знака не тождественны актам построения картины мира в том смысле, в каком этот процесс связан с языком в теории Уорфа. Картина мира – это форма транслируемого знания. В первобытных и традиционных культурах она образуется и осваивается поколениями не через категориальные опоры языка. Построение такой картины мира – это целенаправленная работа познания, *работа с самим знанием*, отличная от действия в ситуации стандартного общения.

Одно дело, *употребление языка* для решения задач общения, другое дело – обращение к языку как к средству решения познавательной задачи при построении картины мира. Такое обращение может диктоваться разными внелингвистическими обстоятельствами общения: 1) предметом и задачами деятельности; 2) субъективным фактором, например, ограничениями объемов кратковременной памяти; 3) уровнем общей языковой компетенции, тезаурусом, *состоянием языка* говорящих (тезаурусом истории их общения – T_o). Также для построения картины мира в соответствии с постулатами Аристотеля или принципом Уорфа требуется ал-

[11] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии… – С. 143.
[12] Там же. – С. 144.
[13] Петров, М.К. История европейской культурной традиции… – С. 301.

фавитная письменность, обеспечивающая существование текста, из которого можно изъять набор категорий[14].

Принципиальным в представлениях Петрова о языке является включение текста внутрь систематического определения его сущности. Он стремится уйти от установившейся в науке дихотомии «язык-речь», восходящей к структурализму Соссюра. Согласно этой дихотомии язык – это система правил и словарь (алгоритмы и знаки), которая разворачивается в речевой деятельности индивидов. Различные подходы в лингвистике (в том числе и теория Уорфа) представляют собой попытки ответить на вопрос: как присутствует язык-система в сознании и деятельности индивидов, если учесть, что они не рождаются с этой системой, а усваивают ее на этапе первичной социализации «от 2 до 5»? Генеративная лингвистика Н. Хомского, утверждающая врожденный характер базовых логико-грамматических структур и правил трансформации, представляет собой экзотический возврат к картезианской парадигме врожденных идей, хотя и в этом случае дело все-таки касается необходимости превратить глубинную структуру в форму конкретного языка.

Классическая лингвистика придерживалась точки зрения на предложение как единицу языка. Если принять это положение, становится невозможным определение текста как явления языковой природы. Текст – это не просто сумма предложений, и эмпирически мы легко фиксируем различие простой суммы предложений и литературного текста. Именно тексты представляют нам многообразие неповторимых языковых явлений, т.е. речевую деятельность. Вне текстового бытия действие перестает быть речью, и только внутри этой определенности язык присутствует в качестве индивидуального багажа человека. Как было сказано, Петрова не удовлетворяет репродуктивный подход, где язык – это система, которая воспроизводится в речи. Проблемы машинного перевода связанны именно с наличием смысловой, качественной уникальности актов речевой деятельности. Существует нелингвистический источник, выступающий причиной конкретного текста.

По сути все упирается в вопрос: *почему люди говорят*? Потому что они коллективным образом взаимодействуют с природой, и условия эффективности этого взаимодействия связаны с необходимостью транслировать из поколения в поколение средства и форму деятельности. Люди производят тексты и оперируют текстами. Однако, текст – это целостность качественных (содержательных) различений, а не только количественных (простых) единиц. Вывести конкретный текст по формально-логическим и статистическим признакам языка едва ли удается. Для его организации и распределения единиц *требуется нелингвистический источник*[15].

Информант, читатель, слушатель – это один из нелингвистических источников. Он обладает суммой знаний и логическим мышлением, на который ориентирован текст. Однако смысловые характеристики текста вырастают не из этого источника, точней, не только из него. Объяснить язык, значит *объяснить генезис и функцию значения*. Значение возникает в стихии общения и образует обобщенное содержание слова, термина, высказывания. Единство общения и обобщения – принцип, предложенный Л.С. Выготским – стал методологическим основанием для рассмотрения динамики знаковой функции культуры. Знак не просто приобретает значение и выступает средством внешнего и внутреннего опосредствования психических процессов. Его значение развивается под действием практического охвата людьми объективного содержания, отражаемого в культурных формах и языке. «*Человек в функции творца*, способного создавать новое, непредсказуемое и неповторимое, *оказался неустраним* из языка»[16].

[14] Там же. – С. 303.

[15] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии… – С. 121.

[16] Там же. – С. 128.

Необходимо отметить, что творческая природа человека в контексте научных вопросов – это примета XX века. Продуктивность как сущностная черта человека и его деятельности не была ограничена только экономическим производством и искусством. В физиологии Н.А. Бернштейн предложил теорию навыка как *решения двигательной задачи*, отвергнув бихевиоризм, для которого отточенное движение – это цепочка рефлексов, закрепленных многочисленными повторами[17]. Любое живое движение, по Бернштейну, уникально, ибо всегда уникальны его условия. Так уникальна повседневная ходьба, которая не есть механическая штамповка заученных шагов.

В психологии мышления был сделан вывод о невозможности редукции процессов решения задачи и построения идеальных схем предмета к репродукции прошлого опыта. *Эффект установки в мышлении*, проверенный в классических экспериментах супругов Лачинс, раскрывает нам тенденцию к ригидности и затруднению в поиске адекватных решений, опираясь только на привычные и усвоенные модели[18].

В обществознании и в социологии науки, в частности, человек-творец выступает в качестве непредсказуемой индивидуации общественного и культурного потенциала родоисторического человека. А *личность в истории* – это, прежде всего, квинтэссенция противоречий исторического развития.

Петров часто подчеркивает, что в естествознании эмпирический факт и его наблюдение выводимы из теории. Строго говоря, таковы факты нечеловекоразмерной предметности. В поле гуманитарных наук, где человек смотрит на предмет в размерности бытия личности, такая однозначная выводимость исчезает. В лингвистике текст всегда нов и уникален. Выводимы его определенные формально-языковые признаки, но не смысловые или содержательные. При этом все такие формальные и статистические элементы, вроде частоты распределения термина или его контекстуального обрамления, не объясняют, как порождается текст.

Если текст и его статистические параметры исчерпывающим образом определяют дальнейшее речепроизводство, то говорящий – ретранслятор трансцендентальной силы[19], действующей по правилам языка. В этой модели древние осмысливали ритуальные и эпические функции поэтов, грамматистов и жрецов. В ином случае человек – самодостаточный творец текста. Основа его деятельности – живое общение, а тексты – лишь омертвленные в знаке результаты этого общения[20]. Впрочем, уже и древнейшая ритуальная сущность слова была осознана именно как творческая сила, с помощью которой происходит правильное (грамотное) возобновление мира, восстановление его исходных сакральных опор[21].

---

[17] Бернштейн, Н.А. О ловкости и ее развитии/ Н.А. Бернштейн. – М.: Физкультура и спорт, 1991.

[18] Luchins, A.S. Mechanization in Problem Solving/ A.S. Luchins // Psychological Monographs, 1942. – V. 54 (248); Лачинс, А., Лачинс, Э. Установка в мышлении / Психология мышления. Хрестоматия по психологии/ А. Лачинс, Э. Лачинс; ред.: Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Ф. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. – М.: Астрель, 2008.

[19] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии… – С. 136.

[20] Там же. – С. 137.

[21] В.Н. Топоров выделил следующие особенности структуры космологических текстов, задействованных в ритуале: «1) построение текста как ответа (или серии ответов) на некий вопрос; членение текста, заданное описание в акте творения событий, которые отражают последовательность временных отрезков с указанием начала; 3) описание последовательной организации пространства (в направлении извне внутрь); 4) введение операции порождения для перехода от одного этапа творения к другому; 5) последовательное нисхождение – «оплотнение» от космического и божественного к «историческому» и человеческому (как следствие – совмещение последнего члена космологического ряда с первым членом исторического (или хотя бы квазиисторического)); 7) указание правил социального поведения, в частности и нередко – правил брачных отношений для членов данного коллектива и, следовательно, схем родства» (Топоров, В.Н. О ритуале / Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках/ В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1988. – С. 10. Цитата сохраняет авторскую нумерацию). Отношение языка к древнему ритуалу осмысленно. В ряде традиций «грамматик» входит

«Поведение текста, который поддается сегментации, переводу в систему формальных универсалий, но не поддается «перерождению» в новые тексты, приводит к заключению, что в речевой деятельности присутствует на правах определителя и *результат общения*, что речевая деятельность отнюдь не представляет из себя, как это казалось Соссюру, нечто хаотическое и диссоциированное, а, напротив, выглядит деятельностью предметной, деятельностью во времени, которая направлена на результаты предшествующего общения, то есть предмет лингвистики в целом, если он взят по основанию речевой деятельности, выглядел бы не двучленной, а трехчленной структурой: система – речь – текст, где под текстом мы разумеем целостный результат предшествующего общения, по поводу которого только и возможна речь как действительная, ограниченная «настоящим» деятельность»[22].

Для Петрова язык как нечто живое существует именно в тексте. Текст – это действительность речи, речь вне текста – абстракция. Так он пишет: «…из предложений вне текста и безотносительно к какому-либо из наличных текстов ни одно не образует факта языка, речевой деятельности»[23]. *Текст выступает реальностью, относительно которой осуществляется речевая деятельность по правилам языка-системы.* Это «относительно» принципиально, поскольку текст может являться непосредственным предметом речевой деятельности, а может выступать в опосредствующей функции, когда дело касается общения по поводу неязыковой предметности.

Язык как система универсален для всех текстов данного языка (предметно коррелятивных или нет). Это набор правил связи нового (речь) с наличным (тест), что вовлекает словарь текста в операции переделки, но так, чтобы обеспечивалась преемственность[24]. Однако речевая деятельность подчиняется не только языку. К условиям взаимодействия коммуникантов относятся и их субъектные характеристики, например ограничения кратковременной рабочей памяти (магическое число 7±2 Дж. Миллера)[25], задействованной при восприятии и порождении речи.

3. Оценка методологического значения гипотезы лингвистической относительности.

Для оценки методологического значения гипотезы Сепира-Уорфа принципиально *различие* Петровым *общения* посредством языка и *построения картины мира* в опоре на опред-

---

в круг жрецов, и его функция – следить за правильностью речевой части ритуала. И жрец, и грамматик борются с хаосом. Оба строят образ мира. «По сути дела, грамматик совершает по отношению к тексту те же операции, что жрец по отношению к жертве. Они оба расчленяют, разъединяют первоначальное единство, идентифицируют разъединенные его части, т.е. определяют их природу через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосма), синтезируют новое единство, не только артикулированное и организованное, но и осознанное через повторение и выраженное в слове, что придает достигнутому «вторичному» единству (усиленному) силу вечности (ср. мотив вечного, «неуничтожаемого» слова, непобедимого временем), с одной стороны, и большую структурность, лучшую воспринимаемость и, следовательно, возможность быть верифицируемым – с другой» (там же. С. 21). По этому вопросу см. также: Топоров, В.Н. Об «эктропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) / От мифа к литературе/ В.Н. Топоров. – М.: Российский университет, 1993; Гринцер, П.А. Поэт в «Ригведе»: Kavíи Kārú / Фольклор и мифология Востока/ П.А. Гринцер. – М.: Наследие, 1999; Елизаренкова, Т.Я. Мир идей ариев Ригведы / Ригведа. Мандалы V-VIII/ Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999; Режабек, Е.Я. Мифомышление/ Е.Я. Режабек. – М.: Едиториал URSS, 2003.

[22] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии… – С. 131.

[23] Там же.

[24] Там же. – С. 132.

[25] Миллер, Д.А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию / Инженерная психология/ Д.А. Миллер; ред.: Д.Ю. Панова и В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1964; Yngve, V.H. A Model and an Hypothesis for Language Structure/ V.H. Yngve // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1960. – V. 104 (5).

меченные грамматические структуры. Сам Уорф смешивает эти стороны, что делает его теорию несостоятельной.

Построение картины мира по принципу Аристотеля – это осознанный процесс, при этом для него требуется алфавитная письменность, распространившаяся у греков. Только в этом случае становится возможным изъятие грамматических правил и категорий как способов сказуемости. Вне этой культурно-исторической основы в сознании доминирует *знаковый фетишизм*, укорененный в спонтанный процесс усвоения языка ребенком, для которого слово есть атрибут или свойство вещи. Знак здесь не осознается как знак, ребенок пользуется знаком, но никогда не говорит о знаке. Однако, если бы слово было неотделимо от предмета, невозможно было бы развитие значений, смысловые сдвиги, которые обеспечиваются именно свободой знака относительно означаемого.

В традиционной культуре развитие значений происходит на внелингвистической основе. «Лингвистическое замыкание», произошедшее в европейской традиции, – это историческая аномалия, связанная с возникновением новой и уникальной двусубъектной модели деятельности. Ее субъекты – «лишние люди», маргиналы, вырванные из социальной структуры кровного и профессионально-семейного родства, в идеале владеющие лишь общностью языка и способностью к переквалификации в процессе жизни. Это необходимая субстанция универсально-понятийной формы социального кодирования, в которой перевернулась схема традиционного общества, в соответствии с которой индивид есть производная от функции социальной матрицы кровнородственного наследования и обмена. Теперь сама матрица наследования становится функцией вечно открытого для изменения, для нового, для взаимодействия с десакрализованным миром индивида, точнее групп индивидов, владеющих общим языком в его программирующем качестве. Человек, программируемый словом, выступает здесь как природа, как включенный в цикл вещественных метаморфоз предмет. Это обнажило универсальную коммуникативную функцию языка и его способность программировать деятельность ситуативным, а не каноническим способом. *Универсальное кодирование* знания основано на «тождестве лингвистического и бытийного» и типично «для обществ, испытавших унифицирующее и нивелирующее влияние античной философии, христианства, церкви, а позднее и того, что Энгельс называл «научной формой познания природы»[26].

В рамках вопроса о лингвистическом замыкании в европейской культурной традиции обнажается латентная в ином случае функция субъекта – быть вместилищем общезначимых схем поведения и, одновременно содержательное безразличие этим схемам, способность эти схемы извлекать извне. Язык оказывается центральным звеном – средством и коммуникации (программирования дела), и трансляции (переведения знания в мировоззрение), и трансмутации (выражения нового знания в отчуждаемой форме). В языке человек обнаруживает логику мышления, извлекает инвариантный категориальный аппарат (например, флективности греческого соответствуют категории субстанции, движения, а аналитическому новоанглийскому – взаимодействие, причина и следствие). Родившаяся из языка мысль, порождает программу, текст, где грамматические и ассоциативные структуры, с одной стороны, оказываются универсальной формой фрагментации знания, а с другой – подчиняются связи текста и зафиксированной в нем предметности, выступающей поводом и причиной общения.

Другой срез лингвистического замыкания – социальный статус грамотности и письма. Демократизация письменного текста, общая грамотность обеспечивают человеку всеобщий доступ к природе и обществу как предмету своей деятельности (доступ к политическому управлению, к научному опыту).

---

[26] Петров, М.К. Язык и мировоззрение / Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 200.

Знаковый фетишизм – это историческая характеристика социальной сущности человека. «Лишь новое время с появлением опытной науки начало критику знакового фетишизма как такового, но критику одностороннюю, для «избранных», в которой само творчество рассматривалось как удел немногих «гениев», «всемирно-исторических личностей». Полученный современной лингвистикой результат просто и убедительно показывает, что творчество, изменение знаковых структур, такая же общечеловеческая функция, как и многое другое: любой способный к речи, а речью владеют все, «приговорен» тем самым к творчеству, либо творит, либо молчит»[27].

В научной картине мира и системе теоретического понятийного знания текст как целостная система обнаруживает действие неведомых прежде правил. Строго говоря, это обстоятельство было выделено уже Гегелем, для которого рассудочное определение понятий недостаточно выражало логическую природу мысли. «То новое, с чем мы столкнулись и сталкиваемся сегодня в европейской культурной традиции, можно объяснить как процесс взаимной экспликации языка системы и научно-дисциплинарной деятельности»[28].

Исходно в античности произошло *разделение слова и вещи* через их различение в движении познающего мышления. Потом возникло лингвистическое замыкание, когда реальность языка и вербальная репрезентация действительности стали источником рефлексии познающего субъекта. Категории как рассудочные формы мысли были выделены Аристотелем именно из языковой стихии. При этом самим Аристотелем двигал интерес к поиску всеобщей структуры средств построения адекватного высказывания о чувственной предметной реальности. И только в 20 веке данная проблема предстала не просто в ракурсе отношения слова или высказывания к действительности, а как проблема различия знаковой системы (языка) и внеязыковой реальности. Однако именно такая постановка вопроса, как кажется, трактуется Петровым как неадекватная, поскольку она не учитывает живое функционирование языка в обществе и, как следствие, условия возникновения потребности в его рефлексии[29].

Язык выполняет апперцептирующую функцию интеграции материала общения в единство мировоззрения. Он одновременно действует в двух направлениях: с одной стороны язык избыточен, а новые тексты все более многообразны относительно прошлого; с другой стороны, социальная функция кода заставляет язык работать в направлении постредакции, т.е. перманентно обрабатывать тексты, обеспечивая их сжатие и приемлемую упаковку для трансляции. Отсюда возникает когнитивная функция языка для целенаправленной деятельности познания. Теоретическое мышление должно проработать знаковую форму репрезентации знания и отрефлексировать этот инструмент. Это и происходит у Аристотеля. «Мы придерживаемся того мнения, что логика связана с формализмом языка-системы, что опирающиеся на лингвистический формализм фигуры мысли – явление историческое, связанное с отождествлением формы и содержания, что они продукт опредмечивания грамматики, превращения ее правил в категории – связи целостности, что, наконец, все это произошло как результат крушения профессионализма и появления нового, универсального типа культуры»[30].

---

[27] Петров, М.К. Язык и предмет истории философии… – С. 141.

[28] Петров, М.К. История европейской культурной традиции… – С. 304.

[29] Анализируя точку зрения на язык Шлейхера и Гумбольдта, Петров, помимо прочего, отмечает: «То, что мы действительно отрицаем, – это правомерность выделения отношения язык-мышление в исходную, доминирующую функцию. Для нас она вторична: язык нужен, прежде всего, для специализирующего кодирования индивидов, а язык в функции звукового воплощения процесса мышления нужен лишь постольку, поскольку в процессах специализирующего кодирования приходится мыслить как в нормальных статических условиях развода индивидов по известным адресамфрагментам, так и особенно в условиях познания и освоения результатов познания, в условиях динамического переустройства этих адресов» (там же. – С. 297-298).

[30] Там же. – С. 152.

Формирование языка как универсального средства культуры и его рефлексии продиктовано обстоятельствами общения по поводу поддержания в смене поколений сложно дифференцированной системы деятельности. Это общение, с одной стороны, развивается изнутри образованного сообщества, представляя исторический тезаурус интеллектуалов ($Т_и$), с другой – нагружено естественным процессом специализации, порождающей тезаурусы дисциплинарного и группового взаимодействия ($Т_д$ и $Т_г$). Синтезом исторических оснований и современного Петрову состояния онаученного общества выступает система всеобщего среднего образования, формирующая единый мировоззренческий базис – универсальный язык общения – $Т_у$. «Является ли язык науки и язык тех, кто использует результаты научных исследований, двумя совершенно различными языками?»[31]. На этот вопрос Петров отвечает отрицательно: не являются.

Из этого вытекает то важное обстоятельство, что принцип Уорфа, утверждающий плюрализм картин мира, порожденных многообразием языков, неверен и для европейской традиции в ее современном онаученном качестве.

Наука реализует в своем движении две противоположные тенденции:

• стремление к единству понятийного аппарата, «языка теории»;

• специализацию и дифференциацию дисциплинарных тезаурусов и текстов.

И та, и другая тенденция объясняется событиями в области общения и социального воспроизводства средствами науки. Наука в европейской культуре являлась до последнего времени основной производительной силой, диктуя выработку культурного средства социализации своих результатов – образование. Неверно сужать культурную роль науки до ее университетского, лабораторного и публикационного качества. Форма научной социализации предполагает также субъекта, адаптированного к жизни в онаученном обществе в пространстве воспитания, труда и досуга.

На всех уровнях науки язык выступает центральным интегратором общения. Однако способ его использования диктуется, с одной стороны, универсумом усвоенных текстов, а с другой – внетекстовой предметностью, по поводу которой складывается общение и через охват которой происходит наращивание текста и тезуарусная динамика ключевых значений. «Изобретение телескопа, например, чтобы пройти путь от чечевиц-линз, от изобретенных неизвестным ремесленником «линз для чтения» в признанную теорию оптики (Кеплер, Спелл, Декарт, Ньютон), должно было получить сначала привязку в общеобязательных текстах $Т_и$, а затем уже развиваться в теорию, существенно меняя ситуацию»[32].

Какую же методологическую роль играет гипотеза лингвистической относительности в оценке Петровым европейской культурной традиции и ее мировоззрений? С одной стороны тождество мировоззрения и языка-системы означает признание плюрализма внутри европейской культуры: мировоззрений столько, сколько языков. Вместе с тем, очевидно, что для европейской культурной традиции характерен процесс исторической универсализации мировоззрений в их идеологической и познавательной заостренности – движение через философию и теологию к научной картине мира. Как связать тождество лингвистического и бытийного с универсальной функцией мировоззрения, учитывая, что для иных форм социального кодирования – профессионального и личностно-именного – такая модель тождества вовсе не имеет места?

Это объясняется тем, что универсализация лингвистических категорий, ложащихся в фундамент картины мира, достигается не средствами повседневного общения, а целенаправленным анализом языка, его рефлексией. При этом задача познания может быть обозначена

[31] Петров, М.К. История европейской культурной традиции… – С. 351352.

[32] Там же. – С. 388.

как целенаправленное превращение языковой репрезентации мира в форму объективного знания, обеспеченного категориальным аппаратом и логикой теоретического мышления. Что является социальным базисом такого превращения? Возрастное движение индивидов как интегрирующее основание «сохранения человеческой метрики познания в условиях нечеловекоразмерных потоков новых результатов»[33]. Это один из центральных принципов предложенной Петровым *частной теории лингвистической относительности*, описывающей внутреннее отношение между языком, общением и социальным воспроизводством: рост знания и усложнения деятельности ведет к поиску интегрального начала, функцию которого берет на себя язык – естественный и искусственный. При этом грамматические категории языка, согласно Петрову, выступают здесь не в роли строительного материала «картины мира», а как «арсеналы универсальных правил» для такого построения. Будет ли использован категориальный потенциал какого-либо языка в такой функции, зависит от культурноисторических обстоятельств. Мифологическое мировоззрение первобытного общества очевидно некатегориально, хотя и репрезентировано в вербальной форме. Категориальная техника построения картины мира воплощена в постулате Аристотеля, создавшего на основе грамматики греческого языка единый базис познавательной рефлексии.

Невозможность исключить субъекта из текущего динамического тезауруса делает попытки построения *общей теории лингвистической относительности* методологически несостоятельными. Идея языковой детерминации мира и мышления не справляется с объяснением тезаурусной динамики. Язык принадлежит сообществу и его деятельности. Он предполагает в своем живом функционировании субъективно определенную истинность, присутствие автора. Тем самым, оценка Петровым гипотезы Сепира-Уорфа на историческом и науковедческом материале подтверждает выводы Лэнтц и Стэффлре о первичности задач общения по отношению к языку и сближается с предложенным П. Тульвисте принципом *деятельностной относительности*[34], объясняющим различие и взаимосвязь языка и мышления.

[33] Там же. – С. 362.

[34] Тульвисте, П. О лингвистической и деятельной относительности / Проблемы познания и деятельности. Ученые записки Тартуского Государственного Университета. Труды по психологии/ П. Тульвисте. – Тарту, 1981. – № 569.

БЫЛИ ЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ?

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья посвящена анализу и оценке книги: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. – Ростов-на-Дону, 2011.*

Ключевые слова: *философия, чистая мысль, самодетерминация, ментальность.*

Смысл обсуждения книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция» не только в том, чтобы рассмотреть «идеи М.К. Петрова как источник мысли» (эти слова являются подзаголовком книги) и соответственно показать способ, каким эти идеи оказываются источником мысли, но и в тех проблемах, которая ставит сама эта книга. В противном случае возможен такой оборот дела, когда идеи известного мыслителя затмят идеи книги, посвященной собственно не ему, а вполне определенному активному желанию разобраться в современной философской ситуации.

Свое выступление я разбила бы на три части: 1) представление основной идеи книги Макаренко; 2) краткий анализ соответствия идей книги идеям Петрова; 3) некоторые рекомендации. Совершенно, однако, очевидно, что некоторые соображения будут переплетаться.

1. То, что можно приветствовать: яростный анти-авторитарный запал, который сопровождает мысли Виктора Павловича, запал в настоящее время насущно необходимый. Сейчас стало особенно очевидно, что недавнее желание и попытка построить государство на демократических основах столкнулись с жесткими препятствиями ментального порядка: общество, практически не знающее, что такое демократические основы, реально решило сконструировать *неосоветское* государство на усеченном *неороссийском* пространстве с учетом возможностей и потребностей в рынке с прогнозируемым и регламентируемым переделом собственности и со свободой слова без гласности или при неполной гласности.

Настрой на тотальное государственное преобразование (выраженный именем «перестройка») и образование гражданского общества сменился апатией большинства населения при одновременном политическом возвышении сложившихся групп коррумпированных политиков-бизнесме-нов со штампованными лозунгами, а вместе с тем трудным «низовым» повсеместным запуском производств и трезвым анализом «нашего положения», требующего –

может быть, прежде всего – правового образования. В противном случае право замещается непреднамеренным беззаконием, преднамеренным обманом или преступлением, о чем говорил Гегель. Двойственная позиция государства в отношении правосознания сейчас очевидна: с одной стороны, показательные уроки судопроизводства демонстрируются едва ли не на всех каналах телевидения, с другой, происходит немотивированное попрание прав собственности и прав человека.

За 90 с лишним лет, прошедших после Октябрьской революции, далеко не полностью разрушилась старая идеология. Недавно студент подошел ко мне и сказал, что сейчас народ надо держать в узде, поэтому хорошо бы вернуть Сталина. После ликвидации СССР прошло 20 лет, кто или что могло внушить ему подобные мысли, если не глубинное существование самих этих идей.

* * *

Даже простой строго и определенно оценочный пересказ проблем соотношений науки и власти, создавших «комплекс “служения государству” и вместе с тем востребовавших «право на сопротивление», здесь важен как апелляция к пониманию, как напоминание, как, наконец, сильнейшее возражение со стороны истории, философии, науки той перестройке образования, перечеркивающей саму идею образования, и тем вполне реальным действиям сопряженной с собственностью власти заставить людей подчиняться ее авторитаристским устремлениям или создать, как пишет В.П. Макаренко, «макиавеллизм личности (сознательную квалификацию лжи как истины)»[1].

При проведении успешной критики, на мой взгляд, необходимо, не только видеть способы существования советских принципов на постсоветском пространстве (этот атавизм известен любому обществу), но и анализировать принципы существования новых постсоветских поколений людей, а то, что перед нами иное общество, базирующееся на иных основаниях, – это совершенно очевидно. Если провести анализ не «из традиции», а из этого иного, то обнаружится и иной мир. Нынешнее обсуждение не позволяет обсуждать современные проблемы. Могу сказать только, что примерно полтора года назад я обратилась с просьбой к сотрудникам нашего Центра (методологии и этики науки), которым руководит А.П. Огурцов, написать статьи, как каждый из нас лично представляет себе, что ныне представляет собой философия. Вначале мы опубликовали эти работы в он-лайновом журнале «Vox. Философский журнал», а затем составили книгу «Философские акции» (М.: Голос, 2011). Наше время – после мировых войн, Холокоста и ГУЛАГа, – казалось бы, жестко обозначило ситуацию конца (и об этом кто только ни писал!), поскольку было сочтено, что утрачены все возможности философии. Однако это же время пустоты, ничтойности наставило нас на путь кропотливого исследования истории философии, на котором можно увидеть настоящие философские исследования, проблемы и трудности, стоящие перед мыслью. Одна из этих апорий состоит в том, что всмотреться в себя не так-то легко, поскольку компьютер, скажем, отнял у нас память. Сейчас и Мандельштаму было бы невозможно сказать: «Петербург, я еще не хочу умирать: у меня телефонов твоих номера…»: они в мобильниках. Мы пусты. Мы отстранили от себя всё. Остается чистая, голая свобода – мысль, не скованная никакими традициями. Наша пустота и есть наше начало. Не заметить этого нельзя, как нельзя не заметить и того, что у нас есть много такого, о чем не скажешь, поскольку оно окружено пустотой… Мы с другого конца упираемся в слово «философия», рожденное в недрах тайного общества Греции, где оно появилось среди мощной школы молчания и трудоемкой мысли. Но вот оказывается, что оно потребовалось для осознания каждой маленькой и не слишком заметной

[1] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 10-11.

жизни. Она создала рекламу как быстро прилаженное емкое, запоминающееся слово, пока молчат или кричат о молчании философы, создала небывалую академию общения, все эти livejournal, facebook, разные форумы, контакты и прочие свидетели дела мысли. Человек сам из себя рождает формы общения, не заданные традицией, не продиктованные религией, шифруя себя, не показываясь из-за завесы ников или псевдонимов, дозволенных Софией-мудростью, которая может быть понята и как хитроумие. Люди, может быть, впервые проявили такую инициативу – не по зову партии, не из политических или идеологических соображений – образовать свой парламент (чем и являются все эти «живые журналы» и форумы), куда вхожи все, свою демократию, где у каждого есть свой голос. Эта скрыто-откровенная демократия и есть новая форма философии. Демократия голоса, нахождения и обретения его, власти голоса, при котором не боишься учителей, не боишься, что тебя назовут дураком, где ты скрыто откровенен или – полифоничен.

Такое положение позволяет иначе взглянуть и на старую альтернативную советской философию и гуманитарную науку и увидеть в ней черты, близкие к советской парадигме мысли. Так, например, М. Вальдштейн в книге «Советская империя знаков: История Тартуской школы семиотики»[2] совершил это исследование, чтобы «представить симметричную оценку взаимодействий между наукой и обществом в истории советских гуманитарных наук… только такая перспектива позволяет нам избегать произвольной редукции исследуемого знания к его чисто интеллектуальному содержанию в противовес продуктам социальных “внешних эффектов”. Рассматривая науку и общество “симметрично”, я, – пишет Вальдштейн, – учитывал каждый аспект деятельности школы одновременно как “интеллектуальный” и “социальный”»[3]. В этой книге тартуская школа исследуется как «параллельная» советской «наука» и империалистским оказывается «стремление к универсализации своего объекта и онтологизации метода. Применительно к Тартуско-московской школе такая критика не нова: ее высказывали еще Б.М. Гаспаров и А.М. Пятигорский на закате существования школы». Однако Вальдштейн подчеркивает другую сторону имперскости: это явление, традиционное для филологии и славистики и идущее изнутри этих дисциплин, воспринималось как «республиканско-демократическое» или, точнее, «многонациональное и многоязычное царство», где «система взаимоотношений выстраивается по образу и подобию официальной академии». Это приводило «к замыканию в узких кругах единомышленников и к представлению об универсальности своего метода и унитарности мнений; в этом смысле параллельная наука – типично советский институт»[4].

Еще раньше (в 1993 г.) подобную сравнительную методологию применяла я сама в исследовании принципов истории (см. статью во вскользь упомянутом Макаренко сборнике «Подвластная наука? Наука и советская власть»), в сопоставлении исследовательских принципов школы Гревса и А.А. Богданова в статье «Идея культуры: от трансцендентного к имманентному. О философии в СССР после Октября» (опубликованную в книге «Философские одиночества», М., 2008). В книге из той же серии «Философия России второй половины XX в.», посвященной В.С. Библеру, помещена статья Л.А. Гоготишвили «Автор и его ролевые инверсии (к сопоставлению подходов В.С. Библера и М.М. Бахтина), которую можно понять не только как разведение позиций Библера и Бахтина («понятие культуры как самодетерминации… применительно к автору» и самоисключение автора «из состава события бытия в пользу другого (абсолютный отказ Я от завершения и воплощения, а значит, и от

[2] Waldstein, M. The Soviet Empire of Sign: a History of the Tartu School of Semiotics/ M. Waldstein. – Saarbrücken, 2008.

[3] Цит. по переводу: Поселягин, Н. Ab imperio humanitario/ Н. Поселягин // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 111. – С. 339.

[4] Там же. – С. 339, 340, 341, 342.

«самодетерминации»)[5], которую вполне можно понять как выступление против унитаристской концепции автора в произведениях В.С. Библера в пользу проблем полифонии.

Нетрудно заметить, что *такого рода критика – основное в книге Макаренко*. Он поставил акцент на то, каким образом проявляется авторитарное в неавторитарной, казалось бы, мысли, рожденной в условиях тоталитаризма, к какому бы направлению (советскому – антисоветскому, марксистскому – анти-марксистскому) ни принадлежал сам автор этой мысли. Это делает книгу весьма актуальной, поскольку обнаруживается настолько сильный традиционалистский настрой, что, несмотря на активное желание его победить, этого не позволяют сделать устоявшиеся ментальные структуры. Если рассматривать книгу с этих позиций, то некоторые высказывания Петрова, на которые с радостью откликается образованный ум, как оказывается, принадлежат той же унитарной тенденции. Когда, например, он говорит о телевизионных программах, о том, что «электронное облучение творческого потенциала не только не уступает по эффективности атомной бомбе, но и много "грязнее": убивает стремление к книге – единственному средству выхода на передний край познания… Кино, и радио и десятки других менее значительных, но не менее верных способов «убить время» и парализовать мысль»[6], то эта характеристика, относящаяся к 70-м годам XX в., в десятые годы XXI в. вызывает недоумение, ибо (см. выше) СМИ и интернет-пространство создали особую интеллектуальную сферу для философии, поменявшую самого субъекта и философии, и истории (им стала масса). Виктор Павлович подчеркивает, что этот «тезис Петрова о том, что книга – единственное средство выхода на передний край познания, оказывается спорным»[7]. Соглашаясь с ним, я лишь хотела подчеркнуть, что одновременно он также несет в себе заряд некоей авторитарности, с какой связано и его представление об авторской и личностной самодетерминации. Ясно также и то, что «духовное оскопление», идущее от власти, не в меньшей, если не в большей мере идет от самого желающего человека, которому, однако, легче пенять на зеркало, чем на самого себя. Более того, приведенная цитата сродни всем высказываниям переломных эпох: Платон сетовал на то, что письменность уничтожает устное предание, иудеи – на то, что перевод Ветхого завета на греческий умаляет идею Бога, который жил в каждом завитке их письма. Так и мы стараемся свою, книжную, традицию, предпочесть компьютерной. Петров, однако, обнаружил ту философскую боль от ухода старой ментальности в 60-70-е годы XX-го столетия, которая для нас стала очевидной только на излете того века, и постарался ее выразить, и в этом его неизменная заслуга.

В этом же плане можно рассмотреть и полемику между Ильенковым и Петровым, которую в определенных (близких Петрову) кругах принято рассматривать негативно относительно Ильенкова. Между тем спор у них идет о разном понимании того, что такое наука, спор жесткий, потому что в то время действительно столкнулись две позиции и в философии, и в науковедении. В этом споре раздражает интонация Ильенкова: он резок и менторски-ироничен, отчего возникает неприязнь даже к разумным доводам (неприязнь такая, что все даже дельные доводы не воспринимаются как дельные), спокойный же, раздумчивый тон Петрова заранее обеспечивает ему более высокий философский статус. Надо сказать, однако, что в 60-е годы XX в. не очень-то задумывались над интонационной техникой высказывания. Предмет спора брался за рога. Противника в момент спора почти ненавидели. В этом «или – или» действительно было много от нетерпимости, отсутствия школы мысли, породившей такой феномен, как «западное» смирение, о чем пишет Макаренко, цитируя И.П. Павло-

[5] Гоготишвили, Л.А. Автор и его ролевые инверсии (к сопоставлению подходов В.С. Библера и М.М. Бахтина / Владимир Соломонович Библер/ Л.А. Гоготишвили. – М., 2009. – С. 183.

[6] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция… – С. 7.

[7] Там же. – С. 11.

ва, и что, кстати, сохранилось и до сих пор. Попробуй, оспорь позицию того же Михаила Константиновича, коль скоро она (опять же) в определенных кругах и определенными людьми воспринимается исключительно апологетически после ее многолетнего запрета! Но ведь и после запрета прошло уже столько же лет, сколько их было до запрета, ан, видимо, старые тревоги сохраняются.

Однако если все же постараться преодолеть настигающие воспоминания и если вникнуть, что мысль жива лишь постольку, поскольку она критикуется, то есть выносится на суд, рождающий суждение, то, вникнув в спор Ильенкова и Петрова, нетрудно заметить, что Ильенков не менее, чем Петров, чуток к современности, если в те давние годы ставил проблему «произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (название книги В. Беньямина 1935 г.), то есть репродукции, которая является основой «любой целостности» (кстати, я не уверена, что Петров, выдвигая тезис о различении творчества – репродукции творчества – репродукции, считал репродукцию «античеловеческим феноменом». Да и что предосудительного в тезисе Ильенкова, что «революции происходят не для разрушения форм репродукции, а для обеспечения более рациональной организации их исторически унаследованных форм, для спасения, а не разрушения культуры»? С этим можно не согласиться, особенно с утверждением, что революция спасает унаследованные формы культуры: мы слышали послереволюционные лозунги о необходимости «сбросить Пушкина с корабля современности». Но по смыслу этот тезис совпадает с задачей В.П. Макаренко показать живучесть «старых» форм в головах и их сторонников, и их гонителей. Если следовать методологии В.П. Макаренко, то можно сказать, что представленная в книге позиция Ильенкова, оставаясь no comment, *выглядит* как предосудительная, но таковой не является.

2. О подзаголовке. Для третьей, четвертой и пятой глав некоторые тезисные утверждения Петрова («источники мысли») используются как «шапки». Эти утверждения затем, по замыслу автора книги, развиваются, радикализуются, уточняются и «пропускаются» через современный материал: обсуждений, семинаров, круглых столов. Само по себе введение такого обсуждения в книгу, гораздо более дающее для понимания того, как рождается мысль, большая заслуга Виктора Павловича. Подробный, иногда почти протокольный отчет обсуждаемых проблем дает возможность (с помощью того же Интернета) подсоединиться к выступающим, и такое подсоединение будет не менее «живым», чем личное присутствие, поскольку Сеть, которую Макаренко называет несколько пренебрежительно «свалкой»[8], а я – носителем свободы слова, дает возможность мгновенного отклика. Сама эта подробность и протокольность превращает мнение автора в *одно* из мнений, с ним можно соглашаться, не соглашаться, даже не обращать, если хотите, внимания.

В этом смысле Виктор Павлович выступает как представитель абсолютно современного сообщества: его концепт произведения, даже вопреки его желанию, если оно таково, предстает как обмен между единичностями, которые не совпадают с традиционным пониманием сообщества. Когда он со ссылкой на Б.Г. Юдина[9] писал о том, что в России не сложилось «нормальное научное сообщество», он писал на деле именно о насущной современности, для которой характерна открытость одного индивида другому, требующая не совместного бытия или нацеленности на сохранение одной-единственной «правильной» мысли, а одной только вовлеченности. В этом смысле книга Виктора Павловича представляет собой прекрасный образец того, как борьба с чем-то отжившим и оживающим, с чем нельзя примириться, оборотной своей стороной показывает необходимость своего рода толерантности, поскольку, возражая, она ничего не навязывает: книга заканчивается вопросом, обращенным к читателю, – как знание может защитить личность? Если рассматривать проблему так, то представляется

[8] Там же. – С. 70.
[9] Там же. – С. 26.

несколько странной опора на типологию личности, данную Л. Столовичем (твердолобый ортодокс, образованный ортодокс, циник), поскольку эта типология относится исключительно к административно-инстанцированным личностям, если их можно так назвать, тем более, что лично я не вполне понимаю разницу между всеми тремя ортодоксами, ибо один может сочетать все три типа. Макаренко, согласившийся с такой типологией, все же понимает их ироничность, потому что пишет, что ему «неизвестны конкретно-социологические исследования, подтверждающие или опровергающие эту типологию». Можно напомнить, что не менее ироничную типологию произвел А.А. Зиновьев (его вершители судеб классифицировались по цвету лица: красные и синие). Но вполне серьезно обсуждали проблему старого и нового отечественные «формалисты», анализировавшие проблему «архаистов» и «новаторов».

Если вернуться к идеям Петрова как источникам мысли для книги, то для первой главы таким источником стала сама жизнь Михаила Константиновича. Для второй главы, специально, некий тезис Петрова не оговаривается, но ясно, что здесь идет речь о вовлеченности его цивилизационных идей, темы пиратства, а главное идеи ментальности, Вся обширная глава посвящена апологии Ф. Броделя и развенчиванию мифа о А.Я. Гуревиче, которому автор книги обязан только за то, что тот «подсказал тему этой главы… и привел в движение механизм»[10], проясняющий смысл ментальности. Как относиться к Броделю и Гуревичу – личное дело автора, однако сравнивать их можно только при анализе того, что стояло между ними – средневековых документов. Здесь этого нет, а потому я специально не касаюсь этой темы. Хочу заметить только, что спор между А.Я. Гуревичем, который причислял себя к школе «Анналов», и французскими представителями этой школы лежал не в сфере соотношения войны и цивилизации (это частная проблема), а в сфере культуры и цивилизации. Гуревич строил свои произведения как анализ категорий средневековой *культуры*, а французские исследователи проводили *цивилизационный* анализ («Цивилизация средневекового Запада» – название книги Ж. Легофа). Виктору Павловичу почему-то не дает покоя, почему А.Я. Гуревич переопубликовал свое предисловие к Броделю? Сознательно или бессознательно, по своей воле или выполняя соцзаказ?

Когда в октябре 2010 г. В.П. Макаренко прочитал доклад о Гуревиче – Броделе, я выступала резко против его инсинуаций в адрес Гуревича и Лотмана, настолько резко, насколько позволяли вежливость приглашенного участника конференции и необходимость ответить на несправедливость. Я дала не «нечеткий ответ»[11], а вполне четкий, к тому же это было мое самостоятельное выступление, а не просто ответ на вопрос, как пишет В.П. Макаренко. И сейчас могу повторить: А.Я. Гуревич никогда ничего не писал на заказ, тем более не выполнял соцзаказ, и если ему по вполне определенным причинам не импонировала позиция Броделя, которую в данном моем выступлении не место разбирать, то он эти причины выставлял, и В.П. Макаренко их также представил. Они могут его не устраивать, но это не основание для подозрений А.Я. Гуревича в тайных интригах. Возможно, как предположил А.В. Лубский, он и «замолчал перечисленные аспекты теории Фернана Броделя по причине собственных антропологических пристрастий»[12], хотя слово «замолчал» предполагает нечто нарочитое, к Гуревичу отношения не имеющее. Ответов на вопрос, почему слепой Гуревич воспроизвел текст, «наверняка написанный в советское время»[13], может быть несколько: потому что считал, что его позиция не изменилась; потому что заново из-за болезни писать не мог; потому что… а почему, кстати, В.П. Макаренко не обратился к нему с этим вопросом?

[10] Там же. – С. 129.
[11] Там же. – С. 74.
[12] Там же. – С. 129.
[13] Там же. – С. 74.

Арон Яковлевич живо откликался на все вопросы и уж точно не отказался бы разъяснить это недоумение. А почему переиздаются многие написанные в советское время стихи и романы, например, песенка о комсомольской богине Б. Окуджавы? Да думали так! И при этом не было ни аккомодации, ни коллаборационизма, ни угодничества. Действительно, в данном случае «возникает ощущение неловкости», но не от того, что Арон Яковлевич перепечатал свой текст, а от подозрительности, которая уж точно из советского времени. Что касается меня, то я никогда не выражала отрицательного отношения к школе «Анналов»[14]. Она многому меня научила. Точнее, не она, а школа И.М. Гревса, я о ней писала и в книге «Время культуры», и в «Философских одиночествах». У меня другой метод отношения к источникам, к истории. Да я и не историк, а философ. В книге «Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356-1358 гг.», которую я сейчас готовлю к печати и которая должна была некогда стать моей кандидатской диссертацией, я пишу о некоторых промахах некоторых представителей этой школы, но это ведется на уровне обсуждения конкретных проблем и источников, давших для этого основания. Можно даже сказать: это обмен мнениями. Я к тому же и Михаила Константиновича Петрова не «прописывала» ни по области культурологи, ни по области семиотики, ни по науковедению, ни по каким-либо другим дисциплинам, кроме одной – собственно философии, одним из значительнейших персонификаторов которой он является. Для этого достаточно взглянуть на мое предисловие «Личность через схематизмы культуры» к статье Петрова «Человек и культура в научно-технической революции», опубликованное в № 5 «Вопросах философии» за 1990 год. То, что он пользовался методами разных наук (чего стоит название «Язык, знак, культура), – совсем другое дело. Это испытание метода на пробу, «на зубок», применение к объяснительным процедурам, представляло диалог с мировой философией, что и есть собственно философствование. Поэтому упоминание на с. 130 моего имени наряду с теми, кто считает Петрова «великим продолжателем идеи особой миссии России», я считаю некорректным.

Что же касается проблемы ментальности, то в книге о ней говорится много, но в основном отталкиваясь от тех представлений, которые сложились у российских ученых. Так, например, за основу почему-то принимается понимание менталитета как «неясных и невербализованных установок и структур сознания»[15]. Однако достаточно посмотреть книгу «Споры о главном» (результат встречи русских и французских сподвижников школы «Анналов»), чтобы обнаружить, что такое определение – одно из множества, в том числе включающих и «общий тип поведения, свойственный и индивиду и представителям определенной социальной группы, в котором выражено их *понимание* мира в целом и их собственного места в нем» (Ж. Легоф)[16]. Поскольку понятие менталитета вошло в обиход ранее, чем о нем заговорил Петров, то необходимо было бы включить его понимание в этот спор, одного указания на реконструкцию его концепции[17].

Для гл. 3, 4 исходным пунктом послужило, как считает Макаренко, представление Петрова о научно-технической революции и контрреволюции. К сожалению, я не нашла последнего термина у самого Петрова. Книги Петрова «Историко-философские исследования» (М.: РОССПЭН, 1996) на которую ссылается Макаренко, у меня не оказалось. Но, к сожалению, Макаренко не привел ни одной цитаты, где Петров употребляет этот термин. То, что он приводит на с. 131, три цитаты на две – третья и четвертая – главы (1. государство как «ору-

[14] Там же.

[15] Там же. – С. 103.

[16] См.: Неретина, С., Огурцов, А. Время культуры/ С. Неретина, А. Огурцов. – СПб, 2000. – С. 145. Выделено мной.

[17] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция… – С. 108.

дие организованной дезорганизации», 2. «бессмертная социальная структура мыслится “социоценозом”, штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности», 3. «чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участие науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению») не используют этого термина и не согласуются с ним. Контрреволюция по неведению совершиться не может. Да и самоубийство вряд ли. Здесь, на мой взгляд, очевидный и специально продуманный оксюморон. Между тем термин «научно-техническая контрреволюция» в книге употреблен в таком контексте и даже вроде бы на с. 135, с отсылкой на текст Петрова, что читатель вправе подумать, что этот термин принадлежит Петрову. Я не против применения этого термина, я против совмещения разных контекстных анализов и терминологических замещений.

Пятая глава действительно использует термин Петрова «научное поголовье» в нужном контексте, и она-то и задала тот мощный современный коммуникативный тон, о котором я говорила вначале. Между тем, мне кажется гораздо продуктивнее отказаться от апологетики/антиапологетики в философии вообще, за что, кстати, всегда ратовал Петров. Это хорошо было на первом этапе открытия новых имен (вернее: старых имен, но действовавших словно в подполье, поскольку их не печатали) в философии советского периода. Но с тех пор прошло два десятилетия, пришло время от- и о-странения.

3. Если уж мы обсуждаем книгу, то необходимо сказать не только об оплошностях весьма актуальной по замыслу книги, но и о ее недостатках.

Я могу отметить два недостатка. Первый вытекает из уже сказанного; мне кажется, что нельзя закапывать проблему (а она весьма серьезна: непреодоленная ментальность старых идеологий, замещение конкретных действий симулякрами этих действий, формирование «нового человека» в ситуации пустоты, массовизации, разношерстности с одновременной унификацией и пр.) с помощью странных желаний видеть в чем-то действительно важном и актуальном, *действенном* приспособленчество и ложь, какие-то тайные происки и заигрывание титанов мысли с власть предержащими. Я это показала на примере А.Я. Гуревича, но не менее показательны примеры с В.И. Вернадским, которого я, естественно, не могла знать, но знала сына П.А. Флоренского, печатавшегося в журнале «Природа», где я служила редактором, который воспитывался в доме Владимира Ивановича, с Ю.М. Лотманом, которому я лично обязана не только тем, что была на его «озерной школе», печаталась в «Семиотике», но прежде всего тем дружеством, царившим в его доме, его демократизмом, избегавшим любого панибратства, добросердечием, памятливостью. Здесь наотмашь нельзя.

Второй вытекает из первого и относится к используемому языку. Я перечислю лишь несколько употребленных в книге слов: «докторица», «Госпожа Профессор» (не уважительно, а язвительно-пренебрежительно), «удрученная дама», «новый запой», «помойная яма» и «чистые сортиры». Я согласна со многими оценками, данными некоторым участникам круглых столов и конференций, но не согласна с применением «трущобного» языка: он не просто снижает уровень обсуждаемых проблем, он способен позволить пренебречь ими, их не заметить, уничтожить, унизить. Между тем люди на конференциях открыто выражали свои тревоги и боль, хотя предмет этих тревог мог быть не менее, скажем так, странным. Однако пришли они не «туда», а «сюда», соответственно – заслуживают уважения. В данном случае Виктор Павлович, «сознательно или бессознательно», играет роль рупора тех леворадикальных сил, которые любили смотреть, как «Богданов сидит в луже и охорашивается», и против которых совершенно оправданно направлена его казацкая удаль.

Анализ требует остранения, взвешенного обдумывания, которым обладал Михаил Константинович Петров и уже потому этот его анализ принадлежит истокам мысли. В этом смысле название книги совершенно оправданно. Ток этих истоков пронизывает книгу даже и при отсутствии изобилия цитат. Да и запал автора книги вполне понятен. Чего стоит упоминание об одном лишь деле против М.Н. Супруна[18], открытом в условиях декларированного отсутствия политических дел, об обысках, о необходимости согласования с ректоратом текстов выступлений на конференциях с участием зарубежных ученых или создании комиссии по противодействию фальсификации истории, – то, чем справедливо возмутился В.П. Макаренко. От одного этого перечня можно потерять контроль.

Однажды мы с А.П. Огурцовым в магазине в книге обнаружили открытку с таким текстом: «ВНИМАНИЕ! Эта книга содержит ложь и клевету о Великой Отечественной Войне, оскорбления в адрес ветеранов. Автор намеренно искажает факты о Победе над фашизмом, несмотря на то, что фальсификация истории преследуется по закону! Покупая эту книгу, вы спонсируете ПРЕДАТЕЛЯ И ПРЕСТУПНИКА!» Открытку храню, как важный документ эпохи. Ничего, кроме омерзения, такой беззаконный, трусливый и очевидно кем-то инспирированный акт вызвать не может.

Пафос книги – не менее важный, чем анализ современного состояния науки и философии, – заключается и в том, чтобы обратить внимание на сквернейшее состояние жизни, достойное негодования.

[18] Там же. – С. 221.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ИЛИ «УЧЕБНИК-ТЕРМИНАЛ»?

В.Н. Порус
Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье дается оценка книги: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011.*

Ключевые слова: *крах культуры, точка невозврата, чистота ока.*

Так что же нам делать? Так называется некогда знаменитая статья Л.Н. Толстого. Сейчас, мне кажется, уже мало кто помнит, о чем там шла речь (или я недооцениваю своих, еще не утративших навыки хорошего чтения, современников?), зато осталась где-то в подспудной коллективной памяти *интонация* вопроса. Она обращена к тем, кто еще способен сказать «мы», «нам», не сомневаясь в том, что эти местоимения имеют внятный смысл. «Мы» – это те, кто еще способен уловить эту интонацию, а через нее – ощутить боль и стыд как позывы к действию. Вот *МЫ* соберемся с духом, силами и мыслями – и начнем что-то делать, потому что *НАМ* нельзя равнодушно взирать на происходящее.

Эта аллюзия приходит, когда В.П. Макаренко – вслед за М.К. Петровым – говорит о суициде современной науки (особенно, если речь о советско-российской науке с ее врожденной склонностью рассматривать свои интересы сквозь призму «государевой службы» – «наука есть знание под руководством и охраной власти»). Почему суицид? Да потому, что условия, без которых эта наука не привыкла существовать, а именно, ее полная (или почти полная) зависимость от власти и бюрократии, несовместимы с ее Целями, Ценностями и самим Смыслом научной работы, т.е. с ее Жизнью. Это проявляется буквально во всем: в деградации образования и системы подготовки научных кадров, в распаде «единой – интернациональной по определению – науки» на множество научных улусов, в фактическом прекращении или извращении обновляющего влияния науки на развитие культуры и социума (происходит обратное – наука обслуживает локальные интересы отдельных социальных групп и посвящает этому все свои усилия… пока ей за это платят!), в распаде научного этоса (в смысле Р. Мертона), в превращении научного сообщества в конкурентную среду со специфическими правилами поведения, мало общего имеющими с научной этикой, в утрате ценностного статуса, некогда поставившего науку в центр системы культурных универсалий Европы и остального мира. Но главное, что все это совершается не какими-то «темными силами» или

бюрократическими извращенцами, а самой же наукой, точнее, ее элитой, определяющей основные модусы ее бытия.

Можно спорить по каждому из пунктов этого диагноза. Но главное беспокойство вот в чем. Способны ли *МЫ* отвратить самоубийство? Кто *МЫ* такие, чтобы решиться на это? И кто *МЫ* такие, чтобы *НАС* слушали те, к которым могли бы быть обращены речи и действия по предотвращению суицида?

Только представим себе. Вот в аудиторию, заполненную учеными, менеджерами от науки и представителями власти входит Виктор Павлович и оглашает список **дискуссионных проблем**: «материальные и властные интересы индивидов есть козни дьявола; так называемые точные науки и математика базируются на религии и в наибольшей степени являются холуями власти; вся традиция Гоббса подлежит переоценке в контексте социальной истории науки; связь мировоззренческого согласия и социального порядка дискуссионна; связь ученых и политиков подозрительна по определению; центр научных и политических дискуссий и действий надо сместить к проблеме разрыва единства народа и главарей, науки и власти; государственные интересы (reason d'etat) не позволяют адекватно описать отношение науки и власти; авторитарная научно-тех-ническая политика и система образования нуждается в пересмотре; выплата жалованья ученым должна рассматриваться в контексте полемики между трактовкой и практическим воплощением общественного договора как передачи власти (традиция Гоббса) и как ее ссужения взаймы (традиция Локка) и права на сопротивление; традиционная квалификация представителей общественных наук как идеологов (от Наполеона и Маркса до современности) требует пересмотра; научная служба государству – разновидность военного наемничества; ссылка ученых на свободу нередко маскирует бездарность и безделье; научная продуктивность провинции и политическая активность центра воспроизводят связь науки и власти; демократическое и националистическое крыло политической мысли – продукт участия ученых в политике; практическое значение науки есть продукт совместной (научной и политической) риторики и демагогии, поскольку не учитываются реальные проблемы социальной истории науки»[1].

Как думаете, состоится дискуссия? Я сомневаюсь. Скорее, произойдет примерно то, что могло бы случиться на дискуссии племени каннибалов с миссионерами, проповедующими вегетарианство. Весь этот «анархизм» (введем поправку на цивилизованность) будет освистан и решительно осужден, а оратор препровожден в соответствующие инстанции для установления адекватности и проведения профилактических процедур. Или – что еще хуже – аудитория более или менее вежливо его выслушает и немедленно забудет сказанное как не имеющее касательства до дел практических и важных. Так и слышу вопрос, который повиснет в аудиторном воздухе: «Ну и что???»

Я хочу сказать нечто совсем простое. Дело спасения науки от суицида слишком серьезное и трудное, чтобы его мог осуществить небольшой отряд спасателей, воспринимающих идеи М.К. Петрова как инструкцию. Бойцы этого отряда не могут говорить МЫ, относя себя – без оговорок – к множеству «работников науки и власти». Да и само это множество неоднородно. Его не гомогенизирует даже чувство опасности, а я бы сказал – чувство уже свершившейся культурной катастрофы, результатом и в то же время одной из причин которой является тот самый «суицид науки», о котором говорит Виктор Павлович. Что вы там несете о холуйстве и кознях нечистого? Вот денег нет, это да, катастрофа. Но нет сегодня, будут завтра, надо только как следует объяснить власти, что «кормить науку» выгодно и умно, а позволить ей загнуться в судорогах – глупо и нереспектабельно. И надо обсудить именно это:

[1] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М.К. Петрова/ В.П. Макаренко // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 128.

кто, как и когда сделает это. А не заниматься бесполезными разглагольствованиями о Целях и Ценностях. Это, господа, оставьте для своих тусовок, коли уж так невтерпеж хулить действительность. А мы засучим рукава… ну, и так далее, по всей демагогической программе со всеми остановками и рывками.

Изменение статуса науки в обществе, катящемся по наклону к культурному вырождению, возможно только в том случае, если остановить, прекратить это падение. И сила, необходимая для этого, должна быть соразмерной задаче. Вопрос, который я считаю важнейшим, заключается в том, существует ли такая сила? Не проскользнули ли мы (вот здесь уж, действительно, *МЫ*!) точку «невозврата»?

Во всяком случае, я сильно сомневаюсь в том, что можно гальванизировать эту силу, если она вообще еще существует, «учебником-термина-лом», в котором была бы собрана сумма общих сведений о науке, ее истории, способах организации и самоорганизации, о ее ценностях, целях, героях, мучениках и т. д., да еще и учреждением специальной государственной (!!!) службы, поддерживающей работу этого «терминала». Это – некая просветительская мечта-утопия, происхождение которой можно было бы объяснить иллюзиями полувековой (по крайней мере) давности, но не имеющая культурной почвы в настоящем. Наше время более трезво, более сурово. Оно беспощадно к иллюзиям.

Так что же нам делать?

Прислушаться к вечным словам: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то все тело будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»[2]. Нужно следить за чистотой ***своего*** ока. Спасти науку от суицида можно только так: каждый, кто имеет причастность к ней, должен «чистым оком» вбирать в себя ее свет. Если таких будет достаточно много, у науки есть шанс на жизнь. Других шансов нет. Время универсальных рецептов спасения культуры вообще и науки, в частности, ушло и вряд ли вернется.

[2] Евангелие от Луки, 11, 34-36.

ПРАВО НА КОГНИТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ: о книге В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли»

А.Н. Олейник
Институт международных экономических и политических исследований РАН

Аннотация: *Статья посвящена анализу и оценке книги: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. – Ростов-на-Дону, 2011.*

Ключевые слова: *научный дискурс, наука и власть, свобода мысли и слова, когнитивное сопротивление.*

Российский научный дискурс представляет собой чрезвычайно неоднородное явление. Множество разделительных линий – между теоретическими подходами, научными «школами», центром и провинцией и так далее – затрудняют общение между российскими учеными даже в пределах одной и той же дисциплины. В частности, книги, изданные в провинции, имеют меньше шансов привлечь к себе внимание, чем те, что вышли в московских или санкт-петербургских издательствах.

Однако о целом ряде проблем в социальных науках легче писать как раз в провинции, подальше от центра. Это касается, прежде всего, властных отношений. Стандартное требование к исследователю относительно поддержания дистанции в отношении изучаемого предмета в случае изучения власти означает запрет на вписанность в различные властные структуры и даже на близость к ним. Ведь центр – это одновременно и сосредоточие всякого рода «начальства». Объективности от исследователя властных отношений, вращающегося во властных или околовластных кругах, ждать трудно: «Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования [существующего порядка], предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте [властных отношений] кажутся ему или ей

убедительными. Такие обоснования могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста»[1].

Случай Виктора Павловича Макаренко подтверждает выгоды «внесистемности» и «периферийности» в изучении власти. Вся его академическая карьера связана с Ростовом-на-Дону, где он сначала долгое время возглавлял кафедру и преподавал на факультете социологии и политологии Ростовского Государственного Университета (ныне Южный Федеральный Университет), а теперь возглавляет Центр политической концептологии Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Однако это не помешало, а скорее помогло ему стать одним из наиболее глубоких исследователей превалирующей в российском институциональном контексте модели властных отношений, «русской власти»[2], а тиражам и резонансу некоторых, опубликованных им в Ростове-на-Дону на эту тему, книг позавидуют и центральные издательства[3].

Последняя книга В.П. Макаренко[4] тоже издана в Ростове-на-Дону. Она касается отношений между властью и наукой и вопросов власти в самой науке. Конечно, формат книги, в отличие от формата отдельной статьи, позволяет развивать не одну-две, а целый комплекс идей. Однако именно трактовка автором вопросов власти – как в обществе, так и внутри науки – представляет особый интерес. Особенностью авторского подхода является акцент на сопротивлении власти. В этом смысле можно говорить о «теории сопротивления власти», разрабатываемой автором.

Макс Вебер[5] определяет власть как способность субъекта (Вышестоящего, Начальника, Принципала) навязать свою волю объекту (Нижестоящему, Подчиненному, Агенту) в процессе социального действия вопреки возможному сопротивлению. Это определение универсально: оно годится для описания отношений как между представителями государства и рядовыми гражданами, или, скажем, бизнесом, так и в рамках семьи или любой другой организации, в том числе научной.

Если встать на точку зрения обладателя власти, то наибольший интерес представляет техника навязывания воли. Репертуар техник навязывания воли достаточно широк: использование силы, угроз, манипулирование, обоснование власти и так далее[6]. Выбор наиболее результативной и уместной техники с учетом специфики конкретного взаимодействия позволяет навязывать волю наиболее оптимальным образом и с наименьшими издержками.

Выбор точки зрения объекта навязывания воли означает изменение акцентов в анализе. В этом случае в его центре оказываются техники сопротивления власти. Власть и сопротивление неразрывно связаны. Без сопротивления нет власти (есть только везение), а вне контекста власти сопротивление теряет смысл. Мишель Фуко говорит в этой связи о диалектике власти и сопротивления: «Сопротивление... имманентно властным отношениям; оно представляет собой их неотъемлемый элемент»[7].

---

[1] Beetham, D. The Legitimation of Power/ D. Beetham. – Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1991. – С. 62.

[2] Макаренко, В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы / В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.

[3] Макаренко, В.П. Бюрократия и сталинизм/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989.

[4] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011.

[5] Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology / M. Weber. – New York: Bedminster Press, 1968 [1922]. – P. 53.

[6] Олейник, А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов/ А.Н. Олейник. – Москва: РОССПЭН, 2011. Глава 2.

В отличие от других детерминантов человеческого поведения, власть не имеет «встроенных» ограничителей. Скажем, стремление к максимизации полезности или удовлетворения, используемое экономистами-нео-классиками в качестве точки отсчета при анализе человеческого поведения, небезгранично. Согласно закону убывающей полезности, каждая дополнительная единица товара или услуги представляет собой меньшую полезность, чем предыдущая. Страдающий от жажды путник рано или поздно напьется. С властью дело обстоит по-другому: каждое дополнительное властное полномочие не обязательно менее привлекательно, чем предыдущее. Пресыщение движимого жаждой власти человека может никогда не наступить.

Отсутствие «встроенных» ограничителей делает притязания обладателей власти потенциально безграничными. Точнее, единственным эффективным ограничителем притязаний обладателей власти является возможное сопротивление тех, кто ее лишен. Выражаясь словами самого В.П. Макаренко, «власть никогда не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции и принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления»[8]. Вопросам сопротивления обладателям власти, как политической, так и научной, и посвящена обсуждаемая монография.

Власть можно ограничивать самыми разными способами: репертуар техник сопротивления тоже не исчерпывается одним-двумя элементами. Например, на баррикадах с оружием в руках (что вполне соответствует логике использования силы как одной из техник власти). Можно это делать и на площади или другом публичном месте в формате собраний, демонстраций или шествий. Или, скажем, в суде. Автор справедливо отмечает, что «при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (mutatis mutandis) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска»[9].

Данные техники сопротивления хорошо известны как по историческим учебникам, так и по недавним (и нынешним) прецедентам в России. Их преимущества и недостатки известны достаточно хорошо. Скажем, с помощью вооруженного восстания или демонстрации ограничить власть можно лишь временным образом, ибо гарантий против воспроизведения прежней модели власти пришедшими на их волне лидерами нет. Выходить на улицу для ограничения притязаний обладателей власти поэтому лучше не эпизодически, а на регулярной основе. Что же касается судебных методов защиты от власти, то для их результативности требуется как существование независимой судебной системы, так и обладание существенными финансовыми ресурсами и временем.

Обсуждая техники сопротивления власти, автор вводит концепт когнитивного сопротивления. Данный термин обычно используется в рамках социальной психологии и психиатрии для описание сопротивления, скажем потребителя рекламы или пациента, целенаправленному воздействию со стороны рекламодателя или психиатра. В.П. Макаренко предлагает не ограничиваться этими достаточно узкими рамками. Он видит в когнитивном сопротивлении одну из техник сопротивления власти, вариант «реализации классического jus resistendi (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление»[10].

---

[7] Foucault, M. Histoire de la sexualité. Vol. 1: La volonté de savoir/ M. Foucault. – Paris: Editions Gallimard, 1976. – P. 127.

[8] Макаренко, В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы / В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. – С. 281-282.

[9] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011. – С. 231.

[10] Там же. – С. 221.

Ссылка на исторический прецедент – jus resistendi– требует пояснений. Речь идет о праве сопротивления несправедливым притязаниям правителя, которым обладали представители венгерской знати по эдикту 1222 года короля Андрея II Венгерского. В современном российском случае в качестве юридического основания права на когнитивное сопротивление можно рассматривать Конституцию РФ. Согласно Статье 29 этого документа, «каждому гарантируется свобода *мысли* и *слова*» (курсив мой). Поэтому любые действия по ограничению свободы мысли, в частности, посредством манипулирования, антиконституционны. В качестве механизма enforcement, то есть принуждения представителей государства к исполнению конституционных обязательств, подразумевается обращение в суд. При наличии серьезных сомнений в независимости судебной системы данной техники сопротивления явно недостаточно.

Когнитивное сопротивление представляется эффективным средством противодействия манипулированию как одной из ключевых технологий власти, и, следовательно, одним из способов реализации права на свободу мысли. В случае манипулирования «источник подчинения объекта субъекту связан со способностью субъекта оказать скрытое влияние на объект, не осознаваемое объектом»[11], например, за счет искажения и/или ограничения доступной объекту информации. Активное использование обладателями политической власти в России техник манипулирования посредством контроля средств массовой информации, особенно телевидения, обусловливает особую актуальность идеи когнитивного сопротивления. Говоря более практическим языком, требуется научить телезрителя выявлять случаи использования манипулирования и минимизировать их последствия.

Когнитивное сопротивление видится особенно уместным в случае властных отношений собственно в научной среде. Баррикады и шествия здесь еще менее результативны, ибо слабо затрагивают источники власти в науке, а именно «академический истеблишмент», научные «школы» и сети патрон-клиентских отношений. Научные «школы», к примеру, представляют собой неотъемлемый элемент конституции российской науки. Властные отношения пронизывают отношения внутри этих организационных структур: на вершине иерархии «школы» находится ее основатель (реже – основательница), окруженная несколькими наиболее приближенными учениками, каждый из которых в свою очередь тоже имеет учеников. Использование теорий и подходов, не соответствующих принятой в «школе» доктрине, не только не приветствуется, но и всячески пресекается.

Пьер Бурдье и Жан-Клод Пассерон[12] называет практики навязывания определенной точки зрения вопреки возможному сопротивлению символическим насилием, которое отлично от насилия физического только по форме, но не по существу. Как отмечает в этой связи В.П. Макаренко, «отношение «мастер – ученик» все более заменяется отношением *шеф-персонал*, *патрон-клиент*» (выделено в оригинале)[13]. Вряд ли возведение баррикад в аудитории или на кафедре поможет ученикам на нижних этажах «школьной» иерархии в борьбе за их право использовать не насаждаемые сверху, а наиболее перспективные для изучения того или иного объекта подходы. Во всяком случае, опыт культурной революции в Китае не позволяет на это надеяться. А вот техника когнитивного сопротивления вполне может помочь.

Примечательно, что сама обсуждаемая монография написана автором как своего рода дань уважения, трибьют[14] его учителю, тоже ростовскому философу и интеллектуальному

[11] Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. – Москва: РОССПЭН, 2001. – С. 292.

[12] Bourdieu, P., Passeron, J.-C. La reproduction: Eléments pour une théorie du système d'enseignement/ P. Bourdieu, J.-C. Passeron. – Paris: Editions de Minuit, 1970. – С. 19.

[13] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли / В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011. – С. 235.

[14] Дань – современный молодежный слэнг.

диссиденту Михаилу Константиновичу Петрову (1923-1987). Однако в отличие от многих других произведений подобного жанра, в книге не найти некритического восхваления и прочих дифирамбов Учителю. Скорее, это диалог двух ученых, в котором ученик обсуждает ряд идей учителя, но чувствует себя вправе ими не ограничиваться, а идти дальше.

Стоит специально подчеркнуть, что когнитивное сопротивление не означает отрицание коммуникации, взаимодействия вообще. Право на свободу мысли не отрицает, а наоборот, предполагает признание аналогичного права за другими индивидами и обязанность быть знакомым с их точкой зрения. Обсуждаемая книга являет собой яркую иллюстрацию данного тезиса. Помимо виртуального диалога с М.К. Петровым, автор беседует и спорит с целым рядом других виртуальных или реальных (в той мере, в какой обмен мнениями происходил не только через текст, но и очным образом) собеседников. Перечислю их имена в том порядке, в каком они упомянуты в монографии: С. Неретина, Э. Ильенков, М. Бахтин, А. Лосев, Ю. Лотман, А. Гуревич, Ф. Бродель, И. Пантин, Э. Колчинский, Д. Холловэй, А. Запесоцкий, Х. Гастерсон. Речь идет не о цитируемых авторах – их, естественно, много больше (список литературы включает более 160-ти источников), а о тех, чьи аргументы обсуждаются на страницах книги самым подробным образом. Далеко не всегда автор согласен с точкой зрения этих ученых, но реализуя свое право на когнитивное сопротивление, он чувствует себя обязанным тщательно проштудировать их работы. По его собственному признанию, он с четырехлетнего возраста «страдает болезнью Гуттенберга»[15], зачитываясь книгами «взапой» и попутно делая подробные выписки и «заметки на полях» (наверное, поэтому заметкам Э. Ильенкова на полях манускрипта М. Петрова уделено столь много внимания в первой главе рецензируемой книги).

В итоге когнитивное сопротивление ученого, по мнению В.П. Макаренко, может быть использовано как в отношении источников власти вне собственно науки (ввиду ее зависимости, а иногда и прямой подчиненности обладателям политической власти), так и внутри нее (ввиду зависимости большинства исследователей от представителей «академического истеблишмента»). Отказ от когнитивного сопротивления равносилен признанию подчиненного положения ученого, его или ее отказу от реализации собственной воли в научной жизни: «Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом?»[16].

«Не быть холопом» в отношении «академического истеблишмента» на практике означает критическое отношение к любым авторитетам и отсутствие какого-либо стремления к занятию административных должностей (и уж тем более к «окапыванию» – entrenchment – на административных позициях). Для этого необходимо развитие особой культуры чтения и работы с источниками, которую можно определить как педантично-уважительно-критическая. С организационно-практической точки зрения уменьшить привлекательность занятия административных должностей для ученого можно за счет сближения базовой заработной платы ученого и зарплаты администратора (на сегодняшний день последняя в разы превышает первую), а также разработки особой политики по избежанию конфликта интересов при распределении исследовательских грантов и прочих значимых для научной деятельности ресурсов[17].

«Не быть холопом» в отношении обладателей политической власти на практике означат отстаивание автономии науки. «Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность

[15] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011. – С. 59.

[16] Там же. – С. 138.

[17] Олейник, А.Н. Underperformance в теории и университетской практике / А.Н. Олейник // Журнал социологии науки и технологий. – Том 2. – № 3. – 2011.

законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска»[18]. Автономия науки имеет вполне конкретные институциональные основания. К ним относится институт пожизненного найма после прохождения длительного (5-7 лет) испытательного срока, или теньюр (tenure), система финансирования научных организаций через выделение значительных одноразовых грантов (endowment), которые затем инвестируют на финансовом рынке и в реальный сектор, а доходы используют на покрытие текущих расходов и многое другое[19].

Подводя итог, можно предположить, что главным вознаграждением автору является педантично-уважительно-критическое прочтение его работы. В данном случае педантичное означает, что читатель не обходит стороной все поставленные автором вопросы. Уважительное означает, что читатель готов обсуждать даже те из них, которые представляются неприятными – например, о «холопстве» в науке. А критическое означает, что решения автора не воспринимаются как единственно возможные, а ход рассуждений – как заведомо не имеющий изъянов. В частности, читатель волен сам решать, как ему или ей не стать «холопом».

[18] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011. – С. 226.

[19] Олейник, А.Н. Underperformance в теории и университетской практике / А.Н. Олейник // Журнал социологии науки и технологий. – Том 2. – № 3. – 2011.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «РЕШЁННЫХ ВОПРОСОВ»

С.Б. Лугвин
Гомельский государственный технический университет
(Беларусь)

Аннотация: *В статье дается оценка книги: Макаренко В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011.*

Ключевые слова: *бюрократия, антибюрократические проявления, научный этос.*

Очередная монография[1] известного российского философа и политолога В.П. Макаренко, автора оригинальных концепций властно-государ-ственного аппарата, открывает для публичного осмысления имя интересного мыслителя и глубокого философа М.К. Петрова, идеи которого до сегодняшнего дня, к сожалению, еще мало знакомы широкой аудитории. В книге исследуется целый комплекс вопросов, связанных как непосредственно с творчеством М.К. Петрова, так и социокультурным фоном его научных изысканий. Одновременно В.П. Макаренко обосновывает и развивает ряд собственных идей, прямо или косвенно связанных с теоретическим наследием Петрова. В данной монографии в полной мере проявляется нестандартность и оригинальность мышления автора, его нежелание следовать устоявшимся подходам, идти в русле проторенных путей. Заинтересованный читатель может найти в ней немало интересного и полезного, в том числе такое, над чем бы стоило поразмыслить. Чем больше ее читаешь и погружаешься в содержание, тем более понимаешь логику движения мысли автора и проникаешься его идеями. Интересы В.П. Макаренко как ученого чрезвычайно разнообразны: от анализа глобальной социальной системы Броделя до выявления предпосылок суицида науки, от рассмотрения российской ментальности до раскрытия особенностей советской политики в области науки. В его книге достаточно ярко проявились особенности нового социополитического подхода – политической концептологии, разрабатываемого автором на протяжении ряда последних лет.

Структура монографии достаточно сложна: она включает в себя методологические, науковедческие, историко-философские, социологические, политологические, культурологические и иные аспекты. В своей сумме они позволяют не только всесторонне рассмотреть

[1] Макаренко, В.П. Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли / В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: РостИздат, 2011.

творчество М.К. Петрова, но и решить ряд вопросов, поставленных самим автором. Несмотря на кажущуюся разнородность глав и фрагментов книги, ее объединяет авторская концепция, тематическое и проблемное единство. Виктор Павлович критически переработал и использовал целый пласт литературы: его исследование опирается на 160 источников.

Книга В.П. Макаренко позволяет восполнить многие пробелы, существующие сегодня в исследовании творчества Петрова. Автор не просто воспроизводит высказанные им мысли, но по-новому расставляет акценты, выделяя те его идеи, которые не утратили свою актуальность и в настоящее время. Через всю книгу рефреном проходит идея востребованности теоретического наследия Петрова, направленного, в конечном, счете, на переосмысление всех ранее «решенных вопросов». Один из них, например, это господствующее в общественном сознании представление о том, что научная интеллигенция (в терминологии М.К. Петрова «научное поголовье») является носителем новых идей и инноваций. На деле же она достаточно часто препятствует их появлению и внедрению в практику, если они мешают ее комфортной жизни и безбедному существованию. Автор приводит немало примеров, иллюстрирующих данный тезис.

Исходя из признания тесной связи власти, собственности и идеологии как важнейшей составляющей советского общества, В.П. Макаренко характеризует некоторые особенности его интеллектуально-философской элиты, подробно описывает дискуссию «механистов» и «диалектиков», справедливо рассматривая ее как интеллектуальную ширму, скрывающую их подковерную борьбу за власть. «Специфика используемого при этом жаргона, – пишет он, – состояла в лишении понятий строгого теоретического смысла и превращения их в абстракции, под которые подводились любые произвольные действия власти»[2]. В связи с анализом творческого наследия М.К. Петрова Виктор Павлович высказывает целый ряд интересных по смыслу и глубоких по содержанию идей. Я отмечу лишь некоторые из них: определение основных черт государства и социокультурных отношений в России; вывод о тождественности социальных корней и внутреннем единстве русской бюрократии и русской интеллигенции; раскрытие основных черт различных национальных моделей взаимосвязи науки и государства; выявление конформизма и государственного холопства советской интеллигенции; определение основных черт советской организации науки; вывод о наличии тесной связи советской науки и военно-репрессивного аппарата; нахождение имманентно присущего советской системе противоречия между декларируемым приоритетом идеологии и прагматическими потребностями партийно-государственной власти, ориентированной на научный плагиат и эпигонство; анализ феномена «духовного деспотизма», побуждающего ученых-гуманитариев конструировать предельно абстрактные, оторванные от жизни, схемы или разрабатывать угодные власти способы манипуляции общественным сознанием; разработка конкретных предложений по построению идеального типа научной политики.

Будучи последовательным сторонником антибюрократических принципов, В.П. Макаренко мастерски раскрывает некоторые составляющие бюрократического метода управления. К их числу он относит жалобу. Как считает автор, «она создает у подданных чувство некоторой свободы в отношении чиновников низших уровней. Эта «свобода» связана с культивируемым убеждением: вершина власти всегда готова реагировать на социальную несправедливость и бедствия народа. Такая иллюзия связывает подданных с правительством. Подавая жалобу, подданный заявляет о своей солидарности с вершиной власти. Признает эффективность государственного управления в целом, ведь обжаловаться могут только отдельные факты… Жалоба свидетельствует о глубоком проникновении в сознание подданных принципа иерархии… Гражданин превращается в просителя… Оборотная сторона жалобы — при-

[2] Там же. – С. 27.

писывание всеобщности мнениям должностных лиц… В результате истинность приписывается мнениям людей, занятых в аппарате власти. Толкование всех остальных мнений оказывается привилегией бюрократии»[3]. Я думаю, что лучше, чем здесь сказано, уже не скажешь.

В своем исследовании В.П. Макаренко ставит достаточно острую проблему, которая не может не волновать ученых: существует ли сегодня в обществе подлинная свобода научного творчества? Он формулирует ряд критериев, в соответствии с которыми следует определять степень такой свободы: возможность устно и письменно высказываться о состоянии дел в обществе и науке; свободный выбор тем, проблем и теоретико-методологических ориентаций; создание обществ и союзов, защищающих интересы ученых; наличие средств для проведения научных исследований, обеспечения достойной жизни ученых и др. Одновременно автор вынужден признать, что в настоящее время, как и в прошлом, власть не гарантирует право на свободу научного творчества. Это приводит к прогрессирующей деградации научной культуры и порождает такие негативные явления как коррупция, псевдонаучная деятельность, сокращение научных кадров и пр.

По мнению В.П. Макаренко подобная ситуация порождает право на сопротивление научного сообщества. Хочу заметить, что это совершенно нестандартная постановка вопроса. Автор уточняет условия, при которых возможно такое сопротивление: власть не закрепляет свободу научного творчества на конституционном уровне, принимает бесполезные или вредные для науки и ученых решения, проводит дисфункциональную научную политику. Однако, некоторое сомнение вызывает то обстоятельство, что, как считает Виктор Павлович, факторы, порождающие право на законное сопротивление должен определять некий круг авторитетных ученых, в частности, специалисты-науковеды. А не является ли такой подход некоторым отступлением от проведения антибюрократической линии? А не приведет ли он к еще большему укреплению иерархического принципа в науке и усилению позиций научной олигархии, что, в конечном счете, стимулирует процесс дезинтеграции научного сообщества? А может вопросы, которые касаются ученых, должны решать сами ученые, организованные, например, в соответствующие независимые профсоюзы? Не совсем ясно также то, в каких формах должно происходить такое сопротивление? Автор не рассматривает специально этот вопрос, но достаточно прозрачно намекает на возможность использования судебно-правовых методов. Кстати сказать, коррупция, псевдонаучная деятельность, уход из науки – это тоже своеобразные формы сопротивления, но только достаточно пассивные и далеко не самые эффективные.

В связи с констатацией права ученых на свободу научного творчества В.П. Макаренко стремится определить меру их ответственности за последствия своей профессиональной деятельности. Это вполне логично, поскольку свобода неотделима от ответственности. Он выделяет три вида ответственности: за продукты профессиональной деятельности, т.е. те познавательные ценности, с помощью которых удовлетворяются потребности людей и решаются их социальные проблемы; за воспитание и образование учеников; за соблюдение условий выполнения профессии. Как полагает Виктор Павлович, и с ним нельзя не согласиться, политики и чиновники не несут ответственности ни за что. Несмотря на то, что многие из них обладают научными степенями и званиями, они достаточно часто принимают вредные для науки и ученых решения. Это, как считает автор, является очевидным свидетельством их измены научному этосу. С подобным суждением нельзя не согласиться, но только в том случае, если они действительно считают себя учеными и разделяют нормы и ценности научного этоса. Однако на самом деле достаточно часто степени и научные звания воспринимаются полити-

[3] Там же. – С. 221-222.

ками и чиновниками всего лишь как продолжение их почетной титулатуры и, чем этот список длиннее, тем более уверенно и комфортно они себя ощущают. Известно, что даже после ухода с занимаемой должности они в своем большинстве никогда не приходят в науку, а «пересаживаются» в другое кресло, достаточно «теплое» и «доходное». Ни для кого не является секретом, как сегодня порой приобретаются научные степени и звания. А потому политики и чиновники, обладающие ими, но с самого начала не разделяющие норм и ценностей, характерных для научного этоса, вряд ли могут ему изменять. Мне представляется, что Виктор Павлович имел в виду совсем не эту категорию чиновников и политиков.

Немалый интерес представляют собой предложенные автором техники отсечения политиков и чиновников от настоящих ученых: «1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытаются связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления…

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Деградация науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают»[4]. Разумеется, перечень подобных техник может быть продолжен. Так, например, если чиновник или политик в течение ряда лет не подтверждает учебно-преподавательской деятельностью своего научного звания, то он может быть, очевидно, лишен его. Однако реализация некоторых из этих техник может быть достаточно затруднена. Как, например, реально произвести «поляризацию»? Ведь каждый человек имеет право и на политико-административную, и на научную деятельность. Очень не просто реализовать в нашей социокультурной среде и предложение остракизма. Разумеется, все эти проблемы очень сложны. Они требуют серьезного обсуждения в научном сообществе. Их постановка, предпринятая В.П. Макаренко, – очевидный признак его научной смелости, научной добросовестности и научной принципиальности. Именно эти принципы лежат в основе всего содержания данной книги.

Монография В.П. Макаренко носит глубоко новаторский и полемически заостренный характер. Она кладет конец всяким иллюзиям и заблуждениям. В ней содержится трезвый и нелицеприятный анализ прошлого и нынешнего состояния науки, предлагаются конкретные, тщательно продуманные, меры по преодолению научно-технического кризиса. Данное исследование в определенной степени можно считать этапным. Оно как бы подводит итог целому периоду интеллектуальных поисков Виктора Павловича, нацеленных на преодоление феномена коллаборационизма интеллигенции и негативных последствий научно-технической контрреволюции.

[4] Там же. – С. 257.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ

книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» в Ростовской государственной публичной библиотеке 10 февраля 2012 г.

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует стенограмму обсуждения книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли», состоявшегося 10 февраля 2012 года в Ростове-на-Дону.*

Ключевые слова: *научно-техническая контрреволюция, петрововедение, школа мысли.*

Участники:

Берлявский Л.Г., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Владимирский Б.М., доктор биологических наук, профессор (ЮФУ).

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Ерохин Н.Е., ученый секретарь вузов Южного федерального округа РФ.

Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Лубский А.В., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ).

Макаренко В.П., доктор политических и доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Муза Д.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет» (Донецк, Украина).

Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (СКАГС).

Тищенко Ю.Р., кандидат философских наук, доцент (ЮФУ).

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, очередное заседание клуба «Интеллектуальный Ростов» посвящено обсуждению моей книги. Я уже немного рассказал о ней в интервью по телеканалу «Россия-24. Дон» 17 января 2012 года. Вести заседание будет профессор Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский. Коллеги, выбор темы неслучаен. В апреле этого года исполнится 25 лет со дня смерти Михаила Константиновича Петрова, русского философа, историка, теоретика науки и культуры. Отдельным аспектам его жизни и творчества посвящены десятки работ. Но обобщающими можно назвать лишь брошюру Светланы Сергеевны Неретиной «Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество» и совместную работу покойного Виктора Николаевича Дубровина и Юрия Романовича Тищенко «Михаил Константинович Петров – два эпизода и вся жизнь». В.П. Макаренко рассматривает идеи Петрова в ином ракурсе.

В отечественном интеллектуальном дискурсе существуют различные трактовки творчества М.К. Петрова. Одни считают Петрова знаковой фигурой советского философского дискурса, в котором слова-фикции доминировали над словами-предметами. При этом советский дискурс рассматривается как язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Другие полагают, что Петров занимает уникальное место в отечественном интеллектуальном пространстве XX века. Этой точки зрения придерживается и автор книги, которую мы будем обсуждать.

В начале обсуждения книги я хочу привести отрывок из письма Вяземского Пушкину: «Дорогой Саша! Откуда у тебя столько оригинальных мыслей?» Пушкин отвечает Вяземскому: «Дорогой друг! Я их нашел в чужих книгах». Этот пассаж напрямую связан с тематикой работы В.П. Макаренко – идеи Петрова как источник мысли. Поводом для обращения Макаренко к творчеству Петрова послужила неполнота, несостоятельность, сомнительность предшествующих интерпретаций. Речь идет о трактовках творчества Петрова как культуролога и семиотика. Как считает Макаренко, эти трактовки должны сопровождаться обнаружением принципиальных отличий теории Петрова от концепций Ильенкова, Лосева, Бахтина, Лотмана. В связи с этим автор предлагает новый методологический конструкт научно-биографического исследования в контексте социокультурной ситуации, в контексте сопоставления биографии Петрова с биографиями других мыслителей и советских философов. По замыслу автора, этот конструкт должен преодолеть односторонности тех подходов в научно-биографическому изучению творчества Петрова, которые основываются на презумпции благоговения или на презумпции подозрительности. Реконструкция идей Петрова осуществляется в рамках данной методологической установки. Это позволило автору предложить иной ракурс интерпретации творчества, в центре которого находятся идеи Петрова как порождатели новых мыслей. Какие мысли родились у В.П. Макаренко после реконструкции идей Петрова в контексте социокультурной ситуации? – лучше всего расскажет он сам.

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, мне очень приятно, что вы пришли сюда. Я испытываю волнение от того, что приходится писать о человеке, которого мне трудно назвать своим учителем. Я слушал его лекции всего полтора года. Но у каждого есть нравственный и познавательный ориентир в жизни. Михаил Константинович, да еще один-два человека, которых я встретил на протяжении жизни, были, есть и будут для меня ориентиром в сферах этики, познания, отношения к действительности. В этой связи напомню, что в 2010 году под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной вышла в Москве коллективная монография о М.К. Петрове. Мою книгу я не могу считать законченной. Некоторые главы я оставил «на потом» – они не были готовы для публикации. В Северо-Кавказском НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в конце 2010 года создана совместная с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники

РАН лаборатория по истории, философии и социологии науки. Моя книга – первый труд этой лаборатории.

Книга посвящена реконструкции концепта научно-технической контр-революции в трудах М.К. Петрова. Я рассмотрел проблемы социокультурного фона его творчества, ментальности, феномен служения государству и социальные следствия этого феномена, дискуссии о состоянии науки в современной России, модели научной политики и реального поведения индивидов в условиях массовой науки, коллаборационизм научно-технической и гуманитарной интеллигенции.

Основой книги являются мои статьи 2000-2010 годов. Первые варианты статей я излагал в виде докладов на чтениях, посвященных памяти Петрова. Такие чтения ежегодно проводятся на факультете философии и культурологи. Хочу поблагодарить присутствующих здесь коллег-фило-софов, которые причастны к организации чтений – Геннадия Драча, моего старого коллегу, Александра Ерыгина, с которым мы со студенческой скамьи переругиваемся или, наоборот, питаем друг к другу приятные чув-ства. Это – как в семье – всегда так бывает, когда люди по сорок и более лет знают друг друга. Коллеги-философы первыми слушали идеи, которые обобщены в книжке. Первыми вступали со мной в дискуссию. Их возражения стимулировали доводку начальных соображений до уровня публикаций. Постепенно цикл статей приобретал очертания книги. Здесь материал впервые собран под одной обложкой, хотя, повторяю, некоторые главы не вошли в книгу.

К настоящему времени уже обозначился круг авторов-петрововедов – я имею в виду покойного Виктора Николаевича Дубровина, Александра Павловича Огурцова, Юрия Романовича Тищенко и других. Я не назвал Александра Николаевича Ерыгина, а кого я еще не успел назвать? (**Голос из публики**: Мирского!) Мирского Эдуарда Михайловича. Но больше всех сделала для создания традиции разработки наследства Петрова Светлана Сергеевна Неретина. Она создала оптику восприятия и интерпретации его творчества. Хочу поблагодарить ее сердечно.

В большинстве посвященных Петрову публикаций он квалифицируется как культуролог. Однако профессор Валерий Савчук показал, что современная российская культурология является «дитём» советской системы идеологического воздействия, формой выживания различных советских идеологических дисциплин. Поэтому квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Я это осознал после смерти Михаила Константиновича. Так случилось, что в одну неделю умерла моя мама, затем Михаил Константинович. Эти две смерти в моей памяти переплелись. После смерти Петрова нежданно-негаданно его хулители и гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. От этого у меня возникла изжога. О ней я впервые сказал на Третьем Всероссийском философском конгрессе и выдвинул тезис: Петров является ученым и мыслителем мирового ранга; его теоретическое наследство можно разрабатывать в нескольких направлениях. В книге они перечислены. Каждое направление разработки наследства Петрова можно развернуть в особую научно-исследовательскую программу. Набросок такой программы я предлагаю в этой книге.

Одна тема имеет ключевое значение для организации материала. В 1965 году Петров писал: «Прежние формы подавления мысли носили оча-говый характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Подобные подходы, скорее, деформировали и уродовали мысль, но никогда, по существу, не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой». Не буду продолжать цитату – каждый может прочесть в книге. Короче говоря, все творчество Михаила Константиновича пронизано иронией в отношении любых «решенных» вопросов. По его мнению, ни один вопрос социальной жизни не может считаться решенным. Обращаю внимание, что большинство известных деятелей XX века, претендующих (как сказал бы Гегель) на всемирно-исторические

высоты, думали иначе. Поэтому история прошлого столетия может быть обозначена как множество претензий на абсолютное решение. В этом смысле объект рефлексии Петрова не исчез. Особенно на фоне современной пропаганды ностальгии по СССР внутри страны и использования культурно-цивилизационных сюжетов во внешней политике России.

Этот отрывок можно понять как программу исследования всех прежних и современных форм подавления, уничтожения, дренажа и парализации мысли. Исходный вопрос я формулирую так: «Сколько миллионов людей подверглось духовному оскоплению в нашей стране после 1917-го года, и как духовные скопцы воздействуют на нынешнее поколение жителей России и всей постсоветской ойкумены?» Вместо обсуждения этого вопроса по телевидению идут сюжеты о плотской импотенции. Но проблема духовной стерилизации не менее важна. Например, В.В. Налимов пишет: «Диктатура большевистской партии пала, но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли». Относительно Европы Петер Слотердайк добавляет, что те, кто одержим правом на свободную значимость, не способны быть субъектами регулируемого государства и оказываются вечно неспокойными и некастрируемыми анархистами.

Отсюда вытекает общий «евразийский», так сказать, вопрос: «Сколько к настоящему времени свободомыслящих осталось в России, а не кастрированных анархистов в Европе и Азии?» Вопрос не праздный. Галина Александровна Комарова показала, что большинство членов научного сообщества России любые новые идеи встречает в штыки. По ее мнению, одна из причин состоит в том, что советская власть отучала граждан от саморефлексии в общественной и интеллектуальной жизни, боялась любых новшеств, хотела только порядка и спокойствия. Попытки самостоятельного переосмысления были крайне редкими, всегда вызывали резкий отпор системы и сильное сопротивление среды. Нынешняя российская академическая среда – часть советского общества. Поэтому серьезная методологическая рефлексия пугала и до сих пор пугает большинство ученых. Значит, само научное сообщество может быть формой подавления мысли.

Обращаю внимание, что эти качества науки Петров обсуждал пол-столетия назад. Он квалифицировал большинство научного сообщества как «научное поголовье». В этом смысле для меня было важно показать: то, что он писал, говорил на лекциях, коллегам в общении, – не является чем-то совершенно оригинальным и самобытным. Я фиксирую совпадение его идей с идеями выдающихся художников, ученых и мыслителей XX века – Чеслава Милоша, Льва Ландау, Пьера Бурдье и др.

Идеи Михаила Константиновича – не нечто из ряда вон выходящее, а массированная атака на множество стереотипов, которые Платон называл «устоявшимися обыкновениями». Напомню, что Петров считал главной задачей философии обоснование культурных революций и социальной критики. Он об этом писал специально, в статье «Научно-техническая революция и философия». Этим объясняется подзаголовок моей книги – «идеи Петрова как источник мысли». С.С. Неретина пишет о том, что наступает момент оглядки, когда обнаруживается, что труды Михаила Константиновича Петрова – надежный источник мысли. Одним из источников является концепт научно-технической контрреволюции, который я реконструировал в трудах Петрова. Я попытался в книжке объединить ряд идей Петрова в познавательную целостность. На три четверти книга опубликована в центральных журналах, а также в интернете.

Last but not least – я хотел бы поблагодарить присутствующую здесь мою Таточку – жену, Татьяну Александровну Марченко. Она всегда поддерживала, в самую крутую минуту, все мои начинания, в том числе – это.

А.В. **Лубский.** Коллеги, какие будут вопросы?

А.М. Старостин. Виктор Павлович, два вопроса. В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?

В.П. Макаренко. Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей. К сожалению, коммунитарный идеал воплотить трудно. Когда я сошелся с Татьяной Александровной и начал ей развивать идеи братства по познанию, она отвечала: «Ты идеалист, такой науки не бывает, наука – удел одиночек». Я с этим не согласен. Но отдаю себе отчет, что создать исследовательский коллектив – дело сложное, и это может быть предметом особого разговора. Однако уже есть теоретические альтернативы конкурентной модели науки. Одна из них содержится в книге Хайда. Давайте устроим семинар на эту тему, обменяемся мнениями по поводу концепций, которые позволяют дистанцироваться от привычного положения вещей, к которому все привыкли.

А.М. Старостин. А второй вопрос – про Холтона, Куна?

В.П. Макаренко. Мне ближе концепция социокультурных оснований науки Уоррена Хагстрема. В эти основания входит солидарность людей, для которых познание – главная цель. Напомню – Михаил Константинович отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа. Я об этом пишу в книге.

Г.В. Драч. Было бы интересно услышать: в каком контексте используется у Петрова термин «контрреволюция»?

В.П. Макаренко. Из содержания статьи «Научно-техническая революция и философия» вытекает концепт научно-технической контрреволюции. Та программа, которая содержится в этой статье, показывает, к чему Петров относился отрицательно.

Г.В. Драч. Аспекты исследования эксплицированы по Петрову или с позиции автора?

В.П. Макаренко. С первой книжки «Анализ бюрократии в ранних работах Карла Маркса» у меня сформировался определенный способ работы. Присутствующий здесь Юрий Романович Тищенко не даст соврать. Спустя лет двадцать после выхода книги он спросил: «Витя, как ты увидел то, что я, преподавая историю марксистской философии, не видел?» Речь идет о моем растворении в тексте как определенном способе интеллектуальной работы. Тогда содержание текста (в случае моей первой книги это работы молодого Маркса), поток мыслей, быт, повседневная жизнь и интерпретация текста совпадают. Но лейтмотивом быта и жизни является текст. Это что-то сродни тому бормотанию, из которого потом появляются стихи. Некий транс, в который можно впадать. Однако такой способ работы довольно гробовой. Первая моя книга составляла десять печатных листов, около 240 страниц на машинке. А черновиков было в десять раз больше. Я с тоской посмотрел на них и пошел пьянствовать в ближайшую синагогу – так называлась пивная, расположенная рядом с Ростовской синагогой. Покойный Вадим Пугин меня называл: «Витя, ты экзегет». Речь идет о глубинном, лучше сказать – бездонном, погружении в текст. Я это уподобляю труду шахтера или водолаза. Потом я узнал, что есть герменевтический метод. Такой способ работы мне ближе всего. Поэтому скажу определенно, что основные идеи моей книги вытекают из текстов Михаила Константиновича.

Г.В. Драч. Но у Петрова присутствовал концепт научной революции. Он был введен исследователями науки, у Налимова, у Прайса. И картина получается совершенно иная, если признавать Петрова историком науки (**А.Н. Ерыгин**. Оригинальная!) Ну, это – можно спорить. Совершенно другие аспекты. Учитывается ли его концепция, взгляды на историю науки, на научную революцию? И вообще – как понятие контрреволюции соотносится с понятием революции? Из какого из них ты исходишь? Берешь у Петрова или сам?

В.П. Макаренко. Глава третья книги называется «Концепт научно-технической контрреволюции». Там все написано. Напомню, в советское время лозунг научно-технической революции писался на всех заборах. В 1977 году я участвовал в одной из школ молодых ученых. И у одного из лекторов спросил: «Если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером?» Этот профессор, референт ЦК, начал вертеть вола. Присутствующие здесь представители среднего и старшего поколения помнят, что идея об ученых как революционерах проходила по разряду ревизионизма: считали, что враги советского государства развивают такую идею. Вот эту ситуацию я анализирую.

Г.В. Драч. Я не это хотел спросить. Есть Нидам, Прайс, Джон Бернал и Эйнштейн, масса работ в области классической науки, включая и ту науку, которая развивалась в Советском Союзе. Петров здесь был немалый авторитет и специалист. И я вновь настаиваю на том, что это абсолютно иная история науки. Почему выбран именно такой аспект? Или не учтены классические работы?

В.П. Макаренко. Есть французская пословица: каждая женщина не может дать больше, чем у нее есть. Я не женщина и еще больше отклоняюсь от французской пословицы. Моя задача: анализ форм подавления, паралича, парализации мысли. Этой цели я подчинял свой способ работы. Игорь Сергеевич Дмитриев прислал статью, в которой дает новую версию научной революции. Мы опубликуем ее в журнале и тогда поговорим о старых и новых концепциях. Я сейчас об этом говорить не буду, потому что тогда нам вместо темы, ради которой мы собрались, надо начинать говорить о совершенно других вещах.

А.Н. Ерыгин. У меня два интимных вопроса, раз уж Виктор Павлович меня упомянул в своей книге. Я имею право иметь отношение к тому, что обо мне говорится. Первый: дискуссия о российской ментальности, в которой мы с тобой вместе участвовали и которую ты создал, и меня туда с Липовым втянул. Мы участвовали, к счастью или к несчастью. Но каким образом, с точки зрения основного названия книги – «Научно-техни-ческая контрреволюция», попала в книгу дискуссия о российской ментальности? Как она вписывается в книгу? Второй вопрос: на странице шестьдесят четыре описывается то, что вы там говорили, и ты пишешь, что я развил концепцию русского логоса, которую ты дальше кратко… (**В.П. Макаренко**. Это начинал покойный Георгий Гачев.) Концепцию русского логоса ты приписал мне: «Концепция русского логоса была развита Ерыгиным». Как ты нашел у меня концепцию русского логоса?!

А.В. **Лубский**. Александр Николаевич, просто ты, наверное, не понимаешь, что ты сделал. (*Смех, шум, аплодисменты*.)

А.Н. Ерыгин. Я очень хорошо знаю, что я сделал. То, что я сделал – намного серьезнее того, о чем пишет Виктор Павлович. (**А.В**. **Лубский**. Он тебя хвалит, а ты обижаешься.) Там сначала описывается Гачев, – что сделал он, затем я, и нас вместе объединяют в одну общую компанию… (**В.П. Макаренко**. А ты не хочешь состоять в такой компании?) Я концепцию русского логоса не создавал. (**А.В**. **Лубский**. Ты не хотел, но создал.) (*Громкий общий смех.*)

В.П. Макаренко. На что же мне отвечать?

А.Н. Ерыгин. Сначала о дискуссии: какое отношение имеет эта дискуссия к идеям Петрова и к научно-технической контрреволюции?

В.П. Макаренко. Тема ментальности интересна тем, что безмолвствующее большинство играет роль тормозов в отношении большинства концептов, которые высказываются религиозными вождями, политиками, моралистами, философами, учеными. Часто ментальность рассматривается (например, в школе Ю. Лотмана) как знаковая реальность. Я об этом пишу в первой главе книги. Мне представлялось важным обозначить возможность другого подхода к проблеме, заявку на который дал Михаил Константинович. Можно работать иначе, не сводить ментальность к знаковым формам. С этой точки зрения есть совершенно определенная содержательная и методологическая связь с названием книги. Есть и другие, но я сейчас о них говорить не буду. (**А.Н. Ерыгин**. Понятно.) А вторая часть вопроса: можно ли твое утверждение понимать так, что я неправильно тебя классифицировал? (**А.Н. Ерыгин**. Да, неправильно. Ерыгин не создал…) Хорошо. В следующем издании книги (*общий смех*) я учту результаты сегодняшнего обсуждения и – спасибо за подсказку – поразмыслю специально: отличается ли твоя концепция от других… Ты имеешь в виду, что если ты не развивал концепцию русского логоса, то потому, что Россия является частью Европы (**А.Н. Ерыгин**. Несомненно.), и с этой точки зрения все разговоры о «русском логосе» являются дискуссионными? Всё, тогда я внесу уточнения.

А.В. **Лубский**. Александр Николаевич, ну будет же плохо, если он напишет, что профессор Ерыгин пытался развить идею русского логоса, но не развил. (*Шум. Неразборчивые возражения А.Н. Ерыгина*.)

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, я уже вам этот вопрос задавал на прошлой конференции. Но оказалось, что стержнем этой книжки является обсуждение проблемы преодоления духовной кастрации. (**В.П. Макаренко** (*смеясь*). Что за чепуха?) Нет, если мы считаем, что было произведено духовное оскопление… Это так? (*Пауза*.)

В.П. Макаренко. Игорь, я ссылаюсь на работы В. Налимова, в которых он пишет, что в России почти не осталось свободомыслящих. О кастратах пишет Петер Слотердайк. Я отталкиваюсь от этой констатации и показываю способы анализа проблемы. Решаю методологическую задачу – пытаюсь указать ряд направлений анализа. Не утопить, а обострить проблему.

И.Д. Коротец. Хорошо. Но как понимать духовность?

В.П. Макаренко. Этот вопрос никогда меня не интересовал. Для ответа на него можно сходить в церковь, почитать душеспасительные рассуждения, потрепаться с женой, надраться с другом или в одиночку, уйти в себя или в пустыню, – разные есть способы... Мне это не интересно. (*Неразборчивое многоголосье.*) Не знаю… Не могу ничего сказать на тему духовности. Есть охотники на эту тему поговорить, я к ним не принадлежу. (**А.Н. Ерыгин**. Вообще-то, ты начал с духовного оскопления…) Да, есть «духовное оскопление» и есть его причины. (*Шум.*). Вопрос Игоря сформулирован на основе определенного понимания духовности, с которым я не согласен. Думаю, что Налимов развивал совершенно другую концепцию. Он принадлежал к мистическому анархизму; это требует специального анализа. В эту тему я не могу сейчас углубляться. Здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина – она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Вот у нее, Игорь, и спроси. Меня интересует другая тема – насколько концепция Налимова отличается от концепции анабаптистов и других мистических течений? Ведь оттуда как раз выводился революционный потенциал массовых движений. Но эту тему я в книжке не рассматриваю.

Л.Г. Берлявский. Виктор Павлович, мы внимательно прочитали книжку вашу, и все-таки – к каким понятиям вы сводите концепт научно-технической контрреволюции? Сейчас вы пояснили, что это одна из форм подавления мысли (**В.П. Макаренко**. Да.) Потом на страницах 141-142 вы, ссылаясь на Петрова, упоминаете, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции (**В.П. Макаренко**. Да, это его идея.) Есть еще одна

идея – экстенсивной модели онаучивания. (**В.П. Макаренко**. Да.) Правильно ли я понял, что все это входит в этот концепт, или вы что-то еще туда вкладываете?

В.П. Макаренко. Я не успел вставить в книжку концепцию национальной самокритики М.К. Петрова и некоторые другие вещи. Михаил Константинович проводил различие между экстенсивным и интенсивным способом научно-технической революции. Он резко критиковал не только способ связи науки с производством, но и традиционный способ социального бытия, к которому вынуждена приспосабливаться наука. Это тоже особый предмет разговора. В главе о техно-якобинцах я рассматриваю различные формы взаимосвязи между наукой и производством, наукой и военным делом и следствия, которые из них вытекают.

Д.Е. Муза. Уважаемый Виктор Павлович! Хочу выразить Вам слова искренней благодарности за весьма интересную и важную книгу. Она нужна как преподавателям и студентам, так и молодым ученым. В украинских вузах, как и в российских сейчас читается курс «Философия науки и техники», в котором так же делается ударение на социокультурных аспектах развития науки и техники. Ваша монография затрагивает ряд острых и не до конца проясненных вопросов о состоянии современной российской науки, об исторических и системных причинах ее нынешнего этапа на фоне динамики мировой науки.

На мой взгляд, кроме блестящей интерпретации работ М.К. Петрова (о научной политике как практике «активного вмешательства в тонкие процессы творчества»; о научном кодировании; о переходе «малой» университетской науки в «большую», государственную науку; о феномене научно-технической контрреволюции), Ваша работа содержит ряд любопытных наблюдений и обобщений. Среди них я бы выделил: 1) тезис о том, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции; 2) акцентуацию внимания на «комплексе служения государству» в российской и украинской науке (на примере деятельности академика В.И. Вернадского); 3) иллюстрации к положению о неравномерном развитии науки при разных политических режимах и конфессиональных традициях (прежде всего английская, французская и российская модели взаимодействия науки и государства).

Но самое, пожалуй, важное состоит в Вашем вопросе: можно ли изменить поведенческие и психологические стереотипы ученых, исторически прочно связанных с политизацией деятельности? Ответ на этот вопрос, очевидно, нужно искать прямо сейчас, преодолевая инерцию стереотипов, например, «осажденной крепости».

Тем не менее, в контексте развития американской модели развития науки прозвучал ошеломляющий тезис П. Фейерабенда о том, что «в науке, как и в любой другой идеологии, нет ничего такого, что содействует свободе». И далее, как известно, следует его программа отделения науки от государства... Отсюда мой вопрос к Вам: может ли наука (= идеология) в принципе защитить личность, или её функция «научного кодирования» все же работает с «поголовьем», а не конкретной «головой», тем более, оставляя ей минимальный люфт свободы (институционально и ценностно)?

В.П. Макаренко. Спасибо за квалифицированный вопрос, Дмитрий Евгеньевич. Он отличается от предыдущих вопрошателей и совопросников и требует обдумывания. Пока возьму пример с Хомы Брута и ограничусь риторикой: наверное, не может. Ведь большинство ученых пошли в холуи государству – сознательно или бессознательно. Напомню, что только Лев Ландау вышел из советского атомного проекта, едва представилась такая возможность после смерти сына осетинского гуталинщика (по определению А.И. Солженицына). На мой взгляд, определить «люфт свободы» можно тогда, когда сопоставляешь научное творчество с другими видами творчества. Для меня научное творчество было и будет одним из доменов свободы – от государственных заказов сверху и сбоку, от господствующих интеллектуальных мод, от связи науки с производством и тому подобных феноменов, описанных Петровым.

А.В. **Лубский**. Коллеги, есть еще вопросы? Вопросов нет. У кого появятся еще вопросы к Виктору Павловичу, подавайте в письменном виде, он в конце на них ответит. Я хочу с вами посоветоваться: поскольку нормальный человек продуктивно может мыслить не больше 15 минут (*смех*), то будем делать перерыв. Или не будем, Виктор Павлович? (**В.П. Макаренко**. Сейчас не будем. *Шум*.) Тогда приступим к обсуждению и начнем с…

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, на книжку уже поступили рецензии от ведущих специалистов в сфере истории, методологии и философии науки…

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, а не получается, что вы сами используете приемы научной контрреволюции?

В.П. Макаренко. Не получается.

Г.В. Драч. А зачем? (*Шум*.) Дайте нам возможность вначале сказать то, что мы думаем, без ссылок на авторитеты. Я пришел вашу книгу обсуждать…

В.П. Макаренко. Никто ни на кого авторитетом не давит; эти люди являются участниками *дискуссии*, вот о чем идет речь.

Г.В. Драч. Не захотим – не прочитаем.

А.В. **Лубский**. Коллеги, я думаю, мы будем соблюдать определенный политес. Мы заранее попросили С.С. Неретину и А.П. Огурцова выступить на обсуждении, но в силу того, что они не смогли приехать, они прислали рецензии и статьи. И с нашей стороны было бы не этично не послушать их. **(Г.В. Драч**. Но давайте сначала обсудим…) Если мы не хотим работать в ключе контрреволюции, то должны послушать разные мнения, в духе Петрова, который отказывался от окончательного решения, как Макаренко сказал, любых вопросов социальной жизни, развития науки и т.д. Но если вы возражаете, мы найдем другой способ решения[1].

Теперь сделаю две ремарки. Первая касается того, что при чтении чужих книг часто возникают идеи, на первый взгляд, вообще не имеющие отношения к содержанию книги, и тогда очень трудно отличить, где идеи автора, а где – интерпретация этих идей интерпретатором. Во-вторых, любая интерпретация чужой книги, чужого текста, всегда, к сожалению, претендует на адекватность. Но любая интерпретация – это всего-навсего деконструкция текста. Это, примерно, то, чем занимался Виктор Павлович, обнаружив истоки русского логоса в работах Александра Николаевича. Это деконструкция текста, т.е. вычитывание из текста того, о чем автор даже, иногда, и не догадывался. Поэтому никакие интерпретации претендовать на адекватность не могут. Лишь в том случае, когда кто-то назначил одну интерпретацию правильной, остальные все становятся еретическими, но с еретиками, вы знаете, расправляются. Мы работаем в совершенно другой интеллектуальной среде, где приветствуются любые интерпретации, если они не связаны с интеллектуальным ригоризмом, неприятием всех других точек зрения, те, которые способствуют нашему интеллектуальному развитию и пониманию текста, который мы обсуждаем.

После этого я предоставляю слово моему старому другу Александру Николаевичу Ерыгину (**Г.В. Драч**. Не такой уж он и старый.) Старый, уже почти ветхий (*смех*). Не больше десяти минут. (*Шум*.)

А.Н. Ерыгин. За десять минут много не скажешь. И автору рассказать о своей книге трудно, и прочитавшему ее, который может попасть в ситуацию неточностей интерпретации, тем более трудно. Поэтому я кратко остановлюсь на общей оценке книги и тезисе, который возник в связи с моими вопросами.

Виктор Павлович во вступительном слове назвал ее «первой монографией о Петрове». Можно эту самооценку принять, но справедливо и поставить вопрос. Я думаю, все четыре

[1] Все письменные отзывы на книгу В.П. Макаренко опубликованы в начале рубрики «Навстречу юбилею М.К. Петрова», в этом номере журнала. – *Ред*.

книги о Петрове, которые вышли – С.С. Неретиной, Ю.Р. Тищенко с В.Н. Дубровиным, общая книга под редакцией С.С. Неретиной, где все эти авторы участвуют, в 2010 году вышедшая, и новая книга Виктора Павловича – четвертая в этом списке – все стоят в одном ряду. Хотя книга Макаренко из них выделяется.

В каком ряду они стоят? Это то, что можно назвать первым приступом или первым подходом к личности, творчеству, идеям Михаила Константиновича Петрова. Как ни обидно его ученикам, до сих пор ни одной монографии о Петрове не появилось. Первые две книги, которые на это не претендовали, и общая большая книга под редакцией С.С. Неретиной коллективной монографией не стала. Даже книга Виктора Павловича первой монографией о Петрове не стала. Это монография, несомненно, – *в связи* с Петровым, но не *о* Петрове.

Именно так – открываешь книгу и просматриваешь ее содержание: сколько там Петрова и сколько не Петрова? Процент сразу показывает: книга, конечно не о Петрове. Правда, автор и не претендовал на то, что это книга о Петрове. Он написал в подзаголовке, что идеи Петрова – это источник мысли. В данном случае сам подзаголовок можно понимать по-разному: то ли это источник мысли Макаренко, который в своих статьях и частях книги отталкивается от идей Петрова. Опираясь на его поведение или имея в виду его понятие об идеях, Виктор Павлович рассматривал интересующие его сюжеты. То ли с какой-то другой еще стороны. Но в центре внимания автора, в заголовке и в выступлении четко обозначена тема научно-технической контрреволюции. У меня появление этого феномена в уме так или иначе связывается с идеями Петрова. Я думаю, что так построенная книга – судя по автору и по ее содержанию, – это очень хорошая и интересная книга, но она не может быть первой монографией о Петрове.

Поэтому мы ждем появления книги, которая, надеюсь, все-таки возникнет и будет посвящена проблемному, содержательному анализу наследия Михаила Константиновича. Пока такой книги в нашей науке нет. Статьи такого сорта – очень небольшое число – есть, но книг нет. Я думал, что это будет такая работа. Но раскрыл, прочитал, понял: Виктор Павлович написал нестандартную, очень оригинальную, очень любопытно построенную книгу – по архитектонике ее, по замыслу, по введению широкого полотна мысли, – ради анализа феномена подавления мысли и духовного оскопления. Все эти термины говорят о некоей духовной, интеллектуальной, научной, научно-технической, гуманитарной контрреволюции и всяческого подавления личности и личностного способа мысли. Это, несомненно, выписано. С этой стороны, с точки зрения основного названия, у меня претензий к книге нет. Хотя я здесь не специалист и глубоко рассматривать эту часть дела я бы не стал. И вот на этом, определив главную заслугу данной работы, остановлюсь.

Теперь перейду ко второй части. По поводу подзаголовка. Вот, например, дискуссия о ментальности. Не вырастает в моем сознании, что эта глава, хотя в целом сама по себе интересная, не притянута за уши. Появляется тема ментальности, Петрову совершенно чуждая, при всем том, что он прекрасно знал современную ему литературу, но тему ментальности в этой литературе он не рассматривал. Вот как Лубский относительно меня сделал замечание, что сам не знал, а сделал то, что Виктор Павлович обо мне сказал, – если у Петрова выход на ментальность не получился, – это может быть. Но сам Петров вводил другие понятия и прежде всего понятие европейского образа мысли. Виктор Павлович к этому апеллирует, когда рассматривает дискуссию Ильенкова и Петрова, и поэтому здесь он совершенно прав. Вот и первое замечание.

Это – самая интересная часть книги. С нее начинается, фактически, подзаголовок – столкновение двух китов, двух гениальнейших ученых, мыслителей, философов второй половины века – Ильенкова и Петрова. Виктор Павлович свое ключевое внимание, приятие идей из этих двух отдает Петрову, а не Ильенкову, и он его аккуратно выписывает. Но из

этого образа Ильенков предстает хотя и верно, но карикатурно. Я не сторонник Ильенкова. Но представить Ильенкова так, как он представлен в рамках его спора с Петровым, нельзя. Тем более, что оба автора – если читать подстрочник книги «Искусство и наука» – к концу записей отходят от тех первых оценок, которые даны в начале. Почему так получилось с Ильенковым? – это уже другой вопрос, с мертвого не спросишь. Ясно, что он начинает слишком резко, радикально, неучтиво, неэтично, как по отношению к серьезному тексту, так и по отношению к своему бывшему другу.

Все эти замечания были чисто личными. Это Неретина издала книгу вместе с незапланированной публикацией тех записей рецензентов, которые оставили след прочтения книги на полях. Это тоже большой вопрос – об этике издателя. Но из того, что видно в подтексте – я тоже этим занимался и в той книге, которой, надеюсь, скоро выйдет, свои возражения Виктору Павловичу выскажу подробно, – я не вижу такого поворота событий, как его представил Виктор Павлович. Нет жесткого противостояния. Наступает момент, когда Ильенков видит, что он неправильно понял Петрова, ощущает, что надо сдаться и медленно, как я написал на полях, читая книжку, – «шарик сдулся». Что делать, сначала погорячился, потом «сдулся». Потому что все эти претензии навязать истину, на религиозное понимание не имеют почвы под ногами. То есть, все, с чем Ильенков выступил против Петрова, – совершенно не серьезная критика. И он от нее уходит. Но и Петров ироничен и милостив. Он очень хорошо показывает, что друга своего он понимает и в подполье. А вот разница их позиций, конечно, Виктором Павловичем названа правильно. С одной стороны – жесткая, марксистско-ленинская – Ильенкова, с другой – антимарксистская схема Петрова. Это – несомненно.

Но надо было этот сюжет выписать, а он, к сожалению, провисает, в связи с огромным количеством разных замечаний, которые даже, в манере Виктора Павловича, не расклассифицированы, а даны скопом. Не получилось – прекраснейший сюжет, который остался завуалированным. В итоге позиции Ильенкова и Петрова представлены в целом неадекватно. По крайней мере, столь расплывчато, что автору, создавшему этот текст, и читателю этого автора, остается неясным, о чем идет разговор. Ведь состоялся первый великий нелегальный спор двух нелегалов, полулегалов или легалов, – это великое достояние, нам от прежней культуры доставшееся, но позволяющее вскрыть интереснейшие глубины рождения, лабораторию рождения разных идей, которые в этом русле возникли.

И вот из этого спора, по сути дела – переписки через Неретину, началась дискуссия о ментальности. Я понимаю, Виктор Павлович в этом случае занимал особое положение. Я понял, что при публикации его, конечно, обидели коллеги наши дорогие (**В.П. Макаренко**. Кого?), – тебя, потому что у тебя было большое выступление (**В.П. Макаренко**. Где?), – в «Вопросах философии» (**В.П. Макаренко**. А я уже забыл.), – блестящее выступление, совершенно выпадающее из общего круга обсуждений (**В.П. Макаренко**. Спасибо.), а при публикации от него осталось нес-колько строчек, которые совсем не дают представления о позиции Виктора Павловича. Я понимаю, что ты пытаешься взять реванш (**В.П. Макаренко**. Ну какой реванш – двадцать лет спустя… Я не помню, что вчера ел, а ты говоришь о событии двадцатилетней давности. К тому же всем хорошо известно, что в моем характере никогда не было этой черты – злопамятности…), – это же ирония… Но реванш – если вдруг его всерьез делать, – а можно было бы сделать, – то надо делать более развернуто. (**В.П. Макаренко**. Не-не-не… Что за ерунда?) Ну и в этом контексте я сразу говорю о себе – мое время закончилось.

В заключение хочу сказать: я преследовал там совсем другую цель – меня попросили рассказать, в рамках дискуссии о ментальности, что я там думаю о ней, и я сказал то, что хотел сказать, и то, что меня сюда поместили – это уже случайность, а тебя не поместили, а я там поставил тему «Феномен западничества в русской культуре». Не больше. (**В.П. Мака-**

ренко. Так что – не соответствует тоже, что ли?) Из моего текста – там двенадцать страниц и они представлены концепцией, якобы мной придуманной, русского логоса. Там у меня два слова всего.

В.П. Макаренко. Естественно, я не претендую на глобальный обзор темы ментальности. Но у Петрова есть ряд высказываний, объединенных под одной шапкой, я это хорошо знаю и цитирую абсолютно точно. Поэтому нельзя утверждать, что Петров не занимался темой ментальности. Он осознавал ментальное расподобление человечества как угрозу, которая возникает потому, что государства стремятся поставить барьеры научно-технической революции или обратить ее тренды в собственную пользу. Но раз «ментальное расподобление человечества» есть угроза, то это уже программа, о которой мне некогда было писать. Если такая метафора встречается у Петрова – а метафора выполняет важные, прогнозирующие, аналитические задачи, – то правомерно ли будет следствие: Петров считал, что ментальность человечества едина? Если дать положительный ответ на этот вопрос, то всякие утверждения о том, что ментальность существует в национально-государственных формах, является ложью или идеологией. А ведь именно такая точка зрения сегодня присутствует в большинстве литературы по ментальности, и тебе это очень хорошо известно. Подчеркиваю, что перспективу ментального расподобления человечества Петров воспринимал как угрозу, и много писал о ней. Это первое.

Второе. По поводу издания книжки – «Искусство и наука», с комментариями Ильенкова. Спасибо, Саша, что ты меня натолкнул на идею. Действительно, издание этой книжки с высказываниями Ильенкова по поводу текстов Михаила Константиновича – не является ли это воспроизведением практики, которую мы с молоком матери – я имею в виду идеологическое молоко – впитали? Мы все изучали 29-й том Ленина – «Философские тетради». А ведь том издан с текстами, которые Ленин не собирался публиковать. Там много вещей – я их навсегда запомнил, по поводу Гегеля: «бога жалко», «сволочь идеалистическая» и тому подобные высказывания (**А.Н. Ерыгин**. Это вначале, а потом…). Может быть, Ильенков воспитывался в этой практике? Может быть, при написании заметок на полях книги Петрова он вдохновлялся текстом «Философских тетрадей»? Но в данном случае Гегелем выступает Михаил Константинович, а Ильенков – Лениным? Вот вопрос какой. Я на него ответа не знаю. Но издание с такими комментариями – аналог этому есть, начиная с «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей» Ленина. А Ильенков (особенно в книге, посвященной «Материализму и эмпириокритицизму») считал себя «верным ленинцем». Вот о чем идет речь. (**А.Н. Ерыгин**. С той маленькой разницей, что Петров – не Ленин.) Ну, понятно – не Ленин, но сейчас они для меня равны, как авторы. (**А.Н. Ерыгин**. Это другой вопрос. Как авторы, они не равны, Петров – гений.) Подожди, а то мы беспредметный спор затеем – гений, не гений… Я имею в виду издательскую практику и говорю о стереотипах издательской практики и даже рефлексии. Таков второй пункт.

И третий – я сейчас не буду об этом распространяться – по поводу жесткого противопоставления марксизма и антимарксизма. Это вопрос дискуссионный… Мне ближе точка зрения Юрия Романовича Тищенко: я все-таки считаю, что Петров был марксистом. А вот каким марксистом – это уже предмет дискуссии.

Г.В. Драч. Уважаемые коллеги, спасибо Виктору Павловичу, действительно, интересная дискуссия разворачивается. Интересная книга. Я не позволю себе в целом давать ей характеристику. Еще целостного впечатления не сложилось, надо несколько раз книгу прочитать. Поделюсь первыми впечатлениями. У меня создается такое же впечатление, как у Александра Николаевича, что это книга не о Петрове. Эта книга политологическая, с анализом так называемой советской действительности.

Теперь сделаю методологическое замечание. Что такое деконструкция? Это когда мы берем дискурс, т.е. некоторую систему обоснований и доказательств, и вычитываем в них какие-то смыслы, которые сам автор, может, и не имел в виду. Вот что такое деконструкция. В этом смысле Деррида говорил: давайте прочитаем всю европейскую историю, и что мы там увидим? Вместо равенства, справедливости и братства мы увидим там насилие, эксплуатацию сексуальностей и, как писал Фуко, – «надзирать и наказывать». Вот вам вся история европейской культуры. Но это – если подходить с позиции деконструкции. А мы не один век опирались на идеи Просвещения, из которых вырисовывалась колоссальная научная и образовательная парадигма. С опорой на эти идеи были проведены научные революции, созданы научно-исследовательские институты, школа стала подтягивать учеников к научным исследованиям – Сибирская академия наук, и т.д. Все сразу переплетается и становится на свои места.

Виктор Павлович работает в плане дискурсивного исследования, но он проводит деконструкцию идей Петрова. Выискивает в них тот значимый смысл, который был у Петрова. Тем не менее, я, как человек, который его слушал, читал, приходил на лекции, помню совсем другую картину – картину истории европейской философии, истории европейской науки, истории научных революций, которые проходили в Англии, и использование научного опыта в Советском Союзе. Петров – один из людей, которые, вместе с Генрихом Волковым, Ильенковым настаивали на значении науки и научных исследований. То, что говорил в этом отношении Петров, я помню: у него были сетования, что, имея треть научных работников совокупного числа их в мире, Советский Союз производит четверть научной продукции. В то время как Соединенные Штаты, имея четверть научных сотрудников, производят треть научной продукции. В этом плане он представлял угрозу тем социальным слоям, которые видели, что в его словах содержится явный призыв к модернизации социальной системы и ее более эффективному использованию. Но говорить о том, что можно погрузить научные идеи русской науки в определенный культурный контекст, – я такого не помню. Английский опыт был, греческая культура была. А в книге Виктора Павловича я вижу иной контекст: отношение холопства – частный случай универсального феномена рабства. Это не только СССР, это – русская культура, это русская история. Значит, рабство и холопство – вот контекст, в котором развивалась русская наука (**Голос из публики**. Откуда же она могла развиться?)

Мы с Александром Николаевичем историки. Помним, как нам рассказывали, какое тяжелое было крепостное право. А мы всё ходили и удивлялись, как крестьяне могли дожить до нашего времени. Если такая была вивисекция, если такое было оскопление, – как же множество ученых до сих пор живут? И до сих пор работают? И сохранили светлый ум, научные исследования? Более того, как говорит Президент, на этом капитале еще до сих пор работает наша промышленность. На советском оборудовании, которое производилось на основе этих научных идей, до сих пор еще что-то делается. Вот через два-три года придется о чем-то подумать. А уже и холопства нет, уже ничего этого нет. Однако, меня удивляет другое.

Виктор Павлович пишет: «Ученый, особенно русский, всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом». Ничего себе! Значит, ученый – это холоп. Я бы хотел воспроизвести здесь некоторые классические вещи: Ортега-и-Гассет, который впервые, в более классической форме, описал ученого и «ученое поголовье». В этой связи мне представляется, что здесь есть о чем подумать, тем более, что в работах Петрова совсем по-другому эта ситуация расценивалась. И отношения науки и государства, науки и образования. Именно в этом поле, в этом пространстве Петров, вслед за крупнейшими историками науки, американскими и английскими, рассматривал переход от «малой науки» к «большой науке». Манхэттенский проект, целиком по заданию государства – это был не холопский проект. Это был величайший проект, который принес человечеству, с одной стороны, громадные проблемы –

атомную бомбу, а с другой стороны, уже длительное время человечество обходится без войн. Потому что появился мощнейший фактор сдерживания. Так холопы или не холопы создавали атомную бомбу и многое другое? Я с интересом воспринимаю эту ситуацию, мне кажется, у Виктора Павловича интересные аргументы, но думаю, здесь есть и поле для дискуссии.

А.В. Лубский. Я вижу, возникло какое-то интеллектуальное напряжение – сразу многие захотели выступить. Коллеги, прежде, чем предоставить возможность Виктору Павловичу ответить на замечания (**А.Н. Ерыгин**. Да это не замечания…), ну, размышления, прозвучавшие здесь, я хочу сказать по поводу деконструкции текстов.

Недавно у нас было обсуждение кандидатской диссертации еще вполне молодой и даже симпатичной женщины. Выступает профессор Герасимов и хвалит диссертацию, рассказывает, какая хорошая диссертация, а она сидела-сидела, слушала-слушала и говорит: «Профессор, у меня такого в диссертации нет». (*Общий смех*.) А он посмотрел на нее и говорит: «Вы не понимаете, что вы сделали». (*Смех*.) Вы думаете – он прочел другой текст? Нет, он тот текст читал. Я тоже придерживаюсь той позиции, что нам не следует сегодня заниматься выяснением, чья точка зрения на творчество Петрова правильная – Александра Николаевича, Геннадия Владимировича или Виктора Павловича – давайте признаем все эти точки зрения правильными, даже если они противоречивы. Иначе мы ни до чего не договоримся, а только ожесточимся в дискуссиях. Потому что Петров, слушая нас, очень бы удивился, что мы так трактуем его творчество.

В.П. Макаренко. Вначале скажу по поводу деконструкции. Постмодернистский способ работы меня не удовлетворяет. Я иначе его оцениваю. Чесать меня под постмодернистскую гребенку не надо. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть мою книгу по аналитической политической философии. Никакой деконструкцией Петрова я не занимался. Наоборот, реконструировал те идеи, которых не увидели предшествующие исследователи (а может, увидели, но еще не написали или не успели опубликовать). И так строил свою работу. Насколько адекватно – это тоже предмет дискуссии. Если будут высказаны дельные соображения, я их готов учесть. Ни в коем случае, Геннадий Владимирович, я не вдохновлялся деконструкцией. (**А.Н. Ерыгин**. Да это ясно.)

Второе. Геннадий Владимирович ссылается на Президента, но эта ссылка здесь не работает. Что говорить о Президенте, если нынешний премьер-министр, в лучшем случае, троечник, а то и двоечник, который публично путает идеи Бернштейна с тактикой Троцкого? Между тем в своей книжке «Бюрократия и сталинизм» я обосновал тезис: ссылка на мнение высшего лица государства – запрещенный прием в научной дискуссии. Повторяю: если высшее лицо государства кого-то публично называет троцкистами, говоря, что «движение – всё, основная цель – ничто», то это – абсолютная ошибка студента первого курса. Только двоечник может так сказать.

Третье. Я ссылаюсь на книжку Ричарда Хейли, американского профессора, который занимался конкретным изучением типов холопства в России. Он приводит статистику, сколько километров, в течение зимы, проходили крестьяне для того, чтобы выплатить оброк. Эти данные надо анализировать – соответствуют они или не соответствуют действительности. Хейли в заключении книги показывает, что холопство в России существует и сегодня, особенно во властно-управленческом аппарате государства. Кроме того, достаточно почитать работу Левады, Гудкова, Дубина «Проблема «элиты» в сегодняшней России». Можешь посмотреть страницы 200-202. На основе конкретных социологических исследований там показано, что холуйство остается господствующим типом политической культуры в сегодняшней России. Вот мой ответ. Значит, надо изучать отношение между традиционным российским холопством и современным холуйством.

Г.В. Драч. Но это только точка зрения одного…

В.П. Макаренко. Это не точка зрения, а результаты социологических исследований современного властно-управленческого аппарата России на протяжении последних 20-ти лет. В том числе на основе интервью с его представителями – от заместителей министра до мелких клерков и их идеологической обслуги. В книге «Проблема «Элиты» в сегодняшней России» показано, что из множества типов в государственном аппарате (трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя, лизоблюда, карьериста, дурака) в правительство отбирается тип безынициативного приспособленца. Если ты с этим не согласен, то надо анализировать, насколько адекватна программа социологических исследований; давайте устроим тогда дискуссию по поводу программы и книги (**А.Н. Ерыгин**. Не нужно ее обсуждать. Не обижайся.) Я не обижаюсь, но если высказываются такие соображения, то – я – автор, обязан реагировать. Свое дитя – книга – это ребенок – я должен защищать!

Г.В. Драч. И что, ты хочешь сказать, что сразу после этого мы признаем холопство русской культуры?

В.П. Макаренко. Хо-хо, да это не надо признавать (**А.Н. Ерыгин**. Это уже признано?), это всем хорошо известно. (**А.Н. Ерыгин**. Всем хорошо известно?! **Г.В. Драч**. Никому это не известно.) Другое дело, что это нас может возмущать – это другое дело. Можно, наоборот, прославлять холопство, если вам это нравится… (*Шум, общий говор.*).

А.В. Лубский. Коллеги, сделаю маленькую ремарку. Виктор Павлович прямо сказал, что он пытался реконструировать основные идеи Петрова. Мне кажется, претензии на реконструкцию чего-либо уводят нас как раз в сторону от той самой контрреволюции, которую критикует Виктор Павлович. Потому что это претензии на то, что моя точка зрения правильна, а все остальные неправильны. (**Г.В. Драч**. Вот это мы и хотели сказать.) Поэтому я хочу вспомнить известное выражение Павла Флоренского о том, что совокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобравшие их возомнили себя обладателями всей истины. Понятно, что ученый идет в поход за истиной, иначе – какой он ученый? (**В.П. Макаренко**. Флоренский говорил о религиозной истине, ученый ее не ищет) Ну, я сказал – совокупная истина. (**Женский голос**. Он говорил: истина – *естина*, от «есть».) Так вот, если ученый не собирается в поход за истиной, то он и не ученый совсем. Но истина постоянно ускользает от него. Я думаю, обладание осколками истины доставляет ему удовольствие.

Г.В. Драч. Хорошо быть председателем: хочет – говорит, не хочет – не говорит. (*Смех*.)

А.Н. Ерыгин. Можно реплику по ведению? Тут есть небольшая неточность. С точки, в которой находится Анатолий Владимирович, несколько раз прозвучало слово «правильность», «правильно» и т.д. Наука правильностями не занимается. Это имеет строгое логическое содержание. На истину мы все можем претендовать, но она, как ты сейчас удачно сказал, по Флоренскому, может быть, разлетелась на разные осколки, которые собрать трудно. Поэтому никто здесь на истину не претендует; люди высказывают мнения; ради этого мы здесь и собрались. Виктор Павлович написал – мы хотели бы высказаться. Но у меня ощущение, что подавление мысли идет со страшной силой: попытка людям сказать о книге по-товарищески приобретает ситуацию… (**Голос из публики**. Кондец контрреволюции.) Контрреволюции… (**А.В. Лубский**. Я об этом и сказал.) Зависает над нами дамоклов меч… (*Шум, неразборчивая речь*.) …тут какая-то совершенно новая форма обсуждения книги. О любой книге, которую обсуждают, дают людям высказаться, они высказали автору заслуги и претензии, забыл – и забыл; если не забывает – иди, лечись, еще какая-то возможность есть – таблетки не помогают – выпей водочки и сразу… (*Далее – громко, но неразборчиво*. *Шум*.)

А.В. Лубский (*перебивает*). Александр Николаевич, спасибо за замечание. Поэтому я, на правах ведущего, и обратил внимание на некоторую ригористичность. Как ваша позиция, так и его позиция…

А.Н. Ерыгин (*перебивает*). А это наше право иметь предел ригористичности вплоть до полного отрицания. Это наше мне-ни-е! Если мы с такими мнениями не нужны, то мы уйдем отсюда.

А.В. Лубский. Я просто работаю в другой парадигме. Я считаю, что мнение свое надо высказать аргументированно. Но к любому оппоненту надо относиться с уважением, уважать его мнение, а не рассказывать, что я вот понимаю так – правильно, а остальное все неправильно. (*А.Н. Ерыгин невнятно возражает*.) Я не акцентирую внимание на этом, но излишняя ригористичность мне бросилась в глаза. (*Долгий шум*.) Давайте послушаем реплику со стороны естественных наук.

Б.В. Владимирский. В создании самолета участвуют два человека – конструктор и летчик-испытатель. У них принципиально разные задачи. Конструктор – он действительно создает, а летчик-испытатель отыскивает слабые места. В конечном счете, самолет, который идет в серию, – это результат совместный. Поэтому мне кажется, что нет претензий, когда человек выступает в качестве летчика-испытателя и указывает на слабые места. От него нельзя требовать, чтобы он выступал с конструктивными предложениями о том, как этот самолет делать.

Петров – распространенная фамилия в нашей отечественной науке. Александр Анатольевич Петров – один из самых выдающихся отечественных механиков и математиков. Он всю жизнь занимался специальными проектами, его фамилия не так хорошо известна, как например, фамилия Андрея Николаевича Колмогорова, одного из величайших математиков XX века. Так вот, когда их не стало, с некоторым отставанием вышли в свет книги-воспоминания учеников Колмогорова и учеников Петрова. Среди них были выдающиеся, первой величины математики и механики. Особенность книги о Колмогорове состояла в том, что ученики, соратники Колмогорова писали о себе, на фоне их великого учителя. А ученики Петрова написали о нем, и то, какое они место занимали. Мне кажется, что когда обсуждаются вопросы, связанные с действительно выдающимися людьми, четко нужно позиционировать себя: ты о себе говоришь, на фоне своего учителя, или об учителе все-таки вспоминаешь.

Я хочу напомнить замечательное место о матери-волчице из книги Чингиза Айтматова. Мне кажется, только восточные люди могут так себя идентифицировать – как животное или какое-то природное явление, и с этой точки зрения рассказывать, кто и что делал. Мне кажется, что когда речь идет о трактовке идей и мыслей, которые автор не прямо высказал, а пишущему кажется, что он об этом думал, – это совершенно замечательно. Если Виктор Павлович обладает такой способностью или воплощением, в образе того или иного философа представить, – тогда он может сказать, что они думали.

Вообще говоря, господа, человеку, от рождения слепому, объяснить, что такое красный цвет, как вы понимаете, невозможно. Поэтому человек, воспитанный в одной культуре, с одним мировоззрением, в попытке интерпретировать то, что хотел сказать другой человек, другой авторитет – мне кажется, это чрезвычайно сложно.

Виктор Павлович, я извиняюсь, у одного знаменитого швейцарского математика было два правила. Первое: глупость аудитории преувеличить нельзя (*смех*), а второе: говорить надо о чем угодно, только не о существе дела, потому что существо дела в аудитории, как правило, интересует двух-трех человек, которые потом встретятся и расскажут. Мою глупость в том круге вопросов, которые сейчас обсуждают, преувеличить нельзя. Я сказал то, что хотел сказать, что имеет отношение к книжке. Большое спасибо, я получаю большое удовольствие от присутствия в столь высоком интеллектуальном собрании.

А.В. Лубский. Спасибо. Коллеги, я думаю, мы собрались здесь послушать различные точки зрения или мнения по поводу творчества Петрова и Виктора Павловича. Коллеги наши, молодые в том числе, пришли узнать, какие существуют точки зрения, какие могут

быть дискуссии по этому вопросу. Но им хочется, наверное, получить свою точку зрения, да? А она формируется, сами понимаете, не только в результате чтения Петрова. Но и в общении с Виктором Павловичем, Александром Николаевичем, который формирует ту самую ментальность, благодаря которой интерпретируются сами книги Петрова. То есть, наша цель – вполне интеллектуальная. Выслушать мнения и попробовать как-то переосмыслить свое отношение к творчеству Петрова, насколько мы его понимаем. А может, нам надо переинтерпретировать некоторые наши представления в свете того, что здесь говорилось.

Г.В. Драч: Но Климову обижать не надо!

Ю.Р. Тищенко: Уважаемые коллеги, книга Макаренко сегодня – луч-шее из того, что написано о Петрове. Лучшее потому, что здесь содержательно и дерзко обсуждаются проблемы взаимоотношений науки и власти. Автор сумел показать, что его собственный критический анализ научно-технических и политических проблем сегодняшнего дня в значительной степени инициирован идеями М.К. Петрова.

Я остановлюсь на двух вопросах: оценка книги; так называемая дискуссия между Петровым и Ильенковым. «Так называемая» значит, что ни о какой дискуссии речи не было.

Название книги Виктора Павловича – краткое, интригующее, красивое, взрывное. Ни один читающий человек (даже газеты), двадцатилетнего и больше возраста, не может пройти мимо названия. Потому что все привыкли: «научно-техническая революция», «научно-техническая революция»… И вдруг такой пассаж. Я ошалел, когда услышал впервые название доклада. Спрашивал Ерыгина: где Макаренко взял этот термин? Потому что имел в виду текст Михаила Константиновича. Мне казалось, что в его текстах я такого термина не встречал. Поэтому книга уже с заголовка притягивает и вызывает симпатию, разжигает интерес. Возникает интрига, нужно внимательно читать, что же хочет сказать этим названием автор.

Прочитав книгу, я прихожу к выводу: она заслуживает очень высокой оценки. Эта книга имеет полное право стоять в ряду книг, написанных выдающимися авторами. С моей точки зрения, в книге Виктора Павловича даётся критика западной культуры. Россию я отношу к западной культуре. Речь идет о критике капитализма, начиная с середины девятнадцатого века по сегодняшний день. Этот ряд книг представлен именами Маркса, Ницше, Шпенглера, Макса Вебера, Гуссерля и Хайдеггера. Книга Макаренко стоит в этом ряду.

Это ряд книг, которым обозначена самая глубокая критика существующего общества и культуры. Заслуга Виктора Павловича в том, что он берёт из этой глобальной проблемы один вопрос: взаимоотношение науки и власти! Сосредоточивает свое внимание именно на этом вопросе. То, что он делает в своей книге, заслуживает самой высокой оценки.

Другой момент, о котором я обещал сказать. Я обратил внимание на эту сторону, потому что на двадцать седьмой странице книги автор почему-то пишет: «трудно объяснить, почему существует противодействие идеям Петрова среди его философских коллег». Прежде всего, хочу заявить: никакого противодействия коллег по цеху в отношении Петрова не было. Речь идёт о критике, которая осуществлялась в связи с его повестью «Экзамен не состоялся». В этой книге было два коллеги, один философ, другой литературовед, разумеется, с указанием фамилий, которые я воспроизводить не буду. Поразительно то, о чём я не могу не сказать: в персональном деле Петрова (его исключили из Коммунистической партии Советского Союза за написание этой книги) есть формулировка, которую я знаю почти наизусть, но сейчас я не буду воспроизводить. Она была дана вначале в Ейске, потом в Ростове, потом по второму кругу пошла и так далее. Я держал в руках его персональное дело. До сих пор не могу оправиться от шока, который я получаю почти всю жизнь… Александр Николаевич, что вы там всё время записываете?

А.Н. Ерыгин: Я всегда записываю всё, что происходит. (*Неразборчивые реплики.*)

Г.В.Драч (*А.Н. Ерыгину*): Ты смотри, а то попадёшь в монографию!

А.Н. Ерыгин: Я уже попал!

Ю.Р.Тищенко: Начиная с обвинений, которые были предъявлены партийной первичной организацией Ейского лётного училища, и кончая Ростовским областным комитетом КПСС (а было ещё много инстанций до областного комитета партии), фигурировали те же фразы и формулировки, и общий дух того, что было в трёх рецензиях наших коллег. Одного из них Михаил Константинович знал лично. В своё время это было достоянием всех и вся. Но сейчас нет необходимости это имя называть.

И.Д. Коротец: Но он из Ростова?

Ю.Р. Тищенко: Он не только из Ростова, а из Ростовского университета.

Реплика из зала: Мы его знаем.

Ю.Р. Тищенко: И я его знаю хорошо. Так вот! Какое противостояние? Противостояние этих двух рецензентов тому, что было написано в повести, потом безграмотная интерпретация во всех инстанциях того, что было написано в этих рецензиях. Потом вердикт: «исключить» за написание книги, в котором то-то и то-то переписывалось из рецензий.

Другой факт, когда мы имеем в виду определенный текст и отношение к этому тексту. Это статья М.К. Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии». Обсуждение этой статьи состоялось на заседании учёного совета Института философии Академии Наук СССР, с заголовком и докладом «Проблема историзма в историко-философском исследовании». Я (вместе с В.Н. Дубровиным) специально на эту тему писал предисловие к одной из книг Михаила Константиновича. Он писал статью на эту же тему, которая была опубликована в так называемых «голубых книжках» под редакцией А.Н. Ерыгина. Я не имею сейчас возможности воспроизводить интересные моменты, факты, к которым я пришел, читая потом через месяц-два великолепную статью, иначе и не назовёшь. Это была не просто информашка, а большая статья Ц.Г. Арзканянца, завотделом истории философии журнала «Вопросы философии». Наши студенты должны знать эту фамилию. Он воспроизвёл от начала до конца всё, что происходило. Выступало девять или десять человек. Все выступления были поданы аккуратно. Из них два человека очень жестко отозвались о проходящей дискуссии. Это Субботин – известный историк философии, а также известный всем (не только в философских кругах) Мераб Мамардашвили. Мамардашвили сказали, что вместо того, чтобы заниматься серьёзными вопросами, которые поставлены в статье Петрова, выступающие коллеги ограничиваются навешиванием ярлыков и оценок ему и своим коллегам. Субботин сказал: то, что происходит на моих глазах, вообще ни на что не похоже, не соответствует элементарной логике, потому что обсуждаются не положения статьи Петрова, а те интерпретации этих положений и выдумки, которые принадлежат выступающим, которые они обнародуют, а потом начинают критиковать.

Всё это написано в журнале «Вопросы философии» № 9 за 1969 год. К сожалению, у меня его украли. Я отдал номер одному своему бывшему студенту, который написал великолепную статью в «Комсомольскую правду» о Петрове. Потом кинулся, но было поздно, – он не отдал все документы, которые брал. Видите, как относились коллеги?

Очевидно, любому читающему не надо знать Петрова, а нужно знать дух эпохи. Для этого надо внимательно читать статью. Все выступления на совете в Институте философии АН СССР против Петрова инспирированы, это совершенно очевидно. Прежде всего, там демонстрировался один тезис в качестве жупела. Правда, этот тезис Петрову не принадлежит. Он подвергал его критике в одной из больших фундаментальных статей. Его обвиняли в «европоцентризме», ни больше, ни меньше. Это было абсолютно придуманное основание, которое приводила эта семёрка. Вот каким было отношение философского сообщества.

Теперь самое главное. Давайте назовём друзей Петрова, которые к нему великолепно относились. Это – Ильенков, Мотрошилова, Швырёв, Замошкин, братья Юдины, один сейчас

член-корреспондент Российской академии наук, Блауберг, масса других людей. Я назвал только друзей, а сколько было знакомых! В своё время на дне рождения Петрова я повесил на доске его кабинета таблицу, где перечислил всех, кто там бывал. И насчитал больше двадцати человек. Из них 15-20 – известные в философии и выдающиеся люди. Так что или я не понял фразу Виктора Павловича на двадцать седьмой странице: «Трудно понять противодействие идеям Михаила Константиновича внутри философского сообщества» или автор говорит не о том, о чём я сейчас говорю. Здесь какая-то подмена происходит. Я исхожу из того, что коллеги в целом к нему относились очень хорошо.

Не буду дальше распространяться на эту тему, перейду к так называемому спору! Пометы на полях, как бы их не называли, воспроизведены редактором книги и издателем С.С. Неретиной. Прочитав эти ремарки, добросовестному читателю, даже философски образованному, имеющему соответствующую квалификацию (в виде кандидатской, докторской или академической степени), все сразу станет понятно. Если же эти люди, ссылаясь на своё знание или понимание, будут утверждать, что здесь есть спор, – они не правы. Они заблуждаются потому, что не знают: никакого спора не было! Был один-единственный спор между Ильенковым и Петровым. Когда глухих детей научили говорить, а трое-четверо из них стали докторами психологических и философских наук. С этими ребятами Ильенков приезжал в Ростов, их показывал, демонстрировал. Многие наши бывшие студенты поддерживают с ними отношения. Кстати, много бывших студентов философского факультета работают в Москве и занимают там не последнее место. Входят в редколлегии журналов, например, «Логоса». Многие знают ростовчан – это высокий статус философского факультета.

Так вот, один-единственный спор происходил не публично, а всегда приватно. Он состоялся в квартире Петрова или в Алма-Ате. При мне, во всяком случае, два, три или четыре раза. Петров очень снисходительно, шутливо и вместе с тем едко говорил: «Ну, научил ты, ну, будут маленькие Ильенковы, вот ты был у нас один Эвальд, а они целое племя, весь детский сад – это маленькие Эвальды будут! Почему!? Потому что нельзя вырасти в самостоятельного человека. Нельзя добиться каких-то глубоких знаний в познании окружающего мира без чувственной эмпирической стороны познания и дела. А ты что утверждаешь!? Ты как был гегельянцем, так им и остался. Вот, ты закопал жёлудь, вырос дуб. Так и ты здесь думаешь, что это новые, культурные, сверхобразованные, самостоятельные люди. Они новые, культурные, но ничего самостоятельного они сделать не смогут!» Вот об этом был спор. А всё другое – не спор. Чтобы не называть вещи своими именами, потому что не всегда это приятное занятие. Тем более что тебя могут, в значительной мере, всё ещё несправедливо рассудить. Но для оценки существующего положения, связанного с этими пометами на полях, я воспроизведу выступление, которое в письменной форме до меня известно в разных местах.

Во-первых, в одной из книг Феликса Трофимовича Михайлова. Великолепный философ, он, к сожалению, умер. Это настоящий друг Эвальда Ильенкова и одновременно очень близкий Михаилу Константиновичу человек. Я воспроизведу в двух-трёх словах его воспоминания, которые имеют отношение к делу. Коснусь эпизода, который нам в данном случае интересен. Михайлов говорит: «Речь идёт о нашем авторе (здесь он замечает в скобках: фамилию я называть не буду, это талантливейший человек, его все знают, – в скобках, – не просто талантливейший – это гений!) И я его тоже люблю, я им восхищаюсь». И это старый, действительно надёжный друг Петрова.

А сейчас я хочу рассказать вам развернутую оценку того, что опубликовано Неретиной. Примечание на полстраницы. Воспроизводить это не буду, потому что это было бы не только неуместно, но и смешно. Вот он оценил высоко Петрова, потом сообщает читателям о том,

что Ильенков, Петров, Арсеньев и он – Михайлов (вначале на квартире Михайлова, потом на квартире Арсеньева), обсуждали статью Петрова, которая опубликована как «Искусство и наука». Насколько я понял, уже тогда были соответствующие пометки. По отдельным репликам можно понять. И что же из этого получается? Как оценивает Михайлов эти пометы Ильенкова на тексте Петрова? Он говорит, что был глубоко потрясён тем, что Ильенков употребляет такие выражения, которые были бы уместны не ему, а представителям философского официоза или какого-то партократа, представляющего марксизм-ленинизм. Заранее говорю, что он потом находит ход, когда пытается в прежней ситуации защитить Ильенкова, если не защитить, то объяснить, почему Ильенков дожил до жизни такой. Он говорит о замечаниях, которые были сделаны во время этого обсуждения. Он заявляет: всё, что было сделано устно, полностью соответствует тому, что было написано на полях. Он говорит, что Петров реагировал очень сдержанно, отвечал иногда короткой репликой или взглядом и вёл себя очень сдержанно. Я, конечно, мог что-то упустить. Кому интересно, можете сами прочитать.

Михайлов говорит также о другой ситуации, которая произошла несколько позже. Я думаю, присутствующая здесь философская публика знает, что Ильенков незадолго до смерти написал брошюру, посвящённую материализму и эмпириокритицизму Владимира Ильича Ленина. С моей точки зрения, в тот период оттепели, второй или третьей, это уже была ситуация, которая с точки зрения профессионала была невозможна! Потому что Ленина как тогда, так и сейчас, или как сейчас, так и тогда, уже за философа никто всерьёз не считал. И вдруг Ильенков пишет! Это удивило многих. Я не знал, как относится к этому Михайлов, как относится третий, четвёртый, пятый. Я просто взял в руки книгу, потом оказалось, что моё впечатление от этой книги совпадает с теми отрицательными отзывами, которые, наконец, дошли из Москвы, передаваемые изустно.

О чём рассказывает Михайлов? Он говорит, что пришёл к Эвальду, тот был в очень плохом состоянии. Михайлов спрашивает, в чём дело. Да вот, – говорит, – были у меня сейчас двое. Называет фамилии. Михайлов фамилии не приводит. Но замечает, что один – настоящий друг, которого Эвальд ценил и любил, а другой лишь демонстрировал, что он друг. Ильенков воспроизводит, что они подвергли критике его книгу, не оставив камня на камне. Причём, они прямо сказали, что эта книга, по существу, написана для того чтобы избежать репрессий, что она носит откровенно характер мимикрии, употреблялись ещё какие-то подобные выражения и слова. И Ильенков с горечью говорит: «Неужели это действительно так, неужели книга воспринимается так, что я, пытаясь уйти от репрессий, возможных репрессий, написал эту книгу?» Вот так, эпизодами, я полностью не могу воспроизвести.

Моя цель одна – выразить свою точку зрения: никакого действительного неприятия со стороны философов-профессионалов или любителей по отношению к Петрову не было. Его чуть ли не на руках носили, его любили, но не за книги, которых не было. Петров ездил на все конференции, участвовал в семинарах, специально ездил на все семинары, которые были в Институте философии, в Институте психологии, в других институтах. Его вся публика знала. Сейчас появляются воспоминания, в которых говорят о Петрове в восторженных тонах, что он был кумиром, что с любовью к нему относились. Его тогда не знали как пишущего автора, но знали как трибуна, который выступал на многих конференциях.

Я не буду распространяться, потому что чувствую, что и так уже заговорился. Скажу в заключение об одном, о чём не сказать нельзя. Мы сегодня, и не только мы, здесь сидящие, я уверен, что большинство здесь сидящих, если не все, очень критически относимся к современному политическому положению в стране, какую бы позицию не занимали. Мы достаточно критически относимся к тому политическому режиму, который пришёл на смену советскому режиму. Одни критикуют, другие относятся терпимо, третьи защищают, четвертые вообще эту тему не поднимают. Но я скажу, что есть одно абсолютно неоспоримое преимуще-

ство сегодняшнего режима. Почему? Потому что наш автор здесь и сейчас находится с нами. При советском режиме, не только бы этой книги не вышло, но и Макаренко бы не было уже, гарантирую вам, на свете. Не то что сослали бы, а по дороге убили бы или в каком-нибудь изоляторе избили бы до полусмерти. На этом я закончу.

Н.Е. Ерохин: Надо посмотреть, какова будет ситуация через полгода. (*Смех*.)

А.В. Лубский: Коллеги, было очень познавательным выступление Юрия Романовича. В социологии есть метод включённого наблюдения, который позволяет получить субъективную, но очень ценную уникальную информацию. Эта информация для размышления представляет боль-шую ценность.

А.М. Старостин: Уважаемые коллеги, постараюсь быть кратким, ограничусь заметками, не претендуя на связность, целостность. Книга очень интересная, остроактуальная. Причина актуальности – кризис общества, кризис современной науки, неясность будущих стратегий. В то же время запрос на выход из кризиса адресуется в область науки и техники. В России нет целостной концепции науки, научно-технического прогресса. В развитых странах мира опора производится на тот или иной прикладной аспект науки. Эта ситуация говорит, что без хорошей теории хорошей практики не получится. Автор попытался объединить существующие под-ходы в новую категорию. Правда, логической проработки ещё не получилась, больше метафорическая. Но суть некоторых процессов книга отражает. В последние 30-40 лет в области науки, в связи с развитием промышленности, техники происходит ряд интересных вещей. Например, в 1960-70-е гг. 80% государственных ассигнований на науку, вложения в кадры, в экспериментальные, фундаментальные исследования, шло по области физики, химии, астрономии, космических исследований, а на остальное 20%. Сейчас – наоборот: в традиционные области идет 20% ассигнований и подготовки кадров, а лидируют так называемая группа НБИКС технологий. Нано, био, информационные, когнитивные… Чем это объяснить?

Г.В. Драч (*перебивает*): Политология хорошо проплачивается.

А.М. Старостин: Ну, это последняя буква – статья на гуманитарные науки.

В.П. Макаренко: Проплачивается только сервильная политология, Гена…

А.М. Старостин: Это смещение произошло на глазах одного поколения. Оно объясняется только естественными причинами, или же факторами, о которых пишет автор? Почему произошла резкая смена такого лага? Я изучал и защищался в области больших научных проектов, космических исследований. В 1970-е – 80-е годы люди из этой системы говорили: погодите, через десяток-полтора лет наука резко изменит свой лаг. От экспансивного курса она сменит своё развитие на интенсивный курс. От внимания к проблемам мегамира, микромира переключится на проблемы человека. Это случилось. Второй пример – крах советской науки. Почему? Здесь цитировали Петрова: советская наука недостаточно производительна, резко уступает американской. В СССР существовал огромный военно-промышленный комплекс, частью которого была наука. Но теперь мы уступаем во многие разы. И наука как бы не нужна!? Какие-то смехотворные деньги выделяются на её развитие. Корпоративной науки у нас не сложилось, вузовская наука в зачаточном состоянии, академическая наука поддерживается как бы так себе, от прежней науки осталось четверть. С чем связан этот феномен? С контрреволюцией научно-техничес-кой или с какими-то другими факторами?

Чтение книги В.П. Макаренко для меня было сложным по двум основаниям. Первое – она достаточно оценочная, моя позиция отличается от неё. Поэтому было внутреннее сопротивление, внутренний протест. Но потом думаю: я почитаю, что думает Виктор Павлович. Вторая трудность была связана с тем, что автор взял определённый ракурс рассмотрения. Я ему уже задавал вопрос о новом целостном образе науки. Это несколько сбивает, когда мы говорим о научно-технической революции, но не говорим ни слова о ее когнитивной состав-

ляющей. Об идеях, которые есть в физике, биологии, информатике, проблемах искусственного интеллекта, и они образуют все эти революции. То есть, мы как бы это отодвигаем, а рассматриваем больше контекст, тот питательный бульон, в который погружена наука. Наверное, автор имеет такое аналитическое членение и считает, что именно в этом звене происходят наиболее болевые вещи, да? Возьмем национальный вопрос, он что – индикатор или суть этих конфликтов, так может быть и здесь происходит?

Ещё замечание. Есть книги, которые дают новое знание, и книги, которые открывают новые проблемы. Есть два аспекта науки – производство проблем и производство знаний. Я думаю, Виктор Павлович производит проблемы. Меня книга заставила обратить внимание на то, что в нашей практике не работает, и никто на это не обращает внимания. Обращаются к каким-то прикладным, административным вещам в области стратегии развития науки и научного знания, нежели к существу дела. А идейная основа петровской концепции достаточно богата, не знаю, насколько она впишется в современную научную лексику, понятийный строй. В этом я вижу ценность данного исследования.

Я хочу поздравить автора с тем, что ему удалось – не в виде набора статей, а достаточно целостного исследования по теме научно-техничес-кая контрреволюция, – вбросить термин, который будоражит и провоцирует. Хотя, наверное, интересно послушать людей, которые хорошо знали Петрова, хорошо знали эту кухню. Здесь присутствуют несколько ее представителей. Эту науковедческую школу тоже нужно знать и написать об этом. Люди уходят. Когда-то науковедение в СССР было пионерским и шло на одном уровне с тем, что делалось в Европе и в США. Сегодня знание в этой области куда-то отступает. Мне кажется, нам важны пророки в своём отечестве! Их слишком мало! Не важно, называем ли мы Петрова философом, науковедом или ещё как-то, может, он лингвист гениальный, или художник, как говорится, пусть и не непревзойдённый, но значительный, это целостная личность. Потому такие пророки нужны нашей практике. Это ещё один аспект, попытка дать своё видение, реконструкцию этого идейного наследия, обратить внимание на одну из научных школ, которые были, надеюсь и остались.

Л.Г. Берлявский: Коллеги, я согласен полностью с предыдущими выступающими, что жанр книги своеобразный. Это поисковая, несколько провокативная книга в хорошем смысле слова. Она больше ставит проблему, чем решает. И это тоже необходимо. Актуальность не вызывает сомнений. Как недавно сказал академик Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН: мимо нас прошли пять научных революций, научно-технических. Вот первая (*показывает мобильный телефон*). Вторая – в строительстве, третья в автомобилестроении, и ещё две. Поэтому те проблемы, которые ставит Виктор Павлович, необычайно актуальны. Хотя мне показалось, что главная тема книги, как сказал нам сегодня автор, анализ форм подавления мысли. В большей степени этот контрреволюционный аспект пока только заявлен, до конца не всегда ясен. Например, на странице 162 автор пишет, что надо бы рассмотреть уголовную историю советской науки как пример научно-технической революции. Вот эти элементы концепции разбросаны по всему тексту. Не всегда ясно можно уловить смысл.

Собственно говоря, в центре внимания автора роль государства в организации науки. То, о чём писал Лорен Грэхем в своей статье «Устойчива ли наука к стрессу», и другие науковеды. Это очень интересно, автор приводит несколько моделей, которые продуктивны для мышления. Например, модель отношения между культурой, философией и политикой, которая сложилась в 1920-30-е годы. Модель взаимодействия учёного и власти. Я напомню, как в этих стенах была хорошая дискуссия на тему «Учёный и власть» с Колчинским Эдуардом Израилевичем. Благодаря Виктору Павловичу, мы обсуждаем эти проблемы!

Не во всём могу согласиться с его определением современной науки как воплощения английского колониально-имперского подхода, французского революционно-бюрократического, и российского самодержавно-бюрократического. Такое определение автор даёт на странице 148-й. Мне кажется слишком механистическим сведение всех этих черт. Кстати, черты были обоснованы Колчинским, но в большей степени они звучат как метафоры. Есть американский вариант развития науки и германский вариант, они отличаются от этих.

Одно пожелание Виктору Павловичу, если он согласится, может не соглашаться, это его дело как автора. Часто трудновато читать первый раздел и реферативно-текстуальный пласт, о котором вы пишете. Очень серьёзные экскурсы, но они не всегда по теме.

Например, критика генерала Николаева и его работы 1998-го года. Римляне говорили: «Орёл не ловит мух». Генерал Николаев и его книга – это не актуально и всё это уже не то! Школа Анналов представляет интерес, но стоит ли уделять ей такое колоссальное место? Не знаю. Тем более что этими проблемами она, на мой взгляд, совершенно не занималась.

В.П. Макаренко: Кто?

Л.Г. Берлявский: Школа Анналов

В.П. Макаренко: Какими?

Л.Г. Берлявский: Научно-технической контрреволюцией.

В.П. Макаренко: А, понятно!

Л.Г. Берлявский: В большей степени школа Анналов интересует философов. Историки к ней относятся как к одной из школ. Они издают журнал с 1930-х годов. У них и другие школы есть, пять-шесть школ сложились. Вот это в плане пожелания. В целом, в хорошем плане провокативная книга, которая заставляет мыслить. Мы с вами здесь участвуем в процессе рождения мысли, по поводу того, что нам сказал автор. Спасибо ему!

А.В. Лубский: Спасибо вам! Профессор Берлявский – один из специалистов по истории науки в СССР. У него докторская диссертация была посвящена этой теме.

А.В. Берлявский: Да, а Анатолий Владимирович – мой уважаемый рецензент в журнале «Клио».

Н.Е. Ерохин: Я человек впечатлительный! И потому записал то, что хотел сказать, до того как услышал блистательные речи своих блистательных коллег. Поэтому я в течение двух минут прочту то, с чем я сюда шел, Виктор Павлович.

Г.В. Драч: В стихах?

Н.Е. Ерохин: А?

Г.В. Драч: Николай Ефимович, вы обычно в стихах излагаете.

Н.Е. Ерохин: Нет! В этот раз нет. Но это поэзия тоже. Я когда беру любую книгу Виктора Павловича, во мне сразу возникает такой мотивчик: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». (*Смех*.)

В.П. Макаренко: Не понял! (**Реплика из зала:** Это Высоцкий.)

В.П. Макаренко: А! Понятно!

Н.Е. Ерохин: Так вот! Я убеждён, что у книги два героя. Петров – философ и Макаренко – автор. Я согласен с Александром Николаевичем, что одна четвёртая Петрова и три четверти автора, но это, как говорится, их дела. Но оба они, и Петров, как я понял по Юрия Романовича выступлению блистательному, и как я понимаю Виктора Павловича, оба они из отряда прямо ходящих, прямо глядящих, прямо говорящих.

В.П. Макаренко: Приматов!?

Г.В. Драч: Буйных!

Н.Е. Ерохин: Но все замечания, которые я сегодня услышал, есть следствие величайшего дикого темперамента, который живёт в Викторе Павловиче, как в учёном и как в публицисте. В нём публицист и аналитик в нерасторжимой связи находятся. Он просто виб-

рирует нежностью, когда говорит о Неретиной. Но совершенно меняется позиция, когда Виктор Павлович держит в руках холодный скальпель аналитика. Когда бомбы, Холловэй, ноосфера Вернадского. Или я встречаюсь с сарказмом публициста, когда он уделал, другого слова не скажешь, Запесоцкого.

Ю.Р. Тищенко: О! Это классика!

Г.В. Драч: Ничего, Запесоцкий ему этого не простит.

Н.Е. Ерохин: На этом я ставлю точку, чтобы сказать: Виктор Павлович, ты написал изумительные по научным и по гражданским позициям предисловие и послесловие. Они сами по себе самодостаточные и прекрасные, это литературные и публицистические вещи. Поэтому я завершаю своё выступление кратким, очень личным признанием. Бог даст, я в этом году закончу свою большую книгу, называется она «В окрестностях последнего одиночества». Наши пути с Виктором Павловичем пересекаются последний год достаточно плотно. Виктор Павлович, буду просить твоего согласия на написание предисловия к моей новой книге, буду счастлив, спасибо тебе.

В.П. Макаренко: Спасибо!

А.В. Лубский: Коллеги, есть ещё желающие выступить? Тогда будем подводить итоги. Я думаю, обсуждение книги Виктора Павловича Макаренко держало нас в том интеллектуальном тонусе, который порождал мысли. Это первое! Второе, слава богу, что не удалось присвоить наследие Михаила Константиновича Петрова никому из присутствующих в этом зале, это тоже благо…

И.Д. Коротец: Разделили поровну.

А.В. Лубский: Нет, присвоить, я говорю не делить, а присвоить. И третье: вот мой друг Николай Ефимович сказал: побольше бы таких хороших книг и разных…

Г.В. Драч: И четвёртое, я бы не сказал, что это Хайдеггер или Гуссерль, но Макаренко – это наш русский Мишель Фуко… (*Шум.*)

А.В. Лубский: В общем, они пришли к консенсусу: Виктор Павлович глубоко копает… Теперь я складываю с себя полномочия, хочу предоставить слово Виктору Павловичу, чтобы он выразил вам свою признательность.

В.П. Макаренко: И на этом закончим?

А.В. Лубский: Да!

В.П. Макаренко: Ну, хорошо! Я хотел проанализировать весьма продуктивные идеи, высказанные Александром Павловичем Огурцовым, Светланой Сергеевной Неретиной, Владимиром Натановичем Порусом, Антоном Николаевичем Олейником в ходе анализа моего несовершенного произведения. Прореагировать также на выступление Юрия Романовича Тищенко, затронувшего не менее интересные темы. Приходится оставить это на потом. Сердечно благодарю всех коллег! Кто не успел выступить, прошу прислать по электронной почте тексты своих выступлений.

Г.В. Драч: А ты нас не записывал?

А.В. Лубский: Всё записывается.

В.П. Макаренко: Мы всё опубликуем.

Г.В. Драч: А ты не сможешь мне прислать моё выступление, я корявости уберу?..

А.Н. Ерыгин: Испугался!? (*Смеётся.*)

А.В. Лубский: Потом мы чуть-чуть подправим. (*Смеётся.*)

В.П. Макаренко: Опять сбили меня с панталыку! В таком случае, объявление. Центр политической концептологии, при участии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики», проводит российско-украинскую конференцию с международным участием «Русская власть и бюрократическое государство». Конференция состоится 26-го – 28-

го марта в этой библиотеке. Приезжают интересные люди, во главе с академиком РАН Юрием Сергеевичем Пивоваровым.

Г.В. Драч: Это тот Пивоваров, который призывал Россию встать на колени и покаяться?

В.П. Макаренко: Дело хозяйское, кто верит – может каяться. Иные нераскаянными помирают. Это свобода совести…

Н.Е. Ерохин: Виктор Павлович, когда ты болезненно реагировал на критические стрелы, я хотел напомнить тебе исторический факт. Лев Николаевич Толстой и его роман «Воскресенье» был подвергнут уничтожающей критике…

В.П. Макаренко: Ну, ясное дело.

Н.Е. Ерохин: Не так сцена поставлена, не так поиск идёт… (*Шум.*)

Г.В. Драч: Так вы хотите сказать – это ещё и наш Толстой?

Н.Е. Ерохин (*Г.В. Драчу*): Подожди! Ему задают вопросы, а он соглашается. А образ Анны Каренины с кого писали? Он говорит, с себя. Говорит: «Так, так, так, так, согласны? Согласны. Но тогда надо написать новый роман». (*Смех.*)

А.Н. Ерыгин: На философском факультете 26 апреля проводятся очередные «Петровские чтения». Там у нас будет одна секция – любые доклады. А кафедра истории философии предлагает основную секцию: «Историко-философские исследования Михаила Константиновича Петрова».

В.П. Макаренко: Спасибо. В таком случае, разрешите мне сердечно поблагодарить всех присутствующих. Председателя особо поблагодарить. На этом наше заседание завершается. До свидания! (*Общие аплодисменты.*)

Кафедра

КОНФУЦИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Н.А. Кравцов
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассмотрена роль музыки и ритуала как средств управления и гармонизации жизни в политических учениях Древнего Китая.*
Ключевые слова: *музыка, ритуал, гармония, политика.*

В отличие от даосизма, конфуцианство изначально признало принципиальное значение искусства для государственной жизни. Это очень легко объяснимо, если иметь в виду взгляды конфуцианцев на системы социального регулирования. Как известно, эта школа отрицала значение законодательства и придавала ведущую роль ритуалу. Поскольку ритуал есть действие эстетически наполненное, было бы удивительным, если бы приверженная ему школа не занялась изучением вопроса о социальном значении искусства.

Основы конфуцианской концепции взаимодействия искусства и политики были заложены уже в высказываниях самого Кун-цзы, собранных его учениками в трактате «Лунь Юй». Первое из значимых для нас высказываний мы встречаем в главе «Шу Эр»: «Направь свою волю на достижение правильного пути, придерживайся принципов морали, поступай в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах»[1]. Упражнение в искусствах трактуется здесь, как непременное условие формирование «благородного мужа». В соответствии с канонами аристократического образования в Древнем Китае, можно заключить, что среди искусств, которые здесь имеются в виду – ритуал, поэзия, музыка и каллиграфия.

Будучи приверженцем политической линии на возврат к старинным устоям, Кун-цзы придавал особое значение старинным ритуалам. Такую же позицию он занял и в отношении нормативов искусства. В главе «Вэй Лингун» прямо указывается на то, что «нужно… ездить в колесницах династии Инь, носить шапку времён династии Чжоу, употреблять музыку времен Шуня и У-вана»[2].

В главе «Тайбо» определяется порядок, в котором представители аристократии должны изучать необходимые для их личностного формирования искусства. «Начинают образование с поэзии, закрепляют его изучением правил ли и завершают обрядовой музыкой»[3].

[1] Лунь Юй / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1 – М., Мысль, 1972. – С. 153.
[2] Ли цзи / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2 – М., Мысль, 1973. – С. 193.
[3] Там же. – С. 194.

Глава «Сянь Цзинь» вносит ещё одну важную деталь в наши представления о взглядах Кун-цзы на должное положение дел в искусстве. Как и представители позднего даосизма, он рассуждает о предпочтительности простоты в искусстве: «В отношении ритуала и музыки наши предки были неискушёнными людьми, потомки же являются благородными мужами. Если я буду применять их, я последую за предками»[4].

Конфуций разделял и теорию непосредственного воздействия искусства на состояние государственных дел. В этом плане следует обратить особое внимание на положение, содержащееся в главе «Цзи Лу». Мыслитель говорит: «Если правила ли не будут соблюдены, и музыка не будет исполнена, то наказания не будут применяться правильно; а когда наказания применяются неправильно, люди не знают, как им себя вести»[5]. Несоблюдение норм музыкального искусства, таким образом, влечёт за собой нарушение социального порядка. Но это только первый аспект, в котором для нас может быть интересно данное высказывание. Следует заметить, что музыка здесь называется в числе прочих нормативных регуляторов – правил ли (то есть – ритуала) и наказаний (речь, несомненно, идёт о наказаниях, налагаемых законами и императорскими приказами). Получается, что искусство и здесь рассматривается как регулятивная система, сравнимая в своём значении с системой нормативных актов и ритуалов.

Родственное по смыслу положение содержится в главе «Цзи-Ши»: «Когда в Поднебесной царит дао, ритуал, музыка, приказы на карательные походы исходят от сына неба. Когда в Поднебесной нет дао, музыки, ритуала, приказы на карательные походы исходят от чжухоу. Когда они исходят от чжухоу, редкий случай, чтобы власть не была утрачена в течение жизни десяти поколений»[6]. Прежде всего, музыка, опять же, сопоставляется в своём социальном значении и другими социальными регуляторами. Вдобавок, подчёркивается, что несоблюдение норм этих регулятивных систем, и искусства в том числе, приводит к фактической утрате императором власти, к установлению коллективного правления «рядовых» представителей аристократии и в конечном счёте – к разрушению самой системы «власти-подчинения» в течении нескольких десятилетий.

В главе «Ян Хо» делается важное уточнение. Нам уже известно, что, согласно учению Кун-цзы, «благородный муж» должен быть сведущим в искусствах, и в частности – в поэзии и музыке. Здесь выясняется, что важно не только умение, не только знание, но и постоянное упражнение в искусствах: «Если благородный муж в течение трёх лет не будет упражняться в выполнении ритуалов, они придут в упадок. Если в течение трех лет он не будет заниматься музыкой, то и музыка неизбежно придёт в упадок»[7]. Истинный аристократ, таким образом, должен постоянно практиковаться в музыкальном искусстве.

Идеи, заложенные основателем школы, получили дальнейшее, и, что немаловажно – плодотворное развитие в трудах следующих крупных представителей конфуцианства.

Мысли о взаимодействии искусства и политики, принадлежащие знаменитому конфуцианцу Сюнь-цзы, и изложенные в одноименном трактате, немногочисленны, но они имеют исключительную теоретическую ценность. Сюнь-цзы разделяет позицию учителя относительно предпочтительности старинных музыкальных норм. В главе «Правление Вана» говорится: «Звуки, которые не соответствуют классическим образцам, следует отбросить»[8].

В главе «Обогащение государства» содержится одно из важнейших положений политической философии Сюнь-цзы. Как известно, в отличие от Конфуция, который пытался дока-

[4] Лунь Юй / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1 – М., Мысль, 1972. – С. 158.
[5] Ли цзи / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2 – М., Мысль, 1973. – С. 192.
[6] Лунь Юй / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1 – М., Мысль, 1972. – С. 170.
[7] Там же. – С. 173.
[8] Мэн-цзы. – СПб, Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 155.

зать бесполезность закона, как основного социального регулятора, и, чуть ли не полностью заменить его системой ритуалов, он занял компромиссную позицию. Тот факт, что он «зарезервировал» ритуал для регулирования отношений внутри правящей верхушки, а закон сделал проводником политики верхов в отношении низов, хорошо известен. Но сама формула, которой устанавливается такая система регулирования, нуждается в дополнительном анализе. Она гласит буквально следующее: «Положение людей от учёного и выше следует регулировать с помощью ритуала и музыки; если же говорить о простых людях, народе, то управлять им нужно с помощью законов»[9]. Чаще всего, исследователи не обращают внимания на одну деталь: речь идёт не только о ритуале. «Ритуал и музыка» – вот подлинная формула Сюнь-цзы! Из этого необходимо сделать два заключения. Во-первых, музыкальное искусство опять же, трактуется, как регулятивная система, равноценная ритуалу и закону. Во-вторых, музыкальное искусство адресуется в таком качестве исключительно социальным верхам. И эту деталь следует запомнить, поскольку, как мы это выясним дальше, в рамках конфуцианства будет предложен другой подход к этому аспекту проблемы.

Здесь мы приближается к чрезвычайно важному моменту в творчестве Сюнь-цзы. Ему удалось относительно чётко обозначить социальные функции искусства. Первая из этих функций, как следует из изложенного выше, – регулятивная. Следующая группа функций может быть вычленена из другого фрагмента. Сюнь-цзы говорит: «Изготовление резных и полированных изделий из драгоценных камней, резных изделий из металла, вышивок на платье и красивых узоров должно было лишь помочь различать знатных и низких людей, а не служить предметом показного любования. Создание гонга, лютни, гуслей, свирели юй, свирели шэн должно было лишь помочь различать радость и несчастье, приносить веселье и согласие – здесь также не следует стремиться к излишеству! Строительство дворцов, комнат, башен и павильонов должно было лишь дать возможность укрываться от зноя и сырости, охранять добродетель и различать благородных и презираемых, и не следует стремиться перейти эти границы»[10]. Во-первых, подмечается функция социальной стратификации («различать знатных и низких людей»). Вторая функция – формирование необходимых эмоциональных состояний («различать радость и несчастье, приносить веселье и согласие»). Третья функция – утилитарная («укрываться от зноя и сырости»). Четвёртая – охрана добродетели. Пятая – нравственно-ориентирующая («различать благородных и презираемых»).

На этом выделение функций искусства не заканчивается. Говоря об императоре, Сюнь-цзы, между прочим, замечает: «Простые люди искренне прославляют его добродетельность; поэтому они изготовляют для него резные и полированные изделия из драгоценных камней, резные изделия из металла, вышивки и драгоценные узоры, чтобы украшать его и поддержать его добродетельность»[11]. Отсюда извлечём ещё одну функцию – прославление и поддержание добродетельности правителя.

В этом же контексте для нас важна глава «О ритуале». Сюнь-цзы рассуждает о том, что разные предметы удовлетворяют разные органы чувств. Например, «уши – звуки колокола, барабана, флейты, гонга, лютни, гуслей, свирели юй и свирели шэн…»[12]. Правильно извлечённый музыкальный звук, стало быть, имеет субъективно удовлетворительное значение, неотделимое от объективно обязательного. Это удовлетворение в превосходной степени необходимо для правителя: «Звук колокольчика на колеснице ритмичен: когда колесница движется медленно, он соответствует музыке у и танцам сян, когда она движется быстрее, он

[9] Там же. – С. 162.
[10] Там же. – С. 164.
[11] Там же.
[12] Там же. – С. 175.

соответствует музыке шао и ху – так услаждают его слух»[13]. Можно сформулировать ещё одну политическую функцию искусства – услаждение слуха правителя. Поскольку в процитированном фрагменте речь идёт исключительно о музыкальном искусстве, мы можем, не выходя из контекста рассуждений Сюнь-цзы, прибегнуть к более широкой формулировке: «услаждение органов чувств правителя».

Для большей ясности, мы можем теперь привести список функций искусства, подмеченных Сюнь-цзы, полностью:

1. Регулятивная функция.
2. Функция социальной стратификации.
3. Функция формирования необходимых эмоциональных состояний.
4. Утилитарная функция.
5. Функция охраны добродетели (подданных).
6. Нравственно-ориентирующая функция.
7. Функция прославления и поддержания добродетельности правителя.
8. Функция услаждения органов чувств правителя.

Несколько иную позицию по ряду вопросов занял другой крупный представитель классического конфуцианства – Мэн-цзы. Его мысли также были изложены в трактате, названном по его имени.

Мы помним, что Сюнь-цзы признавал регулятивное отношение музыки только, применительно к регулированию отношений внутри правящего класса. Позиция Мэн-цзы выглядит иначе. В главе «Лянский Ван Хуэй» (часть вторая) нам встретился чрезвычайно интересный пассаж, который мы здесь осмелимся привести почти целиком.

Итак, ученики Мэн-цзы, составившие трактат, приводят его беседу с ванном, имя которого дало название цитируемой нами главе:

«Если у вана любовь к музыке очень велика, то это почти всё, что требуется для приведения страны Ци в порядок»:

«Ван… сказал:

– Я вовсе не способен обожать музыку прежних ванов, а люблю только современную простонародную музыку.

Мэн-цзы воскликнул:

– Если у вас, ван, любовь к музыке очень велика, то это почти всё, что требуется для приведения страны Ци в порядок! Сама по себе музыка, будь то нынешняя, или древняя, всё равно есть музыка.

Ван удивлённо спросил:

– Могу ли получить возможность услышать разъяснение?

Мэн-цзы в ответ на это задал вопрос:

– А что радостнее: наслаждаться музыкой одному или наслаждаться ею с людьми?

Ван ответил:

– С людьми несравненно радостнее.

Мэн-цзы продолжал:

– А что радостнее: наслаждаться музыкой с немногими, или наслаждаться ею со всеми?

Ван ответил:

– Несравненно лучше со всеми.

Тогда Мэн-цзы сказал:

«В таком случае ваш покорный слуга просит разрешения сказать вам, что значит радость для правителя-вана.

[13] Там же.

Представьте себе, что вы сейчас развлекаетесь здесь музыкой. Простой народ слышит звуки ваших цимбал и барабанов, мелодии ваших флейт и свирелей, но все с насупленными бровями, недовольные переговариваются друг с другом: «У нашего вана увлечение музыкой, но отчего же это приводит нас к крайним лишениям: отцы и сыновья не видятся друг с другом, старшие и младшие братья, жены и дети – все разлучены и разбрелись кто куда?»…

В этом нет иной причины, кроме той, что вы не предаётесь радостям вместе с народом.

Теперь представьте себе, что вы развлекаетесь здесь музыкой. Простой народ слышит звуки ваших цимбал и барабанов, мелодии ваших флейт и свирелей. У всех приподнятое настроение и радостный вид, и они переговариваются друг с другом: «Знать, у нашего вана болезнь почти прошла! Чем же иначе объяснить, почему он может развлекаться музыкой?»…

В этом нет иной причины, кроме той, что вы предаётесь радостям вместе с народом.

Предавайтесь же радостям вместе с народом и тогда будете настоящим ваном!»[14].

Здесь вызывают интерес две детали. Во-первых, впервые в конфуцианской традиции (если не в истории древней философии!) приводится мысль об общенародности искусства. Более того, фактически ставится под сомнение социальная ценность искусства в том случае, если оно делается достоянием исключительно правящего класса. Наконец, не проводится различия по значению между «простонародным» искусством и искусством правящего сословия. Аристократ, признающийся в том, что не любит музыки древних правителей, а предпочитает современную ему простонародную музыку, не только не встречает осуждения учителя, но и находит горячую эмоциональную поддержку.

Во-вторых, если Кун-цзы и Сюнь-цзы, как мы видели, были приверженцами исключительно древних, освещённых традицией, эстетических норм, то взгляд Мэн-цзы, очевидно, более широк. Для него «музыка, будь то нынешняя, или древняя, всё равно есть музыка».

Удивительно, насколько современны эти идеи древнего мудреца! По существу, его взгляд на функциональное значение музыкального искусства, совпадает со строгой формулировкой Теодора Адорно: «Если функция музыки действительно совпадает с идеологической тенденцией общества в целом, то невозможно представить, чтобы его дух, как и дух государственной власти и самих людей, мог потерпеть музыку в какой-либо иной функции»[15].

А его антиэлитаризм в отношении искусства напоминает другое высказывание Адорно: «Та идеологическая роль, которую играет музыка в быту привилегированных слоев, являясь как раз их привилегией, весьма и весьма отлична от собственного истинностного содержания этой музыки»[16].

Для нас не может не представлять определённого интереса и ещё один фрагмент из трактата «Мэн-цзы», в котором имеется исключительно ценное историческое свидетельство о факте создания произведения искусства по заказу представителя власти, и на политическую тему: «Правитель Цзин-гун… призвал наивысшего наставника по музыке и велел ему: «Сочини для меня музыку, в которой бы выражалась взаимная любовь государя и его слуг». Мелодии «Чжи шао» и «Цзюэ шао», должно быть, и были этими музыкальными произведениями. Стихи на эту музыку назывались: «Какая может быть вина в том, чтобы сдерживать желания государя?»»[17].

Аналогичное понимание вопроса мы находим и в прочих классических образцах конфуцианской литературы. Обратимся к такому источнику, как «Цзо Чжуань». Это историческая хроника конфуцианского направления, при-писываемая Цзо Цю-мину. В главе «Лекарь

[14] Там же. – С. 28-30.

[15] Адорно, Т.В. Избранное: социология музыки/ Т.В. Адорно. – М.-СПб, Университетская книга, 1999. – С. 53.

[16] Там же. – С. 58.

[17] Там же. – С. 33-34.

Хэ» предполагаемый автор также рассуждает о взаимодействии государственной власти и музыкального искусства: «Музыка древних правителей показывает, как надо регулировать все дела. Поэтому был установлен ритм для пяти звуков, чтобы медленные и быстрые звуки от начала до конца гармонировали между собой. Когда гармоничность звуков достигнута, музыка кончается; когда пять звуков сыграны, недопустимо продолжать извлекать из инструмента другие звуки. Поэтому благородный человек не слушал непристойную музыку, извлекаемую бес-порядочно движущимися пальцами, развращающую слух и вредящую духу, заставляющую забыть о покое и гармонии… Когда благородный человек берется за лютню, то это для того, чтобы упорядочить ритм, а не предаваться душевному веселью»[18]. Бросается в глаза, что эталонными автор считает старинные образцы искусства. Далее, немаловажно то, что установление этих образцов связывается не просто со стариной, но с фигурами «древних правителей». Нельзя не заметить и того, что «музыка древних правителей» рассматривается не только как совокупность эстетических нормативов, которых должен придерживаться «благородный муж», занимаясь искусством, но и как образец «регулирования дел». То есть налицо трактовка искусства, как системы нормативного регулирования. Этим, однако, ценность для нас «Цзо Чжуань» не ограничивается.

Глава «Цзы Чань» содержит любопытные рассуждения о ритуале. Автор пишет: «Шесть состояний ци и пять первоэлементов воплощаются в пяти запахах, производят пять цветов и различаются в пяти звуках. Но если этим злоупотреблять, то всё перепутается, и народ утеряет свои природные качества. Поэтому для поддержки этих природных качеств и создан ритуал. Шесть пород домашних животных, пять видов диких животных и три вида жертвоприношений созданы для поддержки пяти вкусовых ощущений; девять видов украшений на одежде, шесть узоров и пять их сочетаний созданы для поддержки пяти цветов; девять напевов, песни всех земель, семь мелодий и шесть тонов созданы для поддержки пяти звуков. Отношения государя и подданных, верхов и низов подражают порядку явлений на земле…»[19]. Стало быть, ритуал, как предпочитаемая конфуцианцами регулятивная система, создан для поддержания правильного сочетания элементов, обусловливающих и гармонию мироздания, и гармонию человеческих отношений. Две эти гармонии снова рассматриваются как параллельные. Мысль о том, что политические отношения «подражают порядку явлений на земле» вновь заставляет нас вспомнить о возможных аналогиях с европейскими рассуждениями о естественном праве. Здесь, однако, особенно важно, что элементы, образующие «порядок явлений на земле», трактуются, как математически и эстетически образованные, что и делает возможность не просто сопоставления, но и неизбежного признания органической связи между политикой и искусством.

Мы уже указывали на то, что особое отношение конфуцианцев к искусству обусловлено их особым отношением к ритуальному регулированию общественных отношений, поскольку ритуал одновременно представляет собой и систему эстетически значимых действий и систему социальных норм.

Исходя из этого, мы не можем игнорировать и такой источник, как «Ли цзы». Это конфуцианский трактат, собственно, о ритуале, входивший, как известно, в «конфуцианское пятикнижие», и потому бывший непременной составной частью конфуцианской системы образования. Некоторые положения трактата просто поразительны. Когда неизвестные авторы описывают непосредственно детали ритуальных действий, они, помимо прочего указывают: «Чтобы призвать высших духов и своих предков, небесное вино ставили в жилой комнате, сладкое вино выставляли во дворе, вино из проса – в зале, прозрачное вино – у входа в зал,

[18] Цзо Чжуань / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2 – М., Мысль, 1973. – С. 10.

[19] Там же. – С. 12-13.

раскладывали жертвоприношения, приготавливали треножники и жертвенные столы, расставляли цитры, гусли, свирели, литофоны, колокола и барабаны, приносили молитвы и ответные благопожелания. Тем самым упорядочивались отношения государя и подданных…»[20]. Тут, как видим, всё эстетически выверено. Для трёх видов вина (разного вкуса и цвета) найдены подобающие им места. А музыкальные инструменты тоже заранее приготовлены и расставлены по соответствующим местам. Само перечисление этих инструментов наводит на мысль о сложности музыкального сопровождения этого социально значимого для конфуцианцев действа. Тут и струнные инструменты (цитры и гусли) и духовые (свирели) и ударные (литофоны, колокола и барабаны). И всё это художественное богатство – всё это многоцветие, многозвучие и многовкусие – преследует, в конечном счёте, конкретную политическую цель – упорядочивание отношений государя и подданных!

Взаимопроникновение художественных и социальных ценностей подчёркивается и в другом фрагменте источника: «Следование человеколюбию, не умиротворённое музыкой, – всё равно, что жатва без пропитания. А умиротворение музыкой без достижения благоденствия – всё равно, что еда не впрок!»[21]. Человеколюбие (жень), как известно – одна из базовых категорий конфуцианской политической концепции. И вот, выясняется, что сама по себе эта базовая добродетель бесплодна без «умиротворения музыкой». В свою очередь, выясняется, что искусство бесполезно, если оно не связано с удовлетворением социальных запросов и с гармонией общественной жизни, то есть – с благоденствием.

Данное высказывание не следует считать случайным, поскольку в другой главе трактата («Поведение учёного») содержится близкая по смыслу формулировка: «Ритуал и обряды это обличие гуманности. Речи и беседы это её украшения. Песни и музыка – благозвучие гуманности»[22].

Важно, что в анализируемом источнике музыке посвящен целый раздел («Записки о музыке»). После того, как проводится идея соответствия характера музыки внутреннему настроению людей, делается историческое сообщение: «Поэтому прежние мудрые ваны были очень внимательны к тому, что возбуждало чувства людей; в силу этого с помощью норм поведения и обрядов они направляли желания людей; с помощью музыки они приводили в гармонию песни народа; с помощью управления они объединяли действия людей; наказаниями они предупреждали их пороки. Таким образом, обряды, музыка, управление и наказания становились в своих целях едиными, и этим они объединяли сердца народа и вели его по пути должного управления»[23]. Лучшей иллюстрации нашей мысли о том, что в древности искусство рассматривалось в качестве одного из социальных регуляторов, просто невозможно найти! Прежде всего, опять приводится в качестве образца пример древних правителей. Далее фактически перечисляются социальные регуляторы, в числе которых оказывается музыкальное искусство. Рассмотрим приводимую систему регуляторов подробней.

1. С помощью норм поведения и ритуалов направляются желания людей. В современном понимании речь идёт о моральном и религиозном регулировании.

2. С помощью музыки приводятся в гармонию песни народа. Это – эстетическое регулирование.

3. С помощью управления объединяются действия людей. В современном понимании это – политическое регулирование.

4. С помощью наказаний предупреждаются пороки. Это – правовое регулирование.

---

[20] Ли цзи / Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2 – М., Мысль, 1973. – С. 102.

[21] Там же. – С. 109.

[22] Там же. – С. 139-140.

[23] Там же. – С. 115-116.

Иными словами перед нами хорошо известный список, известных каждому студенту-юристу основных регулятивных систем (мораль, религия, политика, право) с добавлением равнозначного им регулирования с помощью искусства. И это не случайность. Как бы для того, чтобы развеять в этом отношении всякие сомнения, в конце анализируемой цитаты авторы повторяют список: «Таким образом, обряды, музыка, управление и наказания становились в своих целях едиными, и этим они объединяли сердца народа и вели его по пути должного управления»[24]. И не просто повторяют, а подчёркивают, что речь идёт именно о системах регулирования общественных отношений.

То, что этот пассаж не случаен, доказывается наличием сходного высказывания в другом месте трактата: «Правилами поведения и обрядами вводили в твёрдые рамки чувства народа, нормами музыки устанавливали гармонию в песнях народа, управлением регулировали действия и поступки народа, наказаниями удерживали народ от нарушений. Когда правила поведения, нормы музыки, наказания и управление – эти четыре устоя – достигают своей цели и не нарушаются, тогда путь древних правителей осуществляется полностью»[25].

Подробности музыкального регулирования общественных отношений излагаются в другом пассаже. Здесь же упорно проводится идея взаимосвязи искусства, управления, настроения народа и состояния государства: «В хорошо управляемом обществе музыкальные звуки мирные и тем доставляют людям радость, а управление там гармонично; в неупорядоченном обществе музыкальные звуки злобны и тем вызывают гнев людей, а управление там извращённое; в гибнущем государстве музыкальные звуки печальны и тем вызывают тоску, а его народ в трудном положении. Пути развития музыки имеют много общего с управлением страной»[26]. Эти положения настолько чётки, что могли бы быть представлены таблицей:

состояние государства	хорошо управляемое	неупорядоченное	гибнущее
музыка	мирная	злобная	печальная
управление	гармоничное	извращённое	трудное положение (распад управления)
настроение народа	радость	гнев	тоска

Далее проводится система аналогий, в чём-то снова напоминающая теорию Бодена, но более детально разработанная: «Музыкальная нота гун символизирует правителя, музыкальная нота шан символизирует чиновников, музыкальная нота цзюэ символизирует народ, музыкальная нота чжи символизирует дела государства, музыкальная нота юй символизирует окружающие предметы. Если эти пять нот гаммы не перепутаны, то нет и негармоничных фальшивых звуков. Если тон гун расстроен, то звуки беспорядочны, правитель высокомерен; если тон шан расстроен, то звуки грубы, чиновники испорчены; если тон цзюэ расстроен, то звуки тревожны, народ недоволен; если тон чжи расстроен, то звуки печальны, народ в делах изнурен; если тон юй расстроен, то звуки обрывисты, богатства государства оскудели. Когда же все пять тонов гаммы расстроены, они мешают друг другу и это называется распущенностью. При таком положении дни гибели государства близки»[27]. Для наглядности представим это в виде таблицы:

[24] Там же.
[25] Там же. – С. 119.
[26] Там же. – С. 116.
[27] Там же. – С. 116-117.

тон	**значение тона**	**эстетические последствия расстройства тона**	**социально-политические последствия расстройства тона**
гун	правитель	звуки беспорядочны	высокомерие правителя
шан	чиновники	звуки грубы	испорченность чиновников (коррупция)
цзюэ	народ	звуки тревожны	недовольство народа
чжи	государственные дела	звуки печальны	изнурение народа
юй	окружающие предметы (экономика)	звуки обрывисты	оскудение богатств (экономический упадок)

Не забудем и того, что расстройство всех пяти тонов гаммы означает эстетическую и политическую анархию. Чёткость, с которой последовательно излагаются рассуждения о месте искусства в системе социальных регуляторов, о соответствии состояния государства, музыки, настроения народа и управления, о социально политическом значении тонов музыкальной гаммы и последствиях их расстройства, совершенно исключают мысль о том, что речь идёт только о совокупности случайных высказываний по одному и тому же поводу. Речь идёт о концепции – стройной и тщательно продуманной.

Не меньшая стройность и продуманность рассуждений бросается в глаза и далее: «Только совершенный человек в состоянии понимать настоящую музыку… Нужно вникнуть в голоса и звуки, чтобы понять музыкальные тона; нужно вникнуть в музыкальные тона, чтобы понять музыку; нужно вникнуть в музыку, чтобы понять суть управления, и только тогда пути управления государством приобретут законченность»[28]. Здесь логика, несомненно присутствует. Видно движение от природных начал, через эстетические к политическим. Причём каждый элемент обусловлен предшествующим и обуславливает последующий:

Голоса и звуки (природное начало) ↓
Музыкальные тона (акустическая основа музыки) ↓
Музыка (как эстетическая система) ↓
Суть управления (политическая теория, основанная на музыкальной) ↓
Пути управления (политическая практика)

Следует обратить внимание и на то, что авторы трактата выступают против излишеств, безвкусицы и понимания музыки как простого развлечения, трактуя её значение политически: «Расцвет музыки отнюдь не заключен в крайнем изобилии звуков…Прежние мудрые ваны, вырабатывая нормы поведения, обряды и музыку, не основывали их только на удовлетворении желаний рта, желудка, ушей и глаз людей, а направляли обряды и музыку на то, чтобы научить народ соизмерять любовь и ненависть и исправлять тех, кто нарушает истинный путь поведения людей»[29]. Опять же, заметим, что создание норм искусства приписывается древним правителям. И вновь констатируем, что музыка, наряду с обрядами и нормами поведения, включается в ряд регулятивных систем.

Мысль о причастности древних царей к созданию не только нравственных и правовых, но и музыкальных норм, развивается в последующих положениях трактата. Так, например, говорится, что «прежние мудрые ваны, вырабатывая правила поведения и нормы музыки,

[28] Там же. – С. 117.
[29] Там же. – С. 117-118.

определили чёткие рамки для поступков людей… действиями колоколов и барабанов, щитов и боевых топоров при песнях и танцах приводили в гармонию радостные чувства людей и приносили им покой…»[30]. Снова следует констатировать предельное функциональное сближение нормативов искусства с нормами поведения. И в данном фрагменте такое сближение подчёркивается единством их происхождения, как результата инициативы государственной власти.

Идея, касающаяся создания музыкальных и прочих регулятивных норм главой государства, развивается в главе «Учение о середине»: «Если тот, кто находится на троне, не обладает надлежащей добродетелью, он не осмеливается создавать ритуалы и музыку. Если тот, кто обладает надлежащей добродетелью, не находится на троне, он также не осмеливается создавать ритуалы и музыку»[31]. Стало быть, обязательными условиями для универсального нормотворчества являются нахождение на вершине власти и одновременное обладание добродетелью.

[30] Там же. – С. 118.
[31] Там же. – С. 132.

Научная жизнь

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ЦЕНТРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

В.Ю. Попов
Южный федеральный университет

Эта зима и начало весны у нас прошли с веселым расположением духа на фоне местных интеллектуальных событий. Выйдут ли они за рамки местечковых? – так можно сформулировать вопрос при их оценке. Я пока опишу их с той мерой бесстрастности, которую мне позволяет возраст и темперамент.

17 января по «телегробам» (канал Россия-24. Дон, 18.40) транслировалось интервью с В.П. Макаренко. Он пытался рассказать о своей новой книге «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли». В этой книге Виктор Павлович среди прочего проводит параллель между идеями М.К. Петрова и Пьера Бурдье. Французский социолог поставил вопрос: должны ли представители творческой интеллигенции выступать по телевидению? Дело в том, что для некоторых философов и писателей «быть» – значит быть показанным по телевизору. Участник телепередачи признает, что он пришел «себя показать и других посмотреть», а не сказать что-то важное. Быть на хорошем счету у журналистов невозможно без самокомпрометации. По мнению Бурдье, участвовать в передачах можно только в той степени, в которой они позволяют затронуть всех и выполнить главную миссию ученых: «Мы являемся … “чиновниками человечества”, оплачиваемыми государством за открытия, относящиеся либо к миру природы, либо к миру общества, и мы обязаны донести до всех наши достижения»[1].

Бурдье считает, что любое передовое исследование имеет право на эзотерику, но всегда нужен перевод эзотерического во внешний план. Поэтому теоретик обязан бороться с рейтингом во имя демократии. Подчинение культуры требованиям рейтинга «…является точным подобием того, что демагогия опросов общественного мнения представляет собой в отношении политики»[2].

В.П. Макаренко пытался построить свою беседу с тележурналисткой в соответствии с критериями Пьера Бурдье. Но задаваемые ею вопросы свидетельствуют, что угроза местечковости в Ростове-на-Дону пока не изжита.

[1] Бурдье П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. – С. 26-27.

[2] Там же. – С. 88.

Замысел клуба «Интеллектуальный Ростов: жизненный выбор и творческие судьбы наших предшественников и современников» как раз состоит в том, чтобы показывать международный уровень творчества некоторых выдающихся земляков. 10 февраля состоялось очередное заседание клуба. Оно было посвящено обсуждению книги В.П. Макаренко. Собрались ученые претенденты на интеллектуальный бомонд нашей «южной столицы» – философы, политологи, культурологи, науковеды, физики и математики, поэты и журналисты. Некоторые из них лично знали Михаила Константиновича Петрова. Например, Юрий Романович Тищенко был его товарищем, затем исследователем творчества. Другие слушали его лекции. Третьи что-что о нем слышали. Четвертые пришли из праздного любопытства или престижных соображений.

Представители Генерального Консульства Республики Армения на юге России и Ново-Нахичеванской-на-Дону армянской общины поздравили автора с презентацией новой книги. Вел заседание профессор А.В. Лубский. Обсуждение прошло в атмосфере дискуссии. Автор, его оппоненты и сторонники рассказали об известных и полузабытых событиях. Особенно об отношении научного и философского сообщества, а также функционеров КПСС к М.К. Петрову. Любой желающий мог задать вопросы и высказать своё мнение. Несмотря на оживлённую дискуссию, многие вопросы, поднятые в книге, остались не выясненными.

Редакция журнала «Политическая концептология» приглашает всех желающих высказаться о книге В.П. Макаренко и её обсуждении. С отзывами на книгу и стенограммой заседания можно ознакомиться на страницах этого номера.

16 марта заседание клуба было посвящено теме: «Город как судьба: взгляд Нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул». В.П. Макаренко сделал доклад, в котором соединил свой способ чтения книг со способом «прочтения» родного города Орханом Памуком, описанным в его книге «Стамбул. Город воспоминаний». Такой подход привлёк большое число слушателей из состава интеллектуально ориентированной молодёжи Ростова-на-Дону. В обсуждении приняли участие люди, бывавшие в Стамбуле и одновременно не являющиеся коренными ростовчанами. Чтобы научиться замечать своеобразие своего города, надо быть в нем «иностранцем». Эта идея турецкого писателя может послужить мостиком между горожанами и гостями, позволяет лучше понять друг друга.

Некоторые участники обсуждения обнаружили свою ретивость к теме утраченного имперского статуса Турции и России. Желание «чесать имперскую похоть» тоже пока не исчезло. Кое-кто «зацепился» за этот «пень» и хотел бы простоять у него целый день. Хотя книга Орхана Памука и доклад В.П. Макаренко были насыщены множеством других тем, среди которых прошлое обеих империй занимает не главное место.

Но в целом обсуждение прошло в дружеской обстановке. Сотрудники Донской публичной библиотеки любезно предоставили для ознакомления книги Орхана Памука и других авторов о Стамбуле и Турции из фондов библиотеки.

Все эти события были камерными, хотя милыми и трогательными. Параллельно шла подготовка к значительной акции. 26-28 марта состоялась российско-украинская научная конференция с международным участием (Канада, Израиль) «Русская власть и бюрократическое государство». Сотрудники Центра политической концептологии ЮФУ и Центра теоретического россиеведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук предоставили возможность прослушать доклады: академика РАН Ю.С. Пивоварова «Русское государство и русская политика в XX-XXI веке: причины и содержание современного кризиса» (ИНИОН РАН, Москва), проф. В.А. Шкуратова «Русская когитократия» (ЮФУ), проф. И.И. Глебовой «Характер трансформации российского государства в 90-х гг. XX в. – начала XXI в», «О неполитической природе и непартийных задачах российской партии власти» (ИНИОН РАН, Москва), проф. А.В. Оболонского «Кризис поли-

цейско-бюрократического государства» (НИУ-ВШЭ, Москва), проф. В.Н. Ткаченко «Украинская бюрократия в зоне двойной периферии» (Президиум Национальной Академии педагогических наук Украины, Киев), PhD, к.э.н., в.н.с., Associate professor А.Н. Олейника «Массовые протесты в контексте русской власти (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия, Университет «Мемориал», Ньюфаундленд, Канада), действительного члена НАПНУ, заслуженного деятеля науки России, проф. В.П. Макаренко «Опыт разработки теории бюрократии в контексте советско-российской трансформации» (СКНИИЭиСП ЮФУ, Ростов-на-Дону), в.н.с. С.П. Поцелуева «Душа и политика: к проблеме эстетической легитимности современной «русской власти» (СКНИИЭиСП ЮФУ), с.н.с. М.С. Константинова «Аналитический анархизм: проблема определения и демаркации», м.н.с. В.Ю. Попова «Бегство от государства по этажам общественных норм» и др.

Конференция прошла в исключительно дружеской атмосфере. Встретились старые друзья и новые знакомые. Живой диалог исследователей, работающих в одном направлении, всегда способствует выходу на новый уровень осознания острых проблем, которые обозначены в названиях докладов. Каждый из докладчиков является известным специалистом по проблемам, заявленным в конференции. У слушателей возникло ощущение интеллектуальной ауры. Общение и перекрестное «опыление» идеями шло с утра до вечера. Это задало мощный импульс для дальнейшей деятельности.

Был подписан договор между ИНИОН РАН и СКНИИЭиСП ЮФУ о создании совместной лаборатории теоретического россиеведения. Студенты и аспиранты ЮФУ проявили большой интерес к этой акции. Встреча с учёными такого уровня даёт студенту очень много для осознания будущей профессии и научной деятельности. Значительно расширился круг молодых обществоведов, проявляющих интерес к Центру политической концептологии.

Наша деятельность не ограничилась подготовкой и проведением масштабной акции. Интересной была и повседневная работа сотрудников центра и постоянных участников семинаров.

Студент пятого курса факультета социологии и политологии ЮФУ Симон Гарибян рассказал о состоянии политических и экономических реформ в Грузии после «революции роз». Он собрал интересную информацию о событиях в этой стране. Теперь не только «на холмы Грузии», но и «на леса и степи России» легла политическая мгла – кризис в отношениях двух стран.

Студентка пятого курса отделения политологии ЮФУ Ани Мурадян сообщила о деятельности международной организации AIESEC в России и Сербии. Она рассказала о своём опыте пребывания в волонтёрской организации AIESEC на территории Сербии. Ритуалы и групповые тренинги внутренней жизни этой организации вызвали у студентки много вопросов. Социологически ориентированный взгляд не позволил Ани Мурадян принять пассивное участие в предложенных способах вовлечения в корпоративную культуру. За это она подверглась психологическому давлению со стороны членов указанной организации. Дальнейшее отношение к себе она охарактеризовала как пренебрежительное и высокомерное, что трудно согласовать с внешним позиционированием AIESEC. Почти полная изоляция от внешнего мира (за период пребывания в специализированном лагере в Сербии не было доступа к средствам связи и Интернету), психологическое давление и агрессия со стороны членов организации только подогрели исследовательский интерес. Наша студентка поделилась отрицательным опытом своей поездки.

Доклад Дарьи Протасени был посвящён теме происхождения «цинического разума» и его влияния на современное общество. Оригинальность мышления Петера Слотердайка, фактологический материал и эвристический потенциал его концепции увлёк Дарью. Она на с большим интересом рассказала о своём видении концепции германского мыслителя.

Ведущий научный сотрудник Центра политической концептологии С.П. Поцелуев проанализировал дискурс «причерноморского диалога». По его мнению, установки и фреймы, господствующие в дискурсе, не способствуют реальному диалогу в регионе. Необходимо критически переосмыслить штампы, образы мысли и деятельности, навязанные разными силовыми и политическими группировками России и Украины.

Такова была деятельность Центра политической концептологии в первом квартале 2012 года. Встречи, семинары, круглые столы, конференции способствуют рождению свежих мыслей и идей, уточнению и развитию концепций, образованию новых знакомств и контактов. Нужно время для воплощения выработанных идей в новых продуктах. С результатами деятельности можно знакомиться на страницах нашего журнала и на сайтах в Интернете.

НАШИ АВТОРЫ

Дзюба Иван Михайлович – член Союза писателей Украины, академик Национальной Академии наук Украины, академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусствоведения НАН Украины.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии российской истории Института философии РАН.

Кравцов Николай Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета.

Куликов Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Таганрогского технологического института Южного федерального университета.

Лугвин Сергей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Гомельского государственного технического университета.

Макаренко Виктор Павлович – заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Огурцов Александр Павлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель Центра методологии и этики науки Института философии РАН.

Олейник Антон Николаевич – PhD, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва) и Associate Professor Университета «Мемориал» (Канада).

Попов Вадим Юрьевич – младший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Государственного университета – Высшей школы экономики (Москва).

Ткаченко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины.

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Collapse of Empires and the Problem of Colonialism (second article)

Summary: Author makes explicit – based on the example of Russian-Chechen conflict – the mechanism of manifestation of general problems and characteristics of the empire collapse in the post-Soviet realm. The second article analyzes the heuristic potential of the colonization concept proposed by the French historian Marc Ferro. According to the author, theory and history of colonialism need to be revised in the light of new empirical and conceptual material.

Keywords: Colonialism, empire, Russian-Chechen conflict, human rights, national self-determination.

Mezhuyev V.M. Philosophy and "Public Space"

Summary: This article analyzes the relationship between philosophy as a way of self-consciousness of a free man, on the one hand, and the public space as a sphere of public life – on the other hand. The author believes that the need for philosophy arises only when the need for personal freedom is realized. In this context, the function of philosophy is to clarify the meaning and significance of human freedom and bring them to the consciousness of society members.

Keywords: philosophy, freedom, public space and civil society.

Kara-Murza A.A. How Do the Philosophical Ideas Turn into Repressive Ideology?

Summary: This article discusses the transformation of philosophical ideas into repressive ideology. This process is always a consequence of primitivization, politicization, massification, normativition, and monologization of ideas. As suggested by the author, in the context of mass society a tendency to ideological ideas is inevitable. Therefore, the main problem is not ideologization itself of philosophical ideas but totalization of ideologies. Analyzing this problem, author clarifies the constant algorithm of degeneration of ideas into a totalizing ideology.

Keywords: philosophy, ideology, worldview, ideology totalization.

Makarenko V.P. The Problem of Cognitive Resistance

Summary: The article examines the concept of cognitive resistance as an opposition to the cognitive collaboration. The author calls into question all forms of internal and external educational, informational, and cognitive imperialism as well as takes aim at developing alternative approaches. As one of examples of such approach the Carl Schlegel's concept of history as topography is analyzed.

Keywords: cognitive resistance, cognitive imperialism, cognitive collaboration, as the history of the topography.

Dziuba I.M. Taras Shevchenko`s "Kavkaz" Against the Background of Imperishable Past

Summary: The journal "Political Conceptology" publishes the book of I.M. Dziuba which is devoted to the analysis of the poem "Caucasus" written by the brilliant Ukrainian poet Taras Shevchenko. In his book, the author considers the T.G. Shevchenko's poem from the standpoint of Ukrainian attitude towards Caucasian war, independence problem, people's freedom, and liberation movement. Comparing the outlooks of Russian writers and Taras Shevchenko on the Caucasian atrocities perpetrated by Russian Empire, I.M. Dziuba bases his analysis on historical sources. In the book, the poem "The Caucasus" in original language and in Russian translation is reproduced.

Keywords: Caucasian war, national independence, liberation movement.

Tkachenko V.N. On Celebrating the 1150th Anniversary of the Birth of Russian Statehood: the Ukrainian Point of View.

Summary: The version of the world-system analysis of the origin of Rus' is realized in the article. This historical event is considered from the perspective of the other event which took place in the Russian Federation: celebration of the '1150 anniversary of the Russian statehood'.

Keywords: Rus', Rus'-Ukraine, Russian Federation, the Russian state, the world-system analysis, a mini-systems, a world-empire, the world-economy, Normanists, Antinormanists.

Ogurtsov A.P. Equifinality and Human-Dimensionality: the Experience of a Retrospective Analysis

Summary: The article deals with the various forms of analysis of science that existed in Soviet philosophy as well as the basic concepts of a systems approach to the science that was developed by M.K. Petrov.

Keywords: analysis of science, equifinality, human-dimensionality.

Kulikov D.K. Sapir-Whorf Hypothesis and its Methodological Evaluation in M.K. Petrov's Treatises

Summary: The article is devoted to the analysis and methodological evaluation of Sapir-Whorf Hypothesis as these have been made in treatises of famous Rostov philosopher M.K. Petrov. It is shown that Petrov's reference to this subject is not an episodic component of his cognitive and linguistic consideration but creates the central element of theoretical construction. The article shows that Petrov's critique is concentrated around the evaluation of Sapir-Whorf Hypothesis as a paradigmatic scientific phenomenon and one of the theoretical forms of European cultural self-consciousness. The methodological significance of a dichotomy, introduced by Petrov, between specific and general theory of linguistic relativity is also analyzed.

Keywords: linguistic relativity, sign systems, thesaurus.

Neretina S.S. Whether Counterrevolutionaries Have Been Revolutionaries?

Summary: The article is devoted to analysis and evaluation of the book: Makarenko V.P. Scientific and technical counter-revolution: ideas of M.K. Petrova as a source of thought. - Rostov-on-Don, 2011.

Keywords: philosophy, pure thought, self-determination, mentality.

Porus V.N. Point of Non-Return, or "Textbook-Terminal"?

Summary: This article provides an assessment of the book: Makarenko V.P. Scientific and technical counter-revolution: ideas of M.K. Petrova as a source of thought. - Rostov-on-Don: RostIzdat, 2011.

Keywords: collapse of the culture, point of non-return, purity of eye.

Oleinik A.N. Right of Cognitive Resistance and its Implementation

Summary: The article is devoted to analysis and evaluation of the book: Makarenko V.P. Scientific and technical counter-revolution: ideas of M.K. Petrova as a source of thought. - Rostov-on-Don, 2011.

Keywords: scientific discourse, science and government, freedom of thought and speech, cognitive resistance.

Lugvin S.B. Rethinking the "Resolved Issues"

Summary: This article provides an assessment of the book: Makarenko V.P. Scientific and technical counter-revolution: ideas of M.K. Petrova as a source of thought. - Rostov-on-Don: RostIzdat, 2011.

Keywords: bureaucracy, anti-bureaucratic manifestations, scientific ethos.

Scientific and Technical Counter-Revolution: Transcript of Discussion

Summary: The journal "Political conceptology" publishes the transcript of the discussion of the book V.P. Makarenko`s "The scientific and technical counter-revolution: M.K. Petrov's ideas as a source of thought", held February 10, 2012 in Rostov-on-Don.

Keywords: scientific and technical counter-revolution, study of Petrov's work, school of thought.

Kravtsov N.A. The Confucian Concept of Interaction between Art and Government

Summary: The article considers the role of music and ritual as a means of control and harmonization of political life in the teachings of ancient China.

Keywords: music, ritual, harmony, politics.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Collapse of Empires and the Problem of Colonialism (second article)..... 6

LANGUAGES OF FREEDOM AND FATAL RUBBISH

From the Editor..... 48

Mezhuyev V.M.
Philosophy and "Public Space"..... 51

Kara-Murza A.A.
How Do the Philosophical Ideas Turn into Repressive Ideology?..... 63

LIVING PAST

Makarenko V.P.
The Problem of Cognitive Resistance..... 79

Dziuba I.M.
Taras Shevchenko`s "Kavkaz" Against the Background of Imperishable Past..... 89

Tkachenko V.N.
On Celebrating the 1150th Anniversary of the Birth of Russian Statehood: the Ukrainian Point of View..... 160

TOWARDS THE 90th ANNIVERSARY OF M.K. PETROV

Ogurtsov A.P.
Equifinality and Human-Dimensionality: the Experience of a Retrospective Analysis..... 181

Kulikov D.K.
Sapir-Whorf Hypothesis and its Methodological Evaluation in M.K. Petrov's Treatises..... 189

Neretina S.S.
Whether Counterrevolutionaries Have Been Revolutionaries?..... 200

Porus V.N.
Point of Non-Return, or "Textbook-Terminal"?..... 209

Oleinik A.N.
Right of Cognitive Resistance and its Implementation..... 212

Lugvin S.B.
Rethinking the "Resolved Issues"..... 218

Scientific and Technical Counter-Revolution: Transcript of Discussion..... 222

CATHEDRA

Kravtsov N.A.
The Confucian Concept of Interaction between Art and Government..... 247

SCIENCE REPORTS

Popov V.Y.
Chronicle of the Scientific Life of the Center of Political Conceptology..... 257

Our authors..... 261
Summaries and keywords..... 262
Contents..... 265
Notes for contributors..... 267

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции politconcept@mail.ru, konstantinov@sfedu.ru (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Текст сносок оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Название работы. – Город: Издательство, год издания. – С. … ;
Фамилия И.О. Название статьи // Название журнала. – Год. – Номер. – С. ... .